СОДЕРЖАНИЕ

МАСТЕР-КЛАССЫ

Кузьминов П.А. Организация научного пространства на Северном Кавказе в XIX — начале XXI вв. 3
Бесолова Е.Б. О междисциплинарном подходе в научных исследованиях 16
Чеджемов С.Р. Организационно-правовые основы деятельности Диссертационных советов по историческим наукам 21
Кулова А.Д. Восприятие художественного текста в процессе обучения учащихся начальной национальной школы 27
Гаппоева Л.А. Социокультурные и региональные проблемы подготовки будущих учителей начальных классов в области литературного чтения 35

I. ИСТОРИЯ

Ладонина Н.В. Формирование образовательного потенциала на Кавказе во второй половине XIX в. 41
Дзагова Л.Н. Ярмарки в экономической сфере нальчикского Терской области в конце XIX – начале XX вв. 49
Хубулова Э.В., Хаблиева Л.Ч. Некоторые аспекты безработицы в Горской АССР 55
Атабиев Х.А. К истории первой мировой войны: мобилизационные мероприятия в Нальчикском округе Терской области 60
Тигиев Ч.В. Благотворительная деятельность населения Терской области в годы Первой мировой войны 65
Шахалиева Ф.Б. З.А. Даутоков-Серебряков – лидер либерально-консервативного движения в Кабарде и Балкарии в период гражданской войны (1918-1919-х гг.) 69
Пазов И.С. Германо-турецкая интервенция в Закавказье в годы Первой мировой войны 73
Зангиев Х.В. К вопросу о деятельности истребительных батальонов на территории Северной Осетии 79
Халидова О.Б. Власть и религиозные организации Дагестана в послереволюционный период (1917-1930 гг. XX в.) 83
Хубулова Р.В. Участие населения Северной Осетии в строительстве оборонительных сооружений в годы Великой отечественной войны 88
Табунщикова Л.В. Патриотическая деятельность религиозных организаций на территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны 92

II. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Чибиров А.Л. Вопросы взаимоотношений иранских и славянских племен в трудах профессора Г. В. Вернадского 97
Дзалаева К.Р. Исследование проблемы развития городских поселений на Северном Кавказе пореформенного периода в современных работах отечественных авторов 105
Корсак О.В. Издательская деятельность статистических комитетов (на примере белорусских губерний Российской империи) 111
Журтова А.А. Присоединение Северного Кавказа к России в отечественной историографии 1930-х – 1940-х гг.: смена концептуальных подходов 115

III. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Алиева Кюбра. Истоки азербайджанского мугама (по археологическим материалам) 121
Марзоев И.Т. Из истории происхождения рода князей Кантемировых 130
Керимли В.Г. Древнетюркские следы на Кавказе 134
Миксюк А.С. Дуалистические идеи Авесты и организация древнеиранского общества 142
Хубулова Э.В., Дзагоева Э. П. К проблеме актуализации традиций женского рукоделия у осетин 147
Багаев А.Б. Традиционные конные скачки по пересеченной местности у осетин 152
Дауева Т.Т. Некоторые аспекты традиционной системы композиций в Осетии в XVIII — начале XIX вв. 157
Кудзагова Е.Р. Создание единой базы национальных народных промыслов как ресурс их инновационного развития 162
Кулумбегов Р.П. Брендинг территорий как средство создания привлекательного образа Южной Осетии 166
Маргъиты И.Т. Зылды мæсыг 172

IV. ФИЛОЛОГИЯ

Цаллагова И.Н. Экстралингвистические факторы образования говоров территорий позднего заселения дигорского варианта осетинского языка 178
Абаева Ф.О. Лексика, связанная с названиями шёлка, в осетинском языке 185
Туаева М.Б. К проблеме перевода на русский язык произведений Коста на примере стихотворений «Додой» и «æнæ хай» 192
Текаева А.М. Художественно-поэтические традиции обрядового фольклора осетин 197
Дзагоева И.С. Фразеологическая единица с зоонимом «куыдз» «собака» в осетинском языке 202
Худалова М.Т. Категория модальности в осетинском языке 209
Цоколаева Е.Х. «Фæндыр» как национальный символ 215
Миндзаева Д.М. Таксономическое описание английских и осетинских фе, объективирующих эмоцию гнева в английском и осетинском языках 223

V. ПОЛИТОЛОГИЯ

Синанов Б.А. Русские в этносоциальной структуре Северной Осетии (1920–2010 гг.) 227
Цопанова А.В. Ценностные ориентации и духовная культура мусульман 237
Калмыков А.Р. Правовые формы реорганизации региональной власти и экономические преобразования в Северокавказских республиках в 2000-е гг. 242

СТУПЕНЬ В НАУКУ

Мириков Артемий. Осетины в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Забытые герои 247
Бедоева Виктория. Сергей Григорьевич Калаев. «Герой без звездочки…» 257
Мисиков Георгий. Нетленные произведения Коста Хетагурова 262
Мулухов Ясон. Техническая интеллигенция Северной Осетии в пореформенный период (конец XIX-XX вв.) 267

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ 279

МАСТЕР-КЛАССЫ

П. А. КУЗЬМИНОВ
профессор кафедры истории России
КБГУ им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик)

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ПРОСТРАНСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Признание фактора относительности и принципиальной неполноты знаний о прошлом существенным образом меняет сложившиеся представления о познавательных возможностях и практике исторического исследования. Утверждающееся «понимание истории как постоянно возобновляющейся дискуссии, территории, подверженной интеллектуальному эксперименту, влечет за собой поиск более надежных способов получения научного знания»[1]. Этим средством движения к «закрытым» ранее зонам исторического знания, формой проникновения в прошлое и исследовательской практикой является историография.

Опираясь на достижения дореволюционной и новейшей историографии в области теории исторического познания о наличии внутренних механизмов развития науки, мы предприняли попытку выявить их, проследить связь и преемственность в формировании научного пространства в кавказоведении, которое помогает выявить скрытые механизмы развития исторической науки.

Историческая наука отличается от многих других сфер общественного знания пристальным вниманием к собственной истории. В конце XIX в. в научный обиход прочно вошел термин историография, который означал,

во-первых, что сложилось осознанное понимание необходимости изучения становления и этапов развития исторической науки, во-вторых, сформировалась новая историческая дисциплина, со своим научным аппаратом, целями и задачами, в-третьих, был поставлен вопрос об определении места истории исторической науки в общей системе гуманитарики.

Современный уровень научного исторического знания — результат коллективного труда многих тысяч историков, работавших и работающих на ниве изучения прошлого. Он формируется в определенной общественной среде, при определенном типе культуры, который характеризуется социально-экономическим, политическим, идеологическим состоянием общества, развитием философской, общественной, экономической мысли. Вместе с тем историческое знание — сложный и многообразный процесс, он находится в постоянном движении; теории и гипотезы, научные подходы и парадигмы, претендующие на познание социума или просто брошенные в «огонь» полемики, постоянно сменяют друг друга. Диалектика процесса познания, хотим мы того или нет, предполагает неумолимую смену идей и концепций, ибо каждая теория объясняет только определенный круг явлений, и ни одна, даже самая совершенная, никогда не охватывает всей сложности развития общества или научных представлений о прошлом. История исторической мысли, — справедливо заметил по этому поводу С. О. Шмидт, — всегда движение (и необязательно вперед, нередко зигзагами или вспять)[2]. Высказанная мысль заостряет значение «человеческого фактора», поскольку нельзя понять науку, не поняв человека[3].

Не менее важен фактор организации научного кавказоведения. Кто, когда и как изучал историю народов Северного Кавказа, как менялись задачи изучения, концептуальное осмысление, формы научных учреждений призванных исследовать многогранное прошлое.

Первой формой сбора сведений о народах Кавказа были записи купцов, путешественников, послов, разведчиков, которые фиксировали бросающиеся в глаза отличия от форм общественного, политического, религиозного устройства «своего» народа. Эти нарративные сообщения откладывались в правительственных и домашних архивах, посольских приказах, штабах, частично, публиковались в печати различных стран и народов. Это определяет одну из наиболее сложных задач современного кавказоведения — сбор, археографическую обработку и введение в научный оборот этих материалов.

С присоединением в 1556 г. Астраханского ханства к Московскому государству, установлением дружественно-союзнических отношений в 1557 г. Великого Московского княжества с элитой адыгских народов, женитьбой Ивана IV на кабардинской княжне Марии Темрюковне, основанием крепости Терки в 1667 г., контакты многократно усилились. Строительство Кизляра и Моздока, появление крепостей и форпостов Кавказской линии, администрации, призванной «присматривать» за народами Северного Кавказа, обусловили необходимость в точных сведениях о политическом и общественном устройстве горцев, их взаимоотношениях между собой, численности, военном потенциале, характере социальных и аграрных отношений и др. Знаменитые академические экспедиции 1768-1775 гг. И.-А. Гюльденштедта на Северный Кавказ и в Грузию, С.-Г. Гмелина на Северный Кавказ, Дагестан и Азербайджан, И. П. Фалька в Восточное Предкавказье, В. Ф. Зуева в Западную Грузию, Ф. Чер-

ного на Тамань и в Прикумские степи в 1785 г., П.-С. Палласа на Северный Кавказ позволили собрать богатый материал, вошедший затем в капитальные труды и статьи о народах Кавказа[4]. Работа этих экспедиций была построена по последнему слову науки того времени. Их возглавляли ведущие европейские ученые, что обусловило ценность собранного ими эмпирического материала.

Военная экспансия, захват жизненного пространства, обострение ситуации на Северном Кавказе не только не прервали изучение Кавказа, а, напротив, усилили, причем важнейшим организационным центром исследования становится Генеральный штаб России, поскольку о потенциальных противниках и союзниках нужна была точная информация. Сбор материала диктовался, прежде всего, практическими потребностями — знать больше о народах, чтобы лучше ими управлять. Работу эту выполняли как стационарным путем офицеры и чиновники (П. Зубов, И. Дельпоццо, И. Дебу, К. Сталь, Ш. Ногмов, Ад. Берже, П. Бутков и др.), так и в ходе научных экспедиций или разведывательных походов (Ю. Клапрот, И. Шаховской, Г. Новицкий, Ф. Торнау и др.). Во многих документах, подготовленных членами экспедиций, отражен неподдельный интерес к изучаемому народу, предлагаются проекты по включению горцев в цивилизационное пространство России. С начала XIX в. интерес российских ученых обратился к памятникам письменности, к исследованию исторических летописей и всех доступных историко-археологических источников. «Впервые языки изучаемых народов, — отметила Р. Р. Орбели, — стали важнейшим средством исследования, как и предметом специального интереса. Впервые изучение духовной культуры народов Кавказа получило полное признание в русской науке»[5].

В тридцатых годах был завершен обширный коллективный труд «Обострение Российских владений за Кавказом». Из истории возникновения этого труда известно, что в 1827 г. министр финансов России Е. Ф. Канкрин представил Николаю I записку, в которой выразил необходимость сбора сведений о кавказских провинциях, которые «не без оснований могут быть названы нашей колонией … и приносить государству важные выгоды произведениями южных климатов». И хотя здесь речь шла в основном о Закавказье, одновременно шел сбор материала военно-топографического и историко-этнографического характера по Северному Кавказу. Авторы, посвятившие много времени изучению горцев, особенно офицеры, получали, отмечает К.Ф. Дзамихов, хорошее образование и основательную историческую подготовку. Достаточно отметить, что в Училище колонновожатых и в Военной академии уделяли большое внимание подготовке своих слушателей в области исторического образования. Им преподавали «древнюю, среднюю и русскую историю», а также «новейшую историю, особенно военную». Одна Военная академия дала ряд авторов, которые оставили после себя интересные работы по адыгам, это: И. Ф. Бларамберг, Ф. Ф. Торнау, М. Я. Ольшевский, К.Ф. Сталь, П.К. Услар и др.[6]

Внимание к Кавказу усилилось с середины 40-х годов XIX в., когда наместником стал М. С. Воронцов. В 1846 году, помимо уже существовавших еженедельных газет «Тифлисские ведомости» (с 1828 г.) и «Закавказского вестника» (с 1837 г.) при его непосредственном содействии была открыта первая общекавказская газета «Кавказ», которая «имела целью знакомить своих соотечественников с любопытнейшим краем, еще находившемся почти в младенче-

ском состоянии и малоизвестном»[7]. В 1845 г. в Тифлисе начинает выходить ежегодник «Кавказский календарь», в котором помимо разнообразной информации об органах власти, путях сообщения и т.д., печатались серьезные научные статьи по истории народов Северного Кавказа, например, работы А. П. Берже, Ш. Б. Ногмова, В.К. Линдена и др.

Понимание приходит в процессе познания. Аксиоматичность этой формулы, видимо, была достаточно ясна для Воронцова, поэтому по его рекомендации первым редактором газеты «Кавказ» был назначен О. И. Константинов, который известен был не только как хороший журналист, но и знаток Кавказа. Нельзя не поразиться его отношению к жителям горных ущелий в период острейшего военного противостояния в регионе. Описывая черкесов Северо-Западного Кавказа, он сумел увидеть такую гамму необычайного в их повседневной жизни, что его очерк скорее похож на поэму. «Сколько удивительного и достойного изучения, — пишет он, — мы найдем в этом народе. Характеры истинно рыцарские, герои, исполненные доблести, чести, ума и высокого красноречия; воспитание и презрение всех слабостей тела и духа. Народ, не имевший письмен, передающий из рода в род в песнях историю, законы, мысли и чувствования. Изощрение дара слова положено было у него в основание воспитания и, красноречие гремело на народных съездах, а песня звучала над прахом каждого замечательного человека. Каждый, умирая, уже слышал хвалебный гимн себе, или порицание соотечественников и мысль, что скажут обо мне, сторожила всякого в его славных и бесславных деяниях»[8]. Теплое, уважительное отношение редактора ко всем народам Кавказа предопределило тематику и тональность издания, формировало благожелательное общественное мнение к жителям гор. Не случайно, именно здесь было напечатано историко-этнографическое исследование Хан-Гирея «Бесльний Аббат». Активно сотрудничали с редакцией газеты осетинские краеведы П. Хицунов, Н. Берзенов, Д. Бакрадзе и др. Здесь публиковались академик А. М. Шегрен, В. Переваленко, Е. Вердеревский и др.

Появление новой газеты за хребтом Кавказа, доброжелательный подход редакции к судьбе горцев встретил понимание, и одобрение со стороны прогрессивной части российского общества. С прошлого года, — писал известный литературный критик В. Г. Белинский, — в Тифлисе издается газета «Кавказ», значение которой неоценимо важно в двух отношениях: с одной стороны, это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ним образование привычки и дает возможность грубые средства к рассеянию заменить полезными и благородными. С другой стороны, газета «Кавказ» знакомит Россию с самым интересным и наименее знаемым его краем, входящим в ее состав». Великий просветитель увидел в деятельности газеты главное: вольно или невольно она ограничивала возможности военного командования решать вопросы взаимоотношений с горцами только с помощью оружия.

С этой же целью, по личной просьбе М. С. Воронцова, к нему был откомандирован один из лучших российских востоковедов — Н. Ханыков. Его статьи «Перевод мусульманских постановлений о войне», «О мюридах и мюридизме», опубликованные в газете «Кавказ», дали читателям, в том числе и военным, бесценный материал об исламе, основах тариката и религиозной подоплеке противостояния горцев диктату России. По-видимому, он был од-

ним из первых, кто поставил вопрос о необходимости учитывать эти аспекты при проведении в крае преобразований.

В 1850 году полковник Н.Ф. Торнау опубликовал в Тифлисе главные начала мусульманского законоведения, отметив в предисловии новизну и важность такого труда для любой европейской страны, вступающей в контакт с мусульманским миром. «Главная моя цель при издании настоящего труда, — подчеркивал Торнау, — есть практическая пригодность оного к управлению мусульманскими племенами Империи и ознакомление правительственных лиц, администраторов и судей с освященными религией и вполне проникнутыми духом оной гражданскими законами последователей ислама»[9]. Подчеркнув прикладной характер своего труда, ученный предложил его кавказской администрации как руководство к действию. Несколько раньше был опубликован ординарным профессором турецко-татарской словесности Мирзой Александром Казем-беком курс мусульманского законоведения по школе ханефидов. К этой работе М.С. Воронцов предполагал привлечь крымского муфтия Кади Эскер Сеид Халил Эфенди и его четырех помощников «к увещеванию мюридов и горцев расположиться к России»[10].

Одновременно велась работа по сбору, систематизации и публикации материалов по военно-статистическому и историческому обзору народов Терека, Кубани и Ставрополья, в котором были размещены географические, топографические, статистические сведения о народах региона[11].

Большое научное и общественное значение имело открытие в 1850 году Кавказского отдела императорского Русского географического общества (КОИРГО), который стал первым провинциальным филиалом РГО. Идея об учреждении КОИРГО возникла в 1848 г. в среде военной интеллигенции, поскольку на Кавказе проходили службу многие известные ученые и просто любознательные инициативные люди, занимающиеся сбором и изучением разнообразного материала по истории горских народов. Сознавая, что выявленный ими материал большей частью остается без употребления в архивах, ряд общественных деятелей обратились к М.С. Воронцову с предложением «открыть на Кавказе местный отдел РГО, с целью изучения Кавказского края в отношениях: географическом, этнографическом и статистическом»[12]. Официальная поддержка начинания, предопределила положительное решение вопроса. Указом Николая I от 27 июня 1850 г. был утвержден устав КОИРГО и бюджет общества в 2000 руб.

Несмотря на мизерность материальных средств, КОИРГО объединил все малочисленные научные кадры, претендуя на координирующую роль в организации исследований не только в области собственно географии, но также этнографии, статистики, археологии, библиографии и т.д. Не все из намеченного удалось сделать, но открытие филиала передового научного общества России в Тифлисе, свидетельствовало о том, что курс «на понимание, через познание» с местным обществом был стратегическим и не ограничился первыми либеральными начинаниями.

Во второй половине 50-х гг. XIX в. «Материалы для истории Кавказа»[13] публиковались в неофициальной части «Ставропольских губернских ведомостей»[14] при содействии редактора И. Иванова. Здесь были опубликованы ценнейшие сведения по политической и экономической истории Кабарды, Чечни, ногайцев, калмыков, казаков XVII-XVIII вв. Документы знакомят нас с

социальной структурой горских народов, с местными феодалами и их владениями, с политикой русского правительства. Особенно ценны показания пленных чеченцев, в которых детализируются многие сюжеты хозяйственного и общественного быта[15.]

Между тем сбор сведений о народах Кавказа продолжался. Нами выявлены материалы о проведенном обследовании и статистическом описании Терской области в 1861-м и 1862 гг. офицерами Генерального штаба Лучницким и Барковским[16]. Капитан Цытович в 1859 г. получил задание изучить и описать Правое крыло Кавказской линии, в 1860 г. переименованное в Кубанскую область[17]. Системность этих обследований подчеркивается специально подготовленными программами, по которым собирался материал о жизнедеятельности казачьих полков, станиц[18] и горских округов[19]. Отдельно была составлена программа по сбору сведений о городах Терской области[20]. В процессе работы офицеры использовали опубликованную литературу, подборки сведений из архивов, полевой материал[21]. Для сбора сведений на местах выделялись средства на оплату работы переводчиков из местных жителей, которые должны были оказывать всестороннюю помощь в выяснении особенностей жизни горцев. О том, что сбор материала велся обстоятельно, свидетельствует ведомость времени проведенного капитаном Барковским в поездках по Терской области. Так, на объезд земель карабулаков потребовалось 29 дней; Тагаурской плоскости и Малой Кабарды — 20; Дигории — 29; Аргунского округа — 31; Алагирского общества — 46; Куртатинского общества и горной части Тагаурского участка — 21[22]. Качество собранного материала оказалось настолько высоким, что начальник Главного штаба Кавказской армии выразил благодарность Барковскому[23]. К сожалению, обнаружить эти сведения пока не удалось.

О целенаправленном сборе норм обычного права в Военно-Осетинском округе в 1859 г. и в 1865 г., в Нагорном округе в 1864 г., в Ингушевском округе в 1865 г., в Кумыкском округе пишет Ф. И. Леонтович[24]. Майор князь С. Г. Баратов в 1858-1865 гг. был помощником начальника Кабардинского округа. За годы службы собрал богатый материал, который опубликовал в одном из лучших научных изданий страны[25]. Об аналогичной работе в Дагестанской области в 1864-м и 1865 гг. свидетельствует А. В. Комаров[26].

Завершение военных действий на Северном Кавказе и эра танзимата по российским лекалам стали началом нового этапа кавказоведения, ознаменовались расширением проблематики. Изучение общественной жизни, народного обычного права, истории землевладения и землепользования, традиционного и российского административного устройства было вызвано потребностями адекватного управления и подготовкой преобразований горского социума. Редакция демократического журнала «Современник», приветствуя «Программу для собирания народных юридических обычаев», разработанную этнографическим отделом Русского географического общества, писала, что это дело «имеет существенную важность, и научную и практическую»[27].

Накопление материалов о различных сторонах жизни народов Кавказа, необходимость «обнародования и распространения правительственных распоряжений и верного истолкования интересов разноплеменного населения края, его прошедшей жизни и современного экономического и общественного быта»[28], — отмечал начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов, — обу-

словили открытие на Северном Кавказе сначала официальных периодических изданий, а потом — и частных. Особое значение в деле публикации исторических сведений о народах Кавказа, в частности о реформах, имели крупнейшие газеты, журналы, ежегодные периодические издания: «Кавказ» (Тифлис), «Ставропольские губернские ведомости» (Ставрополь), «Терские ведомости» (Владикавказ), «Кубанские войсковые (областные) ведомости» (Екатеринодар), «Казбек» (Тифлис), «Терек» (Владикавказ), «Новое обозрение» (Баку), «Сборник сведений о кавказских горцах» (Тифлис), «Сборник сведений о Северном Кавказе» (Ставрополь), «Терский сборник» (Владикавказ), «Кубанский сборник» (Екатеринодар), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (Тифлис, Махачкала), «Кавказский календарь» (Тифлис), «Сборник статистических сведений о Ставропольской губении» (Ставрополь), «Известия Кавказского отдела Русского географического общества» (Тифлис), «Записки Общества любителей Кавказской археологии» (Тифлис), «Известия Общества любителей изучения Кубанской области» (Екатеринодар), «Известия Кавказского общества истории и археологии» (Тифлис), «Известия Императорской Археологической комиссии» (Санкт-Петербург), «Краеведение на Северном Кавказе» (Ростов-на-Дону), «Северокавказский край» (Ростов-на-Дону) и др. Внимание к кавказоведческим периодическим изданиям не случайно, поскольку именно они были аккумуляторами исторической информации, которая нами задействована в процессе историографического анализа. На колоссальную роль «журналистики в истории исторической науки» обратила серьёзное внимание М. П. Мохначева, утверждавшая, что «журналистика в XIX столетии была основным каналом информационного обмена в России»[29].

Увеличение объема публикаций о народах Северного Кавказа во второй половине XIX в. позволило Е. С. Тютюниной высказать обоснованное предположение о существовании определенных центров, которые выполняли функции организаторов исторического кавказоведения. Ими были «три основные группы: административные органы, периодическая печать, общественные организации (научные общества)»[30], эту же роль играли статистические комитеты в Терской и Кубанской областях и Ставропольской губернии[31], музеи[32], учебные заведения[33], Ставропольская ученая архивная комиссия[34] и др.

Ведущее место занимали правительственные учреждения: Кавказский комитет, аппарат наместника Кавказа, Кавказское Горское управление, администрации Дагестанской, Кубанской и Терской областей, управления округов и отделов, на которые делились области, многочисленные комитеты и комиссии, создаваемые по различным поводам и случаям. Последние были особенно необходимы для органов власти, поскольку для принятия взвешенных административных решений нужны точные сведения, учитывающие не только конкретную ситуацию, но и историю проблемы, менталитет народа, возможную реакцию горского общества. Наиболее ценный фактологический материал о народах Северного Кавказа был собран сословно-поземельными комиссиями 40-70-х годов XIX в., которые подготовили и провели соответствующие реформы[35]. Важное место в развитии кавказоведения занимали Ставропольский, Кубанский и Терский статистические комитеты, которые, кроме сбора и систематизации материалов, публиковали их в своих периодических изданиях, тем самым популяризируя исторические сведения о прошлом народов Северного Кавказа.

Быстрое социально-экономическое развитие Кубанской области в пореформенный период определило пристальный интерес общественности к изучению родного края, зарождение и становление краеведения. Появляется широкий круг образованных людей, активно занимающихся исследованием прошлого. Обращение местных исследователей к изучению «народной жизни» — в чем, несомненно, сказывалось влияние народничества — привело к формированию общественного интереса в провинции к истории, этнографии и археологии регионов, образованию провинциальных научных обществ[36]. Такие общества возникли во многих губернских и областных центрах, в том числе в Кубанской и Терской областях, Ставропольской губернии. Научные общества действовали по типовым программам, включавшим раскопки памятников, сбор сведений о них, составление археологических карт местности, формирование коллекций местных музеев и издание материалов по истории края[37].

Вопрос о создании любительского общества кубанских краеведов был поставлен на страницах периодической печати В. М. Сысоевым, учителем Екатеринодарской мужской гимназии[38]. В областной газете 2 апреля 1896 г. он призвал «всесторонне исследовать Кубань силами местной интеллигенции»[39]. Идея была поддержана общественностью и начальником области Я. Д. Малама.

8 мая 1896 г. состоялось первое частное собрание инициативной группы из 15 человек (А. А. Белобородов, С. И. Борчевский, И. П. Болдырев, А. Н. Дьячков-Тарасов, П. П. Короленко, В. М. Сысоев, В. С. Шамрай, В. А. Щербина и др.). Затем проведено еще три собрания в том же месяце, на которых было выработано решение о названии — Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), подготовлен проект устава, программа деятельности, объяснительная записка, а также текст прошения на имя наказного атамана и начальника Кубанской области. Для утверждения документов об открытии Общества понадобилось более года, и только 16 октября 1897 г. военный министр (?! — *П.К.*) П. С. Вановский дал необходимое разрешение. Перипетии подготовительной деятельности инициативной группы описаны подробно В. М. Сысоевым[40]. Задачи изучения горских племен Кубанской области обосновал А. Н. Дьячков-Тарасов, который справедливо подчеркнул, что «Карачай как обособленная этнографическая единица, как особый микрокосм особенно удобна для изучения, ибо функции их жизни, в огромном большинстве случаев, отличаются только масштабом от процессов, переживаемых каким-либо многомиллионным народом»[41]. В этом же сборнике была опубликована программа деятельности ОЛИКО, это означало, что дело научного изучения области приобрело общественное значение.

Избрание нового состава правления ОЛИКО в апреле 1908 г. ознаменовало новый этап его деятельности. Значительную роль в организации работы Общества сыграли директор Александровского реального училища В. В. Скидан и Ф. А. Щербина. В 1910 г. последний выступил перед членами Общества с сообщением «Темы для изучения Кубанской области»[42], а в 1913 г. — с докладом «Значение науки в деле любительского изучения края»[43], которые оказали решающее влияние на перестройку всей работы ОЛИКО. В своих выступлениях Ф. Щербина поставил вопрос о необходимости перестроить работу Общества на научной основе, «раскрыл процесс организации научного иссле-

дования, его методику, анализируя такие важные вопросы, как актуальность темы, соотношение частного факта с другими явлениями, виды исторических источников. Перестройка организационной структуры ОЛИКО и овладение краеведами методикой научного исследования сказались на качестве работы. Доклады и сообщения, сделанные оликовцами в данный период, вполне соответствовали требованиям академической науки»[44].

Аналогичные задачи имело и Терское общество любителей казачьей старины, созданное во Владикавказе в 1909 г. Оно занималось сбором и публикацией разнообразных материалов о терском казачестве, как социально-этническом феномене Северного Кавказа. Публикация отчетов и записок Терского общества любителей казачьей старины в печати[45], дает возможность реконструировать его деятельность[46]. По данным Ф. Киржиновой, за год общее число посетителей собраний этого научного общества в 1910 г. составило 5080 человек. Быстро росла и его численность. В 1913 г. она составляла уже 120 чел. Члены общества избирались большинством голосов на общем собрании. Выборы кандидатов проходили торжественно. Решения собрания заносилось в специальный проколол, после чего оглашалось на общем собрании[47].

Дополняли эту работу крупных исследовательских центров, множество научных и просветительских обществ и учреждений на Северном Кавказе: «Кавказская археографическая комиссия»[48], «Общество любителей Кавказской археологии К.Н. Аргутинского-Долгорукова»[49], «Кавказский статистический комитет»[50], «Терский областной статистический комитет»[51], «Кавказское отделение Императорского Московского археологического общества»[52], «Терское общество защиты и сохранения памятников старины»[53], «Кубанское общество народных университетов»[54], «Ростовское общество истории, древностей и природы»[55], «Осетинское историко-филологические общество»[56], «Кубанское общество любителей изучения казачества»[57], «Донское общество археологии и истории искусств» (в 1925 г. реорганизовано в Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии)[58] «Ростовское научное общество по изучению местного края»[59] «Кавказское отделение Императорского Московского археологического общества» и т. д.

Таким образом, несмотря на разобщенность этих обществ, в целом, они проводили достаточно серьезную научную работу по изучению прошлого народов Северного Кавказа.

Примечания

1. Хлынина Т.П. Идеи «географического синтеза» и проблемы исторических исследований // Вопросы теории и методологии истории. Сб. научных трудов. Майкоп, 1987. Вып. 2. С. 21.

2. Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // С.О. Шмидт. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 180.

3. Развитие исторической науки отражено в прекрасных автобиографических размышлениях видных ученых. См.: Дружинин Н.М. Воспоминание и мысли историка. М., 1979; Гуревич А.Я. История историка. М., 2004 и др.

4. Лавров Л.И. К 250-летию академического кавказоведения в России // КЭС. М., 1976. Вып. VI. С. 5, 6.

5. Орбели Р.Р. Кавказоведение. М., 1972. С. 470.

6. Дзамихов К. Ф. Российское кавказоведение и вопросы общественного устройства // Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008. С. 673.

7. Кавказ. 1846. №1.

8. Константинов О. И. Очерк северной стороны Кавказа // Сборник газеты «Кавказ». Первое полугодие 1847. Тифлис, 1847. С. 19.

9. Цит. по: Олейников Д. И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 84.

10. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX в.: Сборник документов. Махачкала, 1959. С. 484.

11. Исторический обзор Терека, Ставрополья и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 10. Восточный берег Черного моря. Департамент Генерального Штаба./Под ред. Н. Забудского. СПб., 1851. Работа переиздана под этим же названием, но, к сожалению, в ней нет предисловия составителя или издателя данного труда, которое бы пояснило, насколько полно и точно предан текст оригинала. См.: М., 2008.

12. Записки КОИРГО. Тифлис, 1853. Кн. 2. С. 184.

13. Публикация началась с 1855 г., о чем в № 7 газеты сообщалось: «Под этой рубрикой мы надеемся нередко печатать статьи, которые будут извлекаться нами из старых архивных дел, и подлинные документы, относящиеся как к Ставропольской губернии, так и к другим пограничным с нашею губерниею землям, лежащим по сю сторону Кавказских гор, а именно: к владению кумыков, Чечне, Кабарде, Абадзе, к землям закубанских ногайцев и Адыгских племен».

14. Вопрос об открытии «Ставропольских губернских ведомостей», далее (СГВ), был поставлен в 1839 г. гражданским губернатором Семеновым и поддержан командующим Кавказской линии П. Х. Граббе. Понадобилось 11 лет, чтобы газета получила официальное разрешение на выход. В 1850 г. вышло в свет 54 номера СГВ по 100 экземпляров. Первым редактором газеты был чиновник Юркевский. Газета стала первым периодическим органом Северного Кавказа, в котором с первых же номеров стали появляться статьи общественного характера и очень ценный материал по истории края и его экономической жизни. Рассвета своего газета достигла во второй половине семидесятых годов прошлого столетия, когда в ряды её деятельных сотрудников вступил местный статист-этнограф И. В. Бентковский, трудами которого создавалось тогда трудное дело северокавказского родиноведения. С 1875 по 1889 гг. он был заведующим неофициальной частью СГВ. Городецкий Б. М. Очерк развития периодической печать на Северном Кавказе. С. 116, 117.

15. «Ставропольские губернские ведомости», 1856. № 28, 29, 32, 46; 1857. № 4, 5, 7, 8; 1857. №№ 43 и 45; 1858. №№ 7, 9, 11, 18, 19.

16. ЦГА РСО — А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 611, 612.

17. Там же. Д. 611. Л. 6.

18. Там же. Л. 8-10 об.

19. Там же. Л. 17-18.

20. Там же. Л. 84-87.

21. Там же. Л. 66, 67.

22. Там же. Д. 612. Л. 24.

23. Там же. Л. 35, 35 об.

24. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 68, 69.

25. Баратов С. Г. О природе и хозяйстве Кабарды // Экономические Записки Императорского вольно-экономического общества. СПб., 1860. Одновременно статья была опубликована в газете «Кавказ». 1860. 18 сент. № 73. О С. Г. Баратове см.: Российские военные и гражданские чиновники на Кавказе. XIX век./Сост. З. М. Блиева. Владикавказ, 2003. С. 20.

26. Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним: Материалы для статистики Дагестанской области // Сборник сведений о кавказских горцев. Тифлис, 1868. Репринт. М., 1992. Вып. 1. С. 3.

27. Современное обозрение // Современник. 1864. Октябрь. Т. 104. С. 204.

28. Письмо начальника Терской области начальнику Кабардинского округа полковнику А. А. Нуриду о целях издания областной газеты «Терские ведомости» // ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 241. Л. 1.

29. Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. В 2 т. М., 1998; её же. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII-XIX вв. М., 1998. Т. 1. С. 41.

30. Тютюнина Е. С. К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX века // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа. Дореволюционный период./Под ред. проф. Т. Х. Кумыкова. Нальчик, 1989. С. 114.

31. Бентковский И. В. Ставропольский губернский статистический комитет. Первое 25-летие с 1858 по 1883 гг. Ставрополь, 1883; Колесникова М. Е. Источниковая база по историческому краеведению // Из истории народов Северного Кавказа. Краснодар, 2001; Кузьминов П. А., Тазиева М. Р. Создание и деятельность Терского областного статистического комитета // Архивы и общество. 2008. № 4; Селиванова Н. А. Слуцкий А. И. Организация губернских и областных статистических комитетов на Северном Кавказе // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Краснодар, 2003 и др.

32. Колесникова М. Е. Музейное направление в деятельности Ставропольской ученой архивной комиссии в начале XX в. // Интеллигенция России в истории Северного Кавказа. Материалы межрегиональной научной конференции (октябрь 1999). Ставрополь, 2000; Романенко Л. В. Школьные музеи Ставропольской губернии и Терской области в конце XIX — начале XX в. // Ставрополь — врата Кавказа. История, экономика, культура и политика. Ставрополь, 2002.

33. Цареградский Н. Историко-статистический обзор духовно-учебных заведений Северного Кавказа // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1868. Вып. 1; Стрелов В. И. Первое учебное заведение города Ставрополя (К 200-летию открытия) // Ставропольский хронограф на 2004 г. Краеведческий сборник. Ставрополь, 2004.

34. Захаров В. А. Ставропольская ученая архивная комиссия и её роль в становлении ставропольского источниковедения // Ставрополь — врата Кавказа. История, экономика, культура и политика. Ставрополь, 2002; Колесникова М. Е. Исследовательская деятельность Ставропольской ученой архивной комиссии как раннепрофессиональная коммуникативная практика провинциального интеллектуального сообщества первой четверти XX столе-

тия // Язык и текст в пространстве культуры: Сб. статей науч.-метод. семинара «Texstus». СПб.-Ставрополь, 2003. Вып. 9.

35. Подробнее об их деятельности см.: Кузьминов П. А. Деятельность сословно-поземельных комиссий в 40-70-х гг. XIX в. в Центральном Предкавказье // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на Северном Кавказе./Под ред. проф. А. М. Гонова Нальчик, 2002.

36. Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979. С. 12.

37. Саблиров М. З., Кузьминова И. П. Деятельность ОЛИКО // Научно-творческое наследие Ф. А. Щербины: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. (Россия, г. Краснодар, 25-26 февраля 2004 г.). Краснодар, 2004. С. 393.

38. Подробнее о В. М. Сысоеве, народнике по убеждениям, выпскнике ИФФ МГУ, археологе, в 28 лет избранном членом-корреспондентом Императорского Археологического общества см.: Бардадым В. Радетели земли кубанской. Краснодар, 1998.

39. Сысоев В. М. Об обществе изучения Кубанской области // Кубанские областные ведомости. 1896. 2 апреля.

40. Сысоев В. М. Краткий очерк возникновения Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО); цели и программа деятельности его // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1899. Вып. I.

41. Дьячков-Тарасов А. Н. О задачах этнографии в деле изучения горских племен Кубанской области. (Речь, прочитанная А. Н. Дьячковым-Тарасовым на первом торжественном заседании Общества 1 февраля 1898 г.) // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1899. Вып. I. С. 9. Александр Николаевич Дьячков-Тарасов — надворный советник, преподаватель русского языка и истории мужской гимназии в Екатеринодаре, член Кубанского областного статистического комитета, секретарь ОЛИКО. Занимался изучением истории и этнографии народов Кавказа и внес определенный вклад в науку. Несмачная С. И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. В 6 т. Ставрополь, 2006. Т. 5. С. 273.

42. Щербина Ф. А. Темы для изучения Кубанской области // ИОЛИКО. Екатеринодар, 1912. Вып. V.

43. Щербина Ф. А. Значение науки в деле любительского изучения края // ИОЛИКО. Екатеринодар, 1913. Вып. VI.

44. Саблиров М. З., Кузьминова И. П. Указ. соч. С. 399.

45. Записки Терского Общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 1-12; борник Терского Общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912-1914. № 1-4. Отчеты Терского Общества любителей казачьей старины за 1913-1914 гг. Владикавказ, 1915 и др.

46. Киржинова Ф. А. История терского казачества в историческом дискурсе П. Л. Юдина: Автореф. на соиск. уч. ст. к.и.н. Нальчик, 2011.

47. Киржинова Ф. А. История терского казачества в историческом дискурсе П. Л. Юдина: Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Нальчик, 2011. С. 28.

48. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 1-12. Тифлис, 1868-1906;

49. Аргутинский-Долгоруков Н. В. Годовой отчет исправляющего должность секретаря общества любителей Кавказской археологии К. Н. Аргутинского-Долгорукова // Записки Общества любителей Кавказской археологии.

Тифлис, 1875. Кн. 1. С. 182-186; Записки общества любителей Кавказской археологии/Тифлис, 1875. Кн. 1.

50. Алиева Н.Э. Издания Кавказского статистического комитета как источник по истории книжного дела на Северном Кавказе // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 134-174; Городецкий Б.М. Статистические учреждения на Северном Кавказе // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. С. 601-612; Селиванова Н.А. Издательская деятельность Северо-Кавказских губернских и областных статистических комитетов (1868–1917). Авторев. дис. к.и.н. Краснодар, 2003. — 20 с.

51. Вертепов Г.А. Тридцатилетие Терского областного статистического комитета // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 6. С. 1-12.

52. Известия Кавказского отделения Императорского Московского археологического общества. Тифлис, 1904-1921. Т. 1-6.

53. Терское общество защиты и сохранения памятников старины. Устав общества. Владикавказ, 1915.

54. Городецкий Б.М. Возникновение и деятельность Кубанского общества народных университетов. I-й семестр его существования (25 мая — 15 декабря 1907 г.) // Труды I Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов. СПб., 1908. С. 181-191.

55. Городецкий Б.М. Записки Ростов-на-Донского общества истории, древностей и природы. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1914 (рецензия) // Исторический вестник. СПб., 1915. Т. 112. С. 620-622.

56. Бекоев Г.Г. О работе Осетинского историко-филологического общества // Ассоциация горских краеведческих организаций Северного Кавказа. Махачкала-Пятигорск, 1924. С. 15-16; Ермоленко Л.П. Осетинское историко-филологическое общество (история возникновения) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VII «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции, посвященной 75-летию Ставропольского государственного университета (28-29 октября 2005 г.). Ставрополь, 2005. С. 88-91.

57. Кубанское общество любителей изучения казачества// Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. Краснодар, 1997. Ст. 623. С. 235.

58. Донское общество археологии и истории искусств // Борьба классов. 1924. № 1-2. С. 384-385; Любушкина Е.Ю. Общественные организации Ставропольской губернии и Кубанской области в период с 1860-х гг. по октябрь 1917 г.: Автореф. дис. к.и.н. Ставрополь, 2004. — 25 стр.

59. Ростовское научное общество по изучению местного края. Отчет. Ростов-на-Дону, 1926.

Е. Б. БЕСОЛОВА,
дфн, внс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавка)

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОДХОДЕ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

«…для человека… дар анализа служит источником живейшего наслаждения….аналитик радуется любой возможности что-то прояснить или распутать. Всякая, хотя бы и нехитрая задача, высекающая искры из его таланта, ему приятна….< >…Он обожает загадки, ребусы и криптограммы, обнаруживая в их решении проницательность, которая уму заурядному представляется чуть ли не сверхъестественной. Его решения, рождённые существом и душой метода, и в самом деле кажутся чудесами интуиции….< >…победа зависит от удачного хода, от неожиданного и остроумного решения…»

Эдгар Аллан По. Убийство на улице Морг

Любая сфера человеческого познания, как известно, наряду с *объектом, предметом изучения, метаязыком* (метаязык — это язык, посредством которого описываются и исследуются свойства некоторого другого языка, в частном случае это набор специальных лингвистических терминов), должна иметь определённые *исследовательские методы* [Хроленко, Бондалетов, 2004:421-422]. Существует три метода получения знаний — *интуитивный, научный, религиозный:* ведь истинная наука возникает при условии формирования и использования специальных научных методов — эмпирического и теоретического исследования явлений природы [Мостепаненко, 1972:19]. Разграничивают методы а) оперирующие с имеющимся научным знанием и б) служащие для получения нового знания. Метод дисциплинирует мышление, повышает его культуру, даёт возможность экономить силы и время и идти к научной цели кратчайшим путём; он напрямую связан с теорией, являющейся базой для выработки метода, а метод обогащает и развивает теорию. Требование научности предполагает чётко осознанную методологию: 1) используемые исследовательские приёмы должны быть выделены именно как приёмы, методы; 2) неизвестное не объясняется через непонятное; 3) чётко определяется понятие результата; 4) при условии применения тех же методов и приёмов, результат должен быть принципиально воспроизводим [Фрумкина, 1999:30].

В науковедении принято говорить также о *подходах* — основных путях решения исследовательских задач; они же определяют стратегию решений. Известны *системный, структурный, функциональный, информационный, вероятностный, модельный* и другие подходы.

Конкретное содержание метода выражают *принципы,* присущие соответствующему подходу; они носят нормативно-регулятивный характер, т.е. исследователь должен неукоснительно им следовать, в противном случае научное исследование перестаёт быть таковым. Под научным принципом понимают основополагающее начало решения научной проблемы, способ организации знания, обеспечивающий органическую связь различных элементов знания в рамках целостной теоретической системы. В частности,

научными принципами языкознания считают знаковость языка, ассиметрию языкового знака, системно-структурную организацию языка, изоморфность разных ярусов и единиц языковой системы, социальную обусловленность языка и его динамический характер. Определяющим научным принципом филологии считается *принцип историзма.*

Термин «метод» многозначен: им обозначают как аспект исследования, так и методику, приёмы, способы описания и т.д.

Методы различаются уровнем: а) общенаучные; б) специально-научные; в) конкретно-проблемные; они разнообразны: экспериментальные и теоретические, эвристические и алгоритмические. Применяемый метод зависит от изучаемого объекта, является его аналогом и по мере расширения знаний об объекте изменяется сам. Но и познаваемые объекты, заметим, настолько разнообразны, многоаспектны и связаны между собой такими многообразными отношениями и связями, что полностью постичь их природу, функцию и генезис при помощи одного — пусть самого эффективного — метода невозможно. Наличие значительного количества исследовательских методов требует, во-первых, уточнения самого понятия «метод языкознания», и, во-вторых, ставит вопрос о классификации методов. Оба эти вопроса тесно связаны друг с другом и до сих пор не решены современной лингвистикой. Вот почему даже лучшие работы по методологии языкознания ограничиваются лишь описанием более или менее бесспорных методов, обычно располагая их в одном ряду, без указания на классификационную иерархию.

Наиболее продуктивным является рассмотрение метода как системы с определённой структурой, состоящей из а) теории метода, б) совокупности научно-исследовательских приёмов, содержание которых определяется лингвистическими основами метода, в) комплекса технических приёмов и процедур [Общее языкознание, 1973:260]. Само собой разумеется, что определить лингвистический метод без учёта его цели и задач невозможно. Это фундамент метода, без него нельзя объяснить набор процедур исследования. Основные цели лингвистического исследования сводятся к обнаружению конкретного языкового факта, его описанию, определению его положения среди других фактов данного языка, выяснению его генезиса, эволюции, функции и интерпретированию с точки зрения универсальных или национальных свойств [Хроленко, Бондалетов, 2004:425]. Если в основу классификации языковедческих методов положить цель исследования, то чётко выделяются описательный, таксономический, лингвогенетический и типологический методы. Возможно выделение и социолингвистического метода, при помощи которого исследуется язык как общественное явление.

Характеристика метода должна предваряться уточнением исходных понятий. Такими понятиями считают 1) понятие базы, 2) понятие специализации, 3) понятие аспекта, 4) понятие методики.

Базой метода может быть один язык или совокупность языков. Выделяются

три типа совокупностей: а) родственные языки, б) ареальные (или сродственные) языки, в) все языки мира.

К примеру, сравнительно-исторический и сопоставительный (типологический) методы отличаются друг от друга своей базой.

Если учесть, что языковая система в целом очень сложна, то усилия исследователей чаще всего бывают сосредоточены на одном каком-либо ярусе языка — фонемном, морфемном и т.д. Это и есть *специализация*.

Под *аспектами* языка понимаются исследуемые стороны языка, его структурные особенности или функциональные свойства. Аспекты метода обнаруживают парный характер: внутриструктурный/внешнеобусловленный; количественный/качественный; пространственный/непространственный (точечный); синхронный/диахронный; функциональный/генерализованный (нефункциональный); нормативный/некодифицированный; универсальный/идиоэтнический (специфичный для данного языка) и т.д. [Хроленко, Бондалетов, 2004:421-430]. Аспект как важная составная часть метода очень часто подменяет сам метод, поэтому говорят о количественных методах, о методе лингвогеографическом (пространственный аспект) и т.д. Заметим, что обязательной частью любого метода является *методика,* которая представляет собой включение приёма в процедуру исследования.

Методик много. Среди них принципиальны следующие методики: наблюдения, вычленения лингвистической единицы, обобщения единиц в классы, компонентного анализа, классификации, сравнения (сопоставления фактов одного порядка), корреляции (сопоставление фактов разного порядка) моделирования, эксперимента, картографирования, реконструкции и др.

Реализация метода немыслима без использования технических *приёмов:* изучение литературы, накопление картотек, составление диаграмм, таблиц, беседа с информантами и т.п.

Общие лингвистические методы взаимосвязаны, поскольку взаимосвязаны цели языковедческого исследования. Выбор метода или методов зависит от подхода языковеда к языку. Замечено, что есть два таких подхода: стремление свести многообразие речевых фактов к одному языковому закону и тщательное собирание и систематизация речевого материала.

Общеизвестно, что язык не только отражает реальность, но интерпретирует её, создавая особую реальность, в которой живёт человек. Каждый этнос обладает определённым культурным и языковым своеобразием. Неповторимость отдельного народа сопряжена со спецификой ментальных ориентиров и установок, своеобразием национальной картины мира, этническим самосознанием. Интерес современного общества к народной культуре послужил толчком к появлению в науке ряда областей, изучающих соотношение языка и культуры. Видное место среди этих направлений принадлежит *этнолингвистике,* комплексной дисциплине, изучающей с помощью лингвистических методов план содержания культуры; она является той отраслью языкознания, которая ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии [Толстой, 1995].

В настоящее время культурно-языковая проблематика стала привлекать и осетиноведов.

В монографии М.В. Дарчиевой «Вербальный код осетинского обрядового текста (на материале некоторых традиционных обрядов)» [Владикавказ, 2012]

анализируется словесное сопровождение некоторых ритуалов в контексте обряда. Работа носит *междисциплинарный* характер: выполнена она с помощью *комплексного подхода* к исследованию уникальных явлений культурных традиций через призму таких дисциплин, как лингвистика, этнография, фольклористика, археология и история.

Междисциплинарный характер присущ и исследованию Ф. О. Абаевой «Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика)» [Владикавказ, 2013].

В нём анализ лексики, семантики и символики акционального, предметного, персонажного кодов свадебного обрядового текста и его вербальной составляющей, культурные функции лексики и терминологии, легших в основу реконструкции традиционного свадебного обряда осетин, даны через призму таких дисциплин, как лингвистика, этнография, фольклористика.

Рассмотрение на едином уровне данных лингвистики, этнографии и фольклора дало возможность И. А. Кодзати выявить фразеологические единицы осетинского языка, связанные с обычаями и обрядами народа.

Использованный в приведённых исследованиях междисциплинарный подход становится в настоящее время важнейшим методологическим требованием современности. Связь лингвистики с другими науками проявляется, безусловно, на различных уровнях и в различных формах, потому что лингвистика — объект комплексного исследования. К примеру, в этнолингвистике целостное представление можно получить за счёт синтеза языковедческих, этнографических, исторических, фольклорных и других знаний: ведь лингвистические явления невозможно синтезировать в границах одного научного предмета. Вот тогда мы прибегаем к множественности методов, к междисциплинарному подходу [Междис. иссл., 1994:150].

К методам, которые используются в настоящее время в междисциплинарных исследованиях, относят *наблюдение, описание, эксперимент, систематизация, моделирование, классификация, прогнозирование, доказательство,* и др. Но порою выбор зависит от пристрастий исследователя, от тех задач, которые он ставит перед собой, от достижений в других сферах гуманитарного знания и их заимствований.

К примеру, лингвистическая компаративистика как междисциплинарная наука использует множество методов смежных наук. Содержание компаративного анализа как междисциплинарного метода сводится к следующему:

а) максимально полно и лаконично сформулировать характеристики сравниваемых объектов;

б) выделить ясные критерии сравнения;

в) привести характеристики сравниваемых объектов в соответствие с критериями сравнения для выявления общего и особенного в анализируемых объектах;

г) объяснить выделенную специфику для того, чтобы определить не только своеобразие и универсальность анализируемых объектов, но и понять, с чем эти особенности связаны, чем они обусловлены [Методол. проблемы…,2013].

Следует помнить, что положенная в основу изыскания теория является в большинстве случаев ориентиром, определяющим ход и результат последующих исследований, а система методов, принципов, регулятивов и норм составляет конкретно-научный уровень методологии, характерной для лингвистики, и что

«подлинная наука — это знание, в которое входит знание о методах и границах знания» [Ясперс, 1991].

Примечания

1. Абаева Ф. О. Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика). Владикавказ, 2013.

2. Дарчиева М. В. Вербальный код осетинского обрядового текста (на материале некоторых традиционных обрядов). Владикавказ, 2012.

3. Междисциплинарные исследования в педагогике/Под ред. В. М. Полонского. М., 1994.

4. Методологические проблемы дисциплинарных и междисциплинарных исследований в социально-гуманитарных науках/Под общ. ред. В. А. Гневского. СПб., 2013.

5. Мостепаненко В. М. Философия и методы научного познания. Л., 1972.

6. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. М., 1973.

7. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

8. Фрумкина Р. М. Самосознание лингвистики — вчера и завтра // Известия АН. Серия лит. и языка., 1999. Т. 58. № 4.

9. Хроленко А. Т., Бондалетов В. Д. Теория языка: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.

10. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

С. Р. ЧЕДЖЕМОВ,
кин, дпн, профессор
СКГМИ (ГТУ) (г. Владикавказ)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ

В статье рассматриваются некоторые проблемы деятельности диссертационных советов по историческим наукам при проведении разовых защит. Отмечается, что организационно-правовые формы деятельности диссертационных советов базируются на общих принципах Конституции РФ и иных правовых актах нашей страны. В соответствии с ними 24 сентября 2013 года было принято специальное постановление Правительства России. Автор высказывает предположение о том, что предоставленное право проведения разовых защит в целом способствует развитию междисциплинарных исследований, что благоприятно скажется на развитии отечественной наук. Вместе с тем было бы целесообразно рекомендовать проведения разовых защит только в рамках научной проблематики, входящей в один экспертный совет Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки России.

Ключевые слова: *педагогика высшей школы, отечественная история, этнография, диссертационные советы, защиты диссертаций*

This article discusses some of the problems of historical science dissertation Councils when conducting one-off defenses. It is noted that the organizational-legal forms of activities of dissertation councils are based on general principles of the Constitution and other legal acts in our country. In accordance with the September 24, 2013, was adopted a special Decree of the Russian Government. The author suggests that a given right to conduct ad hoc protections generally promotes interdisciplinary research that will have a beneficial impact on the development of domestic science. However, it would be appropriate to recommend the holding of ad hoc protection only within the framework of scientific perspective, is a member of the Expert Council is one of the higher attestation Commission of the Ministry of education and science of Russia.

Keywords: *pedagogy high school, history, ethnography, dissertation councils, protection of dissertations*

Организационно-правовые формы деятельности диссертационных советов базируются на общих принципах Конституции РФ и иных правовых актах нашей страны. В соответствии с ними 24 сентября 2013 года было принято специальное постановление Правительства России [1], а 7 января 2014 года министром образования и науки был издан приказ об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук [2]. Далее в тексте этот документ мы кратко именуем «Положение».

Для оптимизации своей деятельности диссертационным советам надо внимательно следить за нововведениями в этой области. Большую помощь в этом оказывает сайт ВАК при Минобнауки РФ содержащий специальные рубрики — Нормативные правовые акты, Информация, Методические материалы, Нормативно-справочная информация, Нормативные документы, Справочные материалы, Решения президиума ВАК и т.д.

Особого разговора заслуживает вопрос о правомерности отказа в приеме диссертации некоторыми советами. Жалобы соискателей на этот счет явились основой для специального исчерпывающего ответа, размещенного на сайте ВАК. «Пункт 20 Положения содержит исчерпывающий перечень оснований для отказа в приёме диссертации к защите, таковыми являются:

а) несоответствие соискателя ученой степени требованиям, необходимым для допуска его диссертации к защите;

б) несоответствие темы и содержания диссертации научным специальностям и отраслям науки, по которым диссертационному совету предоставлено право принимать к защите диссертации, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 21 Положения;

в) невыполнение требований к публикации основных научных результатов диссертации, предусмотренных пунктами 11 и 13 Положения;

г) использование в диссертации заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования, результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени в соавторстве, без ссылок на соавторов;

д) представление соискателем ученой степени недостоверных сведений об опубликованных им работах, в которых изложены основные научные результаты диссертации;

е) представление диссертации лицом, которому в соответствии с пунктом 17 Положения запрещается представлять к защите диссертацию в данный диссертационный совет. Во всех остальных случаях отказ в приёме диссертации к защите не является законным» [3].

Как показывает практика, некоторые разночтения вызывает пункт 21 «Положения» о проведении так называемых разовых защит: «В случае если тема диссертации охватывает несколько научных специальностей, не по всем из которых диссертационному совету предоставлено право проведения защиты диссертаций, диссертационный совет может принять решение о проведении защиты такой диссертации по специальности и отрасли науки, по которым ему предоставлено право проведения защиты диссертаций, с привлечением специалистов в соответствующих областях науки, не являющихся членами данного диссертационного совета. Такие специалисты должны соответствовать требованиям к кандидатам в члены диссертационных советов».

Порядок формирования состава диссертационного совета для проведения разовой защиты устанавливается положением о диссертационном совете [1, 21].

Нередко высказываются мнения, что он противоречит п.16 в той его части, где говорится: «Соискатель ученой степени имеет право представить диссертацию к защите в любой диссертационный совет. При этом научная специальность, по которой выполнена диссертация, должна соответствовать научной специальности и отрасли науки, по которой диссертационному совету Министерством образования и науки Российской Федерации предоставлено право проведения защиты диссертаций» [1, 16].

На наш взгляд здесь следует исходить из так называемого обычая делового оборота, сложившегося в деятельности диссертационных советов и юридической практики действия юридических актов во времени, согласно которому предпочтение отдается более поздней по времени приятия норме.

Как показывает практика, наиболее актуальными диссертационными исследования являются работы интегральные по своей сути. Выполненные на стуке наук они в значительной степени обогащаются науку и практику. Другой вопрос, что прием и проведение разовой защиты сопряжен с определенными трудностями, как технического, так и научного свойства

Думается, что правомерным будет выделение нескольких критериев для определения того, может или не может принять данную диссертацию совет. Основополагающим здесь должно являться требование, изложенное в пп. 18-19 Положения, где говорится, что «диссертационный совет создает комиссию, в состав которой входят не менее 3 членов диссертационного совета, являющихся специалистами по проблемам каждой научной специальности защищаемой диссертации, для предварительного ознакомления с диссертацией (далее — комиссия диссертационного совета).

В состав комиссии диссертационного совета по решению диссертационного совета могут включаться специалисты в соответствующей области науки, не являющиеся членами диссертационного совета (в том числе не являющиеся работниками организации, на базе которой создан диссертационный совет). Такие специалисты должны соответствовать требованиям к кандидатам в члены диссертационных советов.

Указанная комиссия представляет диссертационному совету заключение о соответствии темы и содержания диссертации научным специальностям и отраслям науки, по которым диссертационному совету предоставлено право принимать к защите диссертации, о полноте изложения материалов диссертации в работах, опубликованных соискателем ученой степени, о выполнении требований к публикации основных научных результатов диссертации, предусмотренных пунктами 11 и 13 настоящего Положения, и о соблюдении требований, установленных пунктом 14 настоящего Положения.

Вместе с тем комиссия может выступать и инициатором проведения разовой защиты, если сочтет, что работа выполнена на стыке специальностей. Не по всем из которых совету дано право принимать диссертации к защите. Порядок предварительного рассмотрения диссертации диссертационным советом устанавливается пп. 18-19 Положения:

«По результатам предварительного рассмотрения диссертации с учетом заключения комиссии диссертационного совета диссертационный совет принимает диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук к защите в течение 2 месяцев со дня подачи соискателем ученой степени в диссертационный совет всех необходимых документов, на соискание ученой степени доктора наук — в течение 4 месяцев со дня подачи соискателем в диссертационный совет всех необходимых документов или направляет соискателю ученой степени в указанные сроки мотивированное решение об отказе в приеме диссертации к защите. Решение диссертационного совета о приеме или об отказе в приеме диссертации к защите размещается на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, в сети «Интернет».

В случае принятия диссертационным советом решения об отказе в приеме

диссертации к защите текст диссертации в течение 5 дней со дня проведения заседания диссертационного совета, на котором было принято соответствующее решение, удаляется с официального сайта организации, на базе которой создан диссертационный совет, в сети «Интернет», за исключением случаев, когда решение об отказе в приеме диссертации к защите связано с несоблюдением требований, установленных пунктом 14 настоящего Положения, и (или) наличием в диссертации недостоверных сведений об опубликованных соискателем ученой степени работах, в которых изложены основные научные результаты диссертации. Такая диссертация размещается на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, в котором диссертация проходила предварительное рассмотрение, в сети «Интернет» сроком на 10 лет с указанием причины отказа в приеме диссертации к защите» [1, 18-19].

Стало быть, важнейшим критерием является соответствие работы формуле специальности и пунктам паспорта специальности. В практике деятельности имел место случай, когда министр образования и науки одного из недавно признанных государств обратился в вуз, при котором действует совет по специальности 07.00.02-отечественная история с просьбой принять к рассмотрению диссертацию выполненную, как указывалось в письме, по специальности 07.00.07 — этнография, этнология и антропология.

Один из руководителей вуза отказал в этом мотивирую свое решение ссылкой на п. 16 Положения. Данный факт позволяет нам выявить ряд допущенных ошибок, Первая, на наш взгляд заключается в том, что согласно п.15 Положения соискатель ученой степени имеет право представить диссертацию к защите в любой диссертационный совет. Следовательно, соискатель сам должен был обратиться с заявлением в диссертационный совет, а третьи лица к руководству вуза.

Вторая ошибка была допущена уже представителем вуза, подготовившего ответ без согласования с руководством совета. Мы считаем это грубым нарушением требования Положения, которое изложено в пункте 6. Согласно ему именно диссертационные советы несут ответственность за объективность и обоснованность принимаемых решений при определении соответствия диссертаций установленным настоящим Положением критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, а также за соблюдение порядка представления к защите и защиты диссертаций [1, 6].

Думается, то представитель вуза, подготавливающий ответ, был несколько обескуражен имеющимся в п. 16 утверждением о том, что «научная специальность, по которой выполнена диссертация, должна соответствовать научной специальности и отрасли науки, по которой диссертационному совету Министерством образования и науки Российской Федерации предоставлено право проведения защиты диссертаций». Данный представитель не утрудил себя анализом п.21 Положения о разовых защитах.

Спустя год данные соискатели обратились уже непосредственно в совет, как это и предусмотрено Положением с просьбой о проведении разовой защиты их диссертаций. В соответствии с требованием Положения им было предложено написать заявление из которого стало ясно, что их работа выполнена на стыке специальностей. Руководством совета были созданы комиссии, в состав которых вошли не только члены совета и не только работники вуза, при котором действует совет, что полностью соответствует духу и букве вышеназванных пунктов Положения.

Комиссия пришла к выводу о том, что работы выполнены на стыке двух исторических специальностей — отечественной истории и этнографии, этнологии и антропологии. Комиссия высказалась о целесообразности проведения разовой защиты по представленным диссертациям, поскольку их темы и содержание соответствовали двум шифрам, но основное содержание касалось отечественной истории.

Например, при написании диссертационного исследования на тему «Хмельные напитки осетин» для достижения поставленной цели в ходе исследования соискателем были выдвинуты следующие задачи:

— дать полную характеристику традиционных осетинских хмельных напитков, выявить их функциональное назначение и основные элементы, составляющие их национальную самобытность;

— рассмотреть происхождение отдельных напитков в историко-генетическом ракурсе, а также определить основные факторы становления и развития этнокультурных практик их потребления;

— изучить культурно-исторические связи и взаимовлияния в приготовлении и особенностях употребления хмельных напитков осетин и некоторых других народов Кавказа;

— определить природно-географические, социально-экономические и социально-культурные аспекты бытования традиционных осетинских хмельных напитков; — показать роль и место традиционных осетинских хмельных напитков в семейном и общественном быту, в народной культуре общения в целом;

— рассмотреть значение традиционных осетинских хмельных напитков и связанных с ними культурных практик в мифологии и фольклоре осетин.

Анализируя работу ха основу было взяты определения специальностей, узаконенных в нашем государстве. Согласно номенклатуре специальностей научных работников (в ред. Приказов Минобрнауки РФ от 11.08.2009 N 294) к историческим специальностям относятся отечественная история — шифр специальности 07.00.02 и этнография, этнология и антропология — шифр специальности 07.00.07. Вопросы, рассматриваемые в вышеприведенной диссертации составляют содержание специальности «Отечественная история». поскольку изучается прошлое государства и народов России, деятельность государства и общества, народов страны во всех сферах жизни на различных этапах исторического развития. Задача отечественной истории — поиск и оценка исторических источников, изучение и анализ всей совокупности фактов и явлений общественной и повседневной жизни.

Они затрагивают такие области исследования, согласно паспорту специальности «Отечественная история», как п.6. «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития», п. 7. «История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности», п.19. «История развития российского города и деревни», п.20 «История семьи», п. 25 «История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения».

В тоже время вопросы, рассматриваемые в вышеназванной диссертации относятся и к пунктам паспорта специальности 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, ее формуле специальности, содержание которой затрагивает вопросы изучение истории и современного состояния человечества в форме его специфических групп — этносов — на территории ойкумена (заселенного пространства Земли) и на всех этапах эволюции. Этносы (этнические общности, т.е.

племена и соплеменности, народности, нации, этнические меньшинства и подобные им группы) — это социальные образования, обладающие многими компонентами и сложным внутренним строением.

Этносы и их группы могут изучаться как в целом, так и в аспекте их компонент (языка, экологии, культуры, быта, сознания и самосознания), так как этнос представляет собой в сущности фрагменты общества (как такового), то и их изучение отличается большой многосторонностью. Здесь имеются такие пункты паспорта специальности, как п.1.»Этногенез», п.2 «Этическая история», п.4 «Этнологическое регионоведение, п. 6. «Этнокультуроведение (в том числе этнофольклористика, этнофилология, этномузееведение), п.9 «Теоретическая этнология» и т.д.

Таким образом, вопросы, затрагиваемые в диссертации охватывали проблемы, содержащиеся в паспортах обеих вышеназванных специальностей. Поскольку тема диссертации охватывала несколько научных специальностей, не по всем из которых диссертационному совету предоставлено было право проведения защиты диссертаций, диссертационный совет принял решение о проведении защиты такой диссертации по двум специальностям — 07.00.02- отечественная история, с привлечением специалистов в области 07.00.07-этнография, этнология и антропология. Являющихся членами действующих советов по названной специальности.

Во время проведения разовой защиты, в соответствии с требованиями Положения в состав совета с правом решающего голоса были введены 3 доктора наук по специальности, по которой совет не имел права принимать диссертации к защите и которые уже являлись членами действующего диссертационного совета по этой специальности.

Оппоненты на основе изучения диссертации и опубликованных работ по теме диссертации представили в диссертационный совет письменный отзыв на диссертацию, в котором, оценивая актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизну однако указали, что работа соответствует не только одной специальности. Однако, учитывая то обстоятельство, что защита диссертации возможна и при наличии отрицательных отзывов защита была проведена и члены совета единогласно проголосовали за присуждение соискателю искомой ученой степени кандидата исторических наук.

Подытоживая вышеизложенное хочется сделать вывод о том, что предоставленное право проведения разовых защит в целом способствует развитию междисциплинарных исследований, что благоприятно скажется на развитии отечественной наук. Вместе с тем было бы целесообразно рекомендовать проведения разовых защит только в рамках научной проблематики, входящей в один экспертный совет Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки России.

Источники

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842.

2. Приказ Минобрнауки России от 13.01.2014 N 7 (ред. от 09.12.2014) «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук».

3. http://vak.ed.gov.ru/Вопросы-ответы для соискателей ученых степеней. Дата обращения 11 июня 2015 г.

А.Д. КУЛОВА,
профессор СОГУ
(г. Владикавказ)

ВОСПРИЯТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

В статье рассматривается анализ художественного текста с точки зрения восприятия учащимися национальной школы. Художественный текст подвергается языковому и литературоведческому анализу для более эффективного и осознанного восприятия учащимися.

***Ключевые слова**: текст, восприятие, литературоведение, языкознание, сюжет, образ, композиция.*

Начальная школа во все времена является фундаментом всего общего и специального (профессионального) образования. От того, что заложено в содержание начального обучения, зависит вся дальнейшая судьба подрастающего поколения, потому что именно в этот возрастной период начинается формирование личности, развитие характера и способностей.

В этой огромного значения работе начальной школы значительное место и большую роль играет обучение чтению — восприятию текста.

«Чтение художественного текста является важнейшим источником нравственного воспитания младших школьников. Как образное отражение действительности художественный текст воздействует на мысли, чувства, воображение детей, оказывает действенное внимание на их поведение» [1. С.5] К.Д. Ушинский писал: «…то литературное произведение нравственно, которое заставляет дитя полюбить нравственный поступок, нравственное чувство, нравственную мысль, выраженные в этом произведении» [6. Т. 8, 9].

Основатель современной методики классного и внеклассного чтения, известный учены — доктор педагогических наук, профессор Н.Н. Светловская считает «чтение, правильное восприятие художественного текста обязательным компонентом современной системы образования». Как представитель классической начальной школы России Н.Н. Светловская считает деятельностный подход к чтению, восприятию текста наиболее эффективным. В процессе этой деятельности обучаемый глубже осознает не только окружающий мир, но и себя в этом мире как его часть. Чтение может и должно стать творческим, т.е. прежде всего помогающим ему творить себя. [5. С.24-27].

Часто учителя сельских школ ссылаются на нехватку времени, на отсутствие у учащихся абстрактного мышления, на сложность этапов проведения анализа с точки зрения языковых особенностей текста, забывая о том, что художествен-

ный текст — это прежде всего информация, выраженная определенными языковыми средствами. Если задача литературоведческого анализа — изучение художественного текста как фактора истории общественной мысли и социальной борьбы, то важнейшей целью языкового анализа — это выявление и объяснение учащимся национальной школы слова, использованные в художественном тексте как языковые факуты в их конкретном значении и употреблении в данном конкретном контексте. Вот почему лексический анализ любого текста следует начинать уже с первых уроков в начальной национальной школе, так как несформированность языкового анализа и синтеза скажется затем в виде нарушений процессов чтения и письма. Учитель начальной школы об этом должен помнить всегда.

Процесс изучения художественного текста — это соединение анализа и синтеза, рассматривание отдельных частей и обобщение этих частей вместе. Анализ и синтез служат важным условием достижения целостного восприятия художественного произведения, в котором отражаются предметы и явления реального мира при их непосредственном воздействии на органы чувств читателя.

Восприятие художественного текста учащихся национальной школы первоначально носит непроизвольный характер. Дети не умеют пока управлять данным процессом, из-за слабого владения русским языком не в состоянии самостоятельно анализировать тексты. Это связано и с возрастными особенностями младших школьников.

Детям национальной школы значительно тяжелее проводить целенаправленный анализ при восприятии текста. Поэтому они с трудом овладевают содержанием художественного произведения. Это приводит к тому, что при чтении текста или пересказе происходит перескакивание от одной части к другой, с одной строчки на другую, пропуская при этом важные ключевые слова. А поначалу процесс восприятия часто ограничивался только узнаванием и последующим названием предмета. Между тем в восприятии учащихся постепенно происходят определенные изменения, так как дети на каждом уроке пополняют свой словарный запас, следовательно, активизируется русская речь. Только после такой скрупулезной практической работы над речью дети понемногу начинают овладевать «техникой» восприятия, учатся смотреть, слушать, выделять главное, видеть в предмете или явлении основные детали. Восприятие становится расчлененным и превращается в целенаправленный управляемый, сознательный процесс. Так в процессе обучения начинает чувствоваться перестройка восприятия, оно поднимается на более доступный уровень развития, становится более анализирующим, принимает характер организованного наблюдения. В связи с этим изменяется у учащихся национальной школы и отношение к русскому слову в восприятии текста. В начале обучения слово у ребят в основном выполняло функцию названия. Этим и завершалось восприятие. Теперь же учащиеся, достаточно окрепшие в знаниях, готовы к восприятию художественного текста более осознанно.

Смысл художественного текста заключается в сложном сцеплении эпизодов и образов, реплик героев и авторской речи, в подтексте и т.д. И поскольку существуют разные уровни понимания учащимися произведения, постольку различной должна быть и мера анализа текста, степень его глубины и развернутости. Необходимо стремиться к максимально возможной глубине постижения учащимися идейно-художественного богатства, морально-нравственных ценностей произведения.

В методике традиционен подход к изучению художественного текста, при

котором учащиеся должны знать о нем все, но полный (исчерпывающий) анализ не всегда возможен и уместен в начальной школе. Учителю национальной школы важно помнить, что для более разумного воздействия художественного произведения на учащихся нужна гибкая система путей изучения текста. Необходимо опираться на практический опыт учащихся по родному литературному чтению, так как на этих уроках дети осваивают немало слов — терминов по литературоведению (анализ, синтез, образ, жанр, композиция, сюжет и другие). Смысл, значение этих слов в обоих языках одинаковы.

Работа с текстом — это прежде всего понимание многозначности его содержания, непременное сотворчество автора и читателя. Текст — это определенная реальность: за ним всегда стоит автор. Это авторское открытие, осознание им тех или иных сторон действительности и умение выразить эту действительность средствами русского языка.

В обыденной жизни считается, что способность понимать тексты не содержит ничего исключительного. Однако понимание текста не менее сложно, чем его создание. С чем связаны трудности восприятия и понимания текста для учащихся национальной школы? В процессе, ведущим к пониманию, как бы взаимодействуют две силы: сам текст и то, что происходит в психике человека во время восприятия читаемого. Ученик воспринимает текст через сигналы, его составляющие. Такими сигналами являются его слова, словосочетания, предложения, а также построение текста. Все эти сигналы будут активно воздействовать на маленького читателя в процессе чтения текста, если словарный запас ученика будет достаточный для восприятия всего текста.

Понимание художественного текста — сложный мыслительный процесс, в ходе которого идет активная переработка составляющих его элементов в смысловые отрезки (порядки). Поэтому понимание текста зависит от умения читателя воспринимать эти обращенные к нему сигналы, от умения на них реагировать.

Изучение художественного произведения многосторонний, но внутренне единый процесс, который нельзя искусственно разбивать. В актах художественного восприятия мы можем вглядываться, вдумываться в то, что изображено, показано, выражено, — какие это явления, люди, события, какой характер взаимоотношений между героями и т.д. Но, рассматривая художественный текст, мы можем обратить особое внимание на то, как все это передано, изображено, выражено: ярко или тускло, талантливо или неталантливо, профессионально или нет и т.д. Так возникает наша направленность уже не на содержание, а на форму текста, то есть на то, как, какими приемами показано это содержание. В ходе восприятия различных произведений мы по-разному делаем акцент на их форму и содержание. Это во многом определяется характером произведения. Понятно, что в процессе изучения произведения мы должны стремиться к тому, чтобы учащиеся более глубоко воспринимали его в единстве содержания и формы.

Художественное произведение — не только результат мышления писателя, его слово о жизни, но оно воспроизводит и процесс мысли, поскольку движение сюжета, характеры, язык, взаимосвязь компонентов произведения раскрывают ход мысли автора. В то же время вдумчивое чтение текста — это акт творческий, в котором ученик не только воспроизводит художественную мысль автора, но и осваивает ее, обогащает свой духовный мир. Следовательно, задача учителя национальной школы заключается в том, чтобы научить учащихся понимать, чувствовать художественную мысль автора произведения. А так как содержание и

логика развития художественной мысли у каждого писателя своеобразна, то чтение произведений, размышления над этими произведениями и их анализ способствует расширению художественного мышления учащихся, улучшает их восприятие произведения.

Говоря о языковом анализе художественного текста, как о пути целостного восприятия художественного произведения, учителю необходимо знать, что в научном анализе сохранились элементы непосредственного восприятия, а в непосредственном восприятии были зачатки научного анализа. Дело в том, что непосредственное восприятие и анализ связаны между собой и складываются как личное убеждение и личная оценка. Это самый трудный момент при изучении художественного произведения учащимися национальной школы. Поэтому при анализе художественного текста в классе, надо, чтобы знания усваивались учеником как можно более естественно, исходить из первоначальных представлений о тексте, т.е. учитель должен искать наиболее гибкие и эффективные пути работы, а, следовательно, стремиться к прочности знаний, усвоенных учащимися. И тогда анализ текста превратится в естественную потребность младшего школьника — читателя и сможет разобраться в прочитанном более детально.

Такое комплексное изучение художественного текста позволяет органичнее и естественнее сомкнуть чтение и изучение произведения, непосредственное и аналитическое восприятие его, донести до учащихся авторскую концепцию жизни, композицию произведения в целом.

Поскольку важнейшей единицей общения является текст, то именно он и выступает в качестве основной дидактической единицы. Языковедческий анализ художественного текста позволяет выявить интеграцию содержания дисциплин гуманитарного цикла, прежде всего русского языка, родного и русского литературного чтения, учет взаимодействия которых в школе при рассмотрении общих для них вопросов способствует более легкому усвоению сложных понятий русского и родного языков; возбуждает интерес учащихся к глубокому, внимательному чтению художественных произведений на родном и русском языках, а также к самостоятельному анализу текстов-образцов на основе синтеза языковедческого, литературоведческого подходов с целью совершенствования собственной речевой и творческой деятельности, общей культуры речи.

В современной жизни важная речевая грамотность — умение связано и адекватно выражать свои мысли, строить коммуникативно-целесообразные высказывания в устной или письменной форме, пользуясь нужными языковыми средствами в соответствии с целью, содержанием речи и условиями общения. Это означает, что необходимо вырабатывать чувство языка, развивать аналитические и творческие способности учеников как на уровне содержания, так и на уровне языковых средств, что очень тесно взаимосвязано. Решая эти задачи, и следует обратиться к тексту, к комплексной работе с ним.

Комплексный языковой анализ текста — это сложная, интересная, многоцелевая работа, при которой осуществляется функциональный и системный подход к изучению языка, а также ярко выявляются межпредметные связи.

Необходимо ли обучать такому уровню анализа в начальной школе, тем более в национальной школе? На наш взгляд, не всякое художественное произведение требует комплексного анализа в начальной национальной школе, не на всяком художественном тексте можно продемонстрировать функции комплексного анализа, не все компоненты комплексного анализа могут «сработать» в условиях на-

чальной национальной школы. Поэтому необходим тщательный отбор учебного материала, времени и форм реализации комплексного анализа применительно к начальной национальной школе. Долг учителя начальных классов сельской школы — организовать планомерную, интересную, квалифицированную с текстом работу, формирующую мыслящую, грамотную, творческую, подлинно культурно компетентную личность.

Анализ текста, как и любая работа аналитического характера, не является самоцелью, кроме того, ее цели не ограничиваются лишь восприятием текста.

«Задача состоит не только в том, чтобы ввести в память учащихся литературный язык, но главным образом в том, чтобы научить пользоваться этим языком наилучшим образом», — писал Н.И. Жинкин [3. С.329]. Именно поэтому работа с текстом на уроках русского языка и литературного чтения не может сводиться исключительно в аналитической стадии — она органически вбирает в себя и стадию синтеза. Пересказ текста (изложение), интерпретация текста, собственные размышления, возникшие на основе текста (сочинение), — одним словом, создание нового, оригинального, собственного текста учениками — вот конечная цель обучения языку. И эту задачу помогает решить комплексный анализ текста.

Так, работа с текстом при постоянном контроле со стороны учителя национальной школы может дать следующие результаты: 1) развить у учащихся языковое чутье; 2) вырабатывать орфографическую, языковую зоркость; 3) способствовать устранению грамматических, стилистических и речевых ошибок; 4) совершенствовать коммуникативные умения и навыки; 5) развивать аналитические способности как на уровне языковых средств, так и на уровне содержания; 6) совершенствовать творческие и познавательные способности учащихся. Именно поэтому анализ текста не случайно приписывают к пропедевтической основе творческих работ (изложений, сочинений и др.).

В статье «Психологические основы развития речи» Н.И. Жинкин писал: «… когда учащийся буквально повторяет прочтенный ему текст, нельзя сказать, что он действительно понял прочитанное. Поняв же общий смысл, он всегда может передать его достаточно адекватно путем перевода на свои слова. В процессе развития речи необходимо формировать критику учащихся в части отбора и сочетания слов. Надо развивать наблюдательность за изменением значений, когда к одному и тому же слову присоединяются то одни, то другие слова. Критерием оценки должно быть соответствие замыслу высказывания». Так, первой задачей работы с текстом является формирование у учеников умения правильно понимать услышанное или прочитанное. Затем предстоит научить сознательно, в соответствии с замыслом, отбирать слова из имеющегося у каждого ученика запаса и грамматически правильно и содержательно, целесообразно строить собственные высказывания. При этом, безусловно, нужно постоянно заботиться о пополнении словарного запаса, совершенствовании как грамматических знаний, так и содержательности речи. А чтобы добиться всего этого, необходимо научить школьников проводить нужные мыслительные операции в определенной последовательности. Отсюда следует, что учителю для работы потребуется, во-первых, довольно полный перечень возможных аспектов языкового и содержательного анализа текста, а во-вторых, пошаговая методика (алгоритм), которая предусматривает постепенность аналитической, а затем и синтетической работы.

Для анализа текста учащимся можно предложить примерный план, который содержит элементы как языкового и речевого, так и лингвостилистического и

литературоведческого характера. Такой план может быть предложен ученикам 3-4 классов и использоваться на уроках как русского языка, так и литературного чтения.

Примерный план анализа текста

1. Прочитайте текст. При чтении используйте интонационные подчеркивания, выделения как отдельных слов, так и смысловых отрезков.
2. Вспомните, что вы знаете об авторе текста.
3. Какого типа речи текст?
4. К какому жанру относится текст?
5. Какое настроение наводит на вас текст?
6. Определите тему текста.
7. Если текст не имеет заглавия, озаглавьте его. Если заглавие уже есть, то подумайте над его смыслом (почему именно такое заглавие выбрал автор).
8. Разделите текст на смысловые части, составьте для себя план текста.
9. Как связаны части текста? Обратите внимание на лексические и синтаксические средства связи.
10. Определите основные образы текста.
11. Охарактеризуйте лексику текста:

— найдите незнакомые или непонятные слова и установите (раскройте) их значения по толковому словарю. Обратите внимание на правописание этих слов;

— найдите ключевые слова в каждой части текста;

— найдите в тексте лексические и контекстуальные синонимы и (или) антонимы;

— найдите многозначные слова и слова, употребленные в переносном значении;

— выделите фразеологизмы. Зачем они употреблены?

— обратите внимание на средства художественной выразительности, если они применяются автором (эпитеты, метафоры, сравнения и др.).

12. Какими морфологическими средствами пользуется автор (обилие глаголов для передачи действия или для динамичного описания чего-то изменяющегося, движущегося; обилие существительных и прилагательных при описании предметов или пейзажа; употребление частиц — ограничительных, выделительных, усилительных, подчеркивающих неожиданность происходящего, передающих удивление, восхищение и т.д.)?
13. Сформулируйте идею текста (что хотел сказать автор, зачем он создал этот текст).
14. Каково ваше впечатление от текста?

При анализе текста необходимо помнить, что рассмотреть все вопросы на материале одного текста невозможно и не нужно. Объем разбора определяется характером самого текста и его особенностями.

Как видно из общего плана анализа текста, комплексный языковой анализ складывается из трех основных аспектов: 1) лингвистического, 2) лингвостилистического и 3) литературоведческого — и представляет собой интеграцию лингвистики и литературоведения. То есть эти аспекты не изолированы один от другого, а, наоборот, взаимосвязаны. Однако техника анализа не позволяет рассматривать их всесторонне и одновременно. Следовательно, учителю необходимо, во-первых, определить весь возможный объем работы с конкретным текстом; во-вторых, распределить эту работу на домашнюю (подготовительную и заключи-

тельную) и классную; в-третьих, выстроить ее в определенной последовательно, то есть продумать ее алгоритм.

Если говорить об объеме работы, то он зависит прежде всего от характера текста, его глубины, языковой и содержательной сложности и насыщенности; от возраста и подготовленности учеников и, наконец, от того, на каких уроках — русского языка или литературного чтения — предполагается провести аналитическую работу. Понятно, что на уроках русского языка языковым аспектам можно уделить больше времени, тогда как на уроках литературного чтения уместно будет лишь попутно коснуться некоторых языковых проблем, делая основной акцент на развитие русской речи, на литературоведческую лексику.

Что касается распределения аналитико-синтетической работы на домашнюю и классную, то здесь, вероятно, стоит исходить из того, что вся она должна состоять из трех этапов: 1) подготовительной домашней работы, включающей в себя познавательную и аналитическую; 2) аналитической классной и 3) заключительной синтетической (творческой) — как классной, так и домашней.

Дома ученики должны познакомиться с текстом, подготовить его выразительное чтение, постараться узнать что-то об авторе и произведении, найти в словаре значения незнакомых или малопонятных слов, а также попытаться самостоятельно проанализировать текст по данным им вопросам. Такой предварительный анализ требует времени и определенных навыков, поэтому в начале систематической работы он поэтапно контролируется учителем на уроке.

На урок ученики приходят в основном уже подготовленными к анализу текста, и цель классного занятия состоит в том, чтобы проверить и оценить их собственные наблюдения над текстом, скорректировать и развить их, закрепить и отработать языковые навыки, активизировать их речь, побудить их к творческой исследовательской работе над текстом и полностью подготовить к активной речевой деятельности.

При этом очень большую роль играет последовательность анализа, его организация. Именно организация работы в большей мере определяет, сумеет ли учитель добиться ответа — конечных целей комплексного анализа текста.

Такими целями, на наш взгляд, являются следующие:

— возможно более адекватное восприятие текста учениками;

— развитие речевой и языковой грамотности;

— грамотное воспроизведение данного текста своими словами (как устное, так и письменное);

— создание учащимися собственного оригинального текста на основе данного (сочинение).

На этих задачах, а также на особенностях восприятия текста учениками и должен основываться пошаговый план анализа. Восприятие любого текста связано с тем, что в нем можно выделить две стороны: языковую и содержательную. При этом языковая (внешняя, формальная) сторона не только определяется содержательной (внутренней), но и сама формирует ее. Именно поэтому языковой анализ должен, при всей его связи с содержательным, опережать, предварять последний. Другими словами, анализируя текст, мы идем от формы к содержанию.

Итак, современные преобразования в области образования приводят нас к выводу о том, чтобы обеспечить подрастающим поколениям новое качество обучения и воспитания. Обществу нужен гражданин, умеющий пользоваться книгой

и чтением, чтобы своевременно добывать и перерабатывать недостающие ему знания.

Зная о том, что, «если литература — храм, а чтение — дорога к нему» [2. С.18], то важнейшая задача учителя начальной школы состоит в научении читать и одновременно с этим развитии интереса к чтению и книге, научении работать с произведением, ориентироваться в тексте и книге. Однако научить ребенка читать и пользоваться умением читать как средством своего развития — задача далеко не из легких для учащихся начальной национальной школы. «Но еще более сложными оказываются языковые явления тогда, когда они попадают в художественный текст, трансформируются, получают особые эстетические функции и становятся фактами одного из самых действенных и специфических средств литературного текста» [5. С.10].

Поэтому на уроках чтения художественного произведения должен присутствовать не только литературоведческий, но и языковой анализ текста, ибо на страницах художественного произведения мы постоянно встречаемся с такими словами и оборотами речи, с такими формами и категориями, которые нашему ежедневному общению не всегда свойственны. Между тем эти слова крайне важны для полного, осознанного восприятия данного текста.

Примечания

1. Бобровская Г. В. Формирование нравственных представлений у младших школьников в процессе чтения произведений детской литературы // Начальная школа. 2011. № 2. С.5.

2. Ефросинина Л. А. О литературном чтении в четырехлетней начальной школе // Начальная школа. 2004. № 1. С.18.

3. Жинкин Н. И. Язык — речь — творчество. Избранные труды. М., 1998. С.329.

4. Конькова О. С. Элементы лингвистического анализа художественного текста на уроках литературного чтения // Начальная школа. 2005. № 12. С.10.

5. Светловская Н. Н. Чтение как обязательный компонент современной системы образования // Начальная школа. 2002. № 7. С.24-27.

6. Ушинский К. Д. Чтение как предмет воспитания. Избранные труды. Т. 8, 9. М.; Л., 1949.

7. Шакирова Л. З., Сабаткоев Р. Б. Методика русского языка (на материале национальных школ). СПб., Казань, 2003.

Л. А. ГАППОЕВА,
кпн, доцент СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ

Выдающийся педагог и детский писатель, основоположник русской народной школы и методики обучения детей чтению Константин Дмитриевич Ушинский внёс огромный вклад в развитие педагогической мысли и учение о духовной стороне жизни человека. Подчёркивая связь общественного прогресса с состоянием образования, он писал: «Развейте ум человека, обогатите его познаниями окружающего мира, и он превратит и болота, и пески, и безлюдные горы в источники богатства. А пока человек дремлет в невежестве, до тех пор скудна самая богатая от природы страна, и народы нищенствуют, и финансы находятся в жалком положении, какие бы ни предпринимались кредитные обороты, которые без истинного богатства всегда останутся перекладыванием клочков бумаги из одного пустого кармана в другой, такой же пустой» [1, 168-169].

В течение последних 20 лет в образовательном пространстве России произошли существенные изменения. Система обучения перешла на другой уровень сложности: появились новые типы государственных учреждений; кроме государственных, возникли негосударственные учебные заведения; увеличилось количество образовательных программ, но слова К. Д. Ушинского не утратили своей актуальности. Значение подготовки учителей для воспитания и образования детей приобретает сегодня особое звучание, хотя это не изобретение чего-то нового, а скорее, на наш взгляд, возврат к старому, проверенному, фундаментальному подходу. Это должно быть обращение к гуманистическим ценностям в образовании, к воспитанию личности, индивидуальности, а также обращение к культуросохраняющей и культуроразвивающей функции школы, осуществляющей социальную защиту и поддержку ребёнка. Современное образование через учителя должно изменить парадигму обучения, не дифференцировав при этом различные структуры образовательного процесса, а напротив, объединив их. Огромное значение в этом процессе должно сыграть восстановление и упрочение традиции национальной школы.

Большинство исследований в области подготовки будущих учителей начальных классов к обучению младших школьников чтению подтверждают и наши выводы о наличии трёх основных компонентов в содержании минимально достаточного уровня готовности учителя. Это — во-первых, психолого-педагогическая грамотность; во-вторых, литературная образованность; в-третьих, методическая подготовка.

Профессиональное становление будущего педагога следует рассматривать как процесс комплексной организации учебно-воспитательных воздействий, направленных на формирование положительного отношения к педагогической профессии и обеспечивающих овладение системой методологических взглядов, убеждений, теоретических знаний и концепций, практических умений и навыков, необходимых для выработки основ педагогического мастерства. При этом формируется социально активная личность, обладающая рядом психических свойств и нравственных качеств, необходимых для выполнения педагогических функций. Но определяющим для квалифицированной подготовки специалиста является мотивация к профессии с первого дня обучения на факультете.

Многолетние наблюдения за подготовкой будущих учителей начальных классов, получающих образование в университете в национальной республике, позволило определить ряд современных проблем, первой из которых является отсутствие целеполагания к педагогической профессии со стороны самого студента. Мало кто из первокурсников задаётся вопросом: зачем, с какой целью я пришёл на педагогический факультет? От сегодняшних студентов в ответе на этот вопрос вы не услышите, что они выбрали специальность учителя начальных классов, чтобы реализовать свои профессиональные знания в школе, принести пользу обществу, народу, государству! В основном все отвечают, что главное для них получить диплом о высшем образовании. Заметим, не высшее образование, а диплом! И это, на наш взгляд, тоже проблема. Некоторые из опрошенных отвечают примитивно: «Люблю детей». А ведь мотивация плюс знания, умения и навыки, полученные в вузе, дают в результате основу для самообразования и самовоспитания, так необходимых человеку любой профессии, а в особенности учителю начальных классов. Социальной проблемой на сегодняшний день является непрестижность профессии учителя, обусловленная её низкой оплатой, отсюда и «случайные» студенты на педагогическом факультете.

Психолого-педагогическая грамотность должна предполагать хорошее знание и максимальный учёт студентами особенностей работы с детьми младшего школьного возраста как читателями. Будущие учителя начальных классов должны осознать роль уроков литературного чтения в гармоничном развитии личности, в формировании и воспитании культурного человека. А для этого они сами должны являться таковыми. Отсюда встают новые проблемы. Можем ли мы утверждать, что выходящий из стен вуза педагог не только вооружён суммой необходимых ему знаний и умением эти знания донести до ребёнка, но в том, что молодой специалист ещё и культурен, хорошо воспитан и не навредит своим ученикам?

Современная начальная школа призвана обучить разным видам жизненно необходимой и общественно полезной деятельности на основе систематического учебного труда. Процесс овладения этими видами деятельности создаёт у младших школьников базу для пробуждения личных задатков, способностей и привычку систематически добывать знания из различных областей окружающей деятельности. Выпускники начальной школы должны достигать того уровня общего образования, который позволит им осваивать основы наук в средней школе как общеобразовательной, так и специальной, а затем, углублять свои интересы, изучая те или иные науки в вузе. Безусловно, невозможно себе представить, что успех на любом этапе обучения, может быть достигнут без квалифицированной работы с книгой как со стороны педагога, так и со стороны обучающегося.

О культуре будущего педагога невозможно говорить, не упомянув основного профессионального качества будущего учителя начальных классов, определяющего его социальный статус как человека — владение читательской культурой, то есть высшей степенью совершенства в овладении читательской деятельностью. Обладающий этим качеством, прошёл пять ступеней совершенства: 1) знание о читательской деятельности; 2) умение пересказать эти знания; 3) умение правильно действовать с книгой и среди книг; 4) привычка квалифицированно действовать с основными и вспомогательными для читателя объектами; 5) потребность в систематическом и целесообразном занятии читательской деятельностью.

Это понятие относится ко второму компоненту подготовки будущего учителя в области литературного чтения — к литературной образованности. Анкетирование показывает слабую литературную подготовку поступивших в вуз первокурсников. Но самое главное — это отсутствие у будущих педагогов пятой высшей ступени читательской культуры, т.е. читательской самостоятельности. А она предполагает устойчивую потребность человека в общении с книгой, как предметом культуры, который служит местом хранения и способом передачи накопленных человечеством знаний и социального опыта. Отсюда вытекает ещё одна проблема подготовки специалистов в вузе — не просто вооружить будущего педагога знаниями о читательской культуре и, а сделать её неотъемлемой частью личности выпускника. Книга по-прежнему остаётся одним из основных инструментов учителя, а значит, устойчивая потребность в общении с ней учителю просто необходима! И решение этого вопроса лежит уже в социально-экономической плоскости и предполагает обеспечение студентов детскими книгами самыми разнообразными по жанрам и тематике для изучения на практических занятиях по предмету «Детская литература». А для будущего педагога, работающего в школе в национальной республике, необходимо знание книг местных авторов и специфика их преподавания. Художественные произведения мировой классической и современной литературы, включённые в программы по литературному чтению в начальных классах, играют главенствующую роль в духовно-нравственном развитии детей. Чтение и полноценное восприятие детьми текстов художественных произведений с помощью книги приобщают к культурным и нравственным ценностям своего народа и человечества в целом.

Книга в жизни общества всегда имела особое значение. При этом указывалось на две функции этого предмета культуры — это познавательная и воспитательная. Традиция русской методики обучения чтения всегда умело сочетала оба эти аспекта. Именно поэтому ещё с XIX в. особое внимание стало уделяться не только умелому раскодированию и пониманию, но воспитанию любви к книге, желанию читать даже вне урока. Широкий взгляд на цель чтения книг позволил развивать внеклассное чтение. Особенно актуальным это направление стало с середины XX века. В начале 70-х годов методическая наука обогатилась теорией читательской деятельности, сформулированной профессором Светловской Н. Н.

С появлением телевидения, компьютера поток информации обрушился на человека. Для того, чтобы что-то знать, и быть в курсе самых последних событий, можно получать информацию с экрана телевизора или дисплея компьютера. А начало XXI века ознаменовалось таким способом постижения знаний как электронная книга. В жизни современного человека все больше времени занимают телевизор, реклама, компьютерные игры и интернет. А в обществе нарастает опасная тенденция не только падения интереса к художественной

книге, как в электронном, так и в печатном виде. Бездуховность, нравственная слепота, равнодушие, жестокость, отсутствие патриотизма и элементарной культуры, — эти страшные качества становятся сутью большинства подрастающего поколения.

Воспитание в человеке нравственных качеств и эстетических чувств средствами литературы — тема в педагогике не новая. Книга является не только универсальным материальным объектом по передаче знаний и источником информации в младшем возрасте, но и основным «проводником» общечеловеческих ценностей, духовного наследия предыдущих поколений, источником эмоционального и эстетического переживания. Изучения текста художественного произведения рассматривается сегодня как процесс общения читателя с писателем, т.е. как коммуникативное событие. Традиционные уроки, по- прежнему, сочетают задачи обучения технике чтения с задачами педагогического характера: нравственно-эстетическое воспитание ребёнка, расширение читательского кругозора, развитие устной и письменной речи. Все эти установки решаются средствами художественной литературы. Основное внимание при изучении художественного произведения сегодня уделяется организации процесса адекватного восприятия и анализа. В этом заключается современная концепция подхода к литературному произведению как эстетическому объекту.

Следует признать, что сегодня книга имеет очень сильного конкурента. Компьютер как развлекающий фактор, прочно вошел в жизнь наших современников. Большинство детей и подростков предпочитают общение в соцсетях общению с авторами книг через созданный ими (авторами) текст. Хорошо ли это? В чём преимущества традиционной формы передачи художественного слова? Как сделать так, чтобы дети младшего школьного возраста читали и любили печатную книгу и предпочитали её электронной книге и компьютеру? Какие методики стоит использовать, чтобы приучить детей с 1-го класса читать печатные книги? Эти вопросы и проблемы, которые стоят как перед школой, так и перед вузом, выпускающим учителей начальных классов. Возврат к традиционной методике приучения детей к чтению книг на уроках внеклассного чтения требует решения всё тех же социально-экономических проблем: обеспечение школьников книгами разнообразными по жанрам, по темам чтения, по авторам, а так же книгами осетинских детских писателей. Последние тоже находятся в весьма сложном положении. Осетинская детская литература, как на русском, так и на осетинском языках, последнее время переиздаётся и обновляется, но предметом изучения в начальной школе, по-прежнему, не становится.

Третий компонент минимально достаточного порогового уровня готовности учителя к обучению младших школьников литературному чтению — собственно методическая подготовка. Традиционная школа прекрасно умела учить, передавать знания. И ее наработки в этом вопросе стоит учитывать. Вооружить детей прочными знаниями — задача школы и сегодня. Но это не только знания, но и нравственные принципы, опираясь на которые жило человечество. Значит, школа должна не только познакомить детей с общечеловеческими ценностями, но и организовать педагогический процесс принятия их и закрепления в поступках учащихся. Особое значение в этом приобретают уроки литературного чтения, которые должны не только стать способом обретения детьми системы знаний, методов анализа произведений, но и усвоения этических норм и правил как ориентиров в жизни.

Но эти задачи требуют изменений в подходах к реализации программ, как в школе, так и в педагогическом вузе. Сегодня, исходя из задач образования, делаются шаги к изменению: во-первых, соотношение между знаниями и работой по их самостоятельному освоению учениками; во-вторых, знаниями и умениями; и, наконец, что особенно важно, знаниями, нравственными ценностями и работой по их освоению и присвоению учениками. Эта часть педагогической работы сегодня по причинам нравственного, а вернее, безнравственного состояния общества особенно важна. На уроке литературного чтения дети под руководством учителя должны читать книги с огромным нравственным потенциалом. Педагог должен помочь воспринять эстетические и нравственные ценности. Читая и анализируя произведение, ребенок должен задумываться о важных вопросах бытия: о правде и лжи, любви и ненависти, истоках зла и добра, возможностях человека и его месте в мире. Задача педагога — организовать полноценное, глубокое восприятие детьми всей информации, заложенной в текст, помочь им представить себе картины, нарисованные автором, эмоционально отозваться на чувства автора и героев, понять авторскую мысль и по мере возможности увидеть, как все это передает нам, читателям, художник слова. Глубокий анализ художественного текста на уроках литературного чтения призван развивать так же интеллект, эмоциональную сферу, эстетический вкус и творческие способности. Организация процесса должна быть направлена так, чтобы чтение способствовало развитию личности, а развивающаяся личность испытывала потребность в чтении, как в источнике своего дальнейшего развития: самообразования и самовоспитания. Анализ художественных текстов учебников и хрестоматий по литературному чтению, способствует приобретению навыков элементарного анализа через усвоение теоретико-литературных сведений. Но самым важным является постижение социально-нравственного опыта, заключённого в художественном слове. Специфика текста произведения и место урока в системе подготовки ребёнка-читателя влияют на методы и приёмы, которые использует учитель. Результат усвоения материала должен складываться из знаний, умений и навыков, сформированных в ходе реализации педагогом целей и задач конкретного урока.

Под суммой знаний, которые должны быть усвоены учащимися, можно понимать полное усвоение содержания прочитанных и проанализированных текстовых материалов. Успех урока литературного чтения зависит от того, какую задачу поставил учитель при изучении текста и как смог построить алгоритм освоения того или иного текста, а главное, использовал ли он все этапы анализа и виды работ с текстом художественного произведения, включил ли он работу с художественной книгой. В национальной республике работы по изучению текстов художественных произведений национальных авторов имеют сложности. В первую очередь — это отсутствие методических пособий с поурочными разработками по произведениям осетинских писателей. Незнание педагогами содержания текстов художественных произведений осетинских писателей приводит к тому, что они не способны сочетать по теме и идейному замыслу материал учебника и национальную книгу. Сам текст литературного произведения, который включается в урок пока только под наблюдением и при непосредственном участии учителя. Учитель руководит действиями ребёнка, дозирует учебные задания, учитывая индивидуальные особенности детей, постепенно усложняет учебный материал. Качество работы учащихся, т.е. полноценное восприятие детьми прочитанного произведения после индивидуального осмысливания связей между текстом

и вне текстовой информацией, учитель проверяет с помощью беседы о том, что они поняли и представили, почувствовали. На данном этапе литературного развития перед учащимися от урока к уроку должны проходить и осваиваться самые разнообразные тексты не только по жанрам, но и по темам, по авторам, по эмоциональному настрою и словарному оформлению. Каждый из текстов содержит от двух до пяти- шести новых слов, некоторые из которых должны войти в активный словарный запас, поэтому проводится тщательная этимологическая работа над словом. Для реализации всех перечисленных задач учителю необходим широкий читательский кругозор и методическая грамотность. А эти качества сегодняшнего педагога начальной школы вызывают глубокие опасения. У студентов педагогического факультета нет привычки обращаться к книгам, тем более к детским, хотя они и являются частью необходимых будущему учителю знаний. Знание методики обучения детей литературному чтению превращаются в данном случае в ноль.

В заключении хотелось бы отметить, что обеспечение владением читательской культурой будущих педагогов, помогло бы транслировать эти действия на учеников, а значит решить эту проблему и в школе. Поскольку специалист любой профессии, владеющий читательской культурой «обречён» на высокую степень профессиональных знаний и нравственных качеств, это бы позволило решать любые социокультурные и региональные проблемы.

Примечания

1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: Учебник для студентов высш.и средн. пед. учеб. заведений. М., 2002 с.168-169.

2. Гаппоева Л. А. Педагогические условия подготовки студентов университета — будущих учителей к формированию читательской культуры младших школьников: Монография; Сев.-Осет.гос.ун-т. Владикавказ 2004. 149с.

3. Козлова Л. И. Подготовка учителя начальных классов к обучению младших школьников чтению: Дисс…канд.пед.наук.МГПУ им. В. И. Ленина.М., 1989.с. 79.

4. Светловская Н. Н. Основы науки о читателе: Теория формирования типа правильной читательской деятельности. М., 1993.с.61.

I. ИСТОРИЯ

Н. А. ЛАДОНИНА,
соискатель СОИГСИ
(Владикавказ)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье рассматриваются начальные этапы формирования системы народного образования на Кавказе. Обозначены основные цели образовательной политики российского правительства в регионе в первой половине XIX в., показана эволюция ее основных принципов. Выявлены и проанализированы разнообразные организационные формы, в которых осуществлялся учебный процесс. Сделан вывод о формировании условий для дальнейшего развития кавказской школы.

Ключевые слова: *Российская империя, Кавказ, образовательная политика, учебный округ, гимназии, уездные (окружные) училища, начальные училища, приходские школы, школы военных воспитанников, горские школы*

The article discusses the first stages of forming of the public educational system in the Caucasus. The key objectives of the Russian government's educational policy in the region in the first half of the 19th century are marked; the evolution of its main principles is shown. The various organizational forms, in which the teaching process was realized, are revealed and analyzed. The conclusion on the forming of conditions for the further development of Caucasian school is done.

Keywords: *Russian Empire, Caucasus, educational policy, district, gymnasiums, uezdnye (district) schools, primary schools, parish schools, schools of war pupils, schools for mountaineer's children*

Включение Кавказа в состав Российской империи сопровождалось формированием в регионе системы народного образования. На Кавказе образовательная политика имела свою специфику, которая определялась задачами правительства в регионе — интеграции его территории и населения в российскую государственность.

Ранний этап организации школьного дела на Кавказе тесно связан с христианизацией местного населения. Начало его относится к середине XVIII в., когда в 1745 г. была открыта Осетинская духовная комиссия. Помимо миссионерской деятельности комиссия занималась распространением грамотности среди местного населения. Первоначально она располагалась в одном из урочищ на р. Фиагдон, а в 1764 г. была переведена в только что отстроенную крепость в местечке Моздок. Тогда же была открыта первая миссионерская школа, вопрос о создании которой обсуждался в Петербурге [1, 206-207]. Поначалу обучение велось на родном языке, но в 1767 г. вышел указ Св. Синода, который предписывал, чтобы «осетинцы обучены были грамоте на российском, а не на каком другом диалекте» [2, 40].

Открытие этого первого в Осетии учебного заведения положило начало целой сети церковноприходских школ, находившихся в ведении Осетинской духовной комиссии, а через нее — экзарха Грузии. Вхождение ряда осетинских обществ в состав России в 1774 г. активизировало процесс развития политических и культурных связей далекой окраины с империей. Этому немало содействовала миссионерская и образовательная деятельность Осетинской духовной комиссии, которая рассматривалась как одно из важнейших направлений правительственной политики на окраинах империи.

Вовлечение Кавказа в российскую административную систему ставило вопрос о кадрах чиновников. Растущие потребности в бюрократическом аппарате не удовлетворялись только за счет служащих, приезжающих на Кавказ из центральных областей. Поэтому на повестку дня встал вопрос об организации в регионе светского образования, которое бы готовило кадры для нужд управления. Поэтому в первые десятилетия XIX в. на Кавказе стали открываться гимназии и училища: в августе 1811 г. — уездное училище в Ставрополе, преобразованное впоследствии в гимназию; в марте 1818 г. — первое приходское училище в Георгиевске [3, 15; 4, 16-17].

Однако удаленность Кавказа от центра империи, его особое положение затрудняли организацию здесь упорядоченной системы образования. Собственно история образования на Кавказе начинается лишь в 1829 г., когда появилось Положение о Закавказских училищах [5, 571-574]. В крае появились новые учебные заведения: гимназия в Тифлисе и уездные училища в Грузии и Армянской области. Они предназначались главным образом для «приличного воспитания детей грузинских дворян и служащих в том крае чиновников», а также «детей всякого свободного состояния» [5, 571].

Важной вехой в истории образования на Северном Кавказе стало открытие в 1837 г. в Ставрополе (тогдашнем центре Кавказской области) Кавказской Областной гимназии, созданной на базе уездного училища [6, 499]. А в 1842 г. при гимназии был открыт горский пансион на 50 человек для подготовки детей кавказских жителей и служивших в крае местных чиновников в кадетские корпуса [4, 22].

Ставропольская гимназия стала первым светским учреждением на Северном Кавказе, предназначенным для уроженцев края. Ее учебная программа отличалась от общегимназического курса и была разработана таким образом, чтобы

готовить кадры для кавказской администрации. Поэтому в учебную программу классической гимназии были введены местные языки.

Несмотря на ту значительную роль, которая была отведена Ставропольской гимназии в деле «просвещения юношества», светское образование в регионе заметно отставало от конфессионального. Так, еще в 1826 г. по предписанию экзарха Грузии Осетинской духовной комиссии при церквях ряда осетинских селений (Саниба, Унал, Джинат) были созданы несколько миссионерских школ. И хотя число их учеников было невелико, школы эти немало сделали для обучения детей «грамоте по-осетински» [1, 262].

Начальное школьное образование, ведущееся в том числе и в приходских школах, рассматривалось правительством как надежный механизм идеологического воздействия на местные народы. Но состояние миссионерских школ, их ограниченное число делали достижение поставленной задачи весьма затруднительным. Кроме того, сами миссионерские школы испытывали недостаток в квалифицированных или хотя бы грамотных преподавательских кадрах. С другой стороны, эффективность миссионерского служения во многом зависела от уровня подготовки к этой непростой работе самих священнослужителей. В связи с этими обстоятельствами в сентябре 1835 г. экзарх Грузии обратился в Осетинскую духовную комиссию с предписанием, в котором изложил основные цели планируемого к открытию во Владикавказе духовного училища для детей «осетинских владельцев и старшин и некоторых сирот» [2, 72].

Владикавказское духовное училище открылось в августе 1836 г. и просуществовало до 1863 г. В училище преподавались русский язык и грамматика, осетинский язык, арифметика и богослужебные дисциплины, для которых смотрителем училища Г. Мжедловым впервые были сделаны переводы Священного Писания и богослужебных текстов на основе кириллицы [7]. Несомненна положительная роль Владикавказского духовного училища в развитии духовной культуры осетинского народа. Из его стен вышла целая плеяда осетинских просветителей и деятелей культуры: А. Колиев, В. Цораев, Н. Берзенов, Г. Кантемиров и др. Благодаря тому, что в училище обучались дети осетин, грузин, русских, в его стенах и за их пределами возникали условия для межкультурной коммуникации и укрепления дружественных связей между этими народами.

Между тем, обстановка на Северном Кавказе, где шла Кавказская война, требовала от правительства более решительных мер и в организации светского образования. Изменения в образовательной политике в крае последовали после учреждения в январе 1844 г. Кавказского наместничества и назначения на должность наместника М. С. Воронцова. С его именем исследователи связывают начало собственно школьной политики на Кавказе как единого комплекса мер по развитию народного образования [3, 35].

Уже в первые годы наместничества Воронцова были произведены радикальные реформы образования. Во-первых, в декабре 1848 г. «для единообразия в общем порядке управления учебной частью в империи» Николаем I было утверждено «Положение о Кавказском учебном округе» [8, 96-112], который объединил учебные заведения Северного Кавказа и Закавказья и находился в непосредственном ведении наместника.

Во-вторых, Положение расширяло учебные программы гимназического курса, в который наряду с обязательным для гимназий латинским языком вводились и местные языки: черкесский — в Екатеринодарской гимназии, татарский и чер-

кесский — в Ставропольской. Положением определялось число и местонахождение гимназий, а также их назначение. Две гимназии открывалось в Тифлисе и по одной — в Кутаисе, Ставрополе и Екатеринодаре [8, 100].

В-третьих, предусматривалось заметное расширение сети казенных уездных и приходских училищ: по новому штату полагалось 21 уездное и 10 приходских училищ.

Наконец, в истории образования на Кавказе была осуществлена важная инициатива по обучению выходцев из кавказской среды в высших учебных заведениях России [9, 313-323]. Положение о кавказских воспитанниках, принятое в 1849 г., просуществовало без изменений до 1867 г., а затем было пересмотрено [10, 404-407].

Учебные заведения духовного ведомства остались за пределами Кавказского учебного округа — они подчинялись местным органам Св. Синода [8, 97], которые стремились к открытию новых приходских школ. Местная администрация поощряла открытие учебных учреждений в приходах и стремилась контролировать их деятельность. Действия властей были направлены на увеличение числа православных приходов и строительство новых церквей, при которых предусматривалось открытие школ. В приходских школах дозволялось учиться и мальчикам «магометанского закона, если таковые охотники найдутся». Обучение в приходских школах рекомендовано было ограничить законом божьим, русским и осетинским языками и четырьмя правилами арифметики [11, 311]. К 60-м гг. XIX в. на территории Осетии действовало семь приходских школ, где обучалось 107 детей и которые находились в ведении Осетинской духовной комиссии [2, 10].

Дальнейшее развитие системы образования на Кавказе было связано с проведением целого ряда мероприятий, изменивших организационные формы образования. Одновременно с государственными и приходскими открывались школы совершенно нового типа. Одни из них были представлены школами при штабах полковых и линейных батальонов [2, 91-93]. Они дополняли систему светского образования, подведомственной Министерству народного просвещения. Осложнившиеся в связи с Кавказской войной условия отвлекали и силы, и средства государства от развития системы образования на Кавказе. Военные школы должны были некоторым образом компенсировать недостаток в государственных учебных заведениях, не требуя при этом специальных вложений казны. Популярность этих заведений оказалась столь высока, что они даже начали соперничать с кавказским учебным ведомством. К 1-му января 1859 г. в них уже обучалось 580 человек [12, 182-183].

Школы «военных воспитанников» обучали и детей горцев, которые по их окончании получали право поступить на гражданскую или военную службу. Первая такая школа была открыта во Владикавказе в 1851 г. при Навагинском полку. Из 50 вакансий 30 были предназначены для детей горцев, большинство же их было занято выходцами из семей осетинской знати [2, 93-94]. В 1857 г. Навагинская школа военных воспитанников была передана в ведение Тенгинского полка [2, 94] и спустя несколько лет (1860) преобразована во Владикавказское горское окружное училище, которое готовило кадры для административной службы в местных учреждениях [2, 103-104]. Его выпускники имели право на зачисление без экзаменов в четвертый класс гимназии Кавказского учебного округа.

Другой тип школ представляли горские школы для детей местной знати и военных чинов. Они предназначались для подготовки местной молодежи к по-

ступлению в учебные заведения более высокой ступени. Создание полковых и горских школ приближало образование к населению и отвечало его образовательным запросам. Более того, учреждение горских школ являлось по существу смелым политическим шагом: правительство, таким образом, декларировало, что система образования в регионе создавалась для местного населения, хотя доступ к образованию был по-прежнему практически закрыт для большинства горцев из низших сословий.

Таким образом, в период наместничества М.С. Воронцова был осуществлен целый комплекс мер, направленных на упорядочение образовательного процесса в кавказской школе. Теперь разрозненные учебные заведения региона оказались в одном подчинении, что положило начало процессу централизации управления образованием, однако в границах Кавказского наместничества. Благодаря тому, что Кавказский учебный округ оказывался вне ведения Министерства народного просвещения, он обладал значительной автономией. Это открывало возможности учета в образовательной практике местных особенностей.

После ухода М.С. Воронцова с поста наместника было принято новое «Положение о Кавказском учебном округе». Положение 1853 г. принято было для того, чтобы «сблизить устройство учебных заведений Кавказского округа с тем устройством, которое введено по подобным заведениям внутренних губерний и таким образом постепенно ввести на Кавказе и за Кавказом ту же систему народного образования, которая существует в прочих частях государства» [13, 498]. Документ закрепил принципы унификации системы образования на Кавказе и сближения местных учебных заведений с российскими. Эти принципы определяли развитие школьного дела на Кавказе в течение последующих 14 лет.

Перед гимназиями ставилось несколько задач: «1) образовать молодых людей для государственной службы, 2) снабдить необходимыми сведениями тех из учеников, которые пожелают продолжать учение в университетах, и 3) доставить тем из них, которые не посвящают себя служебному поприщу, познания, полезные в их будущем звании» [13, 500]. Множественность целей гимназического образования подтверждалась и созданием при гимназиях, кроме семи общих классов и одного приготовительного, предназначенного для детей из местной «инородческой» среды, еще и специальных классов. Они создавались еще на основании Положения 1848 г. и служили для более основательной подготовки учеников в высшие учебные заведения России, а также для подготовки учительских кадров для уездных училищ, низших классов гимназий и для домашнего преподавания. Но такой специальный класс существовал до 1860 г. лишь при одной Ставропольской гимназии.

Объем преподаваемых в гимназиях дисциплин определялся попечителем округа по согласованию с наместником. Как и прежде, в общеобязательную гимназическую программу в качестве обязательных для всех казенных воспитанников вне зависимости от их национальной принадлежности вводились местные языки: грузинский и татарский — в тифлисской и кутаисской гимназиях, татарский, черкесский и армянский — в Ставропольской и черкесский — в Екатеринодарской. Помимо местных языков в учебные программы вводилось обязательное изучение местной истории.

При всех четырех гимназиях существовали пансионы, которые были рассчитаны всего на 572 ученика, при этом 328 казенных вакансий выделялось главным образом для выходцев из местной среды. По оценке Л. Модзалевского, прави-

тельство таким образом «как бы желало доказать особенную заботливость о своих подданных, независимо от их национального происхождения, но пока с исключением всех низших привилегированных сословий» [4, 32].

Положением 1853 г. определялись типы уездных (на Северном Кавказе — окружных) училищ, которые могли быть двух разрядов: низшие — в уездных городах, и высшие, четырехклассные — в губернских городах, не имеющих гимназий. Общее число уездных училищ доходило до 24. Кроме достижения общеобразовательных целей, уездные училища рассматривались как подготовительные заведения для гимназий и снабжали регион учителями начальных и частных школ.

Низших (одноклассных и двухклассных) училищ было значительно меньше — всего девять. Они могли быть как общественными, так и казенными. Их программы различались количеством учебных часов и перечнем общеобязательных предметов. И в одноклассных, и в двухклассных училищах обязательными были русский, на котором велось обучение, и один из местных языков.

В соответствии с новыми установками были внесены изменения и в практику горских школ, для которых был разработан специальный устав, утвержденный в октябре 1859 г., который декларировал цель создания горских школ, их число и принципы разделения [2, 94-102]. Окружные горские школы создавались во Владикавказе, Нальчике и Темир-Хан-Шуре, а начальные — в Усть-Лабе, крепости Грозной и в Сухуме. В программу обучения окружных школ входили богослужебные предметы (в зависимости от вероисповедания учащихся), русский язык, география, история, математика. Программа начальных школ была несколько упрощена. Горские школы обеих ступеней содержались за счет казны, а средства отпускались военным ведомством.

Кроме казенных и общественных учебных заведений, Положение касалось и частных школ. Школы духовного ведомства номинально оставались вне ведения Кавказского учебного округа, но финансировались из казны по согласованию с экзархом Грузии. Таким образом они становились подконтрольны окружной учебной администрации.

Военные действия против горцев, ведущиеся на Северном Кавказе, тормозили развитие там сети начальных училищ, в то же время в Закавказье число казенных учебных заведений увеличивалось (см. таблицу 1).

Таблица 1 [4, 36]

Число учебных заведений по разрядам и служащих при них к 1-му января 1856 г.

№	Дирекции	Гимназии с пансионами	Уездные училища	Начальные училища	Частные учеб. заведения заведения	Всего училищ	Всего служащих
1	Тифлисская (осн. 1830 г.)	1	10	5	12	28	121
2	Кутаисская (1850 г.)	1	4	6	–	11	61
3	Ставропольская (1837 г.)	1	5	58	1	65	127
4	Черноморская (1819 г.)	1	5	5	–	11	61
	Итого	4	24	74	13	115	370

Одновременно росло и число учащихся в подведомственных округу учебных заведениях разного типа (таблица 2).

Таблица 2 [4, 37]

Число учащихся по разрядам учебных заведений на 1 января 1856 г.

№	Дирекции	Гимназии с пансионами	Уезд. училища (окружные)	Начальные училища	Частные училища	Всего учащихся
1	Тифлисская	337	953	264	367	1921
2	Кутаисская	174	419	138	–	731
3	Ставропольская	268	448	1991	12	2719
4	Черноморская	156	211	215	–	582
	Итого	935	2031	2608	379	5953

Как видно, число учеников кавказских гимназий составляло более 15%, при этом наибольшее их количество приходилось на Тифлисскую и Ставропольскую гимназии. В то же время именно в Ставропольской дирекции было сосредоточено подавляющее количество начальных училищ (58 против 5-6 по другим дирекциям), вобравших в себя почти две тысячи учеников. При правительственной поддержке росло и число кавказских воспитанников, обучающихся в высших и специальных учебных заведениях России, которое составило к этому времени уже 108 человек.

В дореформенный период на Кавказе стали формироваться и зачатки женского образования. В Тифлисском институте благородных девиц ведомства учреждений императрицы Марии (1840), а также ряде женских благотворительных заведений (в Тифлисе, Кутаисе, Шемахе, Эриване и в Ставрополе) получали образование девушки, преимущественно из числа сирот местного дворянства.

Таким образом, система учебных заведений, созданных в регионе в первой половине XIX в., отличалась разнообразием. В образовательный процесс были вовлечены различные ведомства (учебное, духовное, военное), деятельность которых всецело поддерживалась государством. В это время в регионе сложились условия для дальнейшего развития школьного дела, создания специальных учебных заведений и системы женского образования. Начиная с 1860 г. образование на Кавказе развивалось уже в иных организационных формах.

Примечания

1. История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т. I.

2. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1942. Т. V.

3. Гатагова Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: РИЦ «Россия молодая», 1993.

4. Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее ПСЗ-II). Т. IV. № 3060.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVII. № 20666.

7. Гостиева Л. К. Научно-координационная работа А. М. Шегрена по переводам учебной и богослужебной литературы на осетинский язык // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 13 (52). С. 105-110.

8. ПСЗ-II. Т. XXIII. Отд. 2-е. № 22838.

9. Высочайше утвержденное положение о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях Империи // ПСЗ-II. Т. XXIV. Отд. 1-е. № 23307.

10. Высочайше утвержденное положение о кавказских воспитанниках, обучающихся в высших и специальных учебных заведениях Империи // ПСЗ-II. Т. XLIII. Отд. 2-е. № 46434.

11. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом/Сост. В. С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. Т. II.

12. Отчет наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказскою армией. Тифлис, 1861.

13. ПСЗ-II. Т. XXVIII. Отд. 1-е. № 27646.

Л. Н. ДЗАГОВА,
магистр КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ЯРМАРКИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается роль ярмарок в экономической жизни Нальчикского округа Терской области в конце XX — начале XX вв. Проанализированы условия формирования, развития и угасания ярмарок. Сделана попытка показать их как благоприятные условия для становления предпринимательского слоя в регионе.

Ключевые слова: *ярмарка, экономика, предпринимательство, Нальчикский округ, Терская область, конец XIX — начало XX века.*

The article discusses the role of trade fairs in the economic life of the Nalchik District Terek region at the end of XX — the beginning of XX centuries. Cconditions of formation, development and extinction of the fairs were analyzed here. An attempt was made to show them as favorable conditions for the development of the business layer in the region.

Keywords: *Fair, economics, entrepreneurship, Nalchik District, Terek region, the end of XIX — early XX century.*

В конце XIX — начале XX вв. в Нальчикском округе наблюдается активное развитие экономической сферы общества, что связано было с продуктивными последствиями проведения реформ 60-70 гг. XIX века.

Важнейшее значение в экономической сфере общества придается развитию предпринимательства. Исследователи различных областей науки внимательно изучают вопросы, касающиеся эффективного развития предпринимательства. Для глубокого осмысления опыта предпринимательства следует проанализировать этапы становления коммерческой деятельности.

Если в первой половине XIX века на Северном Кавказе главенствующее место в развитии экономики занимала меновая торговля, то с середины того же века это место занимают ярмарки.

Ю. В. Клычников отмечает, поскольку товарно-денежные отношения глубоко проникали в экономику горского населения, то меновые дворы, олицетворявшие хозяйственно-экономическую жизнь феодальной эпохи, уступали новому социально-экономическому укладу [1, с. 216].

Ярмарочная торговля занимала существенное место в экономической жизни населения Нальчикского округа Терской области в конце XIX-XX вв. Она являлась удобной формой товарообмена при отсутствии развитой сети стационарной торговли и разобщенности товаропроизводителей. Наличие рынков сбыта, доступ к

которым с развитием инфраструктуры заметно облегчался, стимулировало развитие товарного сельского хозяйства.

К факторам, способствующим развитию ярморочной торговли можно отнести:

— введение новых налогов и повышения старых заставляло местное население отправиться на ближайший рынок для реализации сельскохозяйственной продукции и выручки наличных средств для уплаты налогов.

— железнодорожное сообщение способствовало более тесной связи Северного Кавказа с промышленно развитыми регионами центральной России.

— постепенный рост покупательной способности местного населения, увеличение производительности труда и внедрение более эффективных форм ведения сельского хозяйства.

Предшественниками ярмарок были торжки и торги. Они не отличались еще периодичностью проведения, собирались вблизи городов или на пересечениях торговых путей. На ярмарках продавался самый разнообразный товар — от мануфактурных изделий до скота. Острая необходимость в сбыте своей продукции заставляла российских предпринимателей искать рынки сбыта, в том числе и среди горского населения.

В Терской области в 1878 г. насчитывалось 24 ярмарки, в том числе: в г. Владикавказе — 2, в ст. Слепцовской — 2, в г. Пятигорске — 2, по одной в станицах Горячеводской, Екатеринодарской, Наурской, Николаевской и Прохладной, в г. Кизляре — 2, в г. Моздоке — 3, в г. Георгиевске — 3, в г. Грозном — 2 и в слободе Нальчик — 2, в Хасавюртовской — 1. Общий оборот указанных ярмарок 1878 г. Составлял более 1,5 млн руб. [2, с. 303].

Из указанных данных видно, что в г. Георгиевске проходило больше всех ярмарок, что связано с близостью к железной дороге. В слободе Нальчик существовало достаточное количество ярмарок по сравнению с остальными населенными пунктами, которые играли значительную роль в сбыте различных товаров.

В мае 1882 года Терское областное правление запросило начальника Нальчикского округа предоставить «подробные сведения о том, в каких именно местностях вверенного округа, а равно когда и на какой срок открываются скотские ярмарки; как велико количество пригоняемого на них скота и откуда они на эти ярмарки поступают» [3, Л. 1]. В ответах на запрос Терского областного правления имеются следующие сведения: ярмарки скота проходили в Георгиевске с 1 по 11 мая (Никольская) и 20 октября — 6 ноября (Покровская), куда пригонялись лошади и рогатый скот из Терской, Кубанской областей, Ставропольской и Астраханской губерний. На Никольскую ярмарку поступало до 2000 голов лошадей и до 4000 голов рогатого скота, а на Покровскую — до 2500 голов лошадей и до 4800 голов рогатого скота [3, Л. 9-9 об.]. Начальник Нальчикского округа указывал, что в Георгиевск в 1882 году пригнано жителями Терской и Кубанской областей, Ставропольской и Астраханской губерний 4500 лошадей, 8500 голов крупного рогатого скота.

В ст. Екатериноградской скотская ярмарка открывалась 17 марта и продолжалась 6-8 дней, куда привозили от 300 до 500 голов скота [3, Л. 6-6 об.].

В ст. Прохладной ярмарки проводились ежегодно с 4 по 11 сентября, но в 1882 году ее провели с 26 октября по 3 ноября, и скот на нее пригнали с сельских селений в очень малом количестве, от 15 до 50 голов. Причину этого начальство связывало с незначительностью ярмарки [3, Л. 7]. Ярмарки скота также проводились в Пятигорске и Моздоке [3, Л. 8].

В рапорте Начальнику Нальчикского округа указывается, что «скотская ярмарка открывается на три дня до открытия общего торга ярмарки и торг скотом продолжался в течение десяти дней» [3, Л. 5].

Торговый оборот всех ярмарок Терской Области в 1880 составлял 1709400 руб., и по сравнению с 1878 г. увеличился на 300 тыс. рублей [4, с. 304].

С 60-х гг. XIX века в слободе Нальчик ежегодно проводились две ярмарки — 14 апреля и 1 ноября.

Черкесы приобретали на ярмарках, по словам Ф. А. Щербины, соль, саржу черную, нанку, ситец, платки, замки, иголки, ленты, шелк, котелки, кружки и др., а для продажи поставляли орехи, мед, воск, сало, кожи, арбы, седла и др. вещи [5, с. 590].

Проживавшие в Нальчике купцы доставляли сюда «разного рода произведения российских фабрик и заводов, потребные для жителей и служащих, из него вывозят и сбывают на ближайшие ярмарки и в Россию меха: куниц, лисиц, волков, диких кошек, медведей, баранов, воловьих и лошадиных кож, говяжье сало, меду, воску, полстей, шитых черкесок и т.п., которые приобретают от туземцев меною на красный товар, сахар и напитки. Отставные нижние чины и казенные крестьяне, живущие в Нальчике, занимаются сбытом на Линию и на ярмарки разных лесных материалов, добываемых в кабардинских лесах» [6, с. 49].

Учитывая рост иногороднего населения и образование колоний в Нальчикском округе во второй половине XIX века, можно уверенно говорить о том, что в ярмарочной торговле принимали участие не только местные жители, но и представители других национальностей.

Так, жители Александровской немецкой колонии торговали в большом количестве продуктами питания. Если оставались излишки, то скупщики приезжали за ними из Владикавказа. Высокий спрос имели «масла, считавшиеся высококачественными» [7, с. 23].

В первую очередь, на продажу выставляли рогатый скот и лошадей, а затем — хлеб, железо, кожу, мед и другие товары [8, Л. 14. об.]. Кроме того, как отмечает Э. Я. Агаева, обработка шерсти, шкур и кожи была в немецких колониях настолько качественной, что их покупали с удовольствием за границей [9, с. 125]. К началу XX в. в распоряжении колонии Гнаденбург имелось более 100 дес. виноградников, с которых колонисты получали хорошие урожаи до 400-500 пудов с десятины, и продавали в виде винограда и вина [10, с. 36].

Благодаря ярмаркам, которые проходили в Нальчикском округе в разное время, торговля развивалась быстрыми темпами. Продавали не только излишки своего домашнего производства, но и производили продукцию специально для продажи. Колонисты принимали активное участие в ярмарках и базарах Северного Кавказа, которые бывали в разных населенных пунктах. Особенно большим был оборот осенних ярмарок.

Бывали случаи, когда запланированные ярмарки не открывались. В годовом отчете за 1880 год отмечается, что «в слободе Нальчик по расписанию должны быть две, но таких не открылось» [11, Л. 29]. В таких случаях, как видно из документа, «съезжаются на базары, которые проводятся каждый понедельник и торговля осуществляется на незначительную сумму» [11, Л. 29].

В Нальчике должны были открыться ярмарки 14 апреля и 30 августа, но они не прошли в силу отсутствия желающих торговать [12, с. 381].

Причиной такого положения дел, по словам Т. Х. Кумыкова, являлось удаленное положение горских населенных пунктов от главных торговых путей, а

также опасность переправы через реки вброд при поездках в Нальчик [2, с. 115-116].

Еженедельно в Нальчике устраивались базары. «Предметами торговли на этих базарах бывают преимущественно произведения сельского хозяйства туземцев, как то: масло, сыр, домашний скот, птицы и т.п., а также произведения Линии: мука, овес и те огородные овощи, которые не сеют нальчикские жители» [13, 11-12 об.]. То есть кабардинцы, а может быть, и балкарцы стали приезжать в Нальчик и торговать на рынке. Есть даже сведения о том, что продавцами Нальчикского базара были «одни кабардинцы» [14, Л. 13 об.]. Впрочем, торговые обороты нальчикских лавок и базара были «невелики, потому что соседство больших ярмарок в Георгиевске и Моздоке, на которые кабардинцы охотно выезжают, отвлекают сих последних от покупок в Нальчике» [15, Л. 15].

К началу XX века ярморочная торговля постепенно отходит на второй план, поскольку происходит расширение сети стационарных торговых заведений

По сведениям, которые нам предоставляют Терские календари [16], мы получаем следующее расположение дел в Нальчикском округе.

Нальчикский округ	Базары	Год	День недели	Торговый оборот в рублях
сел. Докшоково	1	1900	среда	–
сл. Нальчик	1	1907	понедельник	350002
сел. Кучмазукинское	1	1907	вторник	30000
сел. Докшоково	1	1907	суббота	–
сл. Нальчик	1	1915	понедельник	85000
сел. Докшоково	1	1915	среда	60000
сел. Баксан	1	1915	вторник, суббота	45000

Из приведенной таблицы видно, что в самом начале века был обнаружен один базар, годовой оборот которого неизвестен, а к 1915 году появляется несколько базаров, проходивших в разные дни недели и имевшие большой торговый оборот. Так, к началу XX века в Нальчикском округе ярмарки уже не имели прежнего значения. Значительное место постепенно занимают стационарная торговля.

В Нальчикском округе за период с 1890 по 1896 гг. число торговых заведений выросло почти в 2,5 раза, а количество торговцев наоборот уменьшилось. Уменьшение численности торгующих не являлось особенностью Нальчикского округа. Такую же картину можно наблюдать и по всей Терской области [17, с. 202].

Роль слободы Нальчик в развитии торговли возрастало. Так, 16 октября 1891 г. Ставропольская казенная палата препроводила 38 окладных листов по дополнительному раскладочному сбору с негильдейских купцов по Нальчикскому округу. Среди них было 15 кабардинцев и 2 балкарца. По данным той же палаты к концу 1891 г. в Нальчике числилось 57 гильдейских купцов. В 1892 г. — 64 [17, с. 134].

По данным 1894 г. в Нальчикском округе насчитывалось 245 торговых заведения, с годовым оборотом в 286535 руб., а количество торгующих насчитывало 207 человек. Следовательно, некоторые торговцы имели по 2-3 точки [17, с. 134].

Следует отметить, что в Нальчике торговые обороты были относительно невелики в связи с тем, что по соседству располагались более крупные ярмарки в Георгиевске и Моздоке, которые отвлекали местное население от покупок в лавках Нальчика. Закупка и вывоз местных изделий в основном находились в руках моздокских и нахичеванских жителей, временно проживавших в Нальчике, или имевших по аулам своих приказчиков.

Таким образом, ярмарки в Нальчикском округе Терской области в конце XIX-XX вв. сыграли немаловажную роль в развитии предпринимательского хозяйствования. Купцы затрачивали огромное усилие и материальные ресурсы для доставки товаров на ярмарки. Естественно, они старались покрыть все свои расходы и получить определенную прибыль. Приведенные сведения дают возможность относить ярмарочную торговлю к первоначальному виду предпринимательской деятельности в Нальчикском округе.

К концу XIX века начинается сокращение ярмарочной торговли, связанное с расширением сети стационарных торговых заведений. Число магазинов, лавок, ларьков, лабазов, трактиров быстро увеличивается не только в городах, но и в крупных казачьих станицах и горских аулах. Также это связано с расширением всероссийского рынка, строительством и расширением железнодорожного строительства. Функционирование железной дороги на Северном Кавказе оказало влияние на изменение структуры торговли. Несмотря на рост удельного веса промышленных товаров в структуре товарооборота, по-прежнему большую роль на рынке продолжала играть продукция земледелия, скотоводства, лесоводства садоводства и т.д. Благодаря увеличению рынков сбыта наблюдался рост торговли хлебом, что в значительной степени повлияло на развитие товарного земледелия.

Примечания

1. Клычников Ю. В. Российская политика на Северном Кавказе:
1827-1840 гг. Дис… д-ра ист. наук. М., 2005.

2. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.

3. Центральный Государственный Архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. И-6. Оп.1. Д. 23.

4. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.

5. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913.

6. Тхамокова И. Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000.

7. Грабовский Н. Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870.

8. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 5.

9. Агоева Э. Я. Становление и дальнейшая судьба немецких колоний в Терской области // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. М., 1999.

10. Морев Н. И. Виноградарство и виноделие в Пятигорском отделе Терской области // Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Выпуск IX. Ставропольская губерния, Терская и Кубанская области. Ч. 1, Тифлис, 1901.

11. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп.1. Д. 6. Т. 2.
12. Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878.
13. ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769.
14. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 5.
15. ЦГА КБР. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 1.
16. Терский календарь на 1912 год. Владикавказ, 1911. С. 159; Терский календарь на 1907 год. Владикавказ, 1907. С. 226; Терский календарь на 1915 год. Владикавказ, 1915. С. 220.
17. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX веке. Нальчик, 1962.

Э. В. ХУБУЛОВА,
кин, СОИГСИ им В. И. Абаева (г. Владикавказ)
Л. Ч. ХАБЛИЕВА,
кпн, доцент СОГУ им. К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗРАБОТИЦЫ В ГОРСКОЙ АССР

В статье изучаются причины и пути преодоления безработицы в одном из регионов России. Введенный впервые в научный оборот архивный материал позволил выявить региональную специфику этого социального явления и показать роль государства в решении проблемы.

***Ключевые слова**: нэп, безработица, кризис*

The article examines the causes and ways to overcome unemployment in one region of Russia. Introduced for the first time in the scientific revolution of the archival material has allowed to reveal the regional specificity of this social phenomenon and to show the role of the state in solving the problem.

***Keywords**: NEP, unemployment, crisis*

Безработица — социально-экономическое явление, с которым сталкивается каждое государство в период нестабильности. Сегодня, когда борьба с безработицей стала одним из направлений антикризисной политики России, актуальным является изучение способов преодоления ее в прошлом.

На национальных окраинах страны, в том числе и в Северной Осетии, проблема безработицы стояли острее, чем в центральных районах страны. Здесь, как и во многих других районах Северного Кавказа, вопрос безработицы в годы новой экономической политики осложнялся, во-первых, массовыми миграциями из других регионов страны, а во-вторых, крайней нехваткой квалифицированных рабочих кадров.

26 апреля 1921 г., согласно декрету №2 Горского Центрального Исполнительного Комитета, отдел труда Терского облисполкома был переименован в Народный Комиссариат труда ГАССР. Начало деятельности Народного Комиссариата Труда совпало с периодом новой экономической политики, поэтому перед Наркомтрудом были поставлены задачи политического и экономического характера. Переход от трудовой и гужевой повинности к трудгужналогу, продолжающийся рост безработицы и голода, вызванный сокращением промышленности и возвращением демобилизованных с фронтов, выдвинул вопрос о планомерном распределении и использовании рабочей силы — снабжение предприятий республики потребным количеством квалифицированной рабочей силы, охраны труда на производстве, борьба с трудодезертирством на производстве, оказание материальной помощи безработным, работа по развертыванию социального страхования. Выполнением этих задач и занялся Народный

комиссариат труда ГАССР [1,2].

По республике к началу 1020-х гг. было зарегистрировано 6237 безработных, распределение которых было неравномерным. Например, лидером по их количеству был г. Пятигорск, где промышленности не было, а обслуживание санаториев и курортов в этот период затруднено; на втором месте стоял Владикавказ, на бирже труда больше всего предложений поступало от чернорабочих, конторских служащих.

Одной из форм борьбы с безработицей явилась вербовка рабочей силы в другие города и районы нашей страны (1921 г.). Например, безработные были направлены в следующие города: в Баку — 2486 человек; в Ташкент — 320 человек; в Краснодар — 1168 человек; в Гудермес — 2811 человек. В пределах ГАССР распределились 1137 человек.

До конца 1922 г. были созданы 2 артели металлистов и 3 артели для сельскохозяйственных работ. Безработные получали помощь в виде бесплатных талонов на обед, баню, парикмахерские и т.д. [2, 147].

Руководителями — инициаторами групп безработных при Наркомтруде были представлены на утверждение проекты уставов на открытие во Владикавказе для безработных швейной мастерской и артели грузчиков по всей линии Владикавказской железной дороги.

Уставы эти НКТ были утверждены 8 августа, и в скором времени стала функционировать швейная мастерская. Для поддержания материального положения безработных и, идя навстречу тем же безработным в отношении приобретения дешевого питания, правление инициативной групп открывает для безработных столовую на Грозненской улице, где эта столовая будет обслуживаться теми же безработными [3].

Отметим, что для своего времени биржи труда сыграли исключительную роль в координации действий предприятий и учреждений по распределению рабочей силы. По стране были созданы более 280 бирж труда. Уже в начале 1922 года число официально зарегистрированных безработных достигло 160 тысяч, еще через год — 641тысячи, а в середине 1924 года превзошло 1 млн. 344 тысячи [4, с.152].

Рост безработицы во Владикавказе начался в 1922 году. Владикавказская биржа труда открылась в июле 1922 г. Биржей труда велся учет рабочей силы, заявок на наем работников. Если на 1 января 1921 года имелось всего 77 зарегистрированных безработных при наличии 528 свободных мест, то уже в январе 1922 их количество достигло 1074 человека. Рост был обусловлен аграрным перенаселением, также регистрацией на бирже труда нетрудовых элементов, которые пытались уклониться от уплаты налогов. Смена общей трудовой повинности на свободный наем рабочей силы привела к сокращению лишнего числа работников на предприятиях. На февраль 1923 г. во владикавказской бирже труда числилось безработных мужчин — 769, женщин — 655. В мае того же года цифра увеличилась до 1877 человек, из которых мужчин — 1026 и женщин — 851. На декабрь 1923 г. количество безработных составляло уже 3040, из которых 1796 человек были мужчины и 1244 — женщины [5, 1].

Большой приток сельских жителей в города сильно осложнял борьбу с безработицей, дел ее затяжной. К примеру, если в 1923 г. на каждое предложение на Владикавказской бирже труда приходилось 0,9% спроса, то в 1926 г. спрос упал наполовину.

Рост числа безработных шел не только за счет малоквалифицированных ра-

бочих, но и категории служащих и такие специальности, которые в этот период оказались невостребованными в народном хозяйстве. Ситуация нередко оказывалась парадоксальной: имея большой запас рабочей силы, биржа труда не могла удовлетворить потребности народного хозяйства в определенных специалистах.

Остро встал вопрос о создании профессиональных школ или краткосрочных курсов для переквалификации.

Одной из форм помощи безработным в 1920-е годы стала организация общественных работ. В округах основным средством борьбы с женской безработицей стала организация коллективов безработных. Коллективы безработных вначале существовали в виде самостоятельных артелей, а с 1923 г. они организуются в коллективы безработных при биржах труда. Для горожанок создавались пошивочные, вязальные коллективы. Функционировали коллективы парикмахеров, кондитеров. Заработная плата женщин в коллективах колебалась от 15 до 85 рублей в месяц [6, 90]. Одним из достижений в области квалификации женского труда во Владикавказе являлась трикотажная мастерская, открытая при комитете биржи труда на средства, отпущенные комитетом. История открытия этой мастерской такова: из трикотажной школы Молоканской слободки был сделан первый выпуск учениц, которые успешно закончили курс обучения. Выпущено было около 10 учениц: «Но где работать? Попасть в лапы частного хозяйчика и беспросветно гнуть спину за гроши, подвергаясь нещадной эксплуатации? Приобретать машину и браться за кустарничество в одиночку, зарабатывая тоже гроши, не видя света за машиной, не видя общественной жизни и работы? В школе женщины познакомились с преимуществами коллективного труда. Комитет биржи труда пошел навстречу начинанию женщин. Дал средства на приобретение машин для мастерской, на сырье, для первых месяцев работы подыскал помещение». Машины закупили на месте, во Владикавказе, а также в Ростове. Молодой коллектив настолько был заинтересован в укреплении и развитии своего дела, что каждый его член, не покладая рук, старался сделать что-либо [7].

По сведениям биржи труда, на 15 декабря 1922 г. «значится безработных 579 мужчин и 729 женщин. Вопрос относительно оказания помощи безработным обсуждался на специально созванном для этой цели совещании. Выяснено, что безработица, как таковая, в Горской республике наблюдается только среди женщин. Для изжития ее приступлено к организации специальных артелей, в которых может быть использован труд женщин. Предполагается организовать прачечную, ведутся переговоры с хозяйственными органами по вопросу об оказании посильной помощи в указанном начинании. Владикавказской биржей труда приступлено к организации коллективов из безработных работников пера и финансово-конторского труда. Проводятся ранее намеченные меры: регистрация совместительств, контроль над сверхурочными работами, борьба с неправильным наймом, чистка состава безработных и др. За первую половину декабря пособие безработным не выдавалось» [8, с.140].

Проводились многочисленные реорганизации бирж труда, предусматривавшие больший охват безработных. Одна из основных реорганизаций биржи — это создание посреднических бюро, которые организовываются на добровольных началах по профессиональному признаку. Обращение в эти бюро как по спросу на рабочую силу, так и предлагающих свой труд не имеет того монопольного характера, какое существовало на биржах труда. Посреднические органы при распределении рабочей силы давали хозяйственнику сведения о стаже и категории

квалификации.

Во Владикавказе в связи с отсутствием промышленного центра и большого спроса на рабочую силу было организовано два посреднических бюро: первое — чернорабочей силы, которое не требует проверки знания; этот орган принимал на учет лиц, имеющих 3-летний служебный стаж; второе — «канцелярского труда», для работников которого при бирже труда была создана экспертиза из лучших специалистов г. Владикавказа. Экспертизу должны были пройти не только желающие состоять в посредническом бюро, но и все, состоящие на данный момент на учете безработные биржи труда.

После ликвидации Горской республики весь контингент безработных остался за городской биржей труда как единственным учреждением этого рода на всей территории бывшей Горской республики. В это же время была произведена чистка биржи труда от «нетрудовых элементов», однако хотя и проведена чистка, все-таки количество зарегистрированных безработных оставалось значительным. Так, на 1 октября 1924 г. на учете состояло 2127 безработных, а на 1 марта 1925 г. — уже 2849. Рост безработицы в городе объясняется сокращением штата учреждений и предприятий в городе, притоком демобилизованных, а главное — зимним сезоном, когда сокращается спрос на труд. За период январь-март 1926 г. было зарегистрировано безработных мужчин — 1074, женщин — 377 человек.

Борьба с безработицей велась путем организации коллективов: было организовано 8 коллективов (1148 человек), затем были организованы общественные работы по разборке разрушенных зданий [9, 84]. Однако на эту работу безработные шли неохотно, особенно получающие пособия из страхкассы. Оборудовано было помещение для безработных и демобилизованных, выдавались обеды демобилизованным красноармейцам из столовой коллектива [10]. Особенностью регионального процесса изживания безработицы была социальная защита, прежде всего, национального пролетариата. Так, в постановлении Северо-Осетинского обкома ВКП (б) о мерах содействия безработным, особо говорилось о привилегиях местного (осетинского) контингента, который имел преимущества при приеме на работу. Но эти послабления не имели большого эффекта: из запланированных 50% посылаемых национальных кадров в промышленность фактически было отправлено не более 19% [11, 26]. При этом уменьшение безработицы среди осетинских безработных произошло лишь на 0,6%. Еще большую тревогу вызывал их рост в некоторых отраслях: так, среди строителей увеличение безработных националов произошло на 12%, среди грузчиков — на 5%.

И, тем не менее, преодоление безработицы было одним из генеральных направлений социальной политики большевиков. Если к началу индустриализации в стране было свыше 1 млн. безработных, то в результате модернизации промышленного производства к концу 1920-х гг. безработица пошла на убыль. В октябре 1930 г. количество безработных составило 220 тыс. человек. 9 октября 1930 г. Наркомтруд принял постановление «О немедленной посылке безработных на работу и прекращении выплаты пособий по безработице». Каждый гражданин получал право на труд.

С отходом советской власти от нэпа и началом проведения широкомасштабной индустриализации и коллективизации трудовую жизнь страны начало втягиваться большое количество рабочих рук для работы на стройках, промышленных предприятиях, в совхозах, колхозах и органах управления. Как результат к 1930 году безработица в Северной Осетии была ликвидирована.

Примечания

1. ЦГА РСО-А. Ф.86. Оп.1. Д.63.
2. Дзахова Л. Х. Система социально-политических отношений в восстановительный период в Северной Осетии. Владикавказ, 2010.
3. Горская правда. 1923. 17 августа.
4. Советский рабочий класс / Под. ред. Ю. С. Борисова. М., 1975.
5. ЦГА РСО-А. Ф.86. Оп.1. Д.81.
6. Хубулова С. А. Повседневная жизнь владикавказских обывателей на фоне нэпа. Владикавказ. 2014.
7. Власть труда. 1926. 3 октября.
8. Восстановительный период в Северной Осетии. 1921-1925 гг. Сб. документов./Сост.: А. К. Джанаев. 1965.
9. Хубулова С. А., Малиев Н. Д., Баликоев Т. М. Проблемы безработицы в России в 1920-е и 1990-е гг.: история и современность // Вестник СОГУ, 2012,
10. Власть труда. 1925. 29 марта.
11. Статистический справочник по Северо-Осетинской АО. Владикавказ, 1929.

Х. А. АТАБИЕВ,
соискатель СОИГСИ

К ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается малоизученный аспект Первой мировой войны на Северном Кавказе — мобилизационные мероприятия в Нальчикском округе Терской области. На основе анализа документов Кабардино-Балкарского центрального государственного архива выявлены основные мероприятия по мобилизации, действия администрации области и округа, отклик кабардинских и горских обществ. Отмечен небывалый патриотический подъем в начале войны, некоторый спад к 1916 году. Выявлено участие местных сельских обществ в помощи фронту, которое выражалось не только в формировании Кабардинского конного полка и запасных сотен, но и в оказании благотворительной помощи.

Ключевые слова: *мобилизация,призыв, кабардинский конный полк, запасные сотни, добровольцы, сельские общества*

The article is insufficiently known aspect of the first world war in the North Caucasus-mobilization activities in Nalčikskom district of Terskaya region. On the basis of an analysis of documents of the Kabardino-Balkarian central State archive identified major mobilization, the administration area, and district response kabardinskih and mountain societies. Marked by an unprecedented patriotic enthusiasm at the beginning of the war, some slowdown to year 1916. Revealed the involvement of local rural societies in aid front, which was reflected not only in the formation of Kabardian horse Regiment and spare hundreds, but also in the provision of charitable assistance.

Keywords: *mobilization, calling, Kabardian horse Regiment, spare hundreds of volunteers, rural society*

Мобилизационные мероприятия в Терской области, как и по всей стране, начались с официального заявления Государя Императора, в котором он повелел перевести армию и флот на военное положение.

Начальство Терской области незамедлительно объявило о призыве нижних чинов запаса 1-го участка: «Нижним чинам запаса с увольнительными билетами, а не имеющими таковых с видами на жительство или удостоверениями личности, явиться на сборный пункт уездного воинского начальника в город Пятигорск на день мобилизации в 12 часов дня.

1) Нижние чины запаса 1-го участка должны собраться в сел. Баксанском на день мобилизации к 6 часам утра, откуда будут перевезены на сборный пункт.

2) Все учреждения и лица, у которых запасные служат, обязаны немедленно окончить с ними расчет и выдать увольнительные билеты, если таковые находятся у нанимателей» [6:7].

3) Во исполнение приказа о приведении армии на военное положение Нальчикское окружное по военно-конской повинности присутствие объявило о поставке лошадей 15 военно-конского участка. Владельцы лошадей обязывались в 1-ый день мобилизации доставить на сгонный пункт участка в с. Тыжево всех принадлежащих им лошадей в рабочем возрасте, «за исключением кобыл явно жеребых или имеющих сосунов до трехмесячного возраста, а также лошадей, негодных для войск по росту». Лошади, принятые на сгонном пункте, должны были быть доставлены на сдаточный пункт в станицу Прохладная на второй день мобилизации. За каждую лошадь было определено вознаграждение в следующем размере: за лошадь верхового сорта 180 рублей; за лошадей упряжного 1 разряда: годных для запряжки орудий и зарядных ящиков 180 рублей; годных для запряжки обоза 1 разряда 150 рублей и упряжную 2 разряда 110 рублей; за вьючных лошадей 1 разряда 180 рублей; 2 разряда 110 рублей. За не предоставление лошадей на сгонный пункт без уважительных причин виновные подвергались за каждую скрытую лошадь денежному взысканию не свыше двойной цены определенной за высший сорт лошадей [6:8].

4) 24 июля 1914 года в слободе Нальчик собрались почетные представители — доверенные от селений Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ Нальчикского округа для обсуждения вопросов, связанных с положением Российского Государства. «В годину тяжких испытаний, посланных Великой Россией, когда ей брошен вызов Германией и Австро-Венгрией, не остался безучастным к существующему положению в жизни своей Высокой Покровительницы и кабардинский народ с горскими обществами. Лишь только распространился слух о войне по аулам, как всколыхнулась Кабарда, удивляясь дерзости немцев, и настроение населения не замедлилось вылится в известную форму. 23-го июля в слободе Нальчик, в здании реального училища, собрался сбор представителей Кабарды и горцев по два почетных старика от каждого аула для обсуждения некоторых вопросов, связанных с текущими событиями в жизни государства. Представители благородной, отзывчивой народности, обсудив положение вещей, единогласно постановили сформировать на средства населения Кабардинский конный полк и для осуществления своего единодушного решения в тот же день ими была послана на имя Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска генерал-лейтенанта Флейшера телеграмма следующего содержания: «Владикавказ. Начальнику области». Представители селений Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ Нальчикского округа, собравшиеся сего числа в слободе Нальчик для обсуждения вопросов, связанных с существующими положением в жизни Великого Российского Государства, вознеся горячие молитвы о здравии и благоденствии Обожаемого Монарха и всей Его Августейшей Семьи, просят Ваше Превосходительство повергнуть к стопам Его Императорского Величества воодушевляющие их чувства беспредельной любви и верноподданнической преданности и пожелания победы над врагом Русского оружия», — сообщала местная пресса [4].

«Вознеся Господу Богу молитвы о здравии и благоденствии Его Императорского Величества Государя Императора и Всего Царствующего Дома, единогласно постановили — обратиться к начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска по телеграфу: «…просить Государя Императора разрешить населению Кабарды и пяти Горских обществ выставить за счет населения на театр военных действий Кабардинский конный полк четырехсотенного состава» [5:28].

Из Тифлиса наказному атаману сообщалось, что в ответ на ходатайство высочайше разрешено сформировать кроме Кабардинского еще и Чеченский конный четырехсотенный из чеченцев и ингушей, а в Кубанской области Черкесский полк. Винтовки, приварочное, провиантское и фуражное довольствие от казны по положению. Жалованье всаднику 20 рублей в месяц. Лошадь, седло, обмундирование, холодное оружие, снаряжение собственное. Помимо Чеченского, Кабардинского и Черкесского полков будет сформирован 2-й Дагестанский и сведены в дивизию» [11:107].

Через несколько месяцев, в своем экстренном циркуляре Начальник Нальчикского округа сообщал старшинам селений Большой и Малой Кабарды и 5-ти горских обществ Нальчикского округа от 5-го ноября 1914 года, что на усиление выступившего в поход Кабардинского конного полка, ему предложено сформировать запасную сотню из добровольцев. Он приказывал немедленно объявить кабардинской и горской молодежи, что желающие из них поступить добровольцами в запасную сотню, приглашаются в Управление округа для личных переговоров [10:18]. Учитывая огромное число желавших поступить в сотню добровольцами, а также и то, что с Кабардинским конным полком ушло много добровольцев, снаряженных на счет сельских обществ, предпочтение оказывалось тем, кто явится в полк на собственной лошади.

Согласно приказу Верховного Главнокомандующего за №88, с утвержденным Его Императорским высочеством временным штатом запасной конной сотни Кавказского туземного конного полка, а также по приказу Начальника войск Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска, ответственность за формирование запасной сотни Кабардинского конного полка была возложена на начальника Нальчикского округа подполковника Клишбиева, который и приступил к составлению списка всадников для зачисления в запасную сотню, предназначавшуюся для пополнения убыли этого полка [10:15].

Начальство предписывало старшинам селений Большой и Малой Кабарды и 5-ти горских обществ Нальчикского округа немедленно оповестить население на полных сходах, что в Управлении округа ежедневно с 5-го ноября производится запись добровольцев для формирования запасной сотни Кабардинского конного полка, в возрасте от 18 до 44 лет. Желающие поступить добровольцами приглашались в Управление округа для личных переговоров, имея на руках удостоверения от сельских правлений о самоличности с указанием сведений о летах, несудимости и безусловной благонадежности. Всадникам было обещано жалование в размере 240 рублей в год [10:16].

От 5 горских обществ Нальчикского округа в запасную сотню Кабардинского конного полка было принято 36 всадников из селений Хабас, Хасаут, Чижок-Кабак, Гунделен, Кашкатау, а также Чегемского, Балкарского, Хуламского и Урусбиевского обществ [10:277,278].

Жители Балкарского сельского общества 2-го участка Нальчикского округа Терской области, которое насчитывало 1105 дворов, в числе 806 человек, за исключением отсутствующих на заработках, 26 ноября 1914 года собрались на сельский сход, где узнали от своего старшины Таукана Шаханова о предписании начальника Нальчикского округа дополнительно снарядить одиннадцать всадников-добровольцев в формируемый Кабардинский конный полк. Сход постановил собрать дополнительно еще пять тысяч пятьсот рублей (5500 рублей) на содержание всадников [10,81-82]. Очевидно, старшина решил ускорить решение этого

вопроса и оказался в неловкой ситуации, о чем говорит сохранившееся письмо Начальника Нальчикского округа подполковника Петрова новому старшине от 10 января 1915 года: «Предписываю Вам немедленно приступить к взысканию денег, следуемых с жителей вверенного Вам общества, на формирование добровольцев и уплатить их тому лицу, у которого были взяты эти деньги в заимобраз бывшим старшиной Шахановым. Кроме этого теперь же удовлетворить Шаханова, причитающимся жалованьем по день увольнения его с занимаемой должности старшины. Об исполнении сего донести в Управление округа» [7,67]. Тем же числом датирован приказ о вынесении благодарности бывшему старшине Балкарского общества Шаханову за усердную службу, проявленную деятельность и «понесенные труды по формированию добровольцев» [9,2].

Генерал-лейтенант Флейшер докладывал в Тифлис Главнокомандующему: «8 июня я осмотрел вторую вновь сформированную запасную Кабардинскую сотню. Состав всадников нашел хорошим, лошади вполне удовлетворительны. Сотня выступит в Армавир 10 июня. Счастлив донести Вашему Сиятельству, что и на этот раз кабардинцы, горцы, чеченцы и ингуши не пожалели своих денежных средств и сыновей своих чтобы возможно лучше выполнить священную для них волю обожаемого Державного Вождя доблестной Русской армии служить в которой они считают для себя за величайшее счастье»[8:42].

В формировании мобилизационной политики начальство Терской области старалось учесть и потребности тыла. Временный Генерал-Губернатор Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска 20 января 1916 года уведомлял, что отсрочкой от призыва должны пользоваться запасные и ратники, занятые по отделу заготовок продовольствия и фуража для действующих армий, мастерских при учебных заведениях, а также лица, состоявшие в различных общественных организациях имеющих отношение к государственной обороне [7:57 и об].

Всего, из 4 участков Большой и Малой Кабарды и 5 горских обществ в Кабардинский полк прибыло 553 всадника [10:5,6].

Осенью 1915 года встал вопрос о формировании 3 запасной сотни Кабардинского конного полка. 20 октября Начальник Нальчикского округа Терской области сообщал старшинам селений о поступившем распоряжении сформировать 3-й запасную сотню Кабардинского конного полка в числе 250 человек. Всадники должны были иметь обмундирование с седлами. Лошади предоставлялись казенные, на снаряжение выдавалось пособие в размере 150 рублей каждому. В связи с этим распоряжением нужно было составить списки добровольцев, желающих вступить в ряды означенной сотни.

В ноябре 1915 года в 3 запасную сотню были зачислены осетины.

Под наименованием «Дигорские Царгасаты» в списках добровольцев значились 1) Хаджи-Исмаил Гадович Кантемиров — 29 лет; 2) Хаджимурат Измаилович Карабугаев — 18 лет; 3) Султан Дзамбулатович Карабугаев — 21 лет; 4) Адильгерий Хаточкоевич Карабугаев — 30 лет; 5) Беслан Урусбиевич Кантемиров — 21 лет; 6) Хаджибекир Дзобеевич Карабугаев — 25 лет; 7) Осман Дрисович Карабугаев — 23 лет; 8) Хаджимурат Майлиевич Карабугаев — 21 лет; 9) Амурхан Сарабиевич Карабугаев –21 лет. Среди добровольцев- осетин были и дигорские баделята Мусса Мурзабекович Зурапов — 28 лет, Казимагомет Магометович Кубатиев — 21 лет, Кубати Мурзабекович Кубатиев — 26 лет, Умар Ильясович Кубатиев — 22 лет, Хаджимурат Тазретович Кубатиев — 22 лет [2,133]. Сохранились заяв-

ления на имя Начальника Нальчикского округа осетин — жителя селения Урсдон Урсдонского прихода Владикавказского округа Кази-Магомета Хаджиметовича Кубатиева и жителя селения Карагач Урсдонского прихода Владикавказского округа Хаджисмеля Магометовича Кантемирова о принятии их добровольцами в 3-ю запасную сотню «с перечислением куда следует» [3,88]. Кабардинский полк был интернациональным, в нем служили и русские, и казаки [2,128].

В ходе мобилизационных мероприятий большим стимулом для северокавказских народов стал визит Императора во Владикавказ [12], который поднял моральный дух и способствовал патриотическому подъему населения и успешным мобилизационным акциям.

Примечания

1. Канукова З. В. Русское население в этнической структуре Северной Осетии (вторая половина XIX — начало XX вв.) //Роль России в истории Осетии Сборник научных трудов. Редколлегия: В. В. Дегоев (ответственный редактор), Р. С. Бзаров, В. С. Уарзиати, А. Т. Тамаев. Орджоникидзе, 1989. С. 123-138.

2. Марзоев И. Б. Т. Осетины кабардинского конного полка//Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность Материалы Международной научно-практической конференции. 2014. С. 123-134.

3. Марзоев И. Т. Осетины в первой мировой войне//Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 4 (40). С. 85-89.

4. Терские ведомости (ТВ). 1914. №166

5. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. И-6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1.

6. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 885.

7. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 907. Т.1.

8. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 915.

9. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 935. Т.1.

10. ЦГА КБР. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2.

11. ЦГА КБР. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 26.

12. Чеджемов А. Ю. Гутиева Э. Ш. Кавказский фронт и тыл во время первой мировой войны (на примере Северной Осетии) // Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность. Материалы международной научно-практической конференции. 2014. С. 203-209.

Ч. В. ТИГИЕВ,
аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г.Владикавказ)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье впервые в региональной литературе рассмотрены различные стороны социальной помощи раненным и больным солдатам и офицерам, доставленным в лечебные заведения Терской области в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: *война, помощь, лечение*

The article for the first time in regional literature discusses various aspects of social assistance to the wounded and sick officers and soldiers, delivered in medical institutions of Tver oblast in the First world war.

Keywords: *war, help, treatment*

В годы Первой мировой войны Терская область оказалась тыловым районом, которому предстояло принять большое количество раненных военнослужащих. 11 августа 1914 г. Кавказский комитет помощи пострадавшим от войны обратился к населению Кавказа с воззванием, в котором определил цели и задачи комитета и просил оказать «посильную для каждого жертвою облегчить великое дело помощи пострадавшим от войны» [1, 2].

Вопрос об использовании Терской области для лечения раненых на Западном фронте решался на высоком правительственном уровне [2, 72]. Был также разработан план на случай большого потока раненых, которых надлежало размещать не только в санаториях, но также в частных домах, клубах, лечебницах [3, 34].

Первым начал принимать раненных г. Владикавказ. Медицинская помощь раненым и больным началась с момента прибытия на железнодорожный вокзал города. К 1 января 1915 года на территории Терской области было развернуто около 20 госпиталей, лазаретов и больниц, в том числе Владикавказский военный госпиталь 19-й запасной полевой госпиталь (на 21 коек), 3 лазарета военного ведомства, 3 лазарета общества Зеленого Креста, 4 лазарета военного ведомства, 3 — общества Красного Креста. Например, во Владикавказе было устроено несколько лазаретов и приготовлено 646 мест для раненных и больных воинов и организован сбор «необходимых материалов для их лечения» [4, 14].

Не только боевые раны были причиной попадания с передовой в госпитали. В апреле 1916 г. в областные больницы и госпитали было доставлено свыше 2,5 тыс. пациентов с разными заболеваниями. Среди наиболее распространенных заболеваний у солдат были оспа, лихорадка, бронхит. Не обошли солдат и офи-

церов венерические заболевания. В 1918 г. во Владикавказе был расквартирован полк «венериков», которых собирали по всему Восточному фронту для излечения. Вместе с тем в это время в госпиталях лечились также от «апатии», неврастении, психопатии, что связано с увеличением в военные годы психических расстройств. Были созданы отделения для душевнобольных в госпиталях г. Владикавказа и Кисловодска. Особенно много пациентов в эти отделения поступило в конце 1916 г., часть из них была переведена в психиатрические лечебницы, как безнадежные.

Временным пристанищем раненых становились не только госпитали, но и приспособленные под лазареты здания школ, общественных учреждений. Так, 17 февраля 1916 г. по решению Попечителя Кавказского учебного округа здание первого Владикавказского реального училища было реквизировано под размещение лазарета [5, 2].

Жители области прониклись состраданием к нуждающимся и приняли деятельное участие в сборе пожертвований. Так, в ст. Прохладной был организован сбор пожертвований на врачевание раненых и больных воинов, оказана помощь семьям «лиц, призванных на войну, устройство госпиталей» [6, 2]. Например, жители немецкой колонии Михайловская пожертвовали 260 руб., 151 пару сапог, 200 рубах и воз картофеля. В слободе Нальчик население на свои средства открыло лазарет для раненных и больных солдат.

Не осталась от содействия раненным церковь. Владикавказским монастырям и всем церковным учреждениям было вменено в обязанность организовать для поступающих в область раненных лазареты, заготавливать «предметы лазаретского инвентаря» [7, 219]. Уже осенью 1914 г. это указание Преосвященного Антонина было выполнено и 13 лазаретов приняли первую партию. Епархия полностью взяла содержание раненных на себя: в конце 1914 г. ею было выделено на лазареты 135 руб. 12 коп. [8, 15].

Такое рвение со стороны владикавказского клира было особо отмечено в благодарственном письме военного генерал-губернатора: «Прошу вас принять искреннюю благодарность от лица доблестных защитников Отечества, раненных на войне, и не отказать переждать благодарность духовенству епархии и корпорациям епархиальных учреждений, оборудовавших и содержащих на собственные средства лазарет» [9, 219]. 10 октября 1914 года епископ Антонин открыл епархиальный лазарет, отведя под него больницу Владикавказского Духовного училища [10, 4].

В конце ноября 1915 г. при Владикавказском военном госпитале очередной раз открылись курсы сестер милосердия для монахинь и послушниц Георгиевского, Кресто-Воздвиженского, Покровского монастырей [11. 83]. Кроме делегирования слушательниц курсов, руководство Троице-Серафимовской общины изъявило готовность содержать лазарет для 150 раненых. 20 ноября Преосвященный Антонин создал под председательством протоиерея Иоанна Васильева попечительский совет, перед которым были поставлены задачи совершения богослужений в лазаретах, проведение духовных собеседований, снабжение раненых духовным и назидательным чтением. В августе 1914 г. такой совет был открыт при Кафедральном соборе. На этом же собрании был произведен сбор пожертвований, составивший 177 р.

В тот же день было образовано приходское Попечительство при Владикавказской Константино-Еленинской церкви. Целью своей Попечительство стави-

ло оказание посильной помощи проживающим в приделах прихода сей церкви беднейшим семействам лиц, призванных на войну, а также больным и раненым воинам. Солдаты в своих письмах отмечали, что «наша армия хорошо обмундирована, у всех теплая одежда, пища хорошая, помещения теплые, словом нужды ни в чем нет» [12, 52]. За июль-октябрь 1914 г. попечительский совет Вознесенской церкви собрал более тысячи рублей. К праздникам воины получали щедрые подарки. Так, в своем письме служащий Дорофеев писал: «К Рождеству я получил подарки со склада императрицы Александры Федоровны и мы очень довольны тем, что нас не забывают и заботятся о нас. Я получил 2 мешочка, в которых 2 рубашки, 2-е кальсон, 4 пары носков, 2 наволочки, 1 полотенце, 2 пары портянок, конфекты, мыло, сахар, соль, 2 рубля» [13, 13].

Социальная помощь семьям военнослужащих также не прекратилась. Св. Синод призывал позаботиться о том, чтобы «матери, жены наших доблестных воинов, а затем женщины, имеющие малолетних етей, оказались свободными во время полевых работ от дневных забот о своих детях, и чтобы эти дети были окружены должным уходом — накормлены, одеты и находились под надлежащим надзором, нужно организовать временные детские приюты и ясли» [14, 26]. 17 августа 1914 г. при Константино-Еленинской церкви было образовано приходское попечительство для оказания помощи проживающим в пределах прихода «беднейшим семействам лиц, призванных на войну и больным и раненым воинам» [15, 114]. Церковь заботилась не только о больных и раненных воинах. Жертвовать предполагалось и на содержание отделений Красного Креста, а также людей, пострадавших от военных действий. Например, 31 августа 1915 г. на заседании Терского областного правления был заслушан доклад начальника 1-го отделения об организации помощи беженцам, прибывающим из разных губерний Западной России в Терскую область, а также раненным солдатам союзных России государств [16. 20].

Кроме оказания помощи госпиталям, власть проявляла заботу о семействах военнослужащих. Например, Романовский комитет обратился к средним и низшим учебным заведениям об организации сбора пожертвований на дело «призрения крестьянских детей и детей Великой войны» [17, 93], а детям павших и увечных — профессионального образования и обучения ремеслам [18, 5]. Сборы проводились после каждого богослужения [19, 25]. Население жертвовало не только деньги, но и разные предметы, которые были необходимы на фронте — рубашки, нижнее белье, сапоги; а также съестные припасы. Только в ноябре 1914 г. из Терской области поступило в фонд комитета помощи свыше 3, 5 тыс. пар нательного белья, 300 полотенец, около 20 фунтов сахара, 10 фунтов табака и проч. [20, 3].

Таким образом, прибывшие на излечение в лечебные заведения Терской области военнослужащие получали как медицинскую помощь, так и социальную поддержку государства, населения.

Примечания

1. ЦГА РСО-А. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1.

2. Копылова Е. Э., Краснокутская Л. И. Становление и развитие военно-медицинской службы на КМВ (1803-2007гг). — Ессентуки, 2007.

3. Омылаева Е. В. Развитие курортов Кавказа в условиях Первой мировой войны (1914-1918 гг.) // Молодой ученый, 2010. №1-2. Т. 2.

4. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп.1. Д. 160.
5. ЦГА РСО-А. Ф. 130. Оп.1. Д. 513.
6. ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп.2. Д. 424.
7. ВЕВ, 1915, №2.
8. ВЕВ, 1915, 1 апреля.
9. ВЕВ, 1915, 15 марта.
10. ВЕВ, 1915, 30 марта.
11. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп.26. Д. 1601.
12. ВЕВ, 1916, 15 июня.
13. ВЕВ, 1916, 15 сентября.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1204.
15. ВЕВ, 1916, 20 сентября.
16. Грицаева А. Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917): опыт помощи пострадавшим от военных действий: автореф. дис. … канд. ист. наук. — М., 2008.
17. Лисицына О. Л. К вопросу об организации благотворительной и патриотической деятельности тульского духовенства в годы первой мировой войны. // Известия Тульского государственного университета. гуманитарные науки 2013, №3-1.
18. ЦГА РСО-А. Ф. 150. Оп. 1. Л. 237.
19. ЦГА РСО-А. Ф. 193. Оп.1. Д. 6.
20. ВЕВ, 1914, 15 февраля.

Ф. Б. ШАХАЛИЕВА,
аспирант КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

З. А. ДАУТОКОВ-СЕРЕБРЯКОВ — ЛИДЕР ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918-1919-Х ГГ.)

В статье предпринимается попытка изучения политической истории начала XX века, через призму роли личности в этих событиях. В статье предпринимается анализ общественно-политической деятельности З. А. Даутокова-Серебрякова — лидера либерально-консервативного движения в Кабарде и Балкарии в период гражданской войны (1918-1919-х гг.).

Ключевые слова: *Гражданская война, советская власть, терские казаки, Свободная Кабарда, Нальчикский округ, Кабардинский полк.*

An attempt to study the political history of early XX century, through the lens of the role of personality in the events is made in this article. The author makes an analysis of the socio-political activities of Z. A. Dautokov-Serebryakov — the leader of the liberal-conservative movement in Kabarda and Balkaria, during the Civil War (1918-1919 years).

Keywords*: Civil War, the Soviet government, the Terek Cossacks, Free Kabarda, Nalchik District, Kabardian Regiment.*

Начавшееся в августе 1918 г. в Кабарде антибольшевистское движение, во главе с Заур-беком Асланбековичем Даутоковым-Серебряковым, явилось ответной реакцией широких слоев населения на репрессивные и ущемляющие национальные интересы действия советской власти: политика социального раскола, передача части кабардинских земель в ходе решения аграрного вопроса на Тереке соседним народам. Согласно интерпретации М. З. Саблирова, представители данного течения ратовали за постепенность реформ, переустройство общественной жизни на началах модернизации российской действительности, уравнение населения Кабарды в правовом отношении с другими народами России, представительство кабардинцев в органах российской государственности [1, с. 67].

З. Даутоков-Серебряков является наиболее ярким представителем, лидером либерально-консервативного движения в Кабарде и Балкарии в период гражданской войны. По воспоминаниям личного адъютанта командующего Кабардинским полком З. Даутокова-Серебрякова К. Чхеидзе, во время революции энергичный, образованный З. Даутоков-Серебряков, пользовался большим доверием среди всадников. По своим взглядам он был сторонником тесного единения с Россией, с предоставлением Кабарде неширокой местной автономии. Не будучи сторонником политической реставрации, он полагал, что лишь Всероссийское учредительное собрание правомочно разрешить форму правления. Когда на Те-

реке поднялось восстание против большевиков, З. Даутоков-Серебряков решил поднять восстание и в Кабарде [2].

В политику З. Даутоков-Серебряков пришел относительно поздно — летом 1918 г. Он не принимал непосредственного участия ни в февральской, ни в октябрьской революции. Широкую известность он приобрел в годы гражданской войны.

Организовав в конце августа 1918 г. в станице Солдатской отряд из сослуживцев, он повел вооруженную борьбу с революционными частями в Нальчикском округе и за его пределами, взаимодействуя, при этом, с восставшими против советской власти терскими казаками. Политические взгляды З. Даутокова-Серебрякова наиболее полно отражаются в программе его партии «Свободная Кабарда». В ней указывается, что «Кабарда должна устраивать свою жизнь на основах самоопределения, без угрозы штыков; кроме окружного народного Совета Кабарда должна иметь национальный Кабардинский Совет для дел чисто кабардинских; национальный Совет Кабарды должен работать в контакте с другими Советами; Красная армия из кабардинцев, балкарцев и русских должна быть распущена. Оружие отобрано; Кабарда должна иметь национальное войско…; все русские села, хутора и слобода Нальчик должны быть разоружены. Оружие им должно быть оставлено только в количестве, необходимым для самообороны… Жизнь и имущество иногородних должны защищаться всей Кабардой. Да здравствует свободный кабардинский народ! Долой угнетателей, долой диктатуру штыков! Все идите к нам в «Отряд Свободы» [3, с. 61-62]. В программе часто употребляются слова «Кабарда», «кабардинцы», однако, при этом она не была националистической, а носила демократический характер. Партия «Свободная Кабарда» выступает в защиту темного, неграмотного запуганного простого народа, не знающего своих прав, полученных свободой [4, с. 47].

Партия «Свободная Кабарда» призывала сформировать национальный Кабардинский Совет, так как соседние народы уже имели к этому времени свои Советы, защищающие их национальные интересы.

После провозглашения советской власти в Кабарде и Балкарии в марте 1918 г. управление округом осуществлялось Нальчикским окружным народным Советом [5, с. 119-129], который не признал большевистскую революцию и стремился не допустить ее распространения на своей территории. При поддержке служащих Кабардинского полка, в том числе и сотни З. Даутокова-Серебрякова, окружной Совет пресекал деятельность местного Совета рабочих и солдатских депутатов, а также разоружал находящиеся на территории Нальчикского округа большевистски настроенные солдатские части. З. Даутоков-Серебряков признавал власть окружного народного Совета. Он не ставил вопроса о независимости, т.е. не был не радикалом, ни экстремистом в вопросах национально-государственного строительства. В чрезвычайно экстремальных условиях того времени предлагаемые им меры подчинялись одной высшей цели — самосохранению народа [6, с. 45].

По мнению О.Л. Опрышко, З. Даутоков-Серебряков став одним из главных действующих лиц в драме гражданской войны, разгоравшейся в Кабарде и Балкарии, сочетал в себе непреклонность в достижении цели, безоглядную удаль в бою, а вместе с тем суровость и беспощадность по отношению к политическим противникам с применением крайних карательных мер. В этом была трагедия братоубийственной гражданской войны, где сыны одной земли, одних народов, стали друг для друга врагами [7, с. 183].

В октябре 1918 г. Кабардинский полк прибыл на Родину, с его помощью З. Даутоков-Серебряков, выбив из Нальчикского округа отряды красного шариатиста Н. А. Катханова, восстановил в правах окружной Совет Т. К. Шакманова. С этого времени и до середины ноября 1918 г., когда Нальчик снова был занят красными, они выступали единой силой. В период их пребывания у власти в Нальчикском округе были достигнуты значительные успехи в национально-государственном строительстве кабардинцев: созданы независимая политическая и судебная власть, сформировано национальное войско, образован особый Духовный Совет, призванный примирить охваченное гражданской войной население округа [8].

По мнению Т. Х. Кумыкова, именно лозунги о свободной Кабарде определили успехи З. А. Даутокова-Серебрякова, которого поддержал народ, и благодаря этому он в 1918 г. занял всю Большую Кабарду и сверг Советскую власть [9, с. 51].

Борьба с большевизмом для организатора и лидера антибольшевистской борьбы З. Даутокова-Серебрякова была помимо защиты национальных интересов и борьбой за веру. Характерны в этом отношении строки написанного и продекламированного им незадолго до вооруженного выступления стихотворения «Сон»: «Благословением для каждого брата пусть будут святые слова газавата: доколе священное ля-иляха-ля-Аллах — зеленое знамя с луной, не будет и места для страха в сердцах всех вступающих в бой» [8, с. 57].

В конце октября 1918 г. положение на Тереке меняется в пользу красных, подавивших основные очаги казачьего восстания. 18 ноября 1918 г. передовые части X и XII Красной армии, в том числе шариатский отряд Н. Катханова, заняли г. Нальчик. Изменение соотношения сил на Тереке к ноябрю 1918 г. в пользу красных поставило местные либерально-консервативные силы перед необходимостью поиска внешней поддержки, которую они получили от Добровольческой армии А. И. Деникина, стремительно продвигавшейся в Терскую область. З. Даутоков-Серебряков со своим отрядом отступили на Кубань на соединение с Добровольческой армией А. Деникина. При ее поддержке в январе 1919 г. З. Даутоков-Серебряков снова занял Нальчикский округ и был назначен помощником правителя Кабарды Т. Бековича-Черкасского по военной части. На этом посту, позволявшем ему заниматься формированием вооруженных отрядов, он продолжил борьбу с большевиками на территории Кабарды и Балкарии. Подавив очаги партизанского сопротивления, З. Даутоков-Серебряков в начале июня 1919 г. во главе Второй бригады Кабардинской Конной дивизии в звании полковника отправился на Царицынский фронт, где 27 августа в бою под Котлубанью погиб [10, с. 234-240]. Командованием Добровольческой армии А. Деникина ему было посмертно присвоено звание генерал-майора.

Если движение З. Даутокова-Серебрякова было направлено на защиту интересов всего народа, а не «социальных верхов», то при А. Деникине, восстанавливавшем частную собственность, последние получили возможность вернуть отнятые большевиками права, что вызвало социальную напряженность в округе. Белая власть, в отличие от советской власти не покушалась на религиозные устои. Тем не менее, большевики, играя на религиозных чувствах горцев, сумели привлечь их на свою сторону. 24 марта 1920 г. в Кабардино-Балкарии и по всему Северному Кавказу была окончательно восстановлена Советская власть [11].

Таким образом, можно сделать вывод, что либерально-консервативная идеология в рассматриваемый период «исповедовала» идеи гражданского равенства и свободы, верила в реальность правового государства и культурно-националь-

ного самоопределения своих народов в составе свободной демократической России. Без сомнения, заслугой З. Даутокова-Серебрякова является сплочение народа Кабарды и Балкарии в трудные годы гражданской войны в деле сохранения национальной идентичности, национальной территории и поднятие уровня национального самосознания кабардинцев и балкарцев.

Примечания

1. Саблиров М. З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX вв. Нальчик, 2001. 232 с.

2. Бурда Э. Забытый герой. Заурбек Даутоков-Серебряков. URL:http://kavkaz.ge/2010/07/06/zabytyj-geroj-zaurbek-dautokov-serebryakov/(дата обращения: 14.07.2012).

3. Программа Кабардинской революционной партии «Свободная Кабарда», председатель партии Заурбек Даутоков-Серебряков, 20 августа 1918 года ст. Солдатская/Чхеидзе К. А. Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков Гражданская война в Кабарде/Сост. Жанситов О. А. Нальчик, 2008. С. 61-62.

4. Апшева М. И. Динамика национального самосознания кабардинцев (XX — нач. XXI в.). М., 2009. 200 с.

5. Сообщение из газеты «Народная власть» об открытии в г. Нальчике первого съезда трудящихся Нальчикского округа, 31 (18) марта 1918 г. // Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино- Балкарии (1917-1922 гг.)/Сост. Гугов Р. Х., Татарокова Л. Б. и др. Нальчик, 1983. С. 119-129.

6. Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. 174 с.

7. Опрышко О. Л. «Бывают странные сближения…»: Документальное повествование. Нальчик, 1993. 212 с.

8. Чхеидзе К. А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде/Сост. Жанситов О. А. Нальчик, 2008. URL:http://forumkavkaz.com/index.php (дата обращения: 14.07.2012).

9. Кумыков Т. Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX-начале XX в. Нальчик, 2002. 438 с.

10. Чхеидзе К. А. Страна Прометея/Сост. М. и В. Котляровы. Нальчик, 2004. 264 с.

11. Щербинин С. А. Власть и население Северного Кавказа в период революции и гражданской войны (1917-1920 гг.). Электронный ресурс. URL: http://revolution.allbest.ru/history/00265079_0.html (дата обращения: 11.07.2013).

И. С. ПАЗОВ,
магистрант КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ГЕРМАНО-ТУРЕЦКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В данной статье рассматривается германо-турецкая интервенция в Закавказье на завершающем этапе Первой мировой войны. В своём исследовании автор раскрывает причину интервенции и анализирует стороны участниц данного конфликта. Закавказье анализируется в работе как зона интересов Германии и Турции в годы Первой мировой войны, которые стремились, установить своё влияние в данном регионе, посредством интервенции. В дальнейшем автор приводит вывод о том, что завершение боевых действий в Закавказье, стало возможным только благодаря компромиссу между германским и турецким руководством о разделе сфер влияний.

***Ключевые слова**: Первая мировая война, Закавказье, интервенция.*

In this article, the author examines the German-Turkish intervention in the Transcaucasia in the final stages of World War I. In his study, the author reveals the reason for the intervention, and analyzes the part of the participants of the conflict. Transcaucasia is analyzed as a zone of influence of Germany and Turkey during the First World War, which sought establish its influence in the region, through the intervention. In the future, the author gives the conclusion that the end of hostilities in the Transcaucasia was only made possible by a compromise between the German and Turkish leaders on the division of spheres of influence.

***Keywords**:World War I, Transcaucasia, the intervention.*

Первая мировая война одна из тяжелейших страниц в истории всего мира, отразившейся на судьбах государств и жизней миллионов людей. Но война не только губила жизни и страны, она так, же служила катализатором образования национальных государств на осколках империй. Одной из таких империй была Российская. Она полностью ощутила на себе все страдания, связанные с войной и ее последствиями: начало «катастрофы», в лице двух революций, приход к власти большевистского руководства и тяжкие поражения на Восточном фронте. Положение страны усугубилось после начала в 1918 г. широкомасштабного наступления Германии, воспользовавшейся внутри российскими неурядицами. Новое большевистское руководство, растерявшее после октября 1917 года территории национальных окраин, таких крупных как Закавказье, оказалось перед реальной угрозой потери власти.

Что же касается самой Германии, то она стремилась, к созданию марионеточных правительств на национальных окраинах бывшей Российской империи ин-

спирировалось эмиссарами Берлина. Используя свое безграничное влияние на эти правительства, берлинская дипломатия побуждала их к заключению союза настолько тесного, что завершался он, как правило, приглашением немецких войск и фактической оккупацией страны.

Однако в Закавказье эта тактическая линия теоретиков и практиков германской экспансии натолкнулась на определенные трудности, которые в общих чертах заключались в следующем. Закавказье являлось многонациональной страной. Образовавшееся здесь правительство в лице Закавказского комиссариата являлось коалиционным, члены его не только были лишены чувства национального единства, но и придерживались разной внешнеполитической ориентации, в некоторых случаях и проантантовской. Политика кайзеровской Германии, избравшей в качестве союзника такого, как Османская империя, среди народов Закавказья была крайне непопулярна. Закавказский комиссариат хотя и не признавал власти Совета Народных Комиссаров, но, опасаясь протеста широких народных масс, официально не решался объявить об отделении края от России. И наконец, в Баку, важнейшем экономическом и политическом центре края, существовала Советская власть, требование которой о единстве Закавказья с Советской Россией поддерживалось трудящимися массами, охваченными революционным движением.

Преодоление всех этих трудностей составляло серьезную проблему, о чем в руководящих сферах в Берлине имели отчетливое представление. Однако ход событий в дальнейшем коренным образом изменил ситуацию. 10 января 1918 г. в Брест-Литовск к самому началу обсуждения условий мирного договора прибыла «делегация» Украинской Центральной рады, снаряженная по инициативе Германии. «Делегация» заявила, что она представляет законное правительство независимой Украины и будет выступать «самостоятельно»[1, стр. 41]. Троцкий, возглавлявший в это время советскую делегацию в Брест-Литовске, признал представителей Рады в качестве самостоятельных участников переговоров и тем самым оказал важную услугу германским империалистам, стремившимся, используя союз с послушной их воле Радой, захватить Украину.

Поощренные этим прецедентом, турки с разрешения немцев 14 января предложили Закавказскому комиссариату начать сепаратные мирные переговоры, порекомендовав одновременно направить в Брест своих уполномоченных в качестве делегатов независимого Закавказского государства [2, стр.52].

Закавказский комиссариат от прямого ответа на предложение о посылке делегации в Брест уклонился. Что касается сепаратных переговоров, то туркам лишь через две недели было сообщено, о согласии приступить к ним, однако о времени и месте переговоров не было сказано ни слова. Да и турки предусмотрительно не требовали деталей. Используя перемирие как передышку, турецкие власти из последних сил вели подготовку к наступлению на Закавказье.

Из частей, разгромленных в свое время на Кавказском фронте 2-й и 3-й армий, а также переброшенных с других фронтов подразделений были сформированы воинские части численностью до 5 дивизий. В помощь им турки придали несколько отрядов курдской кавалерии и добровольцев, доведя тем самым общую численность своих войск на Восточном фронте до 25 тыс. человек.

Между тем в это же самое время со своих позиций уходили последние солдаты русской Кавказской армии. Прибывавшие на смену старой армии части армянских и грузинских национальных соединений были малочисленны и плохо воору-

жены. Раздираемое внутренними противоречиями, правительство Закавказской республики не проявляло никакой заботы об обороне страны. Следствием такого отношения к проблемам обороны было быстрое изменение соотношения сил на Кавказском фронте в пользу турецких вооруженных сил, и турки, понимая это, ждали только удобного момента в международной обстановке, чтобы приступить к реализации своих захватнических планов в Закавказье.

Таким моментом для них послужил срыв переговоров в Брест-Литовске между представителями стран Германского блока и Советской Республики.

10 февраля в результате политики Троцкого, не выполнившего директиву Советского правительства, переговоры были прерваны.

12 февраля, через два дня после срыва переговоров в Брест-Литовске и за 6 дней до начала наступления германских войск на Советскую Россию, Турция, нарушив условия перемирия, заключенного и в Бресте, и в Эрзинджане, под вымышленным предлогом открыла военные действия против Закавказья.

13 февраля турки заняли Эрзинджан. В соответствии с приказом командования армянские части стали отходить. Развивая наступление в феврале и марте, турецкие войска овладели городами Гюмушане, Байбурт, Трапезунд, Ардаган. 12 марта пал Эрзерум. Вскоре турецкие войска вышли на линию русско-турецкой границы 1914 г.

Еще 19 февраля Закавказский комиссариат известил командование турецких войск о своей готовности приступить к переговорам о мире.

8 марта, согласно договоренности с турками, делегация Закавказья во главе с меньшевиком А. Чхенкели прибыла в Трапезунд, где должна была открыться Турецко-Закавказская мирная конференция. Однако открытие ее затянулось. Теперь уже турки не торопились.

Прогермански-настроенная часть грузинских националистов надеялась на возможное установление членами делегации Закавказья контакта с немцами в Трапезунде, с тем, чтобы в необходимых случаях информировать германскую сторону о ходе переговоров и заручиться ее поддержкой в случае выдвижения турками чрезмерно тяжелых условий мира. Но турки создали вокруг делегации Закавказья такую обстановку, что члены делегации не могли ступить, ни шагу без контроля, более того — фактически они были полностью изолированы.

Переговоры начались лишь 14 марта, и то по настоянию немцев, однако турки не собирались вести их серьезно. Зная о слабости Закавказской республики, турецкая сторона выдвигала все новые и новые требования, стремясь как можно дольше затянуть работу конференции. Это и понятно: тем временем наступление турецких войск продолжалось. Турецкие представители на переговорах требовали, чтобы в соответствии с условиями Брестского мира о выводе русских войск из Карса, Ардагана и Батуми закавказское правительство передало эти районы Турции. Доводы представителей Закавказской республики, что для них не могут быть обязательными пункты Брестского мирного договора, поскольку закавказское правительство не признает власть правительства Советской России, и что Турция претендует на исконно грузинские и армянские территории, турецкой делегацией совершенно не принимались во внимание, равно как и другие любые аргументы. В Трапезунде шли долгие и бесполезные дискуссии, а турецкие войска уже миновали довоенную границу. Продвигаясь по территории Армении, они чинили жесточайший террор и насилие над мирным населением. Армянские подразделения и отряды партизан оказывали противнику отчаянное сопротив-

ление, но силы были неравны, и армянские части вынуждены были отступать с боями. На северном направлении турецкие захватчики быстро приближались к Батуми, Ахалциху, Боржоми.

Делегация Закавказской республики готова была подписать мир с Турцией, уступив Карс и Ардаган, но турок это не удовлетворяло. 6 апреля они предъявили категорическое требование признать пункты Брестского договора в отношении Карса, Ардагана и Батуми. Одновременно с этим, в соответствии с ранее выработанной германо-турецкой линией, турецкая делегация заявила, что впредь турецко-закавказские переговоры могут быть продолжены лишь в том случае, если Закавказье официально объявит себя независимым государством.

Цель этого последнего требования заключалась в том, чтобы поставить Закавказье вне условий Брестского мирного договора, затруднить возможность защиты этого края со стороны Советской России и тем самым открыть свободу действий для германских империалистов и турецких захватчиков.

Закавказский сейм отказался выполнить требования турок и 14 апреля отозвал делегацию из Трапезунда. Правительство объявило военное положение, был издан указ о мобилизации. Однако время уже было упущено, да и организовать отпор интервентам при всех обстоятельствах закавказское буржуазно-помещичье правительство не могло.

Фронт, противостоявший, наступающим турецким частям не имел централизованного руководства, национальные части действовали автономно, сами по себе, их боеспособность была низка, а тыл был развален. Солдаты-кавказцы из регулярных частей русской армии, покинувшие фронт вместе с русскими солдатами, в большинстве своем снова были мобилизованы, однако вооружать их правительство опасалось из-за революционных настроений, которые они открыто выражали. Тифлисский губернский комиссариат, докладывая о настроениях солдатских масс министру внутренних дел, в частности, писал: «Как только солдаты получат в руки оружие — они немедленно направят его уходили в красные против нас же» [3, стр.267]. Многие из этих солдат партизанские отряды.

Политическая элита боялась объявления народной войны против турецких захватчиков, ибо в ходе ее могли быть не только изгнаны интервенты, но и заодно свергнуто их правительство.

В довершение всего в самом правительстве не было единства в вопросе борьбы с турецкими интервентами. Азербайджанские мусаватисты, когда-то поддерживавшие царское правительство в войне, в том числе и против мусульманской Турции, теперь категорически отказывались принять участие в войне с «единоверной» страной.

Между тем обстановка на фронте ухудшалась. 15 апреля турки заняли Батуми и продолжали наступление на север в направлении Поти. 18 апреля пал Каракёсе, 19 апреля Зекарский перевал — важный оборонительный рубеж на пути к Тифлису — был захвачен турецким добровольческим отрядом.

В связи с вторжением турок в Закавказье грузинские националисты, поддерживавшие контакты с немцами, по дипломатическим и иным каналам неоднократно обращались к представителям Германии с просьбой повлиять на Турцию — союзника империи, положить конец захватническим действиям. Однако ответ немецких представителей каждый раз сводился к тому, что турки не посмеют пересечь рубеж, указанный в Брест-Литовском мирном договоре, и потом-де Германия не может активно вмешаться в конфликт, поскольку Закавказье является составной

частью России, с которой у Турции из-за Кавказа старые споры. Закавказскому правительству не оставалось иного выхода, кроме возобновления переговоров с турками, предварительно выполнив их ультимативное требование о признании Брест-Литовского мирного договора и объявлении независимости Закавказья.

22 апреля Закавказский сейм официально провозгласил независимость края от Советской России и поручил правительству возобновить переговоры с Турцией.

Закавказское правительство, теперь уже возглавляемое А. Чхенкели, обратилось к турецкому командованию с предложением прекратить с 23 апреля военные действия и приступить к переговорам о заключении перемирия.

Но турок не устраивало перемирие. 25 апреля, заняв Карс, они продолжали продвигаться дальше, выдвинув в ответ на предложение закавказского правительства новые территориальные претензии. Теперь уже шла речь о границах 1877 г.

Было совершенно ясно, что туркам мир не нужен, что они, воспользовавшись сложившейся обстановкой, решили претворить, наконец, в явь свою давнишнюю мечту о захвате всего Закавказья. Но к этому времени Германия, в руках которой уже находились Украина и Крым с важнейшими черноморскими портами, в свою очередь, сочли, что условия, необходимые для перехода к более активным действиям в Закавказье, вполне созрели. Однако их любые конкретные шаги в этом направлении не могли не привести к столкновению с интересами Турции. Когда турки увлеклись захватами до такой степени, что стали угрожать всему Закавказью, германское руководство открыто выступили с намерением схватить за руку свою союзницу, покушавшуюся на их добычу.

Германия потребовала от турецкого правительства прекратить дальнейшее продвижение по Закавказью и сесть за стол переговоров с правительством Закавказской республики. В Турции были крайне недовольны решением Германии, однако пришлось подчиниться воле старшего партнера. Для того чтобы впредь не возникли «недоразумения», Германия заставила Турцию заключить с ней секретный договор о разделе сфер влияния в Закавказье. Договор этот был подписан обеими сторонами в Константинополе 27 апреля 1918 г.. Согласно пунктам договора, к Турции переходили уже занятые ею области Закавказья и вдобавок еще часть Армении вдоль железнодорожной линии Карс — Александрополь — Караклис. В остальной части Закавказья, включая районы Азербайджана, находившиеся под властью закавказского правительства, преобладающими должны были считаться интересы Германии. Однако турки все же сумели выторговать право провоза войск по Закавказской железной дороге якобы для борьбы против англичан в Северной Персии [4, стр.102].

Это была уловка, удобный предлог для введения войск в Закавказье в обход договоренности с немцами. И, как в дальнейшем стало ясно Берлину, этим предлогом турки воспользовались для захвата Азербайджана.

Заключение договора 27 апреля 1918 г. между Германией и Турцией о разделе сфер влияния в Закавказье позволяет понять, насколько были беспочвенны утверждения лидеров грузинских националистических партий и ряда буржуазных историков о том, что Национальный совет Грузии вынужден был пригласить войска «цивилизованной Германии» в интересах спасения Грузии от ига «варварской Турции»[5, стр.60]. На самом деле официальное приглашение немцев в Грузию, осуществленное от имени националистических лидеров, было лишь формальным актом. Еще задолго до совершения данного акта было принято решение о том, что Грузия достанется Германии.

Что же касается самого факта «приглашения», то он явился результатом заранее спланированных действий кайзеровской Германии, умело воспользовавшейся услугами представителей националистических партий.

28 апреля Турция дала согласие начать мирные переговоры в Батуми.

Переговоры эти открылись лишь 11 мая. Германия сразу же выразила желание взять на себя роль посредника в них. Представители Закавказья не были против, ибо они считали, что «пребывание немцев в Батуми имело значение накинутой на Турцию уздечки» [5, стр.3-5]. Однако турки категорически отвергли услуги германской делегации и повели тайные переговоры с мусаватистами, чтобы обойти договор о сферах влияния. Это не ускользнуло от внимания немцев, и они, в свою очередь, приступили к секретным переговорам с грузинской частью закавказской делегации по вопросам германо-грузинских отношений и оказания Грузии «покровительства» [5, стр.81-82].

Теперь германскому и турецкому руководству выгодно было, чтобы вместо единой Закавказской республики существовали три «независимых государства». Представители Турции в ходе переговоров в Батуми преднамеренно выдвигали такие требования, принятие которых было равносильно ликвидации Закавказской республики.

26 мая, после того как турецкие войска захватили Караклис (ныне Кировакан) и Александрополь (ныне Ленинакан), турецкая делегация выдвинула требование о присоединении к Турции новых территорий, расположенных в уездах Шаруро-Даралагязском, Нахичеванском, Эриванском, Эчмиадзинском, Ахалкалакском, а также г. Александрополя. Одновременно турки ультимативно потребовали от закавказского правительства дать им право беспрепятственной перевозки турецких войск по всем железным дорогам Закавказья с обеспечением этих войск продовольствием. Ответ следовало дать через 72 часа.

Собравшийся в тот же день для обсуждения создавшегося положения Закавказский сейм, не придя ни к какому решению, сложил свои полномочия. Закавказская республика распалась. Взамен нее национальными советами Грузии, Армении и Азербайджана были провозглашены «независимые» республики: Грузия. Армения и Азербайджан.

Все перечисленные выше события послужили эпилогом Первой мировой войны на Кавказском фронте, завершившегося образованием новых национальных государств в Закавказье, полного изменения баланса сил в этом регионе, продолжавшегося в период гражданских войн, закончившихся приходом Советской власти в 20-ые годы.

Примечания

1. История международных отношений и внешней политики СССР/Под ред. акад. И. А. Кирилина. М., 1986. Т. 1. 1917-1945 гг.

2. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919, док. № 34.

3. Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917-1921 гг.). Тбилиси, 1958.

4. Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910-1918 гг. М., 1978.

5. Авалов З. Независимость Грузии в международной политике. Париж, 1924.

Х. В. ЗАНГИЕВ,
аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Статья посвящена изучению некоторых аспектов деятельности истребительных батальонов Северной Осетии. Автором впервые введены в научный оборот архивные материалы, позволившие исследовать причины возникновения, условия функционирования отрядов борьбы со шпионажем, диверсантами.

***Ключевые слова**: война, борьба со шпионажем, батальон*

The article is devoted to the study of some aspects of the activities of the battalions of North Ossetia. The author first introduced into scientific use archival materials, enabled study of the causes, conditions of functioning of the units of the struggle against espionage, saboteurs.

***Keywords**: war, combat espionage, the battalion*

История Великой Отечественной войны отражена в многочисленных работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Историография ежегодно пополняется новыми исследованиями, раскрывающими малоизученные аспекты проблемы, идет переоценка существующих точек зрения [1]. До сих пор проблемы взаимодействия фронта и тыла являются объектом пристального внимания исследователей. Среди вопросов региональной историографии не изучены роль и деятельность добровольческих военизированных формирований, в том числе истребительных батальонов, которые не только обеспечивали безопасность тыла, но и принимали участие в столкновениях с регулярными частями противника.

Известно, что противник использовал не только военную мощь для достижения своих целей, но и другие средства для дезорганизации тыла, расшатывания обстановки в прифронтовых районах, деструктивной подрывной деятельности. Только накануне войны заброска немецких шпионов возросла в 14 раз [2,89]. Кроме агентурных групп в тылу действовали также одиночные агенты, проникавшие в глубокий тыл под видом беженцев, отставших от частей военных. В период военных действий на Северном Кавказе в тыл Красной Армии забрасывались диверсионно-разведывательные группы, подготовленные из личного состава соединения «Бранденбург-800»[3.103].

Учитывая всю пагубность деятельности вражеских шпионов на территории СССР, в НКВД СССР был создан оперативный штаб истребительных батальонов. Создание и регулирование деятельности этих объединений являлось заботой и Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны: «Немедленно организовать истребительные батальоны по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника при всех районных управлениях НКВД, укомплектовав

их из числа проверенных коммунистов, комсомольцев и совслужащих, способных владеть оружием»[4,6].

На формируемые батальоны возлагались разнообразные задачи, начиная от охраны тыла Красной Армии, ликвидация парашютно-десантных отрядов, заканчивая вопросами эвакуации и помощи органам милиции в выявлении паникеров, дезертиров. Батальоны комплектовались добровольцами из числа проверенных граждан, списки личного состава составлялись в партийных и комсомольских организациях, а тщательную проверку проводили органы НКВД. Командный состав истребительного батальона от рядового бойца до командира взвода утверждался на бюро райкома, горкома партии. Штаб истребительных батальонов в республике возглавляли сотрудники УНКВД СОАССР Мамиев и Дауев. Руководство истребительными батальонами в районах возлагалось на руководителей местных НКВД [5,1]. Личный состав формировался из начальника батальона, помощника по политической части, адъютанта, начальника связи и врача. В июле 1941 г. было создано 15 истребительных батальонов общей численностью 2650 человек: три батальона (по 200 человек) — в г. Орджоникидзе, по батальону (по 80-100 человек) в сельских районах республики. Истребительные батальоны различались по численности, которая зависела от места дислокации батальона.

По своей структуре истребительные батальоны строились по армейскому порядку: каждый полк состоял из трех батальонов, а также подразделений боевого и тылового обеспечения. В каждом батальоне было по две роты из двух взводов. В основном истребительные батальоны формировались по районному принципу, то есть на один район — один истребительный батальон, но также батальоны формировались и по производственному признаку — предприятиях, в институтах и т.д. Социальный состав бойцов был разнообразен: рабочие, служащие, студенты, работники НКВД и милиции. Не менее разнился и возрастной состав: от 16 до 25 лет — 166 человек; от 25 до 40 лет — 243, от 40 и старше — 187.

Вначале истребительные батальоны создавались из бойцов, проходивших службу без отрыва от производства, однако с приближением фронта к Северной Осетии в августе 1942 г. возникла потребность в переводе личного состава на казарменное положение. Каждый батальон имел достаточное количество вооружения. Так, один из городских батальонов на 200 бойцов имел 179 отечественных винтовок 7.62 мм, винтовки системы «Маузер», 2 становых пулемета, 37 револьверов системы «Наган», ручные гранаты РГД-33. Позже бойцы получили свыше 2000 винтовок фирмы «Ли-Энфильд» (Англия) и «Арисака» (Япония), ручные пулеметы системы СВ (Чехословакия). Оружием и боеприпасами истребительные батальоны обеспечивались со складов Управления НКВД СОАССР и 9-й Армии.

Все бойцы в течение 3 месяцев проходили ускоренную подготовку по основам военного дела, разведки и ликвидации шпионов. В конце 1941 г. вместе с курсантами училища НКВД были проведены две тактические операции, которые показали высокий уровень подготовки бойцов. Военная подготовка личного состава батальонов проводилась централизованно по утвержденным программам и составляла не менее 100 часов, включала приемы борьбы с парашютным десантом, осуществление облав, засад, кроме того, каждый боец должен был пройти курс политической грамоты. Бойцы истребительных батальонов не освобождались от основной работы и занимались после трудового дня три раза в неделю. За период существования истребительных батальонов обучение прошли около 6 тыс. человек.

Так как бойцы истребительных батальонов должны были сочетать основную работу с военной службой, им выплачивалась зарплата, которую они получали в мирное время. Бойцы истребительных батальонов, которые были переведены на казарменное состояние, обеспечивались денежным и материальным снабжением из фондов НКВД как: мобилизованные в Красную Армию лица по тем же нормам, что и сотрудники милиции [6,18]. Также на них распространялось действие постановления СНК СССР от 16 июня 1940 г. «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава и их семей»[7,168]. Для укрепления правового статуса бойцов с января 1942 г. для участников истребительных соединений были введены воинские книжки, где указывались фамилия, имя, отчество, место жительства, родственники, место работы и занимаемая должность.

По мере продвижения противника на Северный Кавказ перед истребительными батальонами встали новые задачи. Батальоны были переведены на казарменное положение с августа 1942 г., т.к. необходимо было поддерживать в тылу правопорядок, усилить борьбу со шпионажем.

В отчете начальника штаба за июнь 1942 г. были приведены формы использования, например, Садонского истребительного батальона: «Обследование и прочесывание отдельных районов местности, закрытие особо важных и пораженных направлений, охрана складов особого назначения, конвоирование задержанных дезертиров и другого неблагонадежного элемента, служба постов заграждения, наблюдение за воздухом, патрульная служба в городах и внутренняя служба» [8,9].

В качестве наиболее характерного примера оперативно-служебного использования истребительных батальонов приведем следующие факты. Личный состав истребительных батальонов Северной Осетии принимал активное участие в военных операциях. Так, во время осады г. Орджоникидзе сводный городской батальон в течение шести дней оборонял окрестности; в период битвы за город часть батальона несла службу по охране стратегически важных объектов.

Деятельность истребительных батальонов в битве за Орджоникидзе складывалась по-разному: одни отряды принимали активное участие в оборонительных боях, проявив себя с лучшей стороны; другие влились в партизанские отряды в тылу противника; третьи были заняты на охране важных объектов и помогали милиции в выявлении дезертиров и мародеров. Так, только в начале 1942 г. в результате проведенных операций было задержано 8 парашютистов, 34 шпиона, свыше 200 бандитов, около 2000 тыс. дезертиров из Красной Армии, 1500 тыс. укрывавшихся от трудовых мобилизаций. Вот несколько фактов результативной работы истребительных батальонов республики. В октябре 1942 г. Ардонским истребительным отрядом была ликвидирована банда Калашника в составе 8 человек. Все они — дезертиры, с оружием в руках скрывавшиеся в лесах. Другая банда в окрестностях с. Дур-Дур была выявлена и обезврежена также бойцами истребительного батальона [9,12].

После освобождения территорий, оккупированных противником, в деятельности истребительных батальонов начался очередной этап, связанный с новыми задачами, определенными в директиве Наркомата внутренних дел СССР: «В очищаемых от захватчиков районах восстанавливать истребительные батальоны. Помимо ранее поставленных задач, истребительные батальоны должны участвовать в организации охраны и поддержания революционного порядка в населенных пунктах, а также оказывать помощь РО НКВД в очистке районов от антисовет-

ского элемента»[7,110]. Особо угрожающая ситуация с вражескими десантами сохранялась на территории Северного Кавказа: авиация противника осуществляла не только бомбовые удары по населенным пунктам, но забрасывала небольшие диверсионные группы в тыл Красной Армии. С целью противодействия подрывной деятельности врага вся территория Северо-Кавказского военного округа была поделена на зоны ПВДО, Северная Осетия составила пятую зону. В боевую готовность были приведены милиция, НКВД, истребительные батальоны, народное ополчение.

После освобождения территории Северной Осетии от врага было вновь создано 11 истребительных батальонов общей численностью 1105 человек, в том числе 723 женщины. Нередко истребительные батальоны вместе с милицией обеспечивали порядок в республике. В 1943 г. истребительные батальоны СОАССР участвовали в 120 оперативных операциях по обнаружению криминальных и вражеских банд, дезертиров с трудового фронта, из Красной Армии, организовано и проведено 48 облав в городских и населенных пунктах республики. В результате мероприятий взято в плен 3 вражеских летчика; задержано 8 человек с подозрительными документами; 2 шпиона-сигнальщика самолетов противника; уничтожено 30 вражеских разведчиков [4,21], задержаны 3 разведчика противника, 26 дезертиров из Красной Армии, 29 дезертиров трудового фронта, 383 нарушителя режима военного времени, 328 лиц без документов, уничтожено свыше 2 тыс. немецких листовок.

Таким образом, истребительные батальоны — это тыловые соединения, на которые возлагались задачи по борьбе с вражеской шпионской сетью, диверсантами, криминальным элементом и дезертирами.

Итак, истребительные батальоны были такими добровольными объединениями, которые в условиях войны выполняли не только боевые задачи, но и осуществляли охрану тыла, поддержании законности и правопорядка на территории Северной Осетии в период Великой Отечественной войны.

Примечания

1. Хубулова С. А., Хаблиева Л. Ч., Батыров А. Е. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны (1941-1944 гг.). Владикавказ, 2012. 322 с.

2. Терновский А. Н. Роль истребительных батальонов в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. //Актуальные вопросы современной науки. 2013. №28. С. 89-99.

3. Пилишвили Г. Д. Миссия добровольческих военизированных формирований — истребительных батальонов Центрально Черноземного региона зимой-летом 1943 года. //Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 3. С. 100-109.

4. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп.1 Д. 7.

5. ЦГА РСО-А. ФР. 219. Оп.1. Д. 1.

6. ЦГА РСО-А. ФР. 220. Оп.1. Д. 12.

7. Яценко К. В. Военно-организаторская деятельность государственных и политических структур областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. М., 2003. 223 с..

8. ЦГА РСО-А. ФР. 219. Оп.1. Д. 13.

9. ЦГА РСО-А. ФР. 219. Оп.1. Д. 6.

10. ЦГА РСО-А. ФР. 219. Оп.1. Д. 2.

О. Б. ХАЛИДОВА,
(г. Махачкала)

ВЛАСТЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДАГЕСТАНА В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1920-1930-Е ГОДЫ XX В.)

В представленной нами статье, делается попытка анализа взаимоотношений властных структур и религиозных объединений на территории Дагестана в самый неоднозначный и сложный период исторического развития нашей страны — в послереволюционный период. В рамках хронологического периода предлагается осветить 20-30-е гг. XX в., в основе которых лежал атеизм, проявлявшийся в различных вариантах: воинствующего атеизма и атеизма с элементами веротерпимости.

***Ключевые слова**: религия, Кавказ, послереволюционный период, атеизм.*

In the present article, we attempt to analyze the relationship of power structures and religious associations on the territory of Dagestan in the most controversial and difficult historical period of development of our country — in the post-revolutionary period. Within the chronological period, it is proposed to highlight the 20-30th. XX century, which were based on atheism, manifested in different ways: militant atheism and atheism with the elements of religious tolerance.

***Keywords**: religion, the Caucasus, the postrevolutionary period, atheism.*

Одной из приоритетных тем отечественной историографии в последние десятилетия является история взаимоотношений государства и религиозных объединений. Данный интерес обусловлен все возрастающей ролью, которую религиозные организации играли и играют в жизни современной России.

Распад Советского союза и те социально-политические и экономические перемены последних лет не только позволили отказаться от многих стереотипов, но и по-новому развивать и исследовать ранее запретные и малоизвестные темы. Появились возможности более широкого, комплексного рассмотрения научных проблем, ранее ограниченных рамками идейно-политических установок.

В послереволюционный период наметились новые взаимоотношения церкви с государством, которые были определены новым законодательством страны. Еще 20 ноября 1917 г. В. И. Ленин писал в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»: «Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования,

и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными» [1, 113].

Основополагающим документом стал, принятый 23 января 1918 г. большевиками декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Декрет включал следующие положения: а) школа отделяется от церкви — преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускаются. Граждане могут обучаться и обучать религии частным образом; б) все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах и не пользуются никакими преимуществами и субсидиями от государства; в) принудительные взыскания сборов и обложений в пользу церковных и религиозных общества не допускаются; г) никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью; д) все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ объявляется народным достоянием [2, л. 22].

Двоякий смысл данного декрета состоял в том, что государственная религия (здесь — *православие* — Х. О.) теряла свои привилегии, а именно: прекращалась материальная поддержка со стороны государства, а имущество ее становилось «общенародным достоянием». Хотя, с другой стороны, признавалось юридическое равенство всех религий и религиозных объединений перед законом. Основное кредо декрета гласило: «В пределах республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан» [3, 218].

В национальных республиках, в частности в Дагестане, в политике делались некоторые уступки, в частности, в отношении мусульманского духовенства. В частности, вплоть до 1927 г. здесь сохранились шариатские суды, не подвергались конфискации вакуфные земли, до 1925 г. работали примечетские школы, мактабы и медресы [4, 5].

В 1925 г. был образован Союз воинствующих безбожников (далее — СВБ), просуществовавший до 1947 г. Основной задачей перед собой новая организация ставила «объединения всех сознательных трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех видах и формах» [5, л. 8]. Лекции, диспуты, издание газет, журналов отныне провозглашались приоритетными формами в работе атеистической пропаганды.

В нашей республике отделение СВБ начало функционировать с 1928 г., после состоявшегося пленума Дагестанского комитета партии, где был поставлен вопрос о массовой атеистической работе. Здесь на пленуме были намечены пути «борьбы с влиянием духовенства на трудящихся». Вышедшее постановление 23 ноября 1928 г. Центрального Совета СВБ, в котором отмечалась не только слабая работа антирелигиозной пропаганды в союзных республиках, но и оговаривалось, что в течение 1928-1929 гг. «антирелигиозная пропаганда среди националов должна по своим размерам и глубине догнать антирелигиозную пропаганду среди русских» [6, л. 10]. И надо признать, что в республике очень активно претворялась в жизнь вышеуказанная резолюция. По сведениям ВКП (б) на 1. 06. 1930 г. в Махачкале было зарегистрировано 68 ячеек в количестве

2589 человек, из них 708 женщин. По возрастному составу: 18-23 лет — 1015, 23-40 лет — 1320, свыше 40 лет — 254 человека, что свидетельствует о планомерной работе антирелигиозников в первую очередь среди молодежи. По национальному признаку: кумыков — 395, даргинцев — 172, аварцев — 265, горских и европейских евреев — 129, лезгин — 117, русских — 1212, прочих — 299 человек [7, л. 130].

Тут надо отметить, что религиозный актив в те годы в ДАССР был достаточно внушительным: до 2000 мечетей, 20500 мулл, 2000 муталимов. Среди русского населения, евреев, армян и других национальностей насчитывалось до 150000 верующих и 91 религиозная организация [8, л. 24].

На страницах периодической печати публиковались статьи самого разного осудительного характера. Религиозные организации протестантского направления называли «орудием политического влияния на массы трудящихся со стороны остатков бывших господствующих классов» [9, с. 2]. На читательский суд выносились публикации, осуждающие желание верующих из числа служащих, посещать культовые учреждения [10].

Однако, в ходе антирелигиозной компании определялись некоторые трудности, связанные, прежде всего, с отсутствием опыта работы по ведению антирелигиозной пропаганды, в частности, из среды националов. Отсутствие антирелигиозной литературы на местных языках, сильный религиозный фанатизм масс также являлись основным препятствием на пути к успешной работе [11, лл. 5-9].

В апреле 1929 г. Президиум ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях». Вышеуказанное постановление законодательно закрепило положение о том, что религиозные объединение необходимо вытеснять из жизни советского общества. Им было запрещено создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения, оказывать материальную помощь своим членам, организовывать детские, юношеские и женские молитвенные собрания, библейские литературные, рукодельческие, трудовые группы по обучению религии, открывать библиотеки, читальни, организовывать санатории и оказывать лечебную помощь [12, лл. 57-73; с. 7, 68-70].

Весной 1929 г. в Махачкале произошло стихийное бедствие. Из-за проливных дождей в центре города было подтоплено много жилых домов и служебных зданий. В религиозных учреждениях города было решено временно разместить пострадавших от стихийного бедствия. Для нужд верующих решено было оставить лишь собор Александра Невского и мечеть, расположенную по улице Оскара. На постановление Президиума ЦИК ДАССР от 8 февраля 1930 г. горсовет г. Махачкалы 12 марта 1930 г. отчитывался об изъятии молитвенных зданий и об их дальнейшем использовании. Так, бывшая Никольская церковь была передана под клуб ДО ОГПУ и дивизиона ВООГПУ, большая еврейская синагога по ул. Котрова передана под клуб пионеров, мечеть, расположенную по ул. Маркова, занята ТРАМом, армянская церковь использовалась как магазин КАСТПО [13, л. 5]. Другие молитвенные учреждения, в основном, были оборудованы под общежитие для семей, пострадавших от стихийного бедствия.

В сентября 1929 г. в Первой Махачкале была закрыта Успенская церковь, а помещение постановили передать под клуб. Основанием для этого послужили многочисленные жалобы со стороны рабочих Петровско-Кавказской железной дороги [14, л. 19].

В начале 1930-х годов Совнарком ДАССР принял постановление о закрытии религиозных культовых зданий под склады для хранения хлеба [15, л. 34а]. В этой связи, в Дербенте сочли подходящим для этого православный собор [16, л. 21]. В Кизляре, под разведение нового городского сквера, была закрыта церковь по ул. Советской [17, л. 90].

В конце марта 1930 г. Исполнительным комитетом Касумкентского района сообщалось об изъятии 46 мечетей и об использовании их под склад — 6, школы — 2, клубы — 2, липпункты — 17, неиспользованных — 18 [18, л. 39].

В одном из фондов ЦГА РД представлены многочисленные постановления ЦИК ДАССР, выписки из протоколов о закрытии молитвенных домов, заявления рабочих, служащих и учащихся о закрытии молитвенных зданий и передаче их под культурные просветительские учреждения (декабрь 1929 — февраль 1930 г.). Во всех заявлениях подчеркивалось о вредоносности религии для построения социалистического общества, а молитвенные догма назывались «оплотом для сплочения чуждых элементов» [19, лл. 21, 23, 24, 25, 26 и т.д.].

Церкви в Дагестане не только закрывались, но и уничтожались. В 1926 г. в Махачкале был снесен христианский храм Николая Чудотворца. А через 6 лет в Буйнакске — церковь и собор. В 1937 г. была закрыта церковь Покрова Богоматери, а два года спустя — хасавюртовская церковь Знаменской Иконы Богоматери [20, л. 112]. В апреле 1939 г. в Махачкале была закрыта Иранская мечеть по ул. Леваневского, с дальнейшим решением капитальной реконструкции ее под жилой дом Горсовета [21, л. 2] и европейско-еврейская синагога по ул. Пушкина, которую посчитали необходимым приспособить под квартиру для переселения семьи из бывшей казармы на площади им. Тов. Сталина [22, л. 21].

Таким образом, уже во второй половине 30-х гг. XX в. по 34 районам и 2 городам Дагестана (Махачкала и Дербент) общее количество культовых зданий всех конфессий в республике числилось 1939, из них мечетей — 1820, церквей — 30, синагог — 14, другие молитвенные здания — 75. Общее количество закрытых зданий — 1026, из них — 1000 мечетей, церквей — 11, синагог — 9, других — 6. Незакрытыми оставались 913 зданий, в том числе мечетей 820, церквей — 19, синагог — 5, других — 69. Из общего количества незакрытых зданий действующими оставались только 726 зданий [23, с. 8].

Конечно, подобные мероприятия властей вызывали недовольство и сопротивление верующих. Священники, порой рискуя, нарушая инструкции НКВД, ездили по приходам, обслуживая клир тех приходов, где церкви уже были закрыты. Архиерей Сергий специально приезжал для этого из Владикавказа [24, л. 53].

Еще более драматичные события развернулись между органами советской власти и мусульманским духовенством. Здесь имели место открытые антисоветские выступления таких видных религиозных деятелей как шейх-уль-ислам Али — Хаджи Акушинский, шейхи Гасан Кахибский, Магомед Балаханский, Ибрагим Кучринский [25] и другие.

Таким образом, революционные преобразования 1917 г. не принесли религии полной свободы от государственной опеки. Она попадает в еще большую от государства зависимость. Усилившееся государственное давление при Временном правительстве переросло в открытые гонения с приходом к власти большевиков. При этом антирелигиозные репрессии, начавшиеся в 20-е гг., а в какой-то степени даже раньше, то усиливались, то, спадая, продолжались вплоть до начала 40-х гг.

Примечания

1. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957.
2. ЦГА РД. Ф. р-1234. Оп. 1с. Д. 3.
3. История евангельских христиан-баптистов в СССР. Изд-е Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов. М., 1989.
4. Власть и мусульманская религия в Дагестане. 1917-1991 гг. Документы и материалы. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007.
5. Центральный Государственный архив Республики Дагестан (далее — ЦГА РД). Ф. 238-р. Оп. 1. Д. 2.
6. ЦГА РД. Ф. 238-р. Оп. 1. Д. 2.
7. ЦГА РД. Ф. 238-р. Оп. 2, Д. 4.
8. ЦГА РД. Ф. 238-р. Оп. 3. Д. 46.
9. Комсомольская правда. 1928, 30 марта.
10. Красный Дагестан, 23 декабря 1924 г., 25 ноября 1924 г.
11. См.: ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 996.
12. См.: ЦГА РД. Ф. р-190. Оп. 16. Д. 10; Власть и мусульманская религия в Дагестане. …
13. ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 20. Д. 126.
14. Там же. Д. 126.
15. Там же. Д. 127.
16. Там же. Д. 126.
17. Там же. Д. 127.
18. Там же. Д. 126.
19. Там же. Д. 129.
20. ЦГА РД. Ф. 238-р. Оп. 13. Д. 2.
21. ЦГА РД. Ф. р-190. Оп. 16. Д. 89.
22. Там же. Д. 8.
23. См.: Власть и мусульманская религия в Дагестане …
24. ЦГА РД. Ф. 238-р. Оп. 3. Д. 35.
25. Более подробно см.: Сулаев И. Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917-1991 гг.): Автореф. дис. … к.и.н. Махачкала, 2009.

Р. В. ХУБУЛОВА,
студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье изучена деятельность партийно-советских органов по превращению Северной Осетии в эшелонированную оборонительную территорию в 1941-1942 гг., рассматривается комплекс вопросов, связанных с мобилизационными мероприятиями по созданию оборонительных рубежей на территории Северной Осетии в 1941-1942 гг.

***Ключевые слова**: война, оборона, мобилизация.*

In the article, the activities of party and Soviet bodies in the transformation of North Ossetia in echeloned defensive territory in 1941-1942, consider the questions connected with military activities to create defensive lines on the territory of North Ossetia in 1941-1942.

***Keywords**: war, defense, mobilization.*

В условиях военного времени государство вынуждено было идти на насильственные методы, которые в большей степени проявлялись в использовании труда так называемых «трудовых армий», в большей степени использовавшихся для строительства разных объектов, в особенности на строительстве оборонительных рубежей. Используя опыт гражданской войны, советское правительство возродило трудовую повинность. В соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. властям было дано право привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, объявлять автогужевую повинность [1, 62].

С приближением линии фронта и создавшейся опасностью с 26 октября 1941 г. руководство республики приняло решение о подготовке оборонительных сооружений.

26 октября 1941 г. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны принял решение об оборонно-укрепительных мероприятиях на участке от р. Малки до ст. Раздольной, а 27 октября — о мобилизации жителей г. Орджоникидзе на эти работы [2, 113]. Была проведена мобилизация в порядке трудповинности за соответствующую плату всех трудоспособных граждан в возрасте от 16 до 55 лет мужчин и от 18 до 50 лет женщин на территории Северо-Осетинской АССР. Уклоняющихся от работы объявляли дезертирами трудового фронта и наказывали по законам военного времени.

Руководством работами было возложено на Штаб строительства. Организация оборонительных работ в республике была возложена на Текиева — секретаря горкома ВКП (б) и Бзыкова — председателя горисполкома Орджоникидзе. Работы осуществлялись на рубеже реки Малки — ст. Раздольной, разделив его

трассу на семь секторов, которые состояли из участков, закрепленных за организациями, ответственными за строительство, мобилизацию своих сотрудников, которые трудились на постройке противотанковых рвов, эскарпов и контрэскарпов, готовили укрытия, рыли окопы, траншеи.

Осуществлять строительство оборонительных рубежей должны были 10 строительных батальонов, при обязательном руководстве командира и комиссара. Так как на строительстве было много молодежи, создавались молодежные бригады.

Обязательный минимум работ на одного трудармейца устанавливался 100 м^3 выемки грунта, невыполнившие нормы должны были оставаться на рытье окопов до 1 декабря [3,8]. Выезжающие на оборонно-укрепительные работы должны были при себе иметь: лопату, кирку и лом, миску, кружку, ложку и постельные принадлежности [4,22].

Перед руководством строительства оборонно-укрепительных работ стояла задача развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение и перевыполнение установленных норм. На строительстве оборонительных рубежей к концу октября 1941 г. было задействовано более 16 тыс. чел., половина из которых — молодежь.

В связи с приближением линии фронта к Осетии было организовано строительство рубежа обвода г. Орджоникидзе с 8 августа 1942 г.; совершалась работа по взрыву и завалу Военно-Осетинской и Военно-Грузинской дорог, которые предполагалось завершить за 5 дней. 24 октября началось строительство особого укрепрайона вокруг г. Орджоникидзе: «противотанкового рва со стороны Военно-Грузинской дороги через сады до реки Терек протяженностью до 1,5 км и продолжили строительство противотанкового рва между Сухой и Заячьей балками протяженностью 1,5 км» [3,42], в котором было задействовано работающих до 2500 чел. [4,69].

Был разработан план строительства нескольких рубежей обороны вокруг г. Орджоникидзе, сделавшие город неприступным: 31 батальонный узел связи, 4157 огневых точек, 10 км противотанковых рвов. Со стороны горных вершин Дарьяльского ущелья охрану города обеспечивали 3 батальонных узла обороны с 473 огневыми точками. Для их строительства силами трудармейцев было извлечено свыше 16 тыс м^3 твердого грунта. Всего же в ходе строительства оборонительных сооружений силами мобилизованных было извлечено 308 тыс. м^3 земли.

Накануне сражения за Орджоникидзе силами трудармейцев и военных была создана хорошая система оборонительно-укрепительных сооружений на подступах столице республики, по Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогам, у Эльхотовских ворот [7, 155-156].

Не обошлось и без ошибок. Одной из причин низкой производительности труда стала необеспеченность элементарными строительными инструментами. К примеру, на строительный батальон могли выделить 30 лопат, что в 3 раза меньше потребности. Не всегда в срок обеспечивались стройматериалами участки. К примеру, завод «Стеклотара» поставил на оборонительные участки вместо 2000 противотанковых ежей всего 700.

Но самой большой проблемой оказалась нехватка рабочих рук. Некоторые райкомы плохо справлялись с задачами мобилизации и срывали план работ на строительстве. Так, Ленинский район г. Орджоникидзе смог обеспечить выход на строительные работы лишь 40% рабочих, в сельских районах ситуация с мобили-

зацией была еще хуже, т.к. колхозники были обязаны в короткие сроки провести уборку и выполнить установленные задания, но никто не снимал с них обязательств по обеспечению строительства рабочей силой.

Нередко не было согласованности между военными специалистами и гражданскими властями, это приводило к напрасным затратам рабочего времени и сил, т.к. рубежи не соответствовали боевым задачам, вследствие чего имелись случаи, когда впустую было вырыто 700 м^3 земли [7,22].

Неблагоприятные погодные условия осложняли и без того тяжелую работу. Еще более сложной проблемой оказалось размещение людей по населенным пунктам и по жилым помещениям. Приходилось приспосабливать для жилья сараи, складские помещения и дополнительно еще рыть землянки. Немаловажный вопрос — отопление приспособленных помещений и землянок.

Трудармейцы также нуждались в медицинском обслуживании, питании и теплой одежде и в товарах первой необходимости. На строительство были направлены полевые кухни, походные пекарни, передвижные парикмахерские, библиотеки, полевые здравпункты. Были созданы пункты выпечки хлеба из расчета нормы на каждого работающего в день 800 г. [4,79].

Однако в обеспечении работающих ощущались недостатки. Так, питание трудармейцев, особенно мобилизованных из г. Орджоникидзе, было организовано плохо. Почти все время пребывания на рубежах трудармейцев кормили пшенной кашей без достаточного количества жиров; снабжение водой также было организовано плохо, из-за этого люди вынуждены были ходить с банками и бутылками за водой за 2 км к р. Терек. Потребление грязной воды приводило к массовым кишечным заболеваниям.

Большие проблемы испытывали мобилизованные с теплой одеждой, обувью, горячим питанием [8,11]. Рабочие часто болели, недоедали, и это снижало производительность труда. Кроме того, на некоторых участках трудармейцы не получали зарплаты.

Создавшееся положение не могло не вызывать законного недовольства. Вопросом снабжения занимался комитет обороны, который приняли меры по снабжению работающих 500 парами телогреек и ватных шаровар,1000 парами нательного белья, 3000 парами чулок и носков, 1000 парами обуви.

Были установлены расценки для работающих на разных участках строительства, т.е. в зависимости от категории грунта: «При грунте 2-й категории — расценка за 1 м^3 4 руб. 12 коп; при грунте 3-й категории — 5 руб. 55 коп; при грунте 4-й категории — 7 руб. 43 коп.» [4,75].

Принудительный, тяжелый труд выдерживали далеко не все граждане республики. Стали отмечаться факты дезертирства с трудового фронта. Нарушившие трудовой режим приговаривались или к лишению свободы, или к принудительным работам, отбываемым на своем рабочем месте [9, 102].

Наиболее частыми нарушениями были: невыход на работу в течение всего рабочего времени (35,8%), явка в нетрезвом виде (26,2%), опоздание свыше 20 минут (21,1%), преждевременный уход с предприятий (8,6%), сон на работе (5,2%), отказ от выполнения сверхсрочных заданий (1,5%) и т.п. [10, 17].

Инвалидам, которые отказывались от работы с 1 декабря 1942 г. была прекращена выплата пенсии. В сентябре 1942 г. во изменение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. повысился призывной возраст женщин для работы на строительстве и производстве с 45 до 50 лет. Также были привлече-

ны к мобилизационным работам население, работающие в государственных учреждениях в близких к фронту районах. Они были закреплены за предприятиями и учреждениями, в которых прежде работали [11, 84].

Количество дезертиров и прогульщиков в большинстве случаев зависело от состояния социальной сферы на предприятиях республики. Тем не менее, материально-бытовые условия подавляющей части рабочих были очень тяжелые. Эта причина наиболее часто фигурировала в объяснениях дезертиров «трудового фронта».

Начиная с 1943 г. проблемы усиления трудовой дисциплины начали решаться в комплексном виде. Начальникам районных отделений милиции было поручено ежедневно предоставлять в райисполкомы списки лиц мобилизационного возраста, прибывших или прописанных в городе; управляющие домами (или председатели уличных комитетов) оформляли списки лиц, подлежавших мобилизации в связи с происшедшими изменениями. В 1942 г. был проведен учет населения по половозрастному принципу. Горисполком в июне 1942 г. поручил отделу социального обеспечения составить точный учет всех неработавших инвалидов III группы.

Помимо применения репрессивных мер, стали уделять большое внимание улучшению материально-бытовых условий трудящихся. Эти вопросы стали предметом обсуждения на заседаниях партийных комитетов и хозяйственных активов. По их результатом были приняты постановления и резолюции, в результате которых руководство учреждений и организаций были сориентированы по вопросам, касающихся жилья, продовольственного обеспечением и росту заработной платы. Необходимо отметить, что при решение социальных вопросов учитывались личные интересы людей, а также таланты и запросы.

Таким образом, созданная стараниями тысяч трудящихся республики и воинскими частями хорошо оснащенная система оборонительных укреплений на территории Северной Осетии не позволила гитлеровцам прорвать оборону г. Орджоникидзе и не перейти в Закавказье.

Примечания

1. Гончаров Г. А. Трудовая мобилизация советских граждан в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник ОГУ. 2006. №06.

2. Постановление ГКО № 782сс от 13.10.1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12.

3. ГАНИ РСО-А. Ф. 3.. Оп. 1. Д. 15.

4. Хубулова С. А., Хаблиева Л. Ч., Батыров А. Е. Орджоникидзевский (Владикавказский) Комитет Обороны. Владикавказ, 2012.

5. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15.

6. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17.

7. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9.

8. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63.

9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК/8-е издание. М., 1971. Т. 6.

10. ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1 Д. 9.

11. Гончаров Г. А. «Огосударствленный труд» как элемент советской модели мобилизационной экономики: становление системы 1917-1940 гг. // Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития: сб. науч. ст./Под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск, 2010.

Л. В. ТАБУНЩИКОВА,
к.и.н., доцент
Южный федеральный университет,
(г. Ростов-на-Дону)

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуется патриотическая деятельность религиозных организаций Ростовской области в годы Великой Отечественной войны; степень влияния духовенства на народ в данный исторический период, а также уровень воздействия его на религиозную политику советского правительства.

***Ключевые слова**: религиозные организации, Великая Отечественная война, Советский Союз.*

The article examines the patriotic activity of religious organizations of Rostov region during the Great Patriotic War; the degree of influence of the clergy on the people in the present historical period, and the level of its impact on religious policy of the Soviet government.

***Keywords**: religious organizations, The Great Patriotic War, the Soviet Union.*

22 июня 1941 г., в день всех святых в земле Российской просиявших, Германия напала на Советский Союз. Казалось бы, начавшаяся война должна была обострить противоречия между государством и Церковью. Однако этого не произошло. «Складывавшиеся веками национальные и патриотические традиции Русского Православия оказались сильнее обид и предубеждений» [1, 145].

О нападении на СССР Патриарший Местоблюститель митр. Сергий узнал, вернувшись в свою скромную резиденцию из Богоявленского собора, где он служил литургию. Сразу же ушел к себе в кабинет, написал и собственноручно отпечатал на машинке «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». В тексте «Послания» говорилось: «Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью, и на сей раз, он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей

готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может» [2, 38-39].

Всего за годы войны Патриарший Местоблюститель обращался к верующим с патриотическими посланиями 24 раза, откликаясь на все основные события в военной жизни страны. На день Покрова Пресвятой Богородицы местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергий обратился к верующим с призывом «трудами и пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам» [2, 45] и благословил их на это дело.

В годы Великой Отечественной войны сбор денежных средств в помощь государству и советской армии в целом стало одним из самых важных направлений патриотического служения духовенства и верующих. Начиная с лета 1941 г. практически все православные приходы страны начали сбор денежных пожертвований и ценных предметов в Фонд обороны и Красного Креста.

Не осталось безучастным к воззванию и духовенство Ростовской области, где в годы войны открылось 240 православных церквей [3, 373]. Для сравнения: на 1941 г. в Ростовской области, включающей канонические территории Ростовской и Таганрогской епархии и часть Донской и Новочеркасской епархии, осталась, по официальным данным, действующей только одна Преображенская церковь в хуторе Обуховка Азовского района [4, Л. 1].

Анкеты священнослужителей, входящие в состав регистрационных дел церквей Ростовской области, сохранившиеся в фонде уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Ростовской области (фонд Р-4173 Государственного архива Ростовской области), свидетельствуют о патриотической деятельности, которая велась духовенством Ростовской области в годы Великой Отечественной войны. Священник Покровской церкви г. Шахты Васильев Иван Иванович «за патриотическую деятельность в годы отечественной войны шефствователем, снабжение раненых и больных всем необходимым, построение специального танка имени Православных Дона и прочих крупных пожертвований» получил личную благодарность от «Иосифа Виссарионовича тов. Сталина» в виде в правительственной телеграммы от и «ряд благодарственных адресов от командного состава Красной армии» [5, 235].

Священник хут. Яново-Шептуховка Четковского района Колесников Иван Устинович получил «привет и благодарность Сталина и Красной Армии за оказанную помощь на оборону страны в 48 тысяч руб» [5, 235].

Священник села Кавалерка Егорлыкского района Тамаров Лавр Иванович из личных средств внес 8000 руб. на танковую колонну (очевидно им. Дмитрия Донского — Л. Т.), пострадавшим семьям от немецких оккупантов 1000 руб. и собрал продукты для госпиталей: «картофеля 409 кг., сухофруктов (курага) 74 кг., крупа 15 кг., масло сливочное 3 кг., лук 141 кг., капуста 156 кг., свекла 43 кг., яиц 512 шт.» [5, 235].

Священник Среднего Егорлыка Целинского района Горгулевский Павел Иванович «лично из своих заработков внес 1000 руб. из личных средств на раненых» [5, 235].

Скорее всего, большую помощь стране оказывали священники А. А. Гончаров, П. Р. Косоротов и И. А. Куликов, награжденные медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [5, 235].

«Особого упоминания требует диакон Иван Анисимович Бобков. Будучи в сане диакона (с 1922 г.) он работал артистом оперы в Днепропетровске и затем

артистом театра музкомедии в Ростове-на-Дону. Во время Великой Отечественной войны он в составе выездной труппы обслуживал части Красной Армии и в 1942 г. был контужен. Кроме того, он принимал участие в сборе средств на оборону страны. Деятельность И. А. Бобкова была отмечена двумя коллективными благодарностями и благодарностью Сталина. В 1944 г. он вернулся к диаконскому служению сначала в кафедральном соборе Рождества Богородицы Ростова-на-Дону, затем в г. Шахты» [5, 235].

В благодарности подполковника Громова настоятелю Михайло-Архангельской церкви (ст. Каменоломня) протоирею Чайкину Ивану Петровичу значилось: «Приняв от Вас собранные среди Членов церковной общины подарки для раненых бойцов — Героев Нашей Родины приношу от имени Командования раненых Госпиталя Вам и через Вас членам церковно-приходского совета верующим гражданам Михайло Архангельской церкви искреннюю благодарность.…1943 г.» [6, Л. 40].

И. П. Чайкина позже благодарил и капитан Рыбаков: «Сегодня 21/IV мы раненые бойцы и командиры, находящиеся на излечении в 2 отделе Госпиталя 5342 получили через ваших представителей, собранные вашим усердием подарки для раненых воинов — крашеных яиц 211 шт., кислого молока 48 литр., [в документе неразборчиво] 5 кор., 600 шт. папирос., за что и приносим Вам и всем прихожанам огромную благодарность». [6, Л. 39].

В послевоенном письме председателю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову Церковный совет Михайло-Архангельской церкви ст. Вешенской перечисляет помощь, которую он оказал государству: «с начала 1944 г. внес в фонд обороны 7150 р. и с 1945 г. внес в фонд инвалидов и сирот бойцов Красной Армии 7000 р. и в 1946 г. с охотой сделал Государственной Заем на восстановление народного хозяйства 5000 рублей, всего 19150 р.» [7, Л. 31-31 об.].

Необходимо отметить, что в Ростове была еще одна форма сбора денежных средств на нужды фронта. Духовенство и верующие в церквах устраивали духовные концерты, сборы от которых шли в пользу Красной Армии [8, 83].

Помимо духовенства, трудившегося в тылу, среди священнослужителей Ростовской области были участники боевых действий. Так, священник Василий Васильевич Соколов (1920 г. хиротонии) прошел с действующей армией всю войну в качестве «медстатиста». Он был награжден медалями «За оборону Москвы», За освобождение Варшавы», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» [5, 235]. Священник Иван Васильевич Рождественский (1931 г. обновленческой хиротонии) служил в действующей армии до 1943 г. рядовым, был ранен, демобилизован и после выздоровления вернулся к исполнению священнических обязанностей. В 1943 г. ему было присвоено звание ефрейтора, впоследствии награжден медалью «За победу над Германией» [5, 235]. Владимир Николаевич Ионкин воевал до 1942 г., был демобилизован в связи с ранением. В августе 1943 г. он был хиротонисан во иерея. Награжден медалью «За победу над Германией» [5, 235]. Священник Иосиф Иванович Семенов (1932 г. хиротонии) «по изгнании немцев поступил в ряды Красной Армии и за что представлен к награде за разведку» [5, 235].

Во время оккупации Ростова-на-Дону фашистскими войсками священник Владимирской церкви Димитрий Иванович Романовский спас от верной смерти арестованных немецким командованием жену ответственного работника Н. К. Подгорную и члена ВКП (б), лейтенанта Б. М. Иванова. Отец Димитрий, рискуя жизнью, спас от смерти еврейку М. Б. Курляндину, а также воспрепятствовал эвакуации в

Германию многих комсомольцев города» [9, 234]. В годы войны было множество подобных примеров. Не случайно даже в выпущенном в годы войны кинофильме «Секретарь райкома» священник помогает партизанам, и в конце фильма набат церковного звона призывает на защиту Отечества [1, 123].

Из информационного доклада уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК СССР по Ростовской области Амарантова от 15 января 1945 г. известно, что до 1 июля 1944 г. православное духовенство и верующие Ростовской области собрали и сдали в фонд на подарки Красной армии, на оказание помощи больным и раненным, находившимся в госпиталях, на оказание помощи детям и детским учреждениям и т. д. наличными деньгами 2493367 руб., натурой по государственным ценам — на 493 тыс. руб., а всего 2987339 руб. Сдавали и облигации — на сумму 19740 руб. С 1 июля по 1 декабря 1944 г. было собрано и сдано: наличными деньгами 430209 руб., натурой по государственным ценам на сумму в 184506 руб., всего 614715 руб. Облигациями — на сумму в 68,5 тыс. руб. [10, Л. 2]. Таким образом, общая сумма пожертвований Русской Православной Церкви по Ростовской области на нужды фронта в 1943-1944 г. превысила 3,5 мил. руб.

Активную патриотическую работу развернули в военные годы и представители других религиозных конфессий. Армяно-григорианской церковью СССР были собраны средства на танковую колонну имени Давида Сасунского, а евангельские христиане-баптисты собрали средства на транспортный самолёт [8, 234].

Не оставались в стороне и другие религиозные объединения области. Армянский епархиальный духовный совет г. Ростова-на-Дону с 1941 по 1945 гг. из церковных средств внес на оборону страны 3330 руб.; в пользу раненых — 4646 руб.; в пользу Красной армии — 10 тыс. руб.; инвалидам Отечественной войны — 20 тыс. руб.; семьям военнослужащих — 20 тыс. руб.; на строительство танковой колонны им. Давида Сасунского 2 тыс. руб. Всего 23946 руб. [10, Л. 18].

Другие религиозные общества Ростовской области тоже помогали Родине материально. В 1945 г. старообрядческая община сдала 3,6 тыс. руб., евангельские христиане и баптисты — 6,2 тыс. руб., татарская община — 1,5 тыс. руб., община Адвентистов седьмого дня — 200 руб. [10, Л. 18].

Общая сумма православных пожертвований по стране, по подсчетам Московской Патриархии, составила более 300 млн. рублей, не считая драгоценностей, вещей и продуктов. Реально общая сумма являлась большей как минимум на несколько десятков миллионов, так как далеко не везде был организован четкий учет взносов даже прихожан Патриаршей Церкви, не говоря уже об обновленцах, григорианах и иосифлянах [11, 155].

«По сути именно сбор денежных средств послужил поводом к налаживанию диалога между правительством СССР, лично Сталиным и руководителями религиозных организаций, в результате чего были нормализованы церковно-государственные отношения» [12, 185]. Как факт признания патриотической деятельности Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны было расценено решение правительства о предоставлении мест на гостевых трибунах у мавзолея В. И. Ленина руководящим деятелям Церкви во время Парада Победы 24 июня 1945 года.

Таким образом, проявление патриотической деятельности религиозных организаций Ростовской области в годы Великой Отечественной войны были многообразны: сбор денежных средств, медикаментов, одежды, продуктов в фонд обороны; служба церковнослужителей в рядах действующей армии, помощь

раненым бойцам, шефством над госпиталями и созданием санитарных пунктов и т. д. Личным примером духовенство призывало народ к мобилизации всех сил в помощь обороне и укреплению тыла. Все это не могло не оказать воздействия и на религиозную политику советского правительства.

Примечания

1. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005 г.

2. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Сборник документов. Составители Васильева О. Ю., Кудрявцев И. И., Лыкова Л. А. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2009.

3. Табунщикова Л. В. Церковная жизнь на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны // Значение сражений 1941-1943 гг. на Юге России в победе в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 3-6 июня 2015. Ростов-на-Дону, издательство ЮНЦ РАН. 2015.

4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 5. Д. 39.

5. Шадрина А. В. Священнослужители Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Значение сражений 1941-1943 гг. на Юге России в победе в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 3-6 июня 2015. Ростов-на-Дону, издательство ЮНЦ РАН. 2015.

6. ГАРО. Ф. Р.-4173. Оп. 6. Д. 166.

7. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 113.

8. Якунин В. Н. Патриотическая деятельность Русской Православной церкви и изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук/Самара, 1998.

9. Якунин В. Н. Патриотическая деятельность Русской Православной церкви и изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук/Самара, 1998.

10. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) Ф.9. Оп. 3 Д.158. Л. 18.

11. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., Вече, Лепта, 2010.

12. Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР/В. А. Алексеев. М., 1992.

II. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

А.Л. ЧИБИРОВ,
кин, нс отдела источниковедения
СОИГСИ им. В.И. Абаева

ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИРАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА . В. ВЕРНАДСКОГО

Наследие Г.В. Вернадского требует более пристального изучения в контексте скифо-алано-осетинских параллелей. В древности скифы населяли южнорусские степи и служили связующим мостом между славянами и греческим миром. Они также играли важную роль в становлении древнерусского государства. В данной статье рассматривается книга Г.В. Вернадского «Древняя Русь» именно с этой точки зрения.

Ключевые слова: *славяне, скифы, сарматы, Русь, Вернадский, Раевский.*

G.V. Vernadsky's heritage demands more fixed studying in the context of the skif-alan-ossetian parallels. In the ancient time Scythians occupied the South Russian steppes and served as the binding bridge between Slavs and the Greek world/They also played an important role in formation of the Old Russian state. In this article G.V. Vernadsky's book «Ancient Russia» is considered from this point of view

Keywords*: Slavs, Scythians, Sarmatians, Russia, Vernadsky, Rajevski.*

Исследователей, которые занимаются проблематикой иранских народов древности, в мировой исторической науке насчитывается более чем достаточно. В то же время многие ученые касаются темы древних иранских народов не специ-

ально, а в контексте других вопросов. И поэтому в подобных изысканиях эта, безусловно, интересная тема просматривается в определенном, иногда не совсем обычном ракурсе. Дело в том, что иногда в таких исследованиях внимание акцентируется на вопросах, которые в специальных работах, посвященных проблеме иранских народов или отмечаются вскользь, или не полностью раскрыты в контексте основной темы. К примеру, американский исследователь и теолог Эдвин Ямаучи рассматривал в своих работах историю древнего мира, в том числе и скифов, прежде всего как подтверждение правдивости библейских сказаний. Ярким примером вышесказанному также могут служить основательные труды великого русского ученого-историка Георгия Владимировича Вернадского, который рассматривает историю скифов, сармат и алан в контексте с русской историей. Позволю себе коснуться некоторых моментов биографии Георгия Владимировича.

Выдающийся русский историк Г.В. Вернадский относится к ряду поколения русских эмигрантов, которые, как сказано в предисловии проф. Николаева к его фундаментальной работе «Древняя Русь», «несмотря на невзгоды смутных лет потерю родных, близких, и, наконец, Родины, смогли не только выжить, не утратив человеческого достоинства, но и сохранить свой талант, энергию и работоспособность. Находясь вдали от России, они продолжали работать во славу Отечества. Их имена невозможно ни оболгать, ни замолчать» [1].

Георгий Владимирович Вернадский, или как его называли в США, Джордж Вернадский, родился в Москве 20 августа 1887 года в семье великого русского ученого Владимира Ивановича Вернадского. В 1905 году поступил в Московский университет, и тогда же, с началом революции 1905 года продолжил обучение в Германии во Фрайбурском и Берлинском университетах. Позже вернулся в Россию, и в 1910 году окончил историко- филологический факультет Московского университета. Его наставником в те годы был великий русский ученый В.О. Ключевский. В 1913 году на кафедре русской истории Петербурского университета Вернадский защитил магистерскую диссертацию на тему «Русское масонство в царствование Екатерины II». В 1920 году Вернадский эмигрировал из России, жил в Константинополе, Афинах, впоследствии в Праге преподавал на Русском юридическом факультете Карлова университета.

Тогда же он знакомится с лидерами идеи евразийства Н.С. Трубецким и П.Н. Савицким, совместно с которыми он начал работать над теорией евразийства. В 1927 году историк М.И. Ростовцев предложил Г.В. Вернадскому переехать в США, чтобы стать научным сотрудником Йельского университета в качестве специалиста по истории России. Вернадский принимает предложение, а в 1946 году он становится профессором русской истории того же университета [2].

Историческое наследие профессора Вернадского весьма богато и разнообразно. Однако венцом его научной деятельности, его историческим наследием являются пять фундаментальных томов, посвященных истории России.

Предыстория вопроса такова. В 30-х годах Вернадский вместе с профессором Гарвардского университета М.М. Карповичем задумал осуществить грандиозный научный проект — написание истории России в десяти томах. Согласно замыслу авторов они задались целью «систематически представить общий ход русской истории с широким использованием вновь собранного материала, так, как и результатов специальных научных исследований» [1,6].

Из задуманных десяти книг первые шесть, посвященных ранним периодам истории России, должен был написать Вернадский, а последующие периоды рус-

ской истории в четырех книгах — М. М. Карпович. Однако из-за скоропостижной смерти Карповича, свет увидели лишь написанные Вернадским первые пять томов проекта: «Древняя Русь» (1943), «Киевская Русь» (1948), «Монголы и Русь» (1953), «Россия на пороге нового времени» (1958) и «Московское царство» (1968). Об исключительных заслугах Вернадского в создании этого уникального проекта довольно емко сказано проф. Николаевым: «Грандиозность идеи заключалась в том, что Г. В. Вернадский, впервые в зарубежной литературе, в одиночку, решился проанализировать и синтезировать результаты исследований советских историков того времени» [1,6].

Мы не будем затрагивать все пять томов издания, хотя к интересующемся нас вопросу, помимо первой книги, Вернадский возвращается и в двух последующих томах («Киевская Русь» и «Монголы и Русь»). В контексте озвученной темы нас особенно заинтересовал первый том его труда под названием «Древняя Русь».

Итак. В «Древней Руси» профессор Вернадский уделяет довольно много внимания освещению истории кочевых народов степной полосы Евразии. Внимание настолько большое, что заслуживает упрек со стороны историков-русистов. Как пишет Б. Николаев «внимание автора сосредоточено в основном на истории степных народов-скифов, сарматов, готов, гуннов, авар, хазар. Автор настолько подробно прослеживает появление, перемещение и исчезновение этих народов, что создается впечатление, будто он пишет историю юга России, неоправданно мало внимания уделяя истории севера» [1,8]. Аналогичный упрек делает в адрес ученого и академик М. Н. Тихомиров: «…не готы, авары или аланы создали русскую государственность, а славяне. Поэтому славяне и должны были находится в поле внимания историка России… Между тем истории славян отведено в книге профессора Вернадского поразительно мало места» [3].

Но давайте проследим, насколько правы процитированные мной выше ученые? Наверное, все же не совсем уместно обвинение Вернадского в том, что в его труде северу России уделено меньше внимания, чем югу. Это было объективное положение вещей, ибо русская государственность возникла не на севере современной России, а на территории ее южных границ, т.е. на Северном Причерноморье, где славянским племенам предшествовали ираноязычные скифы. Вот как обосновывает предпочтение югу сам ученый: «Так как развитие собственного русского государственного образования начинается с крайнего западного угла Евразии (район Дунай-Киев-Черное и Азовское моря), то в первую очередь для русской истории имеет значение история кочевых народов в Западной Евразии, то есть в Северном Причерноморье. В этом смысле историческая подпочва русского государства создана была скифами» [1,44] — первыми обитателями южнорусских степей, о которых сохранились сведения в анналах истории.

Вернадский как ученый широкого диапазона прекрасно понимал, что невозможно рассматривать историю славян в древнейший период их развития вне истории народов им предшествовавших на данной территории. «Изучающий русскую историю должен внимательно отслеживать развитие тенденции в евразийском кочевом мире, поскольку без знания этого развития многие события в истории России никогда не могут быть в достаточной степени поняты и оценены» [1,85].

Вполне логично, что при рассмотрении вопроса ученый задался целью выяснить, кто же занимал территорию южнославянских степей России до заселения их восточными славянами, и начал изучение истории России именно с этих пози-

ций. Примечательно что, во всех пяти книгах, в связи с освещением тех или иных исторических явлений Вернадский сообщает соответствующую информацию об ираноязычных скифо-сармато-алан. Однако, как отмечено выше, наиболее полно история этих племен представлена в первом томе работы «Древняя Русь». Вернадский достаточно часто акцентирует внимание на исторических взаимоотношения славянских и ираноязычных народов, признает этногенетическую связь скифо-сармато-алан, и считал последних (алан — А. Ч.) предками осетинского народа [1,45].

Опровергая предвзятое мнение о кочевниках в заочном споре с теми, кто считал кочевников народами с низким культурным уровнем, Вернадский в первой главе тома под названием «Предыстория», писал: «В начале XX века большая часть монгольских племен находилась на более низком уровне политического и художественного развития, чем это было в XIII веке» [1,42]. Вернадский доказывал, что в историческом прошлом кочевые народы постоянно контактировали с оседлыми племенами, поддерживая торговые связи, сравнивал и сопоставлял степь и пустыню с морем, утверждал, что они имели важное коммуникационное значение для отрезанных друг от друга частей «твердой культуры» (земледельческо-приморской). И далее: «Степная империя, которая достигала сколько-нибудь широких размеров, держала связь с различными часто отдаленными друг от друга оседлыми народами…Перед началом нашей эры такую роль соединительного элемента между Причерноморьем, Кавказом и Хорезмом играли скифы» [1,43].

Вслед за «Предысторией», посвященной древнейшему, доисторическому периоду, следуют три главы монографии: «Киммерийская и скифская эры», «Сармато-готская эпоха» и «Гунно-антский период», в которых ученый подробно исследует историю скифов, сарматов и алан. Об этом свидетельствуют и оглавления отдельных параграфов: «Киммерийцы и скифы в Южной Руси», «Северные соседи скифов», «Восточные соседи скифов» «Взгляд на политическую историю скифов», «Центральная Евразия в эпоху сарматов», «Сарматы в Южной России», «Западные и восточные соседи сарматов», «Великое переселение и западная эмансипация алан», «Наследие иранской эпохи в русской истории» и др.

В заочном диспуте с предполагаемыми оппонентам, которые не принимали подобного изложения истории России, Вернадский пишет, что некоторые группы прародителей русских племен уже были на территории черноморских степей под сарматским владычеством [1, 22], что «в то время уже должны были быть западные, средние и восточные славяне», и что «группа прародителей славянских племен осела в этом районе, по крайней мере, не позже 500 лет до н.э.» [1,60]. И далее: «В этот доисторический период сформировалось мировое «жизненное пространство» русских людей. Некоторые знания этого базисного фонда необходимы для понимания основных тенденции ранней русской экономической и политической истории» [1,27].

Ученый подчеркивает, что «именно на скифах увязывается первоначальная история славян. Именно скифам удалось объединить под свою власть не только степь, но и часть лесной зон. На границах леса и степи вдоль границы лесистой области, по рекам для торгового обмена с давних времен должны были возникать культурные поселения [1,45]. Одно из этих поселений сарматской эпохи впоследствии было обнаружено на месте позднейшего Киева.

Не меньшую роль в истории становления русской государственности сыграли и алан**.** Вернадский отмечает: «Из всех народов, которые вторглись в Южную

Русь в сармато-готский и гуннский периоды, аланы пустили наиболее глубокие корни на Руси и вошли в наиболее тесную связь с местным населением — в особенности со славянами, чем какое либо иное кочевое племя» [1,152]. В подтверждении сказанного Вернадский приводит такой пример: некоего вождя алан звали славянским именем Валдамир [1,148].

Развивая далее затронутый выше вопрос, Вернадский пишет: «Исторические корни русского народа уходят в прошлое. В то время как древние анналы содержат значительную информацию о русских племенах в девятом и десятом столетиях нашей эры, очевидно, что соответствовавшие группы их предков сплотились значительно раньше, по крайней мере, в сармато-готский период, а процесс их консолидации должен был начаться еще значительно раньше, в скифский период» [1,20]. По словам Вернадского древние иранцы заложили основу политической организации восточных славян, занимая степи. Степи же южной России, по его мнению, служили неким связующим звеном между греческой и персидской цивилизациями с одной стороны, и народами Центральной и Северной Руси, — с другой.

Таким образом, мотивация изучения роли ираноязычных народов в становлении русской государственности у Вернадского достаточно веская и аргументированная. Профессор прекрасно осознавал невозможность полного и объективного исследования первоначальных шагов русской государственности без изучения истории племен, которые предшествовали славянам на данной территории, и с которыми они в дальнейшем поддерживали самые тесные взаимоотношения.

В монографии подробно исследуется история Скифии с момента прихода скифов в Черноморские степи до III-II вв. до н.э., когда их сменили родственные им сарматы. В отдельном параграфе Вернадский рассказывает о киммерийцах и скифах, об их взаимоотношениях, затрагивает вопросы этногенеза и очень подробно рассказывает об обстоятельствах вытеснения киммерийцев из их территории.

Вслед за этим ученый отслеживает историю появления греческих колонии скифского времени на Северном Причерноморье, подчеркивает их значимость в развитии международной торговли в регионе. Особую роль Вернадский отводит городам-государствам Боспору, Ольвии, Херсонесу, Милету и другим, многие из которых, как пишет профессор, превратились не только в важные торговые, но и культурные центры, стали служить мостом между греческим миром и Скифией.

В еще одном параграфе под названием «Взгляд на политическую историю Скифии» Вернадский исследует политическое устройство скифского государства, его оригинальность (государство под предводительством двух царей), внешнюю политику, рассказывает в подробностях об исторической победе скифов над Дарием, о завоеваниях Александра Македонского, о Греко-Бактрийском государстве и т.д. [1,89-92].

С IV-III вв. до н.э. в Северное Причерноморье проникли сарматы, которые, к концу II в. до н.э. стали окончательно доминировать в регионе. Разумеется, с вторжением сарматов часть населения черноморских степей, имевших иранское происхождение значительно увеличилась. Сообщая об этом, ученый подчеркивает, что это произошло не за счет скифов, которые не были изгнаны или уничтожены полностью. При этом известно, что скифы и сарматы были близкородственными племенами, что последние говорили на ломанном скифском языке.

Исследование Вернадского содержит подробную характеристику сарматов, точнее тех сарматских племен, которые тесно прикасались с восточнославян-

ским племенами или жили совместно на юге России. Это: роксаланы, ясы, языги, аорсы, сираки а также аланы, под именем которых стали известны потомки сарматских племен аорсов и сираков, которые после Боспорской войны между ними в 49 г.н.э. сошли с исторической арены. В монографии Вернадского значительное место уделено и истории алан IV-V вв. н.э. как непосредственных участников дальнейших исторических событий, происходящих на юге России.

Заслуги профессора Вернадского перед отечественной исторической наукой в общем, и перед скифологией в частности, бесспорно, велики. И, тем не менее, в свете последующих изысканий по данной проблематике, на наш взгляд необходимы некоторые уточняющие комментарии к его работе.

Описывая скифов Вернадский утверждает, что по образу жизни скифы ближе стояли к тюркам — монголам. Разумеется, нельзя полностью игнорировать влияние татаро-монгольской среды на скифов. Однако и для категоричного утверждения, что по образу жизни скифы ближе татаро-монголам, нет веских оснований.

В силу определенных причин Вернадский не был знаком со всем объемом исторических исследований по скифо-осетинским этнографическим и эпическим параллелям, а параллели эти весьма явные. Скажем, по образу жизни и элементам духовной культуры скифы больше роднятся с сармато-алано-осетинским миром, нежели монголо-тюркским. Свидетельством этому является богатая исследовательская база (см. труды В. Абаева, Б. Калоева, Ю. Гаглойти, Т. Гуриева, Л. Чибирова и др.)

Вернадский также считает спорным происхождение киммерийцев и скифов [1,69]. С первым утверждением можно согласиться, ибо о киммерийцах мы имеем довольно много информации из различных исторических источников, однако ясности об их этногенезе до сих пор нет. Одни ученые их считают родственным черкесам (А. А. Башмаков), другие схожими с фракийцами (М. И. Ростовцев), большинство же причисляет их по языку и культуре к дальним родственникам скифов.

Что касается этногенеза скифов, то и здесь существовали разночтения. Некоторые исследователи считали их монголами, другие — славянами, и т.д., но в конечном итоге в академической науке вверх взяла идея их иранского происхождения, что явно отслеживается в языке и культуре скифов. Более того, об ираноязычности скифов первыми заговорили российские и зарубежные исследователи, такие как Ж. Дюмезиль, Б. Бахрах, В. Миллер, Г. Бейли, и др.

Нет единого мнения и о том, считать ли юг России основной территорией формирования скифов как общности**,** или же считать, что они пришли с востока уже сформировавшимися. Теория восточного происхождения скифов, приверженцем которой выступает и Вернадский, в конечном итоге подтверждается более надежными научными аргументами. Согласно ей скифы двинулись с востока по договоренности с ассирийским царем Ассаргадом, с целью помочь ему в борьбе с киммерийцами, которые вторглись в Закавказье и начали угрожать владениям Ассирии.

То, что скифы пришли с востока доказывается и тем, что саки и скифы-иранцы, по сути один народ. Персы назвали саками скифов, о чем говорится в Бехистунской надписи царя Дария. Согласно Вернадскому саки являются ветвью скифов, которая осталась в Туркестане после миграции части саков (скифов) в черноморские степи [1,72].

Что касается расовой принадлежности скифов и их антропологических черт лица, то некоторые ученые (Ньюман) категорически считали их монголоидами.

Вернадский же видит в скифах смешение разных расовых групп [1,24]. В другом месте своей работы профессор говорит о вкраплении монголоидных черт в облике скифов, считает, что внешние черты скифов более схожи с алтайским (т.е. монгольским) типом [1,24-71]. Однако даже с подобным утверждением в свете последних исследований в области скифологии трудно согласиться. Этому утверждению противоречат труды археологов и антропологов, занимавшиеся изучением истории скифов. Известный историк и археолог В. И. Гуляев в вышедшей в 2005 г. монографии «Скифы: расцвет и падение великого царства», писал: «Независимо от того, какой регион Евразии следует считать родиной скифов, два фактора их истории установлены довольно надежно: по своей антропологической принадлежности скифы были европеоидами, а по языковой — индоевропеоидами» [4,125]. Отвечая на известные строки Блока («Да, скифы мы, да, азиаты мы с раскосыми глазами»), Гуляев пишет: «Никаких раскосых глаз и других монголоидных черт у скифов не было. Скифы — типичные европеоиды. По языку они принадлежат к северо-иранской группе. Из ныне существующих народов ближе всех к ним по языку стоят осетины» [4,126]. Отметим также, что никто из ученых не находил монголоидных черт в облике близко родственных скифам саков и массагетов.

Не совсем верным можно считать мнение Вернадского и о происхождении массагетов. Он относит некоторые группы массагетов к восточной ветви фракийцев, однако академической наукой установлено, что массагеты имеют одни этнические корни, общее происхождение с саками и скифами. Их быт, одежда и жизненный стиль был близок к скифскому. Созвучие племенных названий иранского и фракийского племен (массагеты-геты), на которое ссылается Вернадский, скорее носило случайный характер. Согласно источникам тот факт, что при походе скифов на запад, массагеты вместе с саками остались на востоке, не пересекали Волгу, вызывает сомнение в их близком родстве с фракийцами [5,170]. Между тем массагеты со скифами (а также с сарматами) относятся к одной языковой группе, для них характерны общие элементы материальной и духовной культуры. Подтвержден также факт их проживания в Средней Азии и Сибири. О родстве этих племен первым писал Геродот, по рассказу которого скифов европейских и азиатских персы называли саками. Сами европейские скифы называли себя сколотами, скифами же их величали эллины. Мнение Геродота впоследствии подтвердили В. Миллер [6,231-283] и Н. Марр [7].

Еще одна неточность, которая вкралась в работу Вернадского звучит так: «Среди меотийских племен могут быть упомянуты синды и савроматы. Первые жили в Азово-кубанском ареале, а вторые — на нижнем Дону и нижнем Донце» [1,75]. Между тем кроме территориального соседства синдов и сарматов ничего не объединяло, ибо синды относятся к кавказскому языковому семейству, а сарматы (сармат эта стертая форма названия савромат), как и скифы, саки, массагеты — к иранской группе индоевропейской семьи, весьма близки по языку и обычаям к скифам. Как писал Ростовцев, внешний облик сарматов, такой же, как и скифов, длинные волосы и бороды, восточная одежда, похожая на одежду парфян, штаны [8,129].

Вызывает сомнение также отнесение племени меланхлены (черные одежды) к протофинской группе [1,83]. Между тем племя это, Геродот называет в числе скифских, а название его — саударати, (меланхлены) в переводе с осетинского буквально означает: «черные одежды,, одетые в черную одежду» [9,37].

Много внимания в труде Вернадского уделено скифам-пахарям, месту их расселения (среднее течение Днепра, т.е Центральная Украина) и этнической принадлежности. Ученый, хотя и недостаточно утвердительно, но считает что скифы-пахари могли быть племенем всадников, контролировавших соседние земледельческое население: «Эти всадники могли быть завоевателями, пришедшими со стороны, но их также можно рассматривать как группу местных сквайров принявших скифский стиль и привычки жизни. Кажется вероятным, либо скифы-землепашцы, либо контролируемые ими крестьяне или же оба слоя принадлежали к протославянской этнической группе» [1,83].

Эти рассуждения уважаемого ученого также не имеют под собой основания. Крылатое выражение его коллеги и друга М. И. Ростовцева, о том, что «Скифы учились земледелию у Европы», в дальнейшем получило научное подтверждение в среде специалистов. Исследованиями профессора В. И. Абаева установлено, что основные земледельческие термины в осетинском языке имеют западноевропейское (балтийское, германское, новогреческое и др.) происхождение [10,142-143]. Другой исследователь Л. Чибиров научно обосновал, что множество обычаев и обрядов осетин, связанных с земледельческим трудом, имеют более тесные параллели с европейским миром, нежели с соседним кавказским [11,38-39]. Сказанное позволяет сделать следующее заключение: скифами-пахарями могло называться только собственно скифское население, а никак не соседние земледельческое население, или протославянские племена.

Вышесказанные замечания нисколько не умаляют основательность и историческую значимость исследования Вернадского как для русской истории, так и, к примеру, исторического осетиноведения. В кратком обзоре фундаментального труда ученого невозможно охватить весь изложенный материал. Надеюсь, что у нас будет возможность осветить наиболее важные с точки зрения осетиноведения моменты в дальнейших обзорах работ великого русского ученого, профессора Георгия Владимировича Вернадского.

Примечания

1. Вернадский Г. В. Древняя Русь Тверь-Москва, 2000.
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/Вернадский,_Георгий_Владимирович.
3. Тихомиров М. Н. Славяне в истории России профессора Г. В. Вернадского, 1946, №4 С.124
4. Гуляев В. И. Скифы: рассвет и падение великого царства. М., 2005.
5. Советская Историческая Энциклопедия. Т.12. М., 1969.
6. Миллер В. Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП, 1886, октябрь.
7. Марр Н. Я. Термин «скиф» //Избранные работы.5 т. ГАИМК М-Л., 1933-1936 гг.
8. Ростовцев. М. И. Эллинство и иранство на юге России. СПб. 1918.
9. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М-Л., 1949.
10. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
11. Чибиров Л. А. Скифы-пахари и некоторые вопросы этногенеза осетин // По тропам времени, Владикавказ, 2013.

К. Р. ДЗАЛАЕВА,
кин, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА В СОВРЕМЕННЫХ РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ

В статье рассматривается проблема развития северокавказских городов в период пореформенной модернизации в научных исследованиях отечественных современных авторов

Ключевые слова: *Северный Кавказ, город, пореформенный период*

The article deals with a reflection in research and development of domestic modern authors problems of urban development of the North Caucasus in the post-reform period of modernization.

Keywords: *North Caucasus, the city, the post-reform period*

Период пореформенной модернизации является одним из наиболее актуальных объектов исследования отечественной исторической науки, поскольку повлек за собой существенные изменения во всех сферах жизнедеятельности всего российского социума и послужил мощным импульсом прогрессивного развития как его центра, так и периферии.

На Северном Кавказе модернизационные процессы привели к глобальным трансформациям всего жизненного уклада населения, имеющего традиционный, консервативный характер. Неугасающее эхо этих процессов, неоднозначность влияния на культуру северокавказских народов, вызывают немало дискуссий и по сей день, что часто ставит их в центр научного изучения. Преобразования в корне изменили устоявшуюся картину мира горцев Северного Кавказа, позволив им в достаточно непродолжительный срок интегрироваться в социокультурное пространство России. Важнейшую роль в этом сыграли города, которые способствовали установлению прочных, стабильных и перспективных российско-северокавказских отношений, утверждению общероссийской идентичности и государственности в регионе.

Проблема развития городских поселений на Северном Кавказе в указанный период все чаще привлекает внимание отечественных авторов. Их интерес довольно обширен и разносторонен, что во многом объясняется возрастающим значением современных городов в жизни общества.

Среди современных научных изысков своей яркостью и полнотой выделяются труды, посвященные пореформенному периоду истории таких городов

Северного Кавказа, как Ставрополь, Владикавказ, Моздок, Георгиевск, Кизляр, Екатеринодар. Особое значение для развития городской истории региона имеют многочисленные работы З. В. Кануковой и Б. В. Туаевой, имеющие фундаментальный характер и затрагивающие совершенно различные аспекты проблемы. Так, в получившей большую известность монографии З. В Кануковой. «Старый Владикавказ» тщательно рассматриваются историко-этнологические проблемы Владикавказа, который автор определяет как уникальный город, расположенный в центре евразийской цивилизации, выступающий «интересным объектом исследования, своеобразной лабораторией по изучению исторического опыта межэтнического общения», культура которого «представляла сложнейший синтез культурных систем, носителями которых были разные этнические, конфессиональные и социальные группы горожан» [1, 3]. Городская культура изучается как целостная система синтезированных этнических традиций и урбанизированных форм. З. В. Канукова справедливо замечает, что систематизирующими факторами стали капиталистическое развитие, урбанизационные процессы и межэтническое взаимодействие, которое привело к трансформации традиционной культуры горожан и появлению паллиативных форм, в которых сочетались «уходящие и зарождавшиеся городские традиции» [1, 4]. Структура исследования включает в себя изучение таких аспектов городской культуры Владикавказа, как градообразование и формирование городского населения, экономика и бытовая культура, общественно-культурная среда и досуг горожан, конфессиональная ситуация, праздничная культура.

Подводя итоги, З. В. Канукова приходит к ряду основополагающих выводов. В частности, она утверждает, что важнейшими факторами формирования городской жизнедеятельности во Владикавказе были присоединение Осетии к России, реформы 1860-х годов, развитие капитализма, преобразование Владикавказской крепости в город и обретение им статуса областного центра [1, 254]. Отличительной чертой данного северокавказского города стала его полиэтничность и поликонфессиональность, сформировавшая в городе собственную, уникальную социокультурную среду. Также, по мнению автора, состояние общественно-культурной среды во многом определялось соотношением традиций и новаций, развитием системы образования, формированием городской интеллигенции, насыщенность праздничной культуры, новыми возможностями культурного проведения досуга.

Вопросы формирования и развития городской культуры на Северном Кавказе в период пореформенной модернизации рассматриваются и во многих других научных работах З. В. Кануковой [2].

Серьезному изучению различные стороны проблемы северокавказского города в пореформенный период подверглись и в работах Б. В. Туаевой Отдельного внимания заслуживает ее исследование «Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа: Вторая половина XIX — начало XX вв.», в котором рассматривается общественно-культурная среда городов Северного Кавказа как целостная интегративная система, включавшая социальные, национальные, конфессиональные и профессиональные характеристики культуры; предметом исследования — деятельность светских образовательных, конфессиональных, театральных, музыкальных, литературных, просветительских, профессиональных, спортивных и национальных благотворительных обществ как элементов культурной среды, слабо освещенных в научной литературе. Период порефор-

менной модернизации автор расценивает как время интеграции Северного Кавказа в российское экономическое и социокультурное пространство, мощного культурно-демократического подъема, формирования местной интеллигенции. Отмечается, что в этот период в регионе «появились и активно функционировали многочисленные общеблаготворительные и специализированные, действующие в различных социокультурных сферах общества» [3, 4]. Интересные аспекты проблемы социально-культурного развития северокавказских городских поселений в рассматриваемый период были затронуты Б. В. Туаевой и в ряде других работ. В частности, такие как городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX — начала XX вв. [4], возникновение и роль театра в социокультурной сфере северокавказских городов [5, 182-187], гражданский активизм горожан как фактор формирования социокультурного ландшафта [6, 119-122], формирование экономической и социокультурной среды северокавказских городов [7, 68-74] и др.

История формирования городской культуры Краснодара (Екатеринодара) исследована в диссертационной работе Н. В. Макаровской «История города Екатеринодара — Краснодара в первой трети XX века», направленной на комплексное изучение истории города в контексте противоречивых общественно-политических и социально-экономических событий первой трети XX века, исследование организации внутригородской жизни и функциональной роли Екатеринодара — Краснодара в масштабах России и Кубани [8, 3]. Основное внимание автор уделяет станичному статусу городу как казачьей столице, управлению городским хозяйством, населению главного города Кубани, его общественно-культурной жизни, годам гражданской войны и революции, а также советскому периоду в истории Краснодара. Основные положения данной диссертации были изложены автором в ряде научных работ [9].

Вопрос возникновения города Георгиевск и его развития в пореформенный период хорошо отражен в диссертационном исследовании Н. В. Ильичевой «Возникновение и развитие города Георгиевска, 1777-1917 гг.». Особый интерес представляет раздел, посвященный проблеме экономического развития и подъему общественного движения в Георгиевске в конце XIX — начале XX вв., а также раздел о культурной ситуации в городе, включающий такие сферы, как система просвещения, система здравоохранения, культурно-просветительские учреждения. Автор исходит из учета своеобразия истории и самого назначения Георгиевска, обязанного своим появлением как опорному пункту взаимосвязи горских и степных народов Северного Кавказа с Россией. Ильичева Н. В. доказывает, что город Георгиевск сыграл важную роль в развитии таких городов Северного Кавказа, как Владикавказ, Нальчик, Пятигорск, Краснодар, Майкоп и др. [10,4].

Значимым вкладом в изучении проблемы развития городских поселений на Северном Кавказе пореформенного периода является диссертационное исследование М. А. Оверченко «Развитие благоустройства южнороссийского губернского города в конце XVIII — начале XX вв. (на материалах г. Ставрополь), которое автор посвятил анализу процесса и результатам деятельности органов управления и общественности по благоустройству Ставрополя до начала XX века. Периоду пореформенной модернизации и его значению в истории города М. А. Оверченко уделяет довольно большое внимание. Так например, одна из глав работы посвящена развитию городского хозяйства и благоустройству Ставрополя в пореформенный период, где делается акцент на услови-

ях действия Городового положения (1870), введенного в Ставрополе в марте 1871 года, и зарождающихся органов городского самоуправления. В том числе, характеризуется влияние буржуазных реформ 1860-1870-х гг. на развитие городского хозяйства Ставрополя, основные тенденции и направления его благотворительности [11]. Влиянию буржуазных реформ в дореволюционный период, развитию садово-паркового хозяйства в дореволюционном Ставрополе, решению проблем водоснабжения в городе автор также посвятил и ряд других работ [12].

Среди современных работ отечественных авторов стали появляться исследования общего характера, включающие в себя анализ развития городской системы Северного Кавказа в пореформенный период в целом. Значимый интерес представляет труд С. Э. Бесолова «Роль городов Терской области во внутренней политике России (1860-1917 гг.)», в основе которого лежит освещение различных сторон бытия городов Терской области как опорных пунктов распространения влияния Российской империи в рамках пореформенной модернизации. Подробному изучению подвергаются государственные мероприятия по модернизации территориального устройства, экономики, социально-культурной сферы, способствовавшие утверждению российской власти в области [13, 4].

Как было сказано выше, проблема развития городских поселений на Северном Кавказе пореформенного периода является интересным объектом научного анализа. Тем не менее, не смотря на свою актуальность, феномен северокавказского города периода пореформенной модернизации по-прежнему изучен недостаточно и нуждается в новых исследованиях, включающих более широкий предметный спектр и основанных на междисциплинарном подходе.

Примечания

1. Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.

2. Канукова З. В. Гендерные аспекты в культуре полиэтнического города (Владикавказ в XIX — начале XX веков) // Гендер: язык, культура, коммуникации. Материалы I-ой Международной конференции. 1999. С. 54-55.; Канукова З. В. Гутиева Э. Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина xix — начало xx в // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). с. 71-82.; Канукова З. В., Хубулова С. А. Дорога к храму. Из истории конфессиональной жизни Владикавказа во второй половине XIX — начале XX вв. Владикавказ, 2000; Канукова З. В. Бытовая культура горожан Владикавказа (начало XX века). В сборнике: История и философия культуры: актуальные проблемы. Сборник научных трудов. Владикавказ, 1996. С. 90-96; Канукова З. В. Праздничные традиции в городской культуре Северного Кавказа (начало XX века). В книге: Традиции и обычаи народов России. Вторая российская конференция с международным участием. 2000. С. 155-157; Канукова З. В. Города Северного Кавказа в XIX — начале XX века. Учебно-методическое пособие/Рецензенты: Б. Х. Бгажноков, С. А. Айларова. Владикавказ, 2007; Канукова З. В. Аграрная традиция в городской культуре Терской области. Всероссийские Миллеровские чтения. 2012. Т. 3. С. 103-111; Канукова З. В. Старый Владикавказ: интеллигенция в мире провинциальной городской культуры// Интеллигенция России в истории Северного Кавказа. Материалы межрегиональной научной конференции (октябрь 199 г.). Мини-

стерство образования РФ; Ставропольский государственный университет. 2000. С. 76-80; Канукова З. В., Уадати А. С. К проблеме городского самоуправления на Северном Кавказе // Фундаментальные исследования № 4. 2008. С. 45 и др.

3. Туаева Б. В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа: Вторая половина XIX — начало XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук/Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2004.

4. Туаева Б. В. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX — начала XX вв. Владикавказ, 2013.

5. Туаева Б. В. Театр в социокультурной сфере северокавказских городов в пореформенный период. В сборнике: Актуальные проблемы гуманитарных наук. Материалы 2-й региональной конференции. Под редакцией С. А. Хубуловой и А. Е. Батырова.Владикавказ,2009.

6. Туаева Б. В. Северокавказские города во второй половине XIX — начале XX вв.: гражданский активизм как фактор формирования социокультурного ландшафта //Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы Международной научной конференции. 2012.

7. Туаева Б. В. Факторы формирования экономической и социокультурной среды северокавказских народов // Современные проблемы гуманитарной науки. Материалы Итоговой научной сессии. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского НЦ РАН и Правительства Республики Северная Осетия-Алания. 2014.

8. Макаровская Н. В. История города Екатеринодара — Краснодара в первой трети XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краснодар, 2004.

9. Макаровская Н. В. Восстановление промышленности Краснодара и влияние на нее аренды в начальный период НЭПа // НЭП и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность: Материалы Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2001. С. 113-116; Макаровская Н. В. Город Екатеринодар как центр торговой жизни Кубани и роль в ней казаков // Историческое регионоведение Северного Кавказа — вузу и школе: Материалы седьмой региональной научно-практической конференции. Славянск на Кубани, 2001. Ч. 2. С. 33-36; Макаровская Н. В. Роль города Екатеринодара в хлебной торговле Кубани // Крестьяноведение: социокультурные аспекты: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, Краснодар,2002. С. 97-101; Макаровская Н. В. Динамика роста численности городского населения Юга России в конце XIX — начале XX вв. // Екатеринодар — Краснодар. 1793-2003. Вчера, сегодня, завтра: Тезисы научно-практической конференции. Краснодар, 2003. С. 66-69; Макаровская Н. В. Повседневная жизнь жителей г. Екатеринодара в конце XIX — начале XX вв.: семейно-бытовой аспект // Другие времена: Межвузовский сборник к 70-летию со дня рождения профессора В. Е. Щетнева. Краснодар, 2004. С. 67-74; Макаровская Н. В. Общественная и культурная жизнь в Екатеринодаре в начале XX века//История Кубани с древнейших времен до конца XX века: Учебник для высших учебных заведений. Краснодар, 2004. С. 178-180.

10. Ильичева В. Н. Возникновение и развитие города Георгиевска, 1777-1917 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. Пятигорск, 2000. 221 с.

11. Оверченко М. А. Развитие благоустройства южнороссийского губернского города в конце XVIII — начале XX вв. (на материалах г. Ставрополь). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь, 2012.

12. Оверченко М. А. Процесс и результаты благоустройства в дореволюционный период // Вестник Пятигорского лингвистического университета. № 3. 2011. С. 345-349; Оверченко М. А. Влияние буржуазных реформ 1860-1870-х гг. на улучшение благоустройства г. Ставрополь // Научно-практический многопредметный журнал. Ставрополь, 2011. № 3 (4). С. 2-5; Оверченко М. А. Развитие садово-паркового хозяйства в дореволюционном Ставрополе // Научно-практический многопредметный журнал. Ставрополь. 2011. № 3 (4). С. 6-10; Оверченко М. А, Решение проблемы водоснабжения Ставрополя в конце XVIII — начале XX вв. // Научно-практический многопредметный журнал. Ставрополь. 201. № 5 (6). С. 7-10.

13. Бесолов С. Э. Роль городов Терской области во внутренней политике России (1860-1917 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владикавказ, 2014.

О. В. КОРСАК,
аспирант Белорусского государственного университета
(г. Минск, Беларусь)

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ (на примере белорусских губерний Российской империи)

В статье анализируются губернские статистические комитеты (ГСК) Российской империи, учрежденные в XIX веке; исследуются виды их деятельности, а именно составление ими статистических таблиц по формам Министерства внутренних дел и изучение истории края.

***Ключевые слова**: губернские статистические комитеты, Российская империя, статистика.*

The article analyzes the provincial statistical committees (PSC) of the Russian Empire, established in the XIX century; their activities are researched here: the drafting of the statistical tables according to the forms of the Ministry of Internal Affairs and the studying of the history of the region.

***Keywords**: provincial statistical committees, the Russian Empire, statistics.*

При создании ГСК на них возлагалась задача не только сбора сведений, но и составление на их основе подробного и точного описания состояния губернии [1, 282]. Результаты их деятельности находили отражение в различных изданиях, таких как «Памятные книжки», «Обзоры» губерний, «Отчеты», «Труды» и т. д.

В соответствии с «Положением о губернских и областных статистических комитетах» [2, — 512] от 26 декабря 1860 г., деятельность статистических комитетов состояла из обязательных и необязательных работ. К первым относилось составление статистических таблиц, установленных Центральным статистическим комитетом, статистических ведомостей, прилагаемых к отчетам губернаторов. Второе направление деятельности губернских статистических комитетов включало в себя подготовку ученых трудов, посвященных исследованию губернии в разных отношениях. Эта сторона работы комитетов четко не регламентировалась, а полностью зависела от инициативы губернатора и секретаря.

Этот документ также поставил перед статистическими комитетами задачу создания подробных описаний губерний в отношении топографическом, историческом, промышленном, и об издании трудов [2, 506]. Издание трудов, согласно положению, могло быть производимо: 1) печатанием статей и обзоров в «Губернских ведомостях»; 2) изданием «Памятных книжек» и 3) печатанием отдельных монографий и описаний губерний.

Сбор сведений, с одной стороны, осуществлялся с помощью действительных членов (до 1860 года — членов-корреспондентов), с другой, шел через запрос в

различные организации (волостные правления, уездные по крестьянским делам присутствия, учебные заведения и т.д.). Статистический комитет осуществлял обработку полученных сведений. Однако, данные не всегда поступали вовремя и зачастую были не надлежащего качества. Так, в предисловии к Памятной книжке Витебской губернии на 1862 г. отмечается, что «хотя средства комитета нисколько не увеличились и сотрудничества ни кем не оказано, но приняты все меры и усилия, чтобы сделать это издание по возможности удовлетворяющим» [3, 10]. При составлении «Обзора» Минской губернии на 1904 статистический комитет столкнулся с несвоевременной подачей информации. В частности, слуцкий уездный предводитель дворянства не предоставил данные в намеченный срок. При этом статистический комитет отмечает, что «неполучение этих сведений ставит комитет в крайне затруднительное положение относительно издания и печатания обзора Минской губернии за 1904 год» [4, л. 24].

Издания статистических комитетов распространялись посредством распределение по сети учреждений (как в пределах губернии, так и по всей Российской империи), продажи в пределах губернии, обмена изданиями (с учеными обществами, библиотеками, между статистическими комитетами и т.д.).

Российский исследователь В. А. Бердинских условно разбивает все издания ГСК на шесть групп: 1. «Отчеты», «Протоколы», «Журналы заседаний»» 2. «Обзоры» губерний; 3. Публикации в неофициальном отдел «Губернских ведомостей»; 4. «Памятные книжки», 5. Научные периодические издания статкомитетов («Сборники», «Труды», «Ежегодники», «Известия», «Записки»); 6. Отдельные издания исторических, археологических, этнографических и других научных брошюр и книг [5, 184-185].

Основной объем в издательской деятельности статистических комитетов белорусских губерний занимала публикация «Памятных книжек» и «Обзоров», которые выходили регулярно. «Ежегодники», «Записки», «Известия» не издавались в изучаемых губерниях. Исходя из этого, подробно остановимся на рассмотрении таких изданий как «Памятные книжки» и «Обзоры губерний».

Памятные книжки начинают издаваться с середины 40-х гг. XIX века. В 1845 г. вышли первые Памятные книжки Виленской и Минской губерний, в 1847 г. — Гродненской губернии. Первая Памятная книжка Могилевской губернии была издана в 1853 г., Витебской — в 1861 г.

Основные цели и задачи издания Памятных книжек впервые на общегосударственном уровне были сформулированы в циркулярном письме министра внутренних дел С. С. Ланского от 16 сентября 1859 г. В нем говорится о том, что статистические данные, обрабатываемые в губернских статистических комитетах и сведения, сосредоточиваемые, в губернском управлении, имеют важное значение для составления точного описания губернии. Издание губернских Памятных книжек ежегодно, или, по крайней мере, через каждые два или три года, может способствовать распространению этих сведений [6].

Заглавия Памятных книжек варьировались, наиболее типичными из них были «Памятная книжка …», «Памятная книга …», «Адрес-календарь …», «Адрес-календарь и памятная книжка …», «Календарь и памятная книжка …» такой-то губернии на такой-то год.

Памятные книжки белорусских губерний, несмотря на схожесть структуры, характеризуются индивидуальными особенностями в разные периоды издания. В первые годы существования они заметно отличаются между собой. Например,

Памятные книжки Витебской губернии на 1864-1876 гг., подготовленные А. М. Сементовским содержали большой объем историко-краеведческих работ. Первые Памятные книжки Гродненской и Минской губерний включали в основном статистические данные, а Памятные книжки Могилевской губернии имели более ярко выраженный справочный характер. Более однотипными по структуре Памятные книжки стали в последней четверти XIX — начале XX в.

Следует отметить, что, несмотря на определенные особенности, большинство Памятных книжек белорусских губерний включало такие материалы как: календарные сведения, адрес-календарь, справочные, статистические, административные и историко-краеведческие сведения. В Памятных книжках представлены данные о личном составе правительственных и общественных губернских и уездных учреждений, административном делении губернии, развитии торговли и ремесла, промышленности и сельского хозяйства, а также географические сведения о губернии. Кроме этого, они содержат законодательные материалы, публикации по археологии, истории и этнологии края, информацию о количестве жителей в губернии по сословиям и вероисповеданиям, сведения об учебных заведениях, аптеках и больницах, библиотеках и книжных лавках в губернии. Для современных историков, краеведов Памятные книжки представляют значительный интерес как источники, позволяющие получить сведения об экономическом развитии, составе и занятиях населения, природных условиях региона, состоянии образования и религиозной жизни в губернии.

В отличие от «Памятных книжек», составление «Обзоров» входило в круг «обязательных» работ статистических комитетов, поэтому они публиковались ежегодно и содержали более подробные статистические сведения о состоянии губернии. Кроме того, форма «Обзоров» была строго утверждена, что нельзя сказать о «Памятных книжках», структура которых варьировалась в пределах губернии и определилась, в первую очередь, личностью секретаря комитета и обсуждением на заседаниях комитета.

«Обзорами» губерний являлись приложением к отчету губернатора.

Первоначально «Обзоры» предоставлялись в рукописном виде. В проекте форм отчета 1970 г. отмечалось следующие: «разрешить, согласно заключению Министра внутренних дел, приложения к отчету предоставлять, для большего удобства, и в печатном виде» [7, 857].. Поэтому печатание «Обзоров» начинается с 1870 г., однако, не сразу и не во всех регионах Российской империи [8, 14].

В белорусских губерниях переход к печатной форме начинается со второй половины 70-х гг. XIX века. Так, в 1875 г. впервые опубликован «Обзор» Минской губернии, в 1878 г. — Виленской, Витебской и Могилевской губерний, в 1879 г. вышел первый печатный «Обзор» Гродненской губернии.

Структура «Обзоров» разделена на две части: первая состоит из описания по разделам состояния губернии, вторая представлена ведомостями. Следует отметить, что сама структура на протяжении выхода в свет изданий изменялась. В целом «Обзоры» белорусских губернии включали такие разделы как естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность населения; подати и повинности; общественное благоустройство и благодеяния; народное здравие и общественное призрение; народное просвещение; о ходе крестьянского дела в губернии. В Обзорах представлены как справочные, так и статистические сведения. В частности, имеются данные об урожайности на территории губернии, состоянии животноводства, скотоводства, птицевод-

ства, информация о количестве фабрик и заводов, ярмарок, врачей и больниц в губернии.

Таким образом, издательская деятельность статистических комитетов белорусских губерний регламентировалась «Положением о губернских и областных статистических комитетах», циркулярами МВД. На состав изданий и своевременный выход в свет играли такие факторы, как оперативность и достоверность информации, которая поступала, финансовые возможности комитетов. Издания статистических комитетов распространялись путем распределения по сети учреждений, обмена и продажи. Издания статкомитетов белорусских губерний представлены «Памятными книжками»; «Обзорами» губерний; публикациями в неофициальной части «Губернских Ведомостей»; изданиями, освещавшими деятельность статкомитетов: «Отчеты», «Журналы заседаний»; нерегулярными отдельными публикациями — «Сборники», «Труды», отдельные брошюры, издания к юбилейным датам. Среди них наибольшую ценность для исследователей как ценный источник представляют Памятные книжки и «Обзоры» губерний. В них содержатся сведения, которые позволяют проследить жизнь в губерниях на протяжении более шестидесяти лет.

Примечания

1. Высочайше утвержденные правила для Статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов в губернии // Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е: [в 55 т.]. СПб.: в Типографии II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830-1884. Т. 9, отделение 2: 1834: от № 7380-7716. 1835. [832] с. разд. паг., [7] л. илл. С. 280-283.

2. Высочайше утвержденное Положение о губернских и областных статистических комитетах // Полное собрание законов Российской Империи: 2-е: [в 55 т.]. СПб.: в Типографии II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830-1884. Т. 35, отделение 2: 1860: от № 36059-36489. 1862. [931] с. разд. паг. С. 505-512.

3. Памятная книжка Витебской губернии на 1862 год: состояние чинов и должностей показано по 1-е января 1862 года. Витебск: тип. губ. правл., [б.г.]. [378] с. разд. паг., [6] л. табл. С. 10.

4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 21. Оп. 1. Д. 110. Л. 24.

5. Бердинских, В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 528 с.

6. Раздорский, А. И. Памятные книжки Курской губернии: (Историко-библиографический обзор) // Курск дореволюционный [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old-kursk.ru/book/razdorsky/st110813.html. Дата доступа: 17.03.2015.

7. Высочайше утвержденные формы или программы для составления губернаторских отчетов // Полное собрание законов Российской Империи: 2-е: [в 55 т.]. СПб.: в Типографии II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830-1884. Т. 45, отделение 1: 1870: от № 47862-48529, 1874. [2], 896 с. С. 857.

8. Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи: (приложения к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников), 1870-1916: сводный каталог/А. И. Раздорский. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2011. 913, CCXIX, [1] с.

А. А. ЖУРТОВА,
аспирант КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1930-Х — 1940-Х ГГ.: СМЕНА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

Анализу в статье подвергается историография вхождения северокавказских народов в состав России, понятия и категории, лежащие в основе теории данного исторического направления, особенности исторического сознания в обозначенный период.

***Ключевые слова**: Северный Кавказ, СССР, историография.*

Historiography of the North Caucasus people's joining to Russia is analyzed in the article, and the concepts and categories of the underlying theory of historical direction, features of historical consciousness in this period are examined here.

***Keywords**: North Caucasus, the USSR historiography.*

Идейно-политические реалии жизнедеятельности государства всегда оказывают заметное воздействие на историографию. Изменяется только интенсивность этого воздействия на внутренний мир науки и сфера его охвата, которые находятся в прямой зависимости от политического режима и социальной обстановки в той или иной стране. В советской исторической науке идейно-политическая составляющая, с точки зрения Л. П. Репиной, вышла на первый план [1, 221].

Историография вхождения северокавказских народов в состав России изобилует различными, нередко противоречащими друг другу понятиями и категориями, которые служат основой той или иной теории, исторического направления, научной парадигмы, и, в конечном итоге, эксплицируют особенности исторического сознания. Данный императив требует научного анализа концептуальных подходов в советской историографии российско-кавказского исторического взаимодействия.

В центре внимания советских ученых в 1920-х — первой половине 1930-х гг. было разоблачение колониальной политики самодержавия [2], связанного, в первую очередь, с работами историка М. Н. Покровского [3]. Его концепция отражена в безальтернативной формуле «абсолютного зла», в соответствии с которой Российская империя была объявлена «тюрьмой народов» [4], а процесс вхождения народов Кавказа в её состав трактовался как результат грубого завоевания метрополией свободных горцев.

Начиная с 1934 г. общее положение в исторической науке радикально изменилось. По распоряжению И. В. Сталина ученые приступили к пересмотру целого

ряда проблем российской истории [5]. Во второй половине 1930-х гг. были изданы различные постановления СНК, ЦК ВКП (б) и иные официальные документы [6], которые осудили прежние подходы и идеологические направления в советской исторической науке.

Жюри правительственной комиссии 1937 года по конкурсу на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4-х классов средней школы потребовало от авторов-составителей корректировки концепции, рассматривавшей процесс вхождения какой-либо территории в состав России с позиций «абсолютного зла». Комиссия подчеркнула необходимость демонстрации положительных последствий присоединения и нецелесообразность применения концепции «абсолютного зла» на примерах вхождения Украины и Грузии в состав России [7].

Историки-кавказоведы, как и ученые других регионов, постепенно стали отходить от идеи «абсолютного зла», заменяя ее концептом «наименьшее зло» [8, 109]. Суть его заключалась в том, что для большинства этносов в составе Российской империи, процесс присоединения к ней был, несомненно, злом, но злом «наименьшим», чем альтернатива быть «поглощенным» «отсталой» Османской империей, Персией или перспектива колониального владычества Англии [9]. Эти тенденции отразились в большинстве отечественных исторических исследований второй половины 30-х — 40-х гг. XX в.

Разработка новой концепции присоединения народов Северного Кавказа к России как «наименьшего зла» началась с обвинения в несостоятельности теории М. Н. Покровского о характере формирования Российского имперского государства.

С точки зрения А. Л. Попова, в «кривом зеркале» М. Н. Покровского завоевание Кавказа выглядит «как продолжение русских походов в Персию начала XIX века», как вспомогательная стратегическая операция, предпринятая российским военным командованием в ходе Русско-иранских войн [10, 306]. Подобная трактовка имперской политики в регионе, «подменяет анализ реальных интересов и целей, какие преследовала Россия на Кавказе» [10, 309].

Региональная историография, развиваясь в контексте общесоюзной исторической науки, также осваивала новые теоретико-методологические стандарты исследования. Тенденции к менее категоричным трактовкам и выводам при анализе российско-кавказского исторического взаимодействия нашли отражение в работах Г. А. Кокиева [11]. Исследователь, вслед за В. И. Лениным, отметил, что «политическое завоевание» региона «предшествовало экономическому», которое не было завершено «даже к концу Кавказской войны» [12, 3].

Выделяя причины сближения Кабарды и России в 1550-х годах, Г. А. Кокиев подчеркивает их взаимную заинтересованность в установлении прочных связей. Согласно автору, Кабарда, в середине XVI века оказавшись перед выбором: «быть поглощенной султанской Турцией и Крымским ханством, или перейти под протекторат сильного и могущественного Московского государства» [13, 30], выбрала перспективу российского «подданства», что стало для нее «наименьшим злом» [13, 30].

Очевидна важность установления подобных взаимоотношений с адыгами и для самой России. Приобретение Кабардой нового политико-правового статуса обеспечивало Московскому государству усиление своего «политического влияния среди горских народов», открывало возможности «свободного общения с дружественной Грузией и ведения непосредственной борьбы против турецко-крымских захватчиков» [13, 32].

По данным Г. А. Кокиева, в 1552 году к Ивану IV прибыло посольство из Большой Кабарды с просьбой принять её в своё подданство и защитить от Турции и Крыма, а в 1557 году приехали послы из Малой Кабарды, с аналогичной просьбой, но защита в данном случае требовалась уже от шамхала Тарковского. Историк утверждает, что уже в 1552 году «кабардинский народ формально принял подданство Московского государства» [13, 35]. В современной историографии общепринятой является точка зрения о том, что кабардинским было только посольство 1557 года, а в 1552 году присягу в верности совершили только западные адыги [14].

Независимой как от России, так и от Турции Кабарду признал Белградский мирный договор 1739 года [15, 2]. Официальной же датой вхождения региона в состав России, согласно Г. А. Кокиеву, следует считать 1774 год, когда был подписан Кучук-Кайнарджийский договор [16], ставший «поворотным моментом» в политике колонизации Кавказа [17].

Труды Г. А. Кокиева являются ценными историческими и историографическими источниками, поскольку они стали одними из первых обобщающих научных работ по истории северокавказских народов.

Историк И. Г. Викторов [18], анализируя процесс вхождения Осетии в состав России, частично использовал в своем исследовании концепт «наименьшего зла». В русле данного подхода автором исследуется только присоединение Грузии к Российскому государству, которое избавило ее от «полного разорения» и «падения» национальной культуры в связи с усилением «набегов иранских и турецких феодалов» и в то же время предоставило возможность «царизму усилить наступление на другие горские народы» [18]. «Завоевание» самой Осетии, по словам автора, «не принесло ей избавления от чужого ига, а, наоборот, установило его в виде господства русских помещиков и царской бюрократии» [18].

Согласно И. Г. Викторову, в период правления Анны Ивановны был сделан «первый шаг» к завоеванию Кабарды, являвшейся «вассальным владением Турции» [18]. Белградский договор 1739 года признал кабардинцев независимыми от Турецкого государства, что означало начало их «зависимости от России». По Кучук-Кайнарджийскому договору 1774 года Большая и Малая Кабарда были присоединены к Российской империи, а вместе с ними в ее состав вошла «вассальная по отношению к Кабарде» Осетия [18].

Но фактического присоединения осетин к России, как полагает автор, не произошло, и только в 1830 году «царизму удалось сломать» их сопротивление. Окончательное «завоевание» региона И. Г. Викторов датирует концом первой половины XIX века [18].

Замена концепции «абсолютного зла» на теорию «наименьшего зла» проходила в кавказоведении медленно. Данное обстоятельство А. Н. Максимчик связывает с тем, что в замечаниях к «Краткому конспекту учебника «История СССР» И. В. Сталин оставил без изменения формулировку «Завоевание Северного Кавказа», поэтому историки не спешили отказываться от концепции «абсолютного зла» и наполнять «наименьшее зло» свежей фактурой [19, 62]. Редактор «Исторического журнала» Е. М. Ярославский в своем докладе на заседании АН СССР в 1939 г. очень резко выступил против применения оценки «наименьшее зло» решительно ко всем колониальным окраинам. По его словам, это означало бы создание «новой универсальной отмычки, вроде тех, какие были у Покровского» и подобная «теория» не изучает конкретно каждую колониальную окраину,

а заставляет подходить к изучению с заранее предвзятыми схемами, идеями и оценками» [20, 75].

Для лучшего понимания трудностей, с которыми историки сталкивались в процессе освоения новой методологической схемы, имеет смысл вернуться к тексту «Постановления жюри правительственной комиссии» от 22 августа 1937 г., в котором были сформулированы новые исследовательские установки: «Авторы не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVIII в… Факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под протекторат России, так же как факт перехода Украины под власть России, рассматривается авторами как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России… Они не видят, что вторая перспектива была всё же наименьшим злом» [7]. Данные замечания не давали однозначного ответа на вопрос о том, в каком русле необходимо исследовать историю формирования Российского государства: для каких этносов вхождение в состав России признавать «наименьшим злом», что привело к возникновению различных авторских интерпретаций и вылилось в 1951 году в большую дискуссию на страницах журнала «Вопросы истории».

Научное обсуждение проблемы началось с письма М. В. Нечкиной, в котором исследовательница выступала против применения формулы «наименьшее зло» ко всем народам, вошедшим в состав России» [21, 44], полагая, что «выражение «зло» относится к отсутствию государственной самостоятельности и к угнетению народа царизмом» [21, 45]. Исходя из логики автора, использование понятия «зло» в отношении российской колониальной политики правомерно лишь в том случае, если в результате действий имперских властей то или иное государственное или потестарное образование было лишено суверенитета.

Данную точку зрения разделил М. О. Мустафаев, который утверждал, что при изучении процесса присоединения «разных стран и народов» к России необходимо учитывать социально-экономические и внешнеполитические условия их существования «накануне включения в состав Российской империи», а также «последующие результаты» приобретения нового политико-правового статуса [22, 97].

Историк А. О. Якунин оспорил концептуальный тезис М. В. Нечкиной. Он подчеркивал, что суть вопроса не в том «имел или не имел народ свою государственную самостоятельность, отказался или не отказался он от государственной самостоятельности» [23, 83-84]. С его точки зрения, к изучению данной проблемы «надо подходить не с готовой «формулой», а с учетом международной обстановки и внутреннего политического состояния данного народа в определенный исторический момент, когда осуществлялось присоединение» [23, 84]. К примеру, разделы Польши автор признает несомненным «злом», «отрицательным событием в истории польского народа», а присоединение к России народов Кавказа А. О. Якунин определяет как «наименьшее зло» [23, 83-84].

Таким образом, возникновение теории о «наименьшем зле» стало переломным моментом в развитии советской историографии вхождения народов Северного Кавказа в состав России. Научные оценки характера и итогов присоединения той или иной территории стали менее категоричными. Данный подход оказал помощь исторической науке в осуществлении функции общественной самоиден-

тификации. В сознании малых народов СССР формировалось представление о том, что несмотря на всю жестокость имперской политики, реализация любой альтернативы вхождению в состав Российского государства, неизбежно привела бы к утрате национальной самобытности и трагическим последствиям для того или иного этноса. Формировался некий образ «врага» в лице «класса эксплуататоров», с которым все народы СССР во главе с русским народом вели оправданную борьбу. Подобные идеи приводили к возникновению чувства национализма на основе «классовой» ненависти, сопричастности к общему историческому делу — «строительству социалистического общества».

Примечания

1. Репина Л.П. История исторического знания/Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М., 2004.

2. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года // URL: http://hist.ctl.cc.rsu.ru/Don_NC/Don_titl.htm. (дата обращения: 30.01.2015).

3. Покровский М.Н. Внешняя политика (1914-1917 гг.). Сборник статей. М., 1918; Его же. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. статей. М., 1923 и др.

4. Ленин В.И. К вопросу о национальной политике // URL: http://libelli.ru/works/25-5.htm (дата обращения: 22.01.2015).

5. Гордина Е.Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // URL: http://pish.ru/articles/articles2010/648. (дата обращения: 30.06.2012).

6. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 15.05.1934 «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // URL: http://istmat.info/node/40824 (дата обращения: 12.01.2015); На фронте исторической науки. В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП (б). М., 1936. 29 с. и др.

7. Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР // Правда. 1937. 22 августа.

8. Барабой А. К вопросу о причинах присоединения Украины к России в 1654 году // Историк-марксист. 1939. № 2. С. 87-111.

9. Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20-50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1 // URL: http://nmk.sfedu.ru/page01/1999_2005.doc (дата обращения: 23.12.2014).

10. Попов А.Л. Внешняя политика самодержавия в XIX в. в «кривом зеркале» М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Сборник статей. М.-Л., 1940. С. 210-390.

11. Кокиев Г.А. Распад Кабарды на Большую и Малую // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1940. 10, 11, 12 декабря; Его же. Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. // Вопросы истории. 1946. С. 44-59; Его же. Русско-кабардинские отношения в XVI в. // УЗ КНИИ. 1948. Т. IV. С. 25-65 и др.

12. Кокиев А.Г. Замечания по главе XII «Народы Кавказа в первой половине XIX века». 20 декабря 1948 года // Научный архив СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 15. Л. 1-7.

13. Кокиев. Г.А. Русско-кабардинские отношения в XVI в. // УЗ КНИИ. 1948. Т. IV. С. 25-65.

14. Мамбетов Г.Х. Г. А. Кокиев — выдающийся исследователь истории Кабар-

ды // История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 3-15.

15. Кокиев Г. А. Цикл лекций по истории России. Россия во второй половине XVIII в. // Научный архив СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 110. Л. 1-12.

16. Кокиев Г. А. Связи Кабарды и России в XVI-XVIII вв. // Кабардинская правда. 1946. 9, 10 апреля;

17. Кокиев Г. А. Сношения России с Кабардой. XVI-XVIII вв. // Научный архив СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-37.

18. Викторов И. Г. Северная Осетия. Исторический очерк // Северная Осетия. Политико-экономический очерк Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1939. С. 1-178 // URL: http://iratta.com/materials/novaya/2356-istoricheskiy-ocherk-1.html (дата обращения: 23.12.2014).

19. Максимчик А. Н. Присоединение Северного Кавказа к России в историографии XIX — начала XXI в.: дис. … канд. истор. наук. Минск, 2013.

20. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 47-86.

21. Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 44-48.

22. Мустафаев М. О. О формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 97-101.

23. Якунин А. О. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопросы истории. 1951. № 11. С. 83-86.

III. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

КЮБРА АЛИЕВА,
проф., доктор искусствоведения,
зам. директора по науке Института Архитектуры и Искусства НАН,
Заслуженный деятель Искусства
(г. Баку, Азербайджан)

ИСТОКИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО МУГАМА
(по археологическим материалам)

В статье, посвященной проблеме азербайджанского мугама, сделан вывод о том, что он был создан древними маннийскими, далее мидийскими, зороастрийскими жрецами в качестве гимна, который веками продолжали петь маги. Они были посвящены небесным светилам — «Ахура Мазда». Автор считает правильным называть мугам «магамом», то есть «гимном магов», подтверждая свою позицию тем, что слово «Муг» в переводе с персидского означает огнепоклонник, а «мугам» — песня мугов (огнепоклонников).

Ключевые слова: *зороастризм, храм, мировоззрение, небесные святила, огнепоклонничество, гимн*

Истоки азербайджанского мугама со своими корнями уходят в глубокую древность и связаны с мировоззрением зороастризма. Зороастризм — древняя религия наших предков.

Как известно, в конце III тыс. до н.э. в юго-западных областях Южного Азербайджана и в части районов иранского Курдистана сложилось объединение племен луллубеев и кутиев. Луллубеи расположились на юго-западе этой территории, а кутии — севернее их. Кутии захватили и удерживали в своих руках некоторое время Двуречье — южную часть долины Тигра и Евфрата. Восточнее луллубеев обитали касситы. Именно эти этносы, луллубеи, кутии, касситы, субии, маги участвовали в формировании древне азербайджанского этноса с тюркским происхождением [1,130]

К числу древнейших религий Азербайджана, характерных еще для доклассовых, родоплеменных обществ, относятся поклонение семи светилам и зародившийся на его основе, по нашему мнению, зороастризм. Родиной зороастризма была та часть Манны и Мидии, где позднее возникла Атропатена. По мнению многих исследователей персы, которые пришли только в IX веке до нашей эры и заняли Мидию в V веке до нашей эры, исконно не были зороастрийцами, а таковыми являлись именно маги, представители мидийского племени, из которых образовалась жреческая каста у мидян, а позже и у персов. Эта религия свидетельствует о том, что еще задолго до нашей эры древние азербайджанцы занимались изучением звезд, имели определенные космологические представления. В книге «Дабистани ал-мазахиб» Мохсена Фани, который ссылался на «Ахтеристан», написанную раньше, свидетельствует о том, что древние субии, племена манны, принимали звезды и небосвод за тени святых духов предков, и потому поклонялись семи светилам. Каждый из семи звезд соответствовал определенному талисману, хранившемуся в доме любого человека. Им приписывались магические значения. Более того, для каждого из семи светил возводились храмы. Каждый храм посещался в определенный, соответствующий ему день недели и в определенное время. Внутри храмов находились скульптурные изображения соответствующих светил.

В разделе «Таг и Лячаки» «Азербайджанский ковер» Л. Керимов ссылаясь так же на книгу Мохсен Фани, косвенно приводит пример из его книги «Дабистани аль мазахиб». Мохсен Фани в разделе храмов посвященном семи планетам, храмам огнепоклонников и храмам идолопоклонников носящих названия этих планет пишет: «Пророк арабов (Мухаммед, Л. К.) покланяется статуям, олицетворяющим семь планет. Он велел охранять черную статую (знаменитый черный камень, Л. К), которая олицетворяет планету Сатурн, — она с древних времен находилась в городе Мекке (Каабе). И любую привезенную из Гурейша статую, которая не олицетворяла планету, ломали, уничтожали… В целом ряде храмов идолопоклонников были сделаны изваяния Венеры, похожие на мехрабы мечетей. Эти мехрабы не что иное как статуи Венеры» [2, 109]. Как известно, кутии, племена Манны, 125 лет царствовали в Шумерах. Видимо, тогда и они приучили Шумеров к религии зороастризма, то есть именно в те времена в Шумере в Уре были возведены семиярусные зиккураты. Террасы зиккурата имели разные цвета: черный (обмазка, битумом), красный (облицовка обожженным кирпичом), белый (побелка), применялись и другие цвета» [3, 46]. Каждый ярус повторял цвет созвездий. Оказывается, во время весеннего равноденствия, то есть праздника Новруз Шумеры резали барана и его же кровью красили стены.

Было бы уместно повторить рассказ Геродота о подобном зиккурате, который был построен в Агбатане (Хамадан, К. А.) Вот что он пишет: «Когда мидяне решили выбрать его царем Мидии, тогда Дейока приказал соорудить для него дом, достойный звания царя, и его власть, вооруженную стражею копьеносцев. Склонивший к этому мидян, он велел возвести большие крепкие стены, теперь носящие название «Агбатан». Причем одна стена кольцом замыкалась в другой. Акрополь был устроен так, что одно кольцо возвышалось над другим только своими зубьями. Такое устройство достигнуто было частью благодаря холмистой местности, частью с помощью искусства. Всех колец — стен было семь, в последнем из них помещались царский дворец и сокровищницы. Наибольшая из крепостных стен почти такого же объема, как обводная стена в Афинах.

Зубцы первой снаружи стены белые, второй черные, третье ярко — красные, четвертой голубые, пятый цвета сурика. Так покрашены краской зубья на пяти стенах. Одна из двух последних стен имеет зубцы посеребренные, а другая золоченые [4, Геродота Клио 98-99, 54].

Греческие источники особенно широко освещают мировоззрение магов. Л. Диоген ссылаясь на книгу Аристотеля о магах, а также на пятую книгу истории Диона пишет, что маги не занимались магическими вещами, что первый маг был именно Зороастр, который поклонялся звездам. Его мысли подтверждаются также Гермодором [5, 65].

Как известно в Азербайджане и за его пределами ученые, исследующие зороастризм считают, что эта религия персов и эта религия связана с огнепоклонничеством. Однако археологические материалы говорят о том, что зороастризм является древнейшей религией азербайджанцев. Древние жители Азербайджана занимались изучением небесного свода, у них были свои, пусть подчас и примитивные, представления о планетах. Сам Зороастр, который считался пророком новой веры, был одним из ученых-астрологов и занимался изучением звездного мира. Не случайно древние греки имя «Зороастр» ассоциировали с понятием астрон, т.е. звезда, в связи с чем в античных источниках Зороастр изображается мудрецом — астрологом и звездочетом [6, 4].

По мнению многих ученых ирановедов Зороастр жил в V веке до нашей эры и был персидским магом — огнепоклонником.

Как известно, Мидийский царь Астиаг отдал свою дочь Мандану за богатого перса Камбиза по советам магов, о чем пишет Геродот в своей истории [4]. От них рождается сын по имени Кир (Куруш по персидски), который захватив Мидию затем завоёвывает Малую Азию, Вавилонию до Средиземноморского побережья.

Вот что пишет об этом известный английский ученый, посвятивший зороастризму десятки книг, Мери Бойс: «В 549 год до н.э. персы под предводительством Кира Великого из рода Ахеменидов, зятя (ошибка К. А.) правившего мидийского царя, восстали, победили мидян и основали первую Персидскую державу, в которой мидяне все еще играли видную роль… Сведение античных авторов позволяют предположить, что в то время, когда персы впервые столкнулись с греками в Малой Азии, они уже были зороастрийцами. Узнав от них о Зороастре, греки естественно, сочли его персидским пророком и «великим магом». Так Гермодор и Гермипп из Смирны относили время жизни Зороастра за пять тысяч лет до Троянской войны. Ксанф Лидийский считал, что Зороастр жил за шесть тысяч лет до вторжения Ксеркса в Грецию, а Аристотель — за шесть тысяч лет до смерти его учителя Платона». По М. Бойсу Зороастр как и его народ жил в глубокой древности — в каменном веке [7, 18]

Наше исследование доказывает, что зороастризм в древние времена не был связан с огнепоклонничеством и Зороастр не жил в 5 веке до н.э., как утверждают многие ученые.

Сюжеты керамических сосудов, найденных на территории Азербайджана доказывают, что Зороастризм связан именно с небесными светилами и является исконным мировоззрением азербайджанцев.

Керамические сосуды с весьма интересным сюжетом, о которых пойдет ниже речь, были обнаружены археологом Э. А. Реслером еще в конце XIX в. в курганных погребениях Киликдага, горного хребта Сарял, расположенного в 2 км к юго-востоку от современного Гейгельского (бывшего Ханларского) района Азербайджа-

на. В указанных курганах были продолжены раскопки почти через 40 лет, археологом Я. И. Гуммелем. Раскопки были проведены по линии Института Истории Аз. ФАН в 1936-1939 гг.

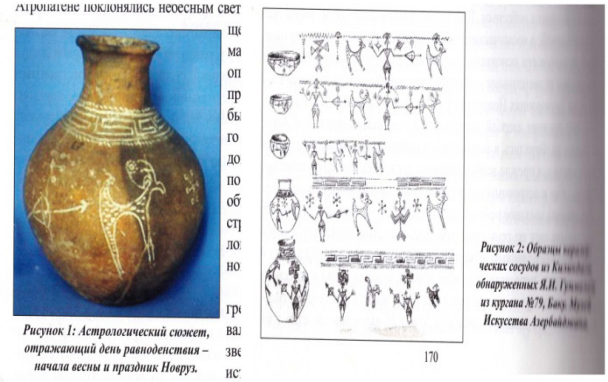

Астрологические поклонялись небесным свет

Рисунок 1: Астрологический сюжет, отражающий день равноденствия – начала весны и праздник Новруз.

170

Рисунок 2: Образцы керамических сосудов из Киликдага, обнаруженных Я.И. Гуммелем из кургана №79, Баку, Музей Искусства Азербайджана

Три из этих сосудов были обнаружены Я. И. Гуммелем в кургане № 79, один Э. А. Реслером в близлежащем кургане. Известно еще о находке 2-х сосудов из кургана №2 близ Ханлара. Количество этих сосудов с одинаковым сюжетным изображением шесть, но они отличаются по форме. Три из них имеют чашеобразную форму, а два сосуда — форму кувшина с прямым высоким горлом без ручки. Сосуды в основном сделаны из двух видов глин — черно-бурой и желто-бурой. Узоры — изображения фигур и животных, помещенных на тулове сосудов, выполнены в стилизованной манере. Они повторяются в ритмическом чередовании. Как известно, уже в эпоху энеолита орнамент обретает стилизованный характер, а также обладает определенным смысловым и религиозным магическим значением, что дает основание сравнивать орнамент с пиктографией. Уже в эпоху энеолита определяется устойчивый круг мотивов, характерных для декорирования поверхностей керамики, примером которых могут служить керамика Гёй-тепе Южного Азербайджана V — начала IV тыс. до н.э. Керамика Киликдага как по трактовке, так и по сюжету продолжает эту традицию.

Профессор Я. И. Гуммель, затрагивая в своих статьях сюжет интересующей нас керамики, выдвигает мысль о том, что он отражает сцену охоты [8, 39]. Азербайджанский ученый-исследователь М. А. Гусейнова в своей монографии также считает, что эти сюжеты являются отражением сцены охоты [9, 77].

Сюжет керамических сосудов следующий: стилизованный рисунок человека, стоящего в фас с раскрытыми руками, тело составлено из двух треугольников, а голова в виде круглого светящегося элемента. В левой руке он держит специальный космический инструмент в виде лука, направленный на стилизованного рогатого барана; над инструментом изображено солнце. Изображение человеческих фигур на сосудах практически не меняется, меняется только головная часть, где изображаются либо круглый элемент, с восходящими от него спиралями, выполненный точечными линиями, либо свастика. В композиции также участвует элемент древо жизни, треугольники, ромбы. На наш взгляд, эти сюжеты далеки от сцены охоты, они носят сугубо астральный характер и связаны с древними представлениями наших предков. Человеческая фигура отражает астролога, который специальным инструментом указывает на фигуру горного барана. То, что

инструмент является астрономическим, доказывает изображение стилизованного солнца, отраженного над инструментом. Горный баран также является небесным. То есть, его трактовка наводит на мысль, что он не земной, а космический, т.к. точечная спиральная линия над головой и под ногами является его основным признаком. Другими словами, эти сосуды являются религиозными — магическими, которые использовались в весенних церемониях Новруз нашими древними предками. Как известно, предки древних азербайджанцев, как и кочевники Центральной Азии, хорошо разбирались в астрономии и наблюдали за движением небесных светил, а прежде всего — видимым движением солнца по небесной сфере. Как и астрономы различных стран древнего мира, древние азербайджанцы звездное небо делили на четыре части, в каждой из которых насчитывалось по семь созвездий, имеющих свою символику, изображаемых определенным животным, цветом, временем года. Один раз в году солнце, пересекая небесный экватор, входило в точку небесного равноденствия, т.е. в созвездие Овна. Этот момент пересечения солнцем небесного экватора совпадал с 20 или 21 марта. Как известно, этот день был первым днем праздника Новруз. Именно сюжеты и изображения на этих сосудах отражают начало праздника Новруз [10, 168-171].

Не случайно, что у древних греков имя Зороастр ассоциировалось с понятием Астрон, т.е. звезда, в связи с чем, в античных источниках он изображается как мудрец — астролог и звездочет [6, 4]. Не исключено, что на керамике из Киликдага изображение астролога могло бы ассоциироваться с образом Зороастра.

Таким образом, можно сделать вывод, что Азербайджан является родиной зороастризма, а не огнепоклонничества. Зороастризм связан именно с небесными светилами. А маги, которые являлись жреческой кастой, являлись основными носителями зороастрийских обычаев и церемоний. Что касается текста Авесты, то он был написан на коже животного во времена ахеменидских династий с устной речи Мидийских магов и пополнен индийскими ведами из религии огня и мало что было отражено из подлинного зороастризма. Геродот, касаясь праздничных религиозных церемоний древних магов отмечает, что они, маги, во время жертвоприношений, религиозных церемоний и празднеств и когда правители приносили присягу трону, входили в торжественное собрание с пением «теогоний», благословляющих правителей [11, 174].

М. Бойс говоря о древний части Авесты пишет что, «Гаты — песни пророка, и примыкающие к ним по времени и языку разделы Авесты сохранялись (в устном виде К. А.) сначала в степных областях с их быстро изменявщимся и нестабильными Иранского нагорья в течении тысячи лет и более до начала исторического периода и создания более устойчивых и сильных держав — Мидийской и Ахеменидской» [7, 289].

Другими словами, подлинная Авеста состоит из гимнов и маги — жрецы священны и богослужебные тексты знали наизусть с детства и произносили всегда по памяти. О том, что богослужители и люди, которые принимали зороастрийское мировоззрение пели гимны и можно судить по ковру, который был найден из горного Алтая.

Как известно, в 1947-1949 гг. при раскопках курганов Горного Алтая экспедиция Ленинградского

Археологического института под руководством профессора С. Руденко обнаружила несколько безворсовых и один уникальный, почти квадратной формы ворсовый ковер, хорошо сохранившийся в атмосфере вечной мерзлоты.

Превосходная композиция, ясность цвета, реалистическая трактовка изображений на коврах, найденных во 2-м, 4-м и 5-м Пазырыкских курганах, свидетельствуют о высоком уровне искусства древних мастеров, владевших техникой «сложного продевания» и «узловязания». В сущности, эти технические методы веками применялись в ковровом искусстве во многих странах Востока, в том числе и в Азербайджане. Наше исследование показало, что безворсовые ковры, особенно килимы с сюжетным изображением были сотканы именно на территории Древней Манны или Мидии, как и предполагает С. Руденко [12, 75-76].

Но мы не можем согласиться с профессором С. Руденко с его трактовкой сюжетов килима. Так, например, говоря о мидийском килиме (рис. 1), на котором изображены в профиль две стилизованные женщины, он утверждает, что эти женщины в молитвенных позах поклоняются огню, и в своей книге он демонстрирует рисунок реконструкции с курильницей в центре. Он также предполагает, что стоящая впереди женщина держит в руке цветы, но неизвестно по какому поводу. Однако, надо учесть и то, что захватив Мидию (V век до нашей эры) Ахемениды, а далее и Сасаниды, хотя и приняли религию мидян, наряду с их обычаями и одеждой, но толковали они эту религию по-своему, придавая ей новое содержание. Так Авестийский пророк Ахура Мазда стал «богом огня». Многие исследователи, в том числе А. О. Маковельский, совершенно верно отмечают, что: «Правоверные последователи учения Спитамы Заратустры не были огнепоклонниками, в отличие, как от сторонников старой веры, так и от приверженцев последующей маздаясны, которые чтили божество огня» [13, 143].

По нашему мнению, сюжет этого килима никак не связан с культом огня и вообще с огнепоклонничеством, являющейся государственной религией Ахеменидов и Сасанидов, и не имело никакого отношения к подлинному содержанию зороастризма. Посвятив всю свою жизнь созданию истории иранских племен, Фирдоуси в «Шахнаме» как бы косвенно утверждает их религиозное мировоззрение. Например, описывает мужество Х. Хушенга, внука великого создателя Ахеменидской династии Кеумарса, который, убивая дикого змея камнем, промахнулся, а камень, брошенный им, ударился о скалу и воспламенился. Шах сказал:

Сильный удар получила скала и разбилась,
Соприкоснувшись с камнем, искру породила,
Змея уцелела, но тайна эта раскрылась,
Что источник огня в природе — камень,
Преклонив колени, руки простер к небу правитель,
Сказал: слава тебе, о, великий творец,
Ты даровал мне этот свет.
Отныне алтарем народу он послужит,
Сказал: этот свет — народа пламень,
В мире пусть все поклоняются огню.

Говоря о нравах и обычаях персов, Геродот писал: «Ставить кумиры, сооружать храмы и алтари у них не дозволяется; тех, кто поступают противно их установлениям, они обзывают глупцами» [4, 71, Геродота Клио 131]. Согласно зороастрийским преданиям, сам Зороастр в тридцать лет получил откровение от излучающих светил, когда по случаю весеннего празднества (Новруз) отправился к

реке, чтобы взять воду для приготовления хаомы (səməni) [7, 28]. Именно мидийские маги глубоко занимались этим учением. На основе этого учения была создана в устном народном творчестве святая книга «Авеста». Содержание Авесты заключается в борьбе между злом и добром: между Ахура Маздой и Ангра Манью. «Ахура Мазда» повелевает мыслить, говорить и делать благое». В Авесте помещены избранные гимны (песнепения), сочиненные самим пророком. Повторение всех семнадцати Гат входит в ритуал Зороастрийского богослужения [6, 6].

Таким образом, можно сказать, что женщины на мидийском килиме держат в руках не цветы, как предполагает профессор Руденко, а сосуд со священным напитком «хаома», что зороастрийцы приготавливают перед наступлением праздника весны из «səməni» (проросшей пшеницы) [15, 74-90]. Одна из женщин, что стоит впереди, явно принадлежит к знатному роду, на голове у неё что-то вроде короны, из-под которой спускается шлейф из ткани. Обе они поют гимн-«магам»[1] Ахурамазде, а не молятся огню.

Вот откуда берутся истоки нашего мугама, который и есть песня Магов. О том, что они поют, а не молятся свидетельствуют их широко раскрытые рты. У стоящей позади и просто одетой женщины, явно прислужница, в руках поясок, который она собирается надеть на свою госпожу. Это также один из атрибутов акта принятия зороастризма. Не исключено, что обычай завязывания невестам красного пояса, который сохраняется веками в свадебных традициях азербайджанцев, также связан с зороастризмом. Таким поясом пользовались и мужчины до конца XIX и начала XX века, то есть подобные пояса, особенно «куршаки», были основным элементом традиционного национального костюма азербайджанца.

И так, выше указанные археологические материалы доказывает, что наши древние предки — Зороастрийцы поклонялись семи светилам и не исключено, что религиозные гимны, которые пели маги, были посвящены каждой отдельной светиле. И не случайно, что в Азербайджане имеется 7 мугамов, о чем когда-то было написано самим У. Гаджибековом. Фактически, знаменитая поэма Низами «Семь звезд» (фарс — Хефти — Пейкер) посвящена семи божественным светилам. Вот как это описывает Низами:

«Семь дворцов Бахрам увидел, словно семь планет,
В соответствии планетам у дворцов был цвет…
Первый купол, что Кейвану зодчий посвятил,
Камнем черным, словно мускус, облицован был. (Сатурн)
Тот который был отмечен знаком Муштари,
Весь сандаловом снаружи был из внутри. (Юпитер)
А дворец, что был Бахрамом красным озарен,
Розовел порфиром, красен был в основе он. (Марс)
Тот, в которым зодчий знаки Солнца усмотрел

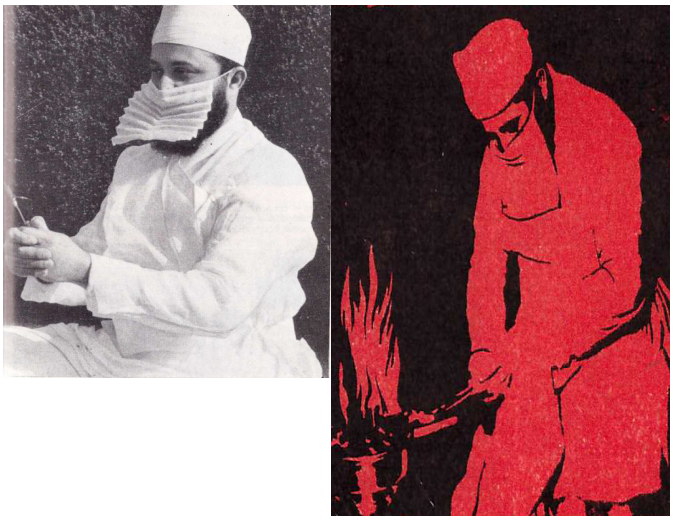
[1] На наш взгляд, азербайджанский мугам взял свои истоки именно от магских песен.

Ярко-желтым был как солнце, золотом горел. (Солнце)
Ну а купол, чьим уделом был венец Зухры
Мрамором лучился белым, как венец Зухры. (Венера)
Тот же, чьею был защитой в небе Утарид,
Бирюзой горел, как в небе Утарид горит. (Меркурий)
А построенный под знаком молодой Луны, Зелен
Зелен был, как счастье шаха, как наряд весны… (Луна)
…Каждая царевна замок выбрала себе
По ее происхожденью, цвету и судьбе.
Внутреннее все убранство в каждом из дворцов
Свойственных ему оттенков было и цветов…»

К сожалению, Н. Гянджеви эту поэму посвятил не подлинным владельцам Зороастризма — Мидийцам, а Сасанидской династии, которые были огнепоклонниками. Тогда как Сасанидские цари из Мадаина пешочком ходили в Южный Азербайджан, что бы поклонятся богу огню. Вот что пишет об этом Шамседдин Сами: «В Азербайджане между Марагой и Зянджаном был древний городок, величественный и благоустроенный. Он был знаменит своим храмом огнепоклонников и многочисленными рудниками в окрестностях» [2, 111].

В период Сасанидов Зороастрийские храмы превратились в храмы огнепоклонников, хотя частично сохраняя древнее звание с символом на куполах храма. Планета Сатурн переименовалась на «Азермехр», храм Юпитера — на «Азербахрам», храм Марса — на «Азенуш», храм Солнца — на «Азераин», храм Венеры — на «Азерхазин», храм Меркурия — на «Азербарзин», храм Луны — на «Азерзердушт» [2, 111].

В период Ислама эти храмы, в основном Шейх Safи, стали храмами поклонения Суфиев [2, 111].



Индийский огнепоклонникю Бомбей, храм огня.
М. Бойс

В заключении можно прийти к такому выводу что, азербайджанский мугам был создан древними маннийскими, далее мидийскими, зороастрийскими жрецами в качестве гимна. Эти гимны, были созданы самим Зороастром, которой был известен в Греческом мире, как великий звездочет и ученый. Эти гимны веками продолжали петь маги, а также они были посвящены небесным светилам, которых Зороастр называет «Ахура Мазда». И было бы совершенно правильно, мугам называть «магамом», то есть «гимн магов». Хотя бы только потому что, слова «Муг» по персидский

означает огнепоклонник. То есть, термин мугам переводится как песня мугов — огнепоклонников. Хотя персидские огнепоклонники — зороастрийцы никогда не пели, так как они полностью закрывает рот, чтобы не осквернить святой огонь.

Примечания

1. Qeybullayev Q. Azərbaycan türklərinin təşəkkülü tarixindən. Bakı, 1994.
2. Керимов Л. Азербайджанский ковер. Том 2. Баку, Гянджлик. 1983.
3. Афанасьева В. К. Искусства Двуречья 5-2 тысячилетий до н.э. В книге «Искусства Древнего Востока». Изд. «Искусства» М., 1968.
4. Геродот. История в девяти книгах. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко, Том 1, издание 2, Москва, 1988.
5. Диоген Лаэртский. О жизни ученых и изречениях знаменитых философов. Изд-во Мысль, М. 1979.
6. Авеста. Избранные гимны. Перевод с авестийского и комментарии профессор И. М. Стеблин-Каменского. Душанбе «Адиб», 1990.
7. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. 1998, стр.
8. Гуммель Я. И. Памятники древности в окрестностях Киликдага./«Известия Азербайджанского Филиала АН СССР», № 2, 1941.
9. Гусейнова М. А. «Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа XIV-IX вв. до н.э.».
10. Алиева К. «Новая интерпретация сюжетов некоторых керамических сосудов эпохи ранней бронзы из Киликдага». Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Milli Azərbaycan Tarix Muzeyi. Bakı, 2010. səh. 168-171.
11. Elməddin Əlibəyzadə. Azərbaycan xalqının mənəvi mədəniyyət tarixi. Bakı. Gənclik 1998.
12. Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. Изд «Искусство», М., 1968.
13. Маковелски А. О. Авеста. Академия наук Азербайджанской ССР Сектор философии. Изд-во Академии Наук Азербайджанской ССР. Баку, 1960.
14. Фирдоуси. Шахнаме.
15. Алиева К. К изучению коврового искусства Ю. Азербайджана. «Азербайджан и Азербайджанцы». Баку, №7-8, 2002, стр. 74-90.

И. Т. Марзоев,
дин, внс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ИЗ ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РОДА КНЯЗЕЙ КАНТЕМИРОВЫХ

Осетинский княжеский род Кантемировых восходит к родоначальнику дигорских царгасат — привилегированного сословия Дигорского общества Северной Осетии — Царгасу.

Сохранилось несколько любопытных преданий о происхождении царгасат, которые сходятся в том, что родоначальник их Царгас пришел с юга и имел непосредственное отношение к роду владетельных князей Абхазии Шервашидзе. Во время своего путешествия по Осетии известный российский ученый, академик А. М. Шёгрен в своем дневнике 22 мая 1837 г. записал: «Визит старшины этой местности; это скромный и учтивый, но слепой старик из рода Чергессата. Он рассказал, что его предки прежде жили у Черного моря. Оттуда переселились 3 брата, из которых двое осели здесь, а один в Кабарде: род их прежде назывался Таврас и только позже принял нынешнее имя» [1].

В Записке о происхождении личных и поземельных правах и взаимных отношениях туземных жителей Военно-Осетинского округа значится прошение царгасат Г. Главнокомандующему Кавказскою Армиею, в котором сами они объясняют, что «происходят от знаменитого предка их Черкезия, предводителя вольного кавказского народа, под названием черкезатов, обитаемого в древние времена на юго-западной стороне Черного моря. По занятии тех мест Римскими народами, Черкезеты, будучи теснимы ими, оставили свою родину и поселились в пределах Персии, они поступили под особое покровительство персидских царей. Спустя некоторое время, когда в Персии вспыхнула междоусобная война, угрожавшая гибельными последствиями и для племени черкезетов, они принуждены были возвратиться снова на свою родину. Придя на Кавказ под предводительством двух братьев Черкезия и Шавраша, сначала они избрали местом своего жительства в самых горах, отделявших Абхазо-Карталинское царство от кабардинских народов. Впоследствии времени младший из братьев Шавраш, оставил Черкезия и с частью преданных ему людей пошел к берегам Черного моря, где, найдя первоначальную родину своих предков, остался там на жительстве. С течением времени, покорив силою оружия обитаемый там народ, Шавраш сделался его властелином, от которого, как повествует предание, происходят настоящие потомки владетельных Князей Шервашидзе» [2].

В одном из источников XIX века говорится, что «Царгасаты и Баделяты составляют высшее сословие или алдары. Алдары считают себя равными кабардинским князьям…» [3].

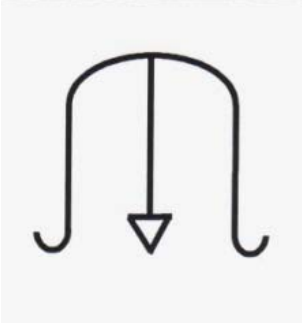
Грузинский царевич Вахушти Багратиони в работе «География Грузии» (сер. XVIII в.) упоминает сословие царгасат под названием «Черкесидзе» в числе других высших феодальных сословий осетин. «Они знают фамилии, — пишет Вахушти, — и к превосходнейшим принадлежат овсы; овсы эти разделяются на следующие роды: Сидамони, Чахилидзе, Тагаури, Куртаули, Баделидзе, Черкесидзе, Басиани, и они считаются превосходнейшими из всех» [4]. О высоком социальном статусе царгасат говорит тот факт, что с XVII века царгасата были союзниками грузинских царей из рода Багратиони. Они были признаны грузинскими царями владетелями с правом наследия деревень в Имеретии: Геби, Чиори, Глоли [5]. Подтверждение этому имеется и в грузинском фольклоре. Имеретинское селение Геби в грузинских народных песнях называется одним из подвластных осетинским феодалам [6].

По словам доктора В. Б. Пфафа, внешний облик царгасат совмещал в себе признаки как грузинского, так и тюркского происхождения: «У Царгаса было три сына: Карабуг, Таймаз и Кантемир, от них произошли три ныне еще живущие в Дигории фамилии Карабугаевых, Таймазовых и Кантемировых. Названия эти татарские и физиономии тех Кантемировых, которых я видел, напоминают татарское их происхождение» [7]. Он отмечал также, что «из фамилий этого рода по физиономии, одни отличаются весьма чисто сохранившимся ногайским типом, другия, напротив, напоминают склад физиономии грузин, так что этот род, без всякого сомнения, образовался из сочетания двух различных этнических элементов. Саргосаты женятся большею частью на балкарках, Бадилаты же — на кабардинках, чем объясняется отчасти отличие этих двух родов в физиономическом отношении» [8].

В заключении браков царгасат несомненно играло роль географическое расположение Стур-Дигории и ее близость к балкарским обществам. Кантемировы заключали браки с балкарскими таубиями Абаевыми, Айдаболовыми, Биевыми, Бикановыми, Кучуковыми, Мисаковыми, Суюнчевыми и Темиркановыми. Тесные родственные связи существовали и с привилегированными фамилиями Кабарды и внутри Осетии: с кабардинскими знатными фамилиями Абуковых, Аджиевых и Анзоровых, баделятами Абисаловыми, Тугановыми, Кубатиевыми, Каражаевыми, Кабановыми и Чегемовыми, царгасатами Карабугаевыми, Таймазовыми и Зекеевыми, гагуатами Кобегкаевыми и Найфоновыми, тагаурскими алдарами Алдатовыми, Дударовыми, Кануковыми, Кундуховыми, Мамсуровыми, Тугановыми и Тхостовыми, куртатинскими таубиями Арисхановыми, Борсиевыми, Есиевыми и Хадарцевыми, алагирскими уазданами Датиевыми, Камарзаевыми, Марзоевыми, Томаевыми и др.

Феодальное владение царгасат Кантемировых находилось в ауле Куссу. Также им принадлежала доля пастбища «Харес», которое состояло из многих урочищ и разделялось на три части по числу фамилий царгасат. Границы земель Кантемировых простирались от «Бадги-хоха» до «Арси-авцага» («Медвежий перевал») и Ахсан-адага [9].

В документах Комитета для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа за 1859 г. фамилия Кантемировых была представлена восемью семьями: братьев Бек-Мурзы, Хатахчико и Тембулата Кантемировых; Ахмата Кантемирова; Сараби Кантемирова; Муссы Кантемирова; братьев: Батырби, Батраза и Али-Мурзы Кантемировых; братьев: Кубади, Асламурзы, Урусби и Сосланбека Кантемировых; Эльмурзы Кантемирова; Али Кантемирова.



Тамга дигорских баделят Кантемировых

Известным представителем рода был подполковник Леонтий Кантемиров, из царгасат, служивший в Драгунском полку с 16 мая 1855 г. Он был награжден орденом Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» 15 декабря 1858 г. [10]. К чину штабс-капитана представлен 18 сентября 1877 г., затем был переведен на службу в Дербентский полк [11].

В 1864 году в горах и на равнине проживало 32 двора царгасат (118 душ обоего пола). После окончания Кавказской войны и в результате крестьянской реформы в Северной Осетии некоторые из царгасат переселились в Османскую империю [12]. Там они обосновались в районе г. Саракамыш Карской области, где насчитывалось 8 осетинских селений. После того как Карская область отошла к России, некоторые жители этих селений ушли в глубь Турции, в район г. Ахлат, где основали с. Хулик. Там вместе с Кантемировыми поселились Абисаловы, Асеевы, Битуевы, Ельбиевы, Кануковы, Кубатиевы, Кундуховы, Куцуковы, Левановы и Тугановы.

В 1934 г. в Турции был введен закон о фамилиях. Осетинам, как и всем кавказцам, было запрещено носить нетурецкие фамилии. Многие осетины, особенно те, чьи фамилии имели тюркскую этимологию, изменили лишь их окончание. Так поступили и Кантемировы, оставив себе фамилию Kandemir.

В турецкой армии генеральского звания удостоились семеро наших соотечественников: генерал-майор Мусса-паша Кундухов, Музафер Кусов, Сефер-бей Кубатиев, Мусса Хосонов, Курултуш Хосонов, а также Ауни и Оздемир Кантемировы [13].

Сложнее сложилась судьба тех, кто остался на Кавказе. На селение Карагач, где проживала большая часть фамилии Кантемировых, в ночь под 4 декабря 1918 г. «напали керменисты в количестве семи сотен конницы, а также много пеших, с батареей и бомбометами с которыми у них всю ночь шла перестрелка, а часов в 11 утра по ним открыли орудийную стрельбу и затем, обезоружив все население, напали, разгромили их дома, расхитили имущество и угнали все, что у них было движимого, дома одни приведены в совершенную негодность, а другие сожжены.

У большинства из них не осталось ни носильной одежды, ни постели, ни домашней утвари. Что подобной каре подверглись они, как ярые противники большевизма. Во время этого нападения были убиты 110-летний старик Иналук Карабугаев, Агубекир Кантемиров и Темиркан Карабугаев. В числе других дома Тембулата, Хамби, Кансау и Адиль-Гирея Кантемировых были сожжены, а имущество разграблено [14]. Те, кто уцелел, вынуждены были искать спасение за пределами Осетии — в Чечне, Дагестане, Азербайджане, Средней Азии.

Примечания

1. Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрен: Исследование. Тексты. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С.105.

2. НА СОИГСИ. Ф.16. Оп.1. Д.26. Л.30.

3. Терские ведомости. 1870. № 48.

4. Багратиони В. География Грузии. Тифлис, 1904. С.143.
5. ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.1. Л.110-111.
6. Собиев И. Дигорское ущелье // НА СОИГСИ. Ф.4. Оп.1. Д.58 «б». Л.106.
7. Пфаф В. Б. Материалы для древней истории Осетии // Поэма об Алгузе. Владикавказ, 1993. С.131.
8. Пфаф В. Б. Этнологические исследования об осетинах // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т.2. С.83.
9. Джанаев А. К. Феодальное землепользование в Стыр-Дигории // Известия СОНИИ. 1948. Т. XV. С.89.
10. Кармов Р. К., Айдаболова М. И. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Прохладный, 2002. С.19.
11. ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.288. Л.292 об.
12. Джанаев А. К. Феодальное землепользование в Стыр-Дигории // ИСОНИИ. 1948. Т. XV. С. 6.
13. Марзоев И. Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII — начале XX веков. Владикавказ, 2011. С.337.
14. НА СОИГСИ. Ф.23. Оп.1. Д.6. Л.3-4.

В. Г. КЕРИМЛИ,
канд. культурологии, доцент
Института архитектуры и искусства НАН
(г. Баку, Азербайджан)

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ СЛЕДЫ НА КАВКАЗЕ

«…И спас волк воинов, и дал им силу свою и новое имя. И поклонились ему воины, и пошли в походы, и многие народы покорили они, и всех нарекали тем именем. И прошло время, и исчезли великие воины. Но сохранилось имя: и поныне те народы зовутся тюркскими».

Данное исследование посвящено истории раннего появления тюрок на Кавказе, выявлению степени их влияния на данный регион, как культурного, так и социально-экономического. В статье приводятся свидетельства распространения тюркского языка на этой территории в этот исторический период.

***Ключевые слова**: тюрки, Кавказ, Османская империя, тюрксикй язык.*

The present study is devoted to the history of the early appearance of the Turks in the Caucasus, to the detection of their influence on this region, both cultural and socio-economic. The article presents the evidence of the spread of Turkic on this territory during this historical period.

***Keywords**: Turks, the Caucasus, the Ottoman Empire, Turkic.*

Историю, как и родителей не выбирают, это наследие, которое нужно уважать, и принимать таким, какое есть. Надеюсь, нижеприведённые данные послужат стимулом для серьезных размышлений над историей тюркских народов. История Великого Тюркского народа (15 империй, 38 государств, 34 бейликов, 16 ханств и 6 независимых республик) сведена к кратким очеркам. Дело не только в количестве тюркских империй и государств. Речь идёт о народе, который послужил причиной Великого переселения народов, тем самым подчинив Европу и положив конец первой Римской империи, заставив всю Европу платить дань. Это тот самый народ перед которым папа римский Лион I Великий на коленях умолял не вступать в Рим, а полководец императорского двора Флавий Аэций пытался откупиться, отправив свою сестру в лагерь Атиллы.

Это тот самый народ, в страхе перед которым китайцы воздвигли Великую китайскую стену. И тем не менее, тюрки прошлись по нему, и не раз. Например, Великий Хуннский император Мэте завоевал не только Китай, но и территорию от Тихого океана до Каспийского моря, от Тибета, Кашмира до Северной Сибири, только граница составляла 18 млн. км. Речь идёт о народе, который не только остановил, но и раз и навсегда положил конец Крестовым походам. Тюрки положили конец и Второй Римской империи, создав Османскую империю, которая на протяжении пяти веков была державой. Ни один король европейского государ-

ства не мог принять даже внутреннею реформу страны, не получив на то разрешение у турецкого султана.

Однако многие историки, не взирая ни на какие факты, говорящие о Великой истории тюрков, продолжают их называть — кочевниками. Нам известно, что самые древние чугунные сошники (прообраз плуга) найдены именно у тюрков на Алтае, ими пользовались уже в начале новой эры. Тюркские земледельцы своим упорством ещё во II веке покорили даже Великую Степь. (Без коня и сегодня там не пройти и ста километров). Орудия труда обнаруженные археологами в одном из насыпей тюркского кургана-могильника Курай VI, которые русские историки датируют VII-VIII и VIII-IX веками представлены железными ножами, втулчатыми топорами, тёслами, оселками, долотами, шильями и др. Здесь же была обнаружена и жернов ручной мельницы [10, 89].

В могильнике Кокель археологи обнаружили зёрна проса [2,302]. В Туве и на Алтае открыты каналы, оросительные системы для орошения посевов в засушливых участках степи. Помол зерна здесь также производился на ручных жерновах. Именно на Алтае впервые в мире появились сооружения из брёвен: курени, терема, потом и избы. Тому свидетельствует византийский посланник Приск. Его записи, интересны тем, что передаёт «дух присутствия» автора-европейца, попавшего в V веке к уже обустроившим свой быт тюркам. «Переехав через некоторые реки, — писал Приск Панийский — мы прибыли, в одно огромное селение, в котором был дворец Атиллы…» «Он был построен из брёвен и досок, искусно выглаженных…» Украшали царский дворец шатровые крыши, башни и башенки. Вот она тюркская архитектура! Подобного зодчества Европа не знала. П. Панийский был одним из первых европейцев, увидевших его. Многие, так называемые «древние русские» города и поселения, заложены тюрками в IV-V вв., когда вершилось Великое переселение народов.

Именно тюрки построили первые бани в Европе. До сих пор в Европе сохранились турецкие бани, греющие воздух в бане всего одной свечой (секрет которого учёные не могут раскрыть по сегодняшний день). Тюрки изобрели плавку! Хотя железо, конечно люди знали и до тюрков; но железную руду не плавили, а выжигали. Тюрки были известны как искусные металлурги. Обилие металла привело тюрков к научно технической революции в хозяйстве: открытие металлургического горна по своим масштабам и последствиям сравнимо разве что с изобретением колеса. В Туве и на Алтае открыты остатки металлургических горнов для выплавки металла. В Туве также обнаружены дороги по перевозке руды от рудников до мест выплавки. Большое развитие получила металлургия в Центральном Казахстане [8,93]. На «железном фундаменте» начал подниматься тюркский народ. Шашка, пика, кинжал, появились у тюрков, когда они оседлали коня. Никто в мире не сделал это столь изящно и просто — они придумали железные удила. Потом кольчуги, остроконечные шлемы.

В мощной экономике был секрет тюркской культуры. Это как раз и игнорируют иные историки, не желающие видеть в тюрках никого, кроме «кочевников».

Мир потом лишь перенял изобретения тюрков, а не придумывал их заново. Конный образ жизни изменил даже гардероб народа. Тюрки придумали новую одежду, пригодную для всадников шаровары, штаны и т.д. Именно Атилла принёс первые штаны в Европу, а до этого вся Европа ходила в тогах и туниках т.к. не умела шить. В Пазырыкских курганах, археологи нашли шелка, кружева, фетр, чесучу. Подобного в Европе просто не умели делать. И старинные, так называ-

емые, русские наряды — от тюрков: у славян одежда была совершенно иной, об этом свидетельствуют, например, новгородские находки археологов. Армяк, епанча, кафтан, шушун, шуба, клобук, рубахи, мягкие кожаные сапоги, халаты — вот они, забытые отголоски истории тюрков. Благодаря Атилле, Европа ввела в обиход вилку, ложку, а ведь до этого римская аристократия ела руками. Именно тюрки научили римлян оседлать коня, т.к. до этого у римлян была лишь колесница, но не конница.

А кто принёс равносторонний крест в Европу, опять же Атилла. До IV века христиане не только не знали креста, но и избегали его изображений. Видный христианский автор III века Феликс Минуций свидетельствует об этом. Тенгрианские кресты, названные «Георгиевскими», получили как пишет Мурад Аджи: «широкое распространение на Кавказе, а позже — в Европе. Стараниями греков Георгиевский крест назван «византийским». Запад заставил людей «забыть», что на тюркском языке с IV века (с 312 года) читались первые, еще не христианские, но ставшие потом христианскими молитвы в Европе [1,226]. Что на тюркском языке христиане молились вплоть до VIII века (в России до XVII века), своих икон у них не было. Что первые епископы и папы получали сан и благословение у тюркских священников — у тенгричи и камов потому, что в городе Дербенте, в Кавказкой Албании, с IV века размещался Патриарший престол христианских Церквей. Можно привести ещё очень много примеров тюркской оседлой цивилизации, которую она подарила миру. Непонятно одно, почему одних завоевателей историки называют полководцами, а других варварами-кочевниками. Почему Александр Македонский — «Великий» полководец, а Атилла, завоевавший почти весь континент, и принёс с собой культуру европейским народам, оказался кочевником? И потом, если всякое передвижение считать кочевничеством, тогда чем конкистадоры завоевавшие Америку не кочевники. Внешне всё выглядело точно так же — крытые повозки, полевые станы, стада и отары. Вполне нормально, когда народ, создающий свою письменную историю, пользуется источниками. Но когда лакуны заполняются вымыслом, фактами чужой истории, это не может быть одобрено или оправдано. Исторический подход к событиям предлагает научность и объективность, именно эти принципы делают историю собственно историей, а отсутствие этих основополагающих принципов превращают её в мифологию или беллетристику.

Благодаря великим тюркским империям, тюрки играли на обширной территории Центральной Евразии роль посредников между Востоком и Западом. Соперничество великих тюркских империй за Кавказ шло далеко немирным путем. Оно ознаменовано необратимыми политико-территориальными, социально-экономическими, этноконфессиональными процессами. В том числе войнами внешних факторов и захватами, христианизацией, русификацией и арменизацией мусульманских земель и уменьшением удельного веса последователей исламской религии. Соперничество за Кавказ, находящийся на стыке Азии и Европы, началось в Античности и продолжилось в Средневековье, новое и новейшее время. На Кавказе имели место 27 войн. Первый период соперничества — это 100-летняя арабо-хазарская война VIII века. Второй — между Тимуром и Золотой Ордой (XIV век). Третий (XVI-XVII века) ознаменовался 10 сефевидско-османскими войнами. Четвертый (XVI-начало XX веков) отмечен 12 русско-османскими войнами. Тогда же шли две русско-иранские войны, Отечественная война России с Наполеоном. Более того, Российская империя вела Кавказскую войну (1803-1872 годы) против

автохтонов Кавказа. Не прекратилось оно и в наши дни. Менялись внешние факторы, методы, но объект оставался один и тот же — Кавказ, который открывал пути на север — на Русь и в Восточную Европу, на восток — в Азию, на запад — в Переднюю Азию, на юг — в Индию и к «теплым морям». Следует также отметить, что, как специально отмечает С. Г. Кляшторный, «Роль народов, населяющих глубинные области Азиатского материка, в процессе исторического и культурного развития Евразии была большей, чем это представлялось ранее»[7,3].

Происхождение названия «Кавказ» нельзя считать окончательно установленным, несмотря на существование ряда гипотез. Однако это очень древний топоним. В письменных источниках он упоминается еще в сочинениях Эсхила и Геродота (VI-V вв. д.н. э.). Примечательно, что древние греки именовали Кавказом не только высокогорный хребет, на одной из вершин которого, по их представлениям, был прикован Прометей, но и район более низких передовых хребтов, горных отрогов и межгорных долин. Племена же, населявшие этот край, собирательно называли «кавказцами».

Таким образом, еще в античную эпоху возникло представление о Кавказе, как об определенном географическом регионе, с населением, хотя и многоязычным, но близким по культуре и общественному строю. Население Кавказа отличается многонациональностью и большой языковой дробностью, что обусловлено особенностями его исторического развития и природными условиями. Средневековые арабы недаром называли Кавказ «Горой языков»: здесь живет около 50 народов с самостоятельными языками. В лингвистическом отношении они принадлежат, в основном, к трем большим языковым семьям: собственно кавказской, или палеокавказской, индоевропейской и алтайской. Все они представлены как на Северном, так и на Южном Кавказе.

Кавказский регион принадлежит к важнейшим географическим осям мировой истории и цивилизации, в этом своем качестве она является сердцевиной земли. Он объемлет историю многих местных государств и народов, их взаимоотношений с окружающим миром, историю бытовавших в регионе или же привнесенных в него верований, культов, религий. Кавказ бывал как субъектом истории, так и объектом, привлекавшим к себе внимание внешних сил. Он контактировал с различными племенами и странами, с великими державами и крупными региональными государствами Востока и Запада. Его народы и государства находились с ними в определенных военно-политических, социально-экономических, торгово-экономических, этнотерриториальных, культурных и религиозных отношениях. Поэтому Кавказ по многим причинам изначально представлял и по-прежнему представляет собой геополитическую, даже геостратегическую фигуру мировой истории и объект вожделений многочисленных внешних факторов.

Вот почему как прошлое, так и настоящее Кавказа отражается на местных племенах и народах, на их политической, этнической, социальной, экономической, культурной, идеологической, религиозной истории, на их материальной и духовной культуре, менталитете и самоидентификации, языке и территории, идентичности и самосознании, а также на других составляющих, позволяющих отличать один народ от другого, говорить о его самобытности, неповторимости и уникальности. Благодаря всему этому, а также своим природным богатствам, пересекающим его торгово-транзитным артериям, Кавказ, его автохтоны и созданные ими государства были и остаются объектом внимания внешних политических сил.

Кавказ с момента своего первого упоминания в мировой истории в эпоху Античности — сразу вошел в ряд важнейших объектов геополитики великих империй. В связи с этими и другими критериями история Кавказского региона состоит из нескольких периодов, каждый из которых связан с определенными местными государствами и народами, с их взаимоотношениями, с внешними факторами. Каждый период характерен своими типическими и типологическими особенностями, сополагаемыми с определенными же политическими, социальными, экономическими, этническими, культурными, конфессиональными, территориальными аспектами как местного и регионального, так и международного глобального масштаба. В связи с этим отметим, в частности, процесс метисации автохтонов с тюрками, взаимный обмен культурными достижениями и навыками ведения хозяйства, процессы этногенеза.

Приступая к освещению темы требуется принципиальное разъяснение относительно того, что подразумевается под физико-географической дефиницией «Кавказ». Суть в том, что в подавляющем большинстве случаев взаимоотношения как стран и народов Кавказа с великими тюркскими империями, так и столкновения этих империй в этом обширном регионе происходили именно на Южном Кавказе. Последний, наряду с Грузией, включает весь исторический Азербайджан, который представляет собой единую территорию, изначально населенную одним и тем же автохтонным этносом — азербайджанцами, — имеющими общую историю и язык, материальную и духовную культуру, религию, менталитет и самоидентификацию.

В грузинской исторической науке последнего времени наметился резкий поворот к теории автохтонности грузинского народа на Кавказе. Однако многие видные ученые Грузии в прошлом считали, что древнегрузинские племена на Южном Кавказе в какие-то давние времена передвинулись из Передней Азии. Точно также, как и древние предки некоторых современных народов Кавказа, древнегрузинские племена являются «пришлыми». Многие грузинские историки навязывают нам термин «Грузия» чуть ли не с каменного века. Термин «Лази» упоминается с I века н. э., «Картли» — с начала VIII века, «мегрелы» — с IX века и «сакартвелы» — с XI века. Термин же «Грузия» используется с XVI века. Точное его происхождение неизвестно. Многие историки полагают, что он произошёл от персидского названия этого района «Гюрджистан», то есть по-персидски «страна волков». В самих грузинских источниках название региона встречается как «Гурдис хеви» («Волчья долина»). Следует отметить, что прозвище грузинского царя Вахтанга I Горгослани с персидского «gurgsar» буквально означает «волкоголовый» или «тело волка». Не случайно, современники называли тюркских всадников кентаврами. Считая, что их легендарный предок произошел от волчицы, тюрки на своем знамени изображали золотую волчью голову. Само слово «тюрк» означает «сильный, крепкий», что подчеркивает происхождение этнонима из политического термина VI века. Вот почему кочевники, признавшие власть династии Ашина, считали слово тюрк политическим термином, означавшим сопричастность к первому Тюркскому каганату (551-745гг) [4,528].

«Гюрджи» (в некоторых источниках Земля святого Георгия) так тюрки называли эту страну и синеглазых грузин, от которых лучатся сила и тепло Великой Степи. Георгий почитался и у кыпчаков, и у жителей Иверии. Духовная близость этих народов, несомненно, была и раньше, с принятия христианства жителями Иверии. Из-за географических условий их отношения развивались не так быстро,

как с Кавказской Албанией. Но и на монетах Иверии появился равносторонний крест точный образец тенгрианского. Были и храмы крестообразной формы с шатровой архитектурой. Почитание святого Георгия сблизило в Иверии прибывших кыпчаков с местными народами. Активную роль сыграли кыпчаки и прицарице Тамар (1184-1213 гг.). Это было время взлета Грузии и во многом благодаря кыпчакам. Кыпчаки еще долго продолжали играть важную роль в жизни страны. Поэтому появление на грузинских монетах знака, понятного им и соседним азербайджанцам, среди которых монеты также имели хождение, вполне объяснимо. Указанные родовые знаки Багратионов можно встретить на дирхемах и фальсах Тамары, Русудан (1230 год), Дмитрия II (1260 год) и Давида VII (1293-1311 года). После этого родовые знаки, написанные древнеруническим письмом, понятным пришлым кыпчакам и соседствующим с Грузией азербайджанцам, на грузинских монетах исчезают [6, 6].

В этом же духе высказывается выдающийся ученый-историк Иване Джавахишвили. В специальной работе, посвященной истории грузинского народа, он писал: «Положение исследователя истории грузинского народа еще более осложнено и тем обстоятельством, что Кавказ не является первоначальной родиной грузин, и остатки их первоначальной культуры не могут быть разыскиваемы здесь» [5, 7].

О том, что иберы-грузины на Кавказе — пришлый элемент, говорится и в «Очерках истории СССР»: «Судя по описанию Страбона, Иберия была богатой, густо населенной страной. По природным условиям она делилась на две зоны — горную часть и область речных долин. Обитатели первой занимались преимущественно скотоводством и жили, по словам Страбона, «по обычаям скифов и сарматов, с которыми они были соседями и сородичами». Скифы и сарматы, составляли основную массу населения Картли до освоения ее иберами» [9, 125]. Дважды побывавший в Советском Союзе известный американский писатель и публицист Джон Стейнбек (1902-1968) в изданной им книге, характеризуя грузинский народ, пытается заглянуть и в его этногенез: «Мы читали, и нам говорили, что грузины — древний семитский народ, предки которых жили в долине Ефрата во времена, когда Вавилон ещё не был городом, что они были потомки шумеров и одним из древнейших ныне существующих племен в мире» [12].

Приведённые выдержки из исторических источников и литературы (заметим, что авторами являются в основном грузины) говорят о том, что теория автохтонности грузинского народа и пришлости других народов Кавказа не имеет под собой никакой серьезной исторической почвы. В конце 1991 года в местности Дманиси (Башкечид) палеонтологами и археологами была обнаружена нижняя челюсть древнейшего в Евразии ископаемого человека. Его геологический возраст по предварительным данным оценивался в более чем полтора миллиона лет. На основании морфологических особенностей челюсти грузинские ученые высказали предположение о несомненном сходстве дманисского гоминида с африканскими представителями ранних Homoerectus. Это открытие стало едва ли не самым выдающимся событием в палеоантропологии со времени замечательных находок ранних питекантропов в Кении. Дело в том, что весьма значительная древность дманисского человека, подтверждающаяся разнообразной фауной позвоночных и многочисленными артефактами, не вызывает особых сомнений. Временная оценка приблизительно в 1,8 миллиона лет подкрепляется данными не только био- и магнитостратиграфии, но и цифрами изотопного возраста ба-

зальтов, непосредственно подстилающих отложения с ископаемыми остатками человека. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что это древнейший в Западной Евразии человек [6, 22-25].

И, таким образом, этот регион на Южном Кавказе можно рассматривать как один из реальных очагов первоначального расселения древних людей в Евразии. Не исключено, что именно здесь проходил путь миграции из так называемого Левантийского коридора на запад и северо-восток.

Многие грузинские ученые утверждают, что регион Борчалы был заселен в XVIII веке, и строят историографию вопроса именно на этой ложной научно-идеологической концепции. Цель — объявить тюрков «гостями» и подготовить идеологические предпосылки для их выживания с родных земель.

Территория Юго-Западного Кавказа с давних времен была населена тюркскими племенами. Современные азербайджанцы — автохтонное население Южного Кавказа. В силу разных демографических и миграционных процессов азербайджанские земли стали населять представители других народов, нашедших приют и благоприятные для жизнедеятельности условия. О том, что азербайджанцы издревле населяли просторы Юго-Западного Кавказа, находим подтверждение в свидетельствах средневековых авторов Ягут аль-Хамави, Гардизи, Фазлуллаха Рашидаддина и Моисея Каланкатуйского. Тюркские племена барсилов (гуннский массив) — предки азербайджанцев, как известно, поселились на Южном Кавказе во II веке д. н.э.

Древние тюркские племена проживали на территории Борчалы. Здесь оставили свой след такие великие тюркские течения как Сабуры, Гунны, Касы, Огузы, Кыпчаки, Гарапапахи, Терекеме и другие. Многие в Борчалы издревле считали себя Терекеме. Терекеме в переводе с древнеарабского означает сбор тюрков. Иногда оно переводится как «скотовод». И в действительности, многие борчалинцы занимались разведением домашнего скота. Несомненно, здесь остались следы различных тюркских ветвей на протяжении истории во время тюркских походов с востока на запад. У нас одни древние корни, мы — тюрки.

Очень много топонимов Грузии связано с различными племенами Тюркского каганата. Судя по грузинской топонимике, в VI в. здесь в основном осели племена толос (иногда в источниках тулус или телес/теле) и туба (тубо/тоба). Известные в источниках с III в. до н.э., они проживали вначале в Центральной Азии, но постепенно в раннем средневековье часть из них оказалась на Кавказе. И именно в их среде впервые в истории возник в V в. Этноним «тюрок» (мн.ч.»тюркют»), ставшее впоследствии единым именем всех тюркских народов мира. В Месхетии имя племени толос отразилось в названии с.Толош (Аспиндзский район). Существует большое количестве топонимов (в Месхетии), связанных с племенем тоба/туба: села Тоба, Схалтубо и Гурутубан в Ахалцихском районе и села Каратубан, Кортубан, Зедубан, Абастубан в Адигенском районе и г.Цхалтубо. Зафиксирован этноним «туба» и в других районах Грузии: село Тобахчи (севернее Ахалцихского района), Хелтубани (г.Гори), и Бертубани (храм монастыря Бертубани или Давида Гареджи, как грузины ныне называют комплекс Кешикчи-даг), в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1890-1907 гг.) Бертубани селение Тифлисского уезда Тифлисской губернии на реке Агбулаг.

К концу XX столетия мы осознаем, что оказывается, в XIX веке мы теряли не духовный стержень, а самих себя, свое будущее. Насколько мы беспечны, что не знаем, какие имеются у нас памятники старины, перешедшие к нам от предков;

какие надписи, разъясняющие темные пункты нашей прошлой истории, есть на развалинах монастырях, на часовнях и церквях, на надгробных крестах и камнях и в памятниках пергаментных рукописей. Нашей беспечностью пользуются иноземцы… невежественные и враждебные руки разоряют, разрушают и истребляют священные предания. Таким образом, даже этот краткий обзор истории раннего появления тюрок на Кавказе показывает, что еще во II-VIII вв. здесь оседали многочисленные тюркские племена, которым удалось в VII-VIII вв. даже контролировать весь регион. Об их роли и многочисленности свидетельствует и факт распространения тюркского языка на этой территории в этот период.

Примечания

1. Аджи М. Европа, тюрки, Великая Степь. М., 2004.
2. Вайнштейн С. И. Памятники второй пол. I тыс. в Зап. Туве, 1966. С.302.
3. Гумилёв Л.Н. Древние Тюрки. М., 1993.
4. ГумилевЛ.Н. Ритмы Евразии. С. 528,462,347.
5. Джавахишвили И. История грузинского народа.кн. I, Тбилиси, 1960.
6. Керимли В. Г. Тюрки в Грузии. Баку, 2011.
7. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и Средневековье. Второе изд. СПб., 2004. С. 3.
8. Маргулан А. Х. «Археологические исследования в Казахстане», Алма-Ата,1973.
9. Очерки истории СССР. М., 1956.
10. Плетнёва С. А. «Степи Евразии в эпоху средневековья», М., 1982.
11. Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география, Кн-о П. П. Сойкина, СПб., 1908.
12. Стейнбек Дж. Народ этот неформальный // Газета «Молодежь Грузии», 30 марта 1990.
13. Церетели М. Нация и человечество. Тбилиси, 1990.

А. С. МИКСЮК
кин МГЭИ
(Минск, Республика Беларусь)

ДУАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ АВЕСТЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕИРАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья касается вопросов, касающихся организации древнеиранского общества, механизмов и принципов функционирования, особенностей его мировоззрения, выявляющихся автором с привлечением материалов древнейших письменных источников. Священные тексты Авесты анализируются с позиции их дуализма.

***Ключевые слова**: Иран, Авеста, древние верования, дуализм.*

The article refers to matters of the organization of the Old Iranian society, mechanisms and principles of the functioning, the characteristics of its outlook; the author involves the material of the ancient written sources. Avesta, the sacred texts are analyzed from the perspective of duality.

***Keywords**: Iran, Avesta, ancient beliefs, dualism.*

Среди множества древних документов, находящихся в поле зрения исторической науки, особое место по праву занимает Авеста, которая является одним из ключевых источников по изучению истории иранских народов в древности. Соответственно, любые культурно-исторические реконструкции из жизни древних иранцев не могут строиться без учета информации данного источника.

Социальные реалии, зафиксированные в Авесте, соответствуют наиболее раннему этапу развития древнеиранского общества: от момента распада индоиранской общности, что произошло примерно в начале II тыс. до н. э., до создания державы Ахеменидов в VI в. до н. э.

На протяжении уже более двухсот лет к данным Авесты обращено пристальное внимание самых разных специалистов (историков, религиоведов, лингвистов и др.), однако и сегодня практически все ключевые вопросы интерпретации данного источника остаются дискуссионными. Причины данного явления кроются, несомненно, в ряде таких сложностей, как большая временная удаленность объекта исследования, трудности понимания и интерпретации религиозных текстов, отсутствие иных письменных источников, которые могли бы подтвердить или опровергнуть предположения, выдвигаемые на авестийском материале.

Значимость данных Авесты, без сомнения, возрастает в последние годы в связи с рядом успехов археологии. Так, в результате масштабных археологических раскопок на территории Центральной Азии во второй половине XX — начале XXI вв. была обнаружена Бактриано-Маргианская цивилизация (Бактриано-Мар-

гианский археологический комплекс; БМАК), которую связывают с Авестой [1]. Таким образом, продолжение изучения Авесты и авестийского общества является актуальной задачей исторической науки.

Несомненно, одной из главных особенностей мировоззрения создателей Авесты является дуализм, борьба двух противоположных начал — созидательного и разрушительного (Ясна 30, 3-5). Данная борьба отражается на нескольких уровнях. В первую очередь, отметим космический уровень, на котором происходит противостояние между благим богом Ахура Маздой и его противником Ангро-Майнью. Далее, каждый из богов воплощает в себе положительные или отрицательные начала — добро или зло, жизнь или смерть, свет или тьму и т. д. Так, Ахура Мазда создает все существующие земли (Видевдат 1, 1), а Ангро-Майнью в противовес благому творению создает физические или духовные изъяны в каждой области — зимы, змей, саранчу, зломыслие и др. (Видевдат 1, 2-19).

В соответствие с этой борьбой древнеиранский пантеон оказывается расколот на два лагеря: ахуры (благие духи) и дэвы (силы зла). Представления об ахурах (авест. ahura) и дэвах (авест. daēva) восходят к эпохе индоиранской общности (асуры и дэвы в Ведах).

Ахурами в Авесте считался класс божеств, боровшихся против тьмы, зла и хаоса [2, 142]. В свою очередь, к категории дэвов относились многие божества, которым поклонялись арии до принятия религиозной доктрины Заратуштры [3, p. 16]. В Гатах, древнейшей части Авесты, создание которой традиция приписывает Заратуштре, игнорируются такие индоиранские божества, как Митра, Ардви Сура Анахита, что, вероятно, автоматически означает отнесение их к дэвам. Впоследствии, однако, они возвращаются в пантеон в Младшей Авесте.

Термин daēva, вероятно, восходит к многозначному индоевропейскому корню *dei-, *deiə̯-, *dī-, *diā̯- («светить», «сиять»; «солнце»; «божество» и др.) или *diw («быть ярким», «светиться»), а также *deiwos/*t'ieu (s) («небо»; божество «Небо-отец») [4, p. 183-187]. Кроме авестийского языка, термин имеет аналоги и в других индоевропейских языках: санскр. deva, др.-ир. div, лат. deus, лит. diewas и др. [5, 176]. Исходя из этимологии, вероятно, термин первоначально обозначал любые божества, а затем приобрел негативное значение. Возможно, оно впервые зафиксировано в самой Авесте, и, таким образом, именно Заратуштре принадлежит заслуга в «демонизации» термина [6, p. 131]. Отметим также, что одна из книг Авесты носит название Видевдат, т. е. «данный против дэвов», «закон против дэвов» (vi-daeva-dāta).

Подобное деление пантеона привело к закреплению в Авесте положения о том, что единственно правильно верой признавалась та, которую проповедовал Заратуштра (Ясна 44, 11), а сторонники иных вероучений должны были быть наказаны при жизни и после смерти (Ясна 31, 20).

Вера последователей Заратуштры носит в Авесте название daēna mazdayasna — дословно «вера почитающих Мазду», «вера приносящих жертву Мазде», «вера маздаяснийская» (Ясна 4, 18; Ясна 35, 1; Яшт 16, 5 и др.). Соответственно, последователи данной веры именуются mazdayasna, «почитающие Мазду», «приносящие жертву Мазде» (Ясна 8, 3-4; Ясна 57, 13; Ясна 68, 12; Яшт 13, 108). Последователей прочих вероучений Авеста по аналогии называет daēvayasna («дэвопоклонники», «почитающие дэвов», «приносящие жертву дэвам») (Яшт 19, 87). Тем самым общество оказывается расколотым на две противостоящие группы — mazdayasna и daēvayasna, в самих названиях которых подчеркивается главное отличие между ними, заключающееся в их «идеологических воззрениях» [7, p. 20].

В отличие от большинства древневосточных обществ, в которых отсутствовали представления о ложной вере и каких-либо формах ереси [8, с. 114], Авеста изображает дэвопоклонников исключительно с негативной стороны, как последователей неправильного учения. Так, кроме упомянутых названий «mazdayasna» и «daēvayasna» в Авесте используются такие обозначения, как aṣ̌avān, т. е. «последователь истины», «праведный», «благочестивый», и drəgvant (drujant), т. е. «последователь лжи», «лживый». Отметим, что в целом aša (истина, порядок) и druj/drug (ложь) являются ключевыми концептами Авесты.

Таким образом, дуалистические представления Авесты распространяются и на человеческом уровне: последователь Ахура Мазды (mazdayasna) становится последователем истины (aṣ̌avān), а последователь Ангро-Майнью и дэвов (daēvayasna) — последователем лжи (drəgvant).

Именно это разделение по религиозному принципу становится главным критерием, лежащим в основе самоидентификации создателей Авесты и распознавании «своих» и «чужих».

Установка «свой — чужой», «вписывающая» человека в окружающий мир и задающая определенные модели поведения, может быть обнаружена практически во всех обществах и, вероятно, является одной из самых древних и устойчивых конструкций ментальности. Однако в разных обществах данная установка могла иметь разный базис:

• территориальный — нахождение вне привычного пространства;

• этнический — принадлежность к другому этносу или другой этнической группе;

• религиозный или ритуальный — принадлежность к определенному вероучению и выполнение соответствующих ритуалов (теория бинарной классификации А. Хокарта) [9, p. 72-73].

Создатели Авесты упоминают племена, с которыми они находятся во враждебных отношениях: к примеру, туранцы, авест. tūra (Ясна 11, 7). В.И. Абаев высказывал предположение, что «свои» — это авестийские пастушеско-земледельческие племена, перешедшие к оседлому образу жизни и называющие себя арийцами, а «чужие» — скифы-кочевники, обозначаемые словом tūra [10, с. 24]. Однако эта вражда обуславливается, прежде всего, принадлежностью обществ к разным вероучениям. К «своим» в Авесте относятся те, кто следует религиозным предписаниям, принятым в данном обществе, к «чужим» — те, кто не признает их и нарушает [7, p. 20].

«Свои» и «чужие» не только поклоняются разным богам, но и придерживаются разных ритуалов. Так, дэвопоклонники сопровождают свои ритуалы жертвоприношениями животных и использованием галлюциногенного напитка хаомы (Ясна 44, 20; Ясна 48, 10 и др.), а сами ритуалы проводятся в местах удаленных от арийских земель — в стране Баври (Яшт 5, 29), на берегу моря Воурукаша (Яшт 5, 116) и др.

В Гатах Заратуштра выступает против жертвоприношений и призывает, по меньшей мере, ограничить употребление хаомы (Ясна 48, 10), однако уже в Младшей Авесте хаома и жертва снова возвращаются в авестийский ритуал (Ясна 7, 3; Ясна 66, 17; Видевдат 14, 4 и др.) и, таким образом, отличия между «своими» и «чужими» становятся менее очевидными.

Отличаются и термины, обозначающие в Авесте жрецов разных культов. Так, по отношению к жрецам-дэвопоклонникам в Гатах можно выделить группу из

трех терминов: kava, karapā и usixš (Ясна 32, 15; Ясна 44, 20; Ясна 46, 11 и др.). Судя по этимологии и параллелям с ритуальной терминологией Вед, данные термины могли обозначать жрецов в индоиранский период и только в Авесте приобрели уничижительный оттенок. В Младшей Авесте упоминаются и другие термины в отношении жрецов дэвовских культов: yātav-, т.е. «колдун» (Ясна 12, 4; Яшт 6, 4 и др.), и pairikā, т.е. «ведьма» (Яшт 8, 8, Видевдат 20, 11 и др.). Нередко данные термины составляют пару (Ясна 9, 18; Яшт 3, 5 и др.).

Особое место среди эпитетов и терминов, обозначающих дэвопоклонников, занимает термин aṣ̌əmaoγa. Данным термином обозначались, как демоны, так смертные, которые неправильно совершали ритуалы и проповедовали ложное вероучение. Распространение «дэвовских» вероучений называется в Авесте одним из пяти страшных грехов (Видевдат 15, 2), а точность исполнения ритуалов играет особую роль: неправильное проведение ритуала имело негативные последствия и даже могло повлечь за собой смерть (Видевдат 9, 51-52).

Также отличается и образ жизни «своих» и «чужих». Дэвопоклонникам свойственны такие занятия, как грабеж, убийства и прочие враждебные действия, направленные против праведного человека, скота и прочего имущества: «пастбища уничтожает» (Ясна 32, 10), «не находит жизни без святотатства против скота» (Ясна 31, 15), «оружие поднимает против праведного» (Ясна 32, 10), «дом, поселение или место жительства, или страну ввел он в неблагополучие и разрушение» (Ясна 31, 18).

Наиболее полно установка «свой — чужой» проявляется в т. н. «символе веры» зороастризма (Ясна 11, 17 — Ясна 13), который произносили иноверцы, принимающие новое вероучение, и подростки во время соответствующей церемонии.

Противопоставление «своих» и «чужих» показывает, что для создателей Авесты не имело значения, каким богам поклонялся человек, если он не входил в систему «своих». Понятие преступления не выходило за пределы авестийского сообщества, а жизнь дэвопоклонников не имела никакой ценности. К примеру, целитель должен был сначала испытать свое умение на дэвопоклоннике: если трижды его пациенты умирали, он терял право лечить маздаяснийцев (Видевдат 7, 36-40). Таким образом, знаменитое зороастрийское правило — humata, hūxta, huvaršta (дословно *«благомысленный, благословный, благодейственный»*) — действовало только в отношении последователей Заратуштры (Ясна 12, 2).

Авеста также разъясняет, как должен себя вести праведный человек по отношению к дэвопоклонникам: определить лживого, сообщить семье (Ясна 46, 5), а затем совершить некие враждебные действия, которые могут выражаться в мыслях, словах и поступках, в т. ч. с использованием оружия (Ясна 31, 18).

Борьба с теми, кто верит в дэвов, приравнивается к борьбе с самими дэвами, борьбе со злом в любом его проявлении. Таким образом, деление на «своих» и «чужих» в Гатах мировоззренчески обосновывается, как нравственное деление на сторонников Добра и приспешников Зла [11, 94].

В борьбе двух мировых начал человек принимает активное участие: добрые дела содействуют победе добра, а дурные поступки увеличивают силы демонов-дэвов. Таким образом, оппозиция «свой — чужой», по сути, моделирует строение Вселенной и включается в мировой процесс, каким он представлялся создателям Авесты. Авеста также отмечает, что каждый человек волен сделать свой выбор между добром и злом (Ясна 31, 12), прообразом которого является тот выбор, сделанный первичными сущностями (Ясна 30, 5).

Таким образом, дуалистическая идеология Авесты, в соответствии с которой все сущее относилось к категориям добра или зла, оказала существенное влияние на организацию общества и формирование оппозиции «свой — чужой» по религиозному признаку: «приносящие жертву Мазде» (mazdayasna) и «приносящие жертву дэвам» (daēvayasna). Самоидентификация авестийского общества осуществлялась на основании, прежде всего, следующего критерия: почитание определенных богов и, в первую очередь, бога Ахура Мазды и выполнение соответствующих ритуалов, отличных от ритуалов «чужих».

Примечания

1. Сарианиди В. И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М., 2010.

2. Лелеков Л. А. Ахуры // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. I. М., 1998.

3. Bianchi U. L'inscription «des daivas» et le zoroastrisme des Achéménides // Revue de l'histoire des religions. 1977. T. 192, №1.

4. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Tübingen — Basel, 1994.

5. Элиаде М. От каменного века до элевсинских мистерий // История веры и религиозных идей: в 3 т. Т. 1. М., 2002.

6. Burrow T. The Proto-Indoaryans // Journal of the Royal Asiatic Society. 1973. №2.

7. Dhalla M. History of Zoroastrianism. New York, 1977.

8. Дандамаев М. А. Основные черты идеологии древневосточных обществ // Идеологические представления древнейших обществ/редкол.: В. М. Массон. М., 1980.

9. Hocart A. Caste. London, 1950.

10. Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра // Archiv orientalni. 1956. №24.

11. Саидов А. Х., Абдуллаев Е. В. Зороастрийское право в контексте религиозно-правовых учений древней и раннесредневековой Центральной Азии // Государство и право. 2000. №7.

Э. В. ХУБУЛОВА,
кин СОИГСИ ИМ. В. И. Абаева,
Э. П. ДЗАГОЕВА,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева

К ПРОБЛЕМЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИЙ ЖЕНСКОГО РУКОДЕЛИЯ У ОСЕТИН

(Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 14-21-13001 «Инновационные ресурсы культурного наследия Северной и Южной Осетии»).

В данной статье рассматриваются виды традиционного женского рукоделия, направленного на изготовление одежды и предметов быта. Особое внимание уделяется видам рукоделия, которые могут быть актуализированы в современной жизни. В частности, предложено восстановление и использование забытых способов плетения и вышивания, орнаментальных рисунков в изготовлении сувенирной продукции, предметов быта, фрагментов одежды и аксессуаров.

Ключевые слова: рукоделие, вышивка, орнамент, плетение тесьмы, сувенирная продукция, рынок

This article discusses the types of traditional women's needlework, aimed at making clothes and household items. Special attention is paid to the forms of needlework, which can be updated in modern life. In particular, it is proposed to restore and use the forgotten ways of weaving and embroidery, ornamental figures in the production of souvenir products, household items, fragments of clothing and accessories.

Keywords: needlework, embroidery, ornament, braiding, braid, souvenir products, market

Основные элементы художественного стилистического оформления, искусное применение национального орнамента и вышивка золотыми нитками применялись в изготовлении праздничной одежды. Праздничное платье состояло из платья «къаба», которое шили из тканей светлых оттенков, из плотного шелка и атласа. Дополнением к платью были нарукавники — лопасти, с закругленными концами скрывавшие кисти рук и свисавшие почти до пят. В позднее время, когда рубашку «хадон» заменила юбка, ее также включили в свадебный наряд. Юбку шили из шелка отличного по цвету от основного платья, красно — розовых оттенков. Из идентичного материала юбки изготовляли и нагрудник, к нему прикрепляли нагрудные застежки. Одной из особенностей, бытовавшей в Тагаурии и Дигории, было наличие в одежде у девушек корсета «халын карц» и архалука. С. Кокиев отмечал, что «архалук шьется из самых дорогих материй, длиное выше колен» [7, 91]. И. Кануков писал, что «корсет затягивается обыкновенно спереди шнурами и в нижней части шнуры эти заканчиваются мертвым узлом» [4, 148].

Корсет входил в свадебный наряд невесты как элемент роскоши, его могла позволить не каждая девушка, поэтому нередко корсет одалживали на время,

затем с подарками и благодарностью возвращали обладательнице. По традиции невеста от нескольких дней до нескольких недель не снимала платье и после свадьбы.

Наряд девушек и женщин дополнялся невысокой круглой шапочкой, изготовлявшейся из бархата или шелка. Тканью обшивали картонный каркас, который украшали галуном и орнаментальным рисунком вышитым золотыми нитками. Поверх шапочки надевали платок из тюля, газа или тонкую вязанную шелковую косынку. Более состоятельные женщины в праздничные дни носили отчасти на голове, отчасти на плечах довольно длинные белого цвета прозрачные вуали. Косынки, шапочки, платки (калмарзан) были неотъемлемой частью женского костюма.

Созданием одежды в Осетии во все времена занимались исключительно женщины, — это было обязательной составляющей трудового воспитания девушки. Матери и бабушки обучали своих дочерей различным видам рукоделиям, передавая свое мастерство младшим. Среди собранного К. А. Берладиной этнографического материала сохранились находки вышитых сумочек, свадебных шапочек, чувяков, настенных украшений и т.д. Для каждой вещи существовал определенный орнамент, наносимый по представлениям как оберег, символ плодородия и т.д. Многие осетинки владели вышивкой довольно сложных композиций: обучение проходило в доме, опыт, выкройки и орнаментальные узоры переходили от поколения к поколению.

Орнаментальное украшение женского костюма носило сакральный характер. Основными мотивами орнаментальных композиций были животные, растительные — «Дерево Жизни» орнаментально олицетворяло плодородные свойства жизни. Присутствие орнаментальных композиций в украшении одежды выполняло не только эстетическую функцию красоты, но и магическую, украшенная определенным орнаментальным рисунком одежда защищала свою хозяйку от дурного глаза и злых духов. Наиболее древними орнаментальными композициями К. А. Барладина считала, именно животные мотивы. Они со временем трансформируются в растительные мотивы. Также часто использовался солярный — солнечный знак, кругообразный орнамент. Круг как обозначение цикличности определенного оберега, известен во всех мировых культурах, представляя из себя самый архаичный мотив в орнаментальном рисунке. Солярные, кругообразные знаки олицетворяли солнце и его магическое влияние на жизнь человека.

В праздничном наряде орнамент нашивался на определенные части ворот и разрезы платья. Особенно ярко обшивались шапочка и нарукавники. На нарукавники наносили растительный орнамент «Священное Древо жизни», елочкой расширяющийся к низу. Стоит обратить внимание на зооморфные мотивы в орнаментальном украшении праздничной одежды. Одним из них представляется мотив солнечного барана олицетворяющего благодать — «фарн». Этот вид орнаментального рисунка использовался чаще всего на основном платье «къаба». Изгибы и завитки, которыми украшалось платье, изображали ветвистые рога. Бытовали и обереги с головой барана — это форма позднее трансформировалась в треугольник. Подобные геометрические формы встречались на свадебных платьях.

С переходом горцев осетин на равнину в орнаменте начинают преобладать растительные мотивы. Основной животный орнамент «Ветвистые рога животного» превращаются в корни растений. Однако неизменным оставалась техника нанесения золотого шитья, все мастерицы считали ее наиболее искусной. Помимо

золотого шитья бытовала техника вышивания шелковыми нитями, но к ней реже прибегали, считая обыденной и менее изящной. Золотой вышивкой пользовались только в Северной Осетии, в предгорных районах Южной Осетии не знали золотой вышивки.

Основным видом украшения там были аппликация — кожей, сукном, различными тканями, преобладала аппликационная вышивка цветного сукна на сукне. Золотную нитку покупали в с. Дигора, Чикола, Иристон (Беслан) и в городе Владикавказ, в торговых лавках или у разносчиков. [1,174].

Повседневная одежда редко расшивалась золотой вышивкой, как достаточно дорогая и трудоемкая работа ее использовали в основном для приготовления свадебной или праздничной одежды. Девушки, владеющие техникой золотого шитья, расшивали свои свадебные платья, шапочки, чувяки, готовили подарки членам своей будущей семьи и после свадьбы обшивали своего мужа и детей, особенно часто изготовляли мужские и детские шапочки, ноговицы, застежки бурки. Техника золотого шитья перестает использоваться после Октябрьской революции из — за отсутствия золотых ниток.

Техника нанесения орнамента различалась в зависимости от ткани или используемых ниток, применялись различные вариации. Техническими приемами исполнения были: стебельный шов (рахысхуыд), звеньевой шов (цагхуыд), шитье гладью (уалафтаухуыд), шитье узелками или пупырышками (хъуымбылхуыд или агънагхуыд), вышивка аппликацией (нывафтыд), нанесение узора тесьмой или шнуром (быдныв афтыд), шитье золотыми и серебряными нитками в прикреп (хардгахуыд), шитье в одну нить длинными стежками из золотых и серебряных ниток (хардганывафтыд), этот шов применялся для дополнения основного рисунка (хардгахуыд) [1,175]. В вышивке применялись: канитель двух цветов — золотая и серебреная, золотые, серебряные, зеленые и синие блестки различной формы — парата, бисер разных цветов — хардог. Для аппликации применялась кожа, реже сукно, шелк и войлок.

Часто платье украшали так называемые нашитые украшения, нагрудные застежки их насчитывалось от 7 до 18 штук, они отличались по ширине и длине чаще всего они нашивались на платье или нагрудник. Студенецкая отмечает некоторые особенности присущие осетинскому платью — это наличие на нем не только застежек из шнурковых пуговиц, но и различных завязок из тесьмы или шнура коими платья были украшены [10,49].

Осетинки славились искусно расшитыми платьями, платками и шапочками. Видоизменения орнаментального рисунка в связи с изменениями бытовых и хозяйственных условий жизни народа привели к появлению новых форм орнамента. Помимо древнейших звериных и растительных мотивов появляются цветочные. Цветочные украшения в расшивке одежды выполнялись путем копирования цветочного рисунка из ткани. Этот мотив украшения использовался лишь на равнинной местности Осетии, встречался он в городе Владикавказе [6,153]. Девушки копировали дорогие шелковые ткани с крупным рисунком, прикладывая прозрачную бумагу, рисунок обводили карандашом, затем изготовляли эскиз и вышивали его золотыми нитками. Вместо орнамента многие горожанки предпочитали вышивку по образцам из журналов мод [3,58;5,299].

Осетинские женщины отличались высочайшим мастерством и вкусом в изготовлении басонных изделий, не имели себе равных в искусстве золотого шитья, которым украшались как праздничные платья, так и мелкие вещи — кисеты, ко-

робочки, мешочки для рукоделия, подчасники, футляры, кошельки, плетенные из золотых ниток шнуры для часов и пистолетов. Прекрасные образцы этого искусства, совершенно, к сожалению, исчезнувшего к нашему времени, хранятся в Музее этнографии народов России.

В случае необходимости вышивальщица из золотых, серебряных и разноцветных шелковых ниток сама, вручную, плела тесьму или шнур (быд), которые в зависимости от способа плетения были плоскими (тъæпæнбыд) или круглыми, вернее — четырехгранными (тымбылбыд). Из плоского шнура делали пуговки, а из круглого — петли для черкески, бешмета и верхних мужских рубашек [2,219-220].

Галунами (хæрдгæуафгæбыд, алдымбыд) украшались как женские, так и мужские головные уборы и одежда. Из галуна делались также портупеи, шнуры для пистолетов, ими украшались ноговицы, чувяки, мягкие сапоги.

В конце XIX — начале XX века в плоскостных районах Осетии начали делать шали, плетенные из шелка, представлявшие собой сетку из шелковых (чаще всего некрашеных) нитей в форме квадрата, а иногда треугольника. Края украшали длинной бахромой. По сетке же белой шелковой нитью вышивали крупные фигуры стилизованного растительного, солярного орнамента или линейно-геометрические узоры. Вышивали чаще всего один (нижний) угол, как магический оберег. Подобные шали носили обычно девушки и молодые женщины в качестве свадебного или праздничного головного убора. Большое количество шалей в приданом невесты являлось предметом гордости, они щедро дарились затем родственницам мужа.

Современная сувенирная продукция явно нуждается в расширении ассортимента. Материалы социологических исследований позволяют утверждать, что отдельные виды рукоделия имеют перспективы успешного продвижения на рынке. В частности, желание иметь в доме такие предметы как клачи, косметички, шкатулки, скатерти, салфетки, полотенца, украшенные орнаментальной вышивкой и тесьмой ручной работы, подтвердили 72,8% респондентов; шелковые вязаные платки — 67,6% [8].

При этом, в ходе этнографических экспедиционных выездов выявилось, что практически никто из опрошенных не знает символику орнамента, области применения отдельных рисунков и их смыслов. Большой интерес информантов вызывают магические функции, особенно обереги и символы плодородия, воплощенные в орнаменте. Многие женщины из числа домохозяек, пенсионерок заявили об умении «держать иголку в руках» и своей готовности выполнять на дому определенные виды работ, если будет организована поставка материалов и реализация продукции, вспоминая при этом существовавшую в советское время практику надомных работ, существовавшую при художественных мастерских и салонах [9].

В контексте проблем безработицы, развития малого предпринимательства и необходимости импортозамещения, представляется весьма актуальным восстановление и использование забытых способов плетения и вышивания, орнаментальных рисунков, которые могут быть использованы в производстве сувенирной продукции, предметов быта, фрагментов одежды и аксессуаров.

Примечания

1. Дзагоева Э.П. Осетинская традиционная женская одежда // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. Т. 9. С. 173-181.

2. Дзагоева Э. П. Золотное шитье. Вышивальщицы Осетии в конце XVIII — начале XX в.//Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. Т. 10. С. 218-223.

3. Дзалаева К. Р. Трансформация традиционной повседневности осетин в процессе российско-осетинского культурного взаимодействия (вторая половина X1X — начало XX в.)// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9-2. С. 58.

4. Кануков И. Очерки, статьи, заметки. Орджоникидзе, 1963.

5. Канукова З. В. Женское пространство в пореформенной Осетии// Кавказский сборник Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Центр кавказских исследований. Москва, 2008. С. 286-299.

6. Канукова З. В., Дзагоева Э. П. Женская одежда в традиционной культуре осетин//Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. № 1 (18). С. 152-155.

7. Кокиев С. В. Записки о быте осетин. М., 1885.

8. Материалы социологического опроса. 2015 г.

9. Полевой этнографический материал автора, 2015.

10. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. ХУШ-ХХ вв. М., 1989.

А. Б. БАГАЕВ,
кин, снс
СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ТРАДИЦИОННЫЕ КОННЫЕ СКАЧКИ ПО ПЕРЕСЕЧЕННОЙ МЕСТНОСТИ У ОСЕТИН

Комплексное изучение военной культуры осетин предполагает исследование традиционных военизированных конных игр и состязаний. Данное исследование посвящено рассмотрению военного аспекта конных скачек по пересеченной местности.

Ключевые слова: *военная культура осетин, осетинские игры, конные состязания, военизированные игры***.**

Comprehensive research of the Ossetian military culture presupposes studying traditional paramilitary horse games and competitions. This study considers the military aspect of cross-country horse racing.

Keywords: *military culture of the Ossetians, Ossetian games, horse races, paramilitary games*

Комплексное изучение традиционной военной культуры осетинского народа предполагает последовательное и всестороннее изучение различных сторон жизни осетин. В прошлом в осетинском быту широкое распространение имели народные игры и состязания, которые играли значительную роль в общественной жизни. Многие из них проводились верхом на коне, часто с оружием, и в этой связи они представляют интерес для исследователей традиционной военной культуры осетинского народа.

Традиционные игры и состязания осетин не раз становились объектом исследования. Наиболее значимыми из трудов по данному вопросу являются работы С. Г. Гагиева [40], В. Д. Джусоева [5], В. С. Уарзиати [7], К. У. Тайсаева [6] и др.

Однако некоторые стороны данной проблемы остаются малоизученными, и требуют дальнейших исследований, в частности, это относится и к военно-прикладному аспекту традиционных осетинских конных игр и состязаний.

В традиционном осетинском обществе популярным видом конных состязаний были скачки. Их принято делить на три основных вида: гладкие, то есть не предполагавшие преодоление каких-либо препятствий, барьерные скачки, предполагавшие преодоление различных барьеров и препятствий, и скачки по пересеченной местности. Традиционные поминальные скачки осетин в принципе можно отнести к гладким скачкам. К данной проблеме мы уже обращались при изучении вопроса о военно-прикладном значении поминальных скачек [2]. Осетинам были известны и скачки по пересеченной местности. Они могли прово-

диться как самостоятельно, так и являться элементом какой-либо конной игры. В данной статье мы предполагаем более основательно остановиться на этом вопросе.

Актуальность изучения конных скачек по пересеченной местности определяется тем, что они могли иметь определенную связь с военно-походной жизнью.

Следует отметить, что осетинские названия игр в статье даются на иронском варианте, но они имеют свои эквиваленты и в дигорском варианте осетинского языка [8].

Одной из популярных конных состязаний, предполагавшей скачку по пересеченной местности у осетин носила название *бæх æмæ барæг æвзарын* (букв. «испытание лошади и всадника»). Она отличалась довольно сложной дистанцией. Данная конная игра хорошо описана одним из собирателей осетинских народных игр В. Д. Джусоевым [5, 19-21].

Рассматриваемый вариант конной скачки проводился в ущелье, которое имело спуск к горной реке и возможность после ее преодоления для подъема на вершину противоположного склона. Как правило, для спуска к реке выбирали крутой склон, протяженностью около 250 метров. Ширина реки в месте проведения состязания не должна была быть менее 7-10 метров. Подводный грунт должен был быть каменистым. Дальнейшая часть маршрута должна была иметь склон, по которому лошадь могла бы подняться вверх.

Обычно в состязании принимало участие не более пяти всадников. Согласно правилам все лошади должны были быть вновь подкованными. Непосредственно перед началом состязания коням плотно подтягивали подпругу, и участники становились в шеренгу в назначенном месте. Получив сигнал, они устремлялись вперед. Преодолевая опасные горные повороты, на полном галопе наездники мчались к месту спуска к реке. Доскакав до него, они резко поворачивали коней, и устремлялись прямо вниз по крутому склону. Завершив спуск, ездоки бросались в бурную горную реку. После преодоления водной преграды они перебирались на другой берег и начинали стремительно подниматься вверх по склону к месту, где располагались судьи и зрители. Однако успешно преодолеть сложную дистанцию удавалось не всем. Известно, что каждый осетинский юноша готовился к участию в рассматриваемой скачке, однако побеждали в ней только единицы. Не всякий был способен успешно преодолеть все трудности этого состязания. Трудности приходилось преодолевать и седоку, и скакуну. При спуске по крутому склону седло не должно было скользнуть вперед. Преодолевая водную преграду, конь не должен был поскользнуться на подводных камнях. Ему надо было выдержать стремительное течение реки, чтобы оно не унесло его вместе с наездником. Сложная пересеченная местность таила в себе различные опасности. Во время прохождения дистанции нередко лошадь спотыкалась. Зачастую она падала, спускаясь на большой скорости по крутому склону к реке. Довольно часто, даже преодолев все эти сложности, из за большой нагрузки, лошадь уже не способна была выскочить из воды на другой берег. В таких случаях всадник быстро спешивался и помогал лошади преодолеть возникшее препятствие. Нередко, в особенности у неопытных ездоков, лошади ломали ноги или получали другие сильные травмы, вплоть до того, что погибали. Иногда скачка заканчивалась трагически и для наездников (обычно для плохо подготовленных).

Для победы в данном состязании требовалась не только ловкость и мужество наездника, но и необходима была и хорошо тренированная, жилистая горная

лошадь [1]. Участники скачки, благополучно преодолевавшие всю дистанцию и, в особенности, пришедший к финишу первым, признавались искусными наездниками. Лошади их считались превосходными боевыми животными, способными выдержать все испытания военно-походной жизни.

Другая военная игра, тренировавшая и укреплявшая всадника и его лошадь называлась *ныхдуртæ сæттын* (букв. «преодоление преград») [5, 16-18]. Эта игра являлась воспроизведением действий конника во время кавалерийской атаки. Она предполагала преодоление верхом дистанции с полосой препятствий. Участники состязания начинали игру поочередно, согласно жребию. От старта на расстоянии 100-200 метров располагалась мишень, в которую надо было попасть из оружия дистанционного боя (первоначально использовали лук и стрелы, позже ружье). В 100 метрах от мишени располагалось заграждение в виде плетня, около 1-1,5 метра в высоту. Еще дальше в 100 метрах находилась яма шириной 2-3 метра, через 50 метров от которой в землю были воткнуты прямые ивовые прутья, три справа три слева. Еще дальше на возвышенности был установлен набитый соломой бурдюк. В самом конце дистанции, в месте разворота был поставлен сделанный из шерсти мяч. Участник состязания первоначально должен был разогнаться на лошади, и на полном скаку выхватив оружие дистанционного боя, поразить мишень, перескочить через ограждение в виде плетня, энергично перепрыгнуть через яму, молниеносно вынуть шашку и порубить все ивовые прутья (так чтобы они упали прямо). После чего всадник наносил сильный удар шашкой по бурдюку, так чтобы он слетел наземь, затем наездник нагибался и, подхватив мяч, возвращался к месту, где сидят судьи [5, 16-20].

Данная игра была демонстрацией боевых действий осетинского конника во время сражения. Она способствовала совершенствованию навыков эффективной стрельбы на скаку и действия шашкой в рукопашной схватке. Между всадником и его лошадью развивалось абсолютное взаимопонимание и взаимодействие, наездник тонко чувствовал свою лошадь, которая в свою очередь чутко понимала и выполняла все его команды.

Рассмотренная конная игра являлась хорошим видом состязания, которая подготавливала всадников и лошадей к военно-походной жизни. Она развивала ловкость и точность действий, как у самих наездников, так и у их лошадей. У всадников вырабатывалась способность не теряться в сложной боевой обстановке. Кроме того, эта игра способствовала выработке слаженного взаимодействия группы всадников, что являлось необходимым условием для победы в конной схватке.

Скачки по пересеченной местности способствовали превращению осетинских юношей в превосходных наездников. Современники, обращали внимание на уверенное перемещение осетинских конников по пересеченной местности, как на марше, так и во время сражения. Так, полковник лейб-гвардии Преображенского полка А. А. Берс, в своих воспоминаниях о русско-турецкой войне 1877-1878 гг., отметил лихость и уверенность движения осетинского конного отряда. Он с восхищением пишет, что «осетины скакали на своих неказистых, но шустрых лошадях, привыкших на Кавказе карабкаться по скалам; их ничто не стесняло: ни канавы, ни овраги, ни кусты, ни камни… не было такой горы, на которую не мог бы взобраться со своей лошадкой осетин» [3, 40].

Рассматриваемый тип скачек был важным составным элементом некоторых традиционных конных игр. Таких как *худскъæфын* (букв. «срывание, похищение

шапки»). В нее играли как индивидуально, так и группами. Проводилась она во время народных праздников. Вариант игры *худскъæфын* группами предполагал разделение всадников на две команды — «похитители» и «преследователи». Члены первой группы старались сорвать шапку у кого-нибудь из наездников второй. Защищавшие свои шапки всадники должны были проявлять всю свою изворотливость, чтобы не дать сопернику сорвать с их голов шапки. С целью более эффективного противодействия, участники защищавшейся группы держались сплоченно, зорко следя за действиями противника, они оберегали друг друга. В это время их соперники кружили вокруг них, пытаясь стремительно налететь и молниеносно сорвать с кого-нибудь из них шапку. Когда это удавалось «похитителям» всадники обоих групп приходили в движение. Сорвавший шапку наездник во весь опор устремлялся вперед. Чтобы ускакать от преследователей он либо скакал по ровной местности, если лошадь была молодая и резвая, либо по местности с подъёмами и спусками, с оврагами, канавами, кустарником, одним словом, по пересеченной местности. Таким образом, наездник сорвавший шапку стремился оторваться от «преследователей» и доставить шапку к условленному месту (обычно туда, где сидели судьи). В групповом варианте игры похищать можно было только одну шапку, сорвав которую группа «похитителей» превращались в «защитников шапки», так как «преследователи» всячески стремились догнать «похитителя» и вернуть шапку обратно.

Индивидуальный вариант игры *худскъæфын* обычно происходил во время свадьбы, после того как невесту увозили из дома родителей. Согласно традиции при этом ее верхом сопровождала молодежь. Часто, всадники, чтобы показать свою удаль и скаковые качества своих скакунов, срывали шапки другу друга. Потерявшие шапку наездники тут же стремились вернуть ее. Так как игра продолжалась почти на всем протяжении движения свадебного поезда, участвовавшим в ней всадникам приходилось скакать по пересеченной местности. В случаях, когда «похититель» начинал понимать, что ему не уйти от «преследователя», он бросал сорванную шапку в арбу, на которой ехали невеста и сопровождавшие ее девушки. Хозяин шапки обязан был чем-нибудь одарить девушек [7, 215].

Скачки по пересеченной местности происходили и во время игры — *тырысаскъæфын* (букв. «похищение флага»). Как правило, она так же происходила на свадьбах. Флаг, за который происходила борьба, готовили в доме невесты ко дню свадьбы. Он состоял из куска хорошей ткани белого, розового или красноватого цвета, укреплённый на тщательно обработанном древке. На нее пришивались разнообразные мужские вещи: сафьяновые чувяки, носовые платки, учкур, кобуры, тесьма для карманных часов, шнур для пистолета и т.п. После вывода невесты из дома ее подружки выносили за ней флаг и предлагали выкупить его свадебным дружкам. Они его выкупали и должны были в целости и сохранности доставить в дом жениха. Задача эта была не из легких, так как молодежь селения (в том числе и родственники невесты), извещённая об этом событии заранее, усиленно готовилась к захвату свадебного флага. Они собирали лучших лошадей со всей округи и подготавливали их, так же как перед скачками. Дружки учитывали этот факт и поэтому, когда они ехали за невестой всегда старались чтобы среди них был сильный и отчаянный парень, хороший наездник на резвом скакуне, которому они и вручали свадебный флаг. После того как поезжане покидали двор дома невесты, молодежь села всячески стремилась отобрать у них флаг. Дружки, в свою очередь, пытались ускакать и таким

образом защитить флаг. Процесс борьба был очень динамичным, флаг часто переходил из рук в руки. Удалец, сумевший взять и сохранить его или вернуть в дом невесты, получал признание у всей общины.

Таким образом, у осетин скачки по пересеченной местности были одним из распространённых видов конных игр. Они являлись своеобразной подготовкой всадника и его коня к условиям военных походов. Скачки по пересеченной местности вырабатывали у юношей ловкость, отвагу и силу. Кроме того, они укрепляли их морально-волевые качества, и тем самым имели прямое отношение к военному делу и были важной составляющей традиционной военной культуры осетин.

Примечания

1. Багаев А. Б. (а) Осетинская порода горной лошади // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5; URL: www.science-education.ru/119-14430.

2. Багаев А. Б. (б) Военно-прикладное значение поминальных скачек // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5; URL:www.science-education.ru/119-15173.

3. Берс А. А. Воспоминания о походе в Турцию в 1877-1878 гг. СПб.: Типография И. В. Леонтьева. 1913. 75 с.

4. Гагиев С. Осетинские национальные игры Орджоникидзе: Ир, 1980. 129 с.

5. Джусоев В. Д. Осетинские народные игры. Цхинвал: Ирыстон, 1988. 94 с.

6. Тайсаев К. У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. М., 2001. 206 с.

7. Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. М., 1995. 233 с.

8. Цаллагова И. Н. Устаревшая лексика в говорах дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6; URL: www.science-education.ru/113-10888.

Т. Т. ДАУЕВА,
мнс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г.Владикавказ)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КОМПОЗИЦИЙ В ОСЕТИИ В XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ.

В статье рассматривается характерная для обозначенного периода традиционная система композиций осетин. Анализ источников позволил выявить комплекс мер, решений и способов, направленных на урегулирование конфликта. Исследование этой проблемы играет важную роль в формировании современной народной дипломатии, она актуальна в практическом применении, в процессе досудебного разбирательства конфликтов в современном обществе. Рассматриваемый вопрос имеет локальный характер, но полученные результаты значительно дополняют существующие представления о процессах трансформации социокультурной системы в Осетии в XVIII — начале XIX вв.

Ключевые слова: *система композиций, правонарушения, смертная казнь, наказание увечьем, имущественные штрафы, заключение брака*

The article studies the characteristic of the designated period of the traditional system of Ossetians compositions. Analysis of the sources revealed a range of measures, solutions and methods aimed at resolving the conflict. Investigation of this problem plays an important role in the formation of contemporary folk diplomacy, it is relevant to the practical application in the process of pre-trial conflict in modern society. The question is of a local character, but the results are significantly complement the existing understanding of the processes of transformation of socio-cultural system in Ossetia in the XVIII — early XIX centuries.

Keywords: *system tracks crimes, the death penalty, a punishment injury, property fines, marriage*

В конце XVIII — начале XIX вв. у осетин существовала довольно обстоятельная система композиций, которая предусматривала регламентированную шкалу возмещений за все виды правонарушений. В обычном праве осетин имелись фиксированные нормы ответственности за преступления. Проанализировав источники данного периода, можно попытаться выявить наиболее распространенные формы композиций за правонарушения: смертная казнь, наказание увечьем, имущественные штрафы, изгнание из общества, заключение брака, похищение и воспитание ребенка потерпевшего до его совершеннолетия и т.д.

В исследуемый период сложно выявить наличие у осетин смертной казни. Путешественники отмечали рассказы о применении смертной казни среди осетин, однако никто из них не являлся свидетелем применения такой меры наказания. В. Б. Пфаф, характеризуя способы урегулирования конфликтов в Осетии, опреде-

лил, что «наиболее суровыми видами наказаний являлись смертная казнь и наказание увечьем, исполнявшиеся по причине кровной мести. Осетинам не были известны такие виды наказаний, как лишение свободы и телесные наказания вне семьи» [1, 264]. В сборнике адатов есть свидетельства существования смертной казни в отношении гурзиаков — несвободного сословия. «Гурзиаки находятся в полной зависимости от своих владельцев, которые могут делать с ними, что им угодно, продавать и дарить их другому, поодиночке или целыми семействами и даже умертвить их по произволу» [2, 18]. В исследуемый период сложно выявить наличие у осетин смертной казни. Путешественники отмечали рассказы о применении смертной казни среди осетин, однако никто из них не являлся свидетелем применения такой меры наказания.

Наиболее распространенным видом наказания за нанесение ран и телесных повреждений было возмездие увечьем. Для разрешения конфликта могло быть предоставлено право нанесения ответного ранения, равного по тяжести совершенному. Использование такой меры могло применяться в случаях, когда потерпевший не мог оплатить компенсацию, а также в случаях разносословного конфликта. Однако в большинстве случаев убедительное предпочтение отдавалось удовлетворению потерпевшего материальной компенсацией.

В некоторых работах по этнографии имеются свидетельства наличия у осетин такой композиции, как похищение ребенка потерпевшего. Ряд авторов описывает эту композицию при урегулировании конфликта по убийству. «Кровавая месть прекращается, если убийца похищает сына убитого, становится его приемным отцом и воспитывает его», — отмечал Л.Л. Штедер [3, 33]. Суть сводилась к тому, что виновная сторона воспитывала ребенка, а затем по совершеннолетию возвращала с подарками. Две семьи считались родственными по совершении такого и не могли больше враждовать. На существование этого обычая в среде адыгов указывает И.Л. Бабич: «Если виновный в убийстве желал примириться с родственниками убитого им человека, то либо сам, либо кто-нибудь из его товарищей тайно похищал ребенка из семьи потерпевшего» [4, 32]. Что касается обычая «воровать детей» из семьи убитого для воспитания в знак примирения враждующих сторон в первой половине XIX века у кабардинцев, то необходимо сказать, что он был только лишь закреплен в обычно-правовых нормах и записан в сборниках кабардинских древних обрядов [5, 312-313].

В обычном праве осетин есть понятие «фалдыст» — посвященный покойному, а также «хифалдисын» — самопосвящение. По верованиям осетин, посвященный покойнику человек в загробном мире должен был служить умершему конем, и в этом заключалась позорная для всей фамилии и унизительная для убийцы сторона акта. Особенно актуальным этот приговор был в случаях, когда совершенное убийство рассматривалось как особо тяжкое преступление, а также в случае столкновений представителей разных сословий, когда сильный мог требовать от слабого фалдисын. [6, 79]. Суть процедуры сводилась к тому, что кровомститель острием ножа касался уха убийцы и пускал несколько капель крови на могилу убитого. Самопосвящение (*хифалдисын)* избавляло преступника и его родственников от кровной мести, но он принимал по отношению к ним и покойнику некоторые обязательства, в числе которых было совершение поминок [7, 51]. Одной из форм этого вида наказания было отрезание кровомстителем уха виновного и зарывание его в могилу убитого. В этом случае вражда считалась оконченной. В Куртатинском обществе между двумя фамилиями Г. и Д. произошло вооруженное

столкновение, в результате которого Г. убили двух человек из фамилии Д. Ныхас вынес решение, чтобы Г. заплатили Д. полную цену крови, а сверх того требовал фалдыст от фамилии Г. Первое условие — уплатить Д. цену крови — Г. согласились, а от второго условия отказались. Причина отказа заключалась в том, что посвящение человека покойнику, считалось несмываемым позором и унижением человеческого достоинства, на что такая влиятельная среди осетин фамилия, как фамилия Г., пойти не могла [8, 51].

Одной из фиксированных мер наказания за правонарушения было изгнание преступника или его семьи из общества. Причин использования такой меры было достаточно. «… Изгнание как вид наказания применялось не только за определенные преступления, но и за беспорядочную жизнь, то есть отступление от патриархального образа жизни, а также за непризнание патриархальной власти» [1, 265]. «Из общего правила о невозмещаемости преступлений, совершенных против родственников, — пишет Ф. И. Леонтович, — осетины делают исключение для случаев отцеубийства — за убийство отца и матери сыном. Родственники, собравшись, сжигают дом и разграбляют имение. Разрушая жилище виновного, осетины тем самым побуждают его к оставлению прежнего местожительства; таким образом, это является не более как средством к насильственному удалению преступника из сообщества его единокровных» [2, 117]. Рассматривая систему композиций кабардинцев XVIII века, Абазов А. Х. отмечает: «Наиболее тяжкой по последствиям мерой наказания выступало изгнание преступника из общества. Если нарушитель несколько раз подвергал членов своего рода к уплате штрафов за него, общество принимало решение о выдворении такого нарушителя за свои пределы. Наказанный лишался покровительства со стороны своей патронимии. Такого человека могли безнаказанно убить. Иными словами изгнание человека из общества означало его «политическую смерть» [9, 51].

Основным видом композиций у осетин являлись имущественные платежи, выплачиваемые скотиной или денежным эквивалентом. Наиболее полный перечень материальных компенсаций приводит Ф. И. Леонтович в работе «Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа». Имущественные или денежные штрафы являлись обязательными составляющими любого вида наказания. Размеры компенсаций зависели от преступления: наибольший размер достигался при убийстве, наименьший — при оскорблениях. Платеж производился скотом, рабами, землей, оружием, медной посудой и деньгами [2, 219]. Считалось, что материальная компенсация удовлетворяет честь обиженной фамилии или семьи и обязывает их к прекращению дальнейшей вражды. На размер компенсации влияло несколько факторов: характер преступления, принадлежность к сословию и полжертвы. Согласно адату «если убийца и убитая были муж и жена, то плата за кровь была на половину меньше» [2, 219] и выплачивалась родственникам жены. Вполовину меньше платили и за убийство женщины, по сравнению с убийством мужчины [2, 4]. Возраст убитого не играл роли в определении стоимости крови.

Размер платы за кровь свободного человека равнялся 324 коровам. Что касается высшего сословия, то в Дигорском обществе баделята требовали за кровь 15 душ рабов или рабынь [2, 64], в общей сложности на сумму 3900 рублей; в Тагаурском обществе за кровь алдара платилось 240 быков или имущество — скот, земля, оружие — общей стоимостью 2400 рублей; в Алагирском участке — 324 коровы или 1620 рублей [2, 65]. Исходя из сборников адатов, единицей измере-

ния платы в Тагаурском обществе являлся бык, в Дигорском — раб, а в других осетинских обществах — корова.

В XIX веке, с распространением российской власти на Кавказе, основной единицей измерения имущественных платежей стал рубль. При этом штрафы могли взиматься и в натуральном виде [10, 287]. Очень часто в постановлениях о взимании штрафа, он указывался и в натуральном виде, и в рублях.

Одним из распространенных способов примирения кровников была передача враждебной стороне девушки — *цыты-чызг*. Из фамилии кровников ее могли выдать за мужчину из враждующей фамилии в знак полного и окончательного примирения. Обычно это была незамужняя сестра, дочь или племянница убийцы, которую выдавали замуж без калыма. В этом качестве не могла выступить вдова или разведенная женщина. Случалось, что две фамилии окончательно не могли помириться даже после полной уплаты и примирительного пиршества. Однако, по свидетельствам, «после породнения, несмотря на всю враждебность и злость, война прекращалась» [11, д. 112, л. 6]. Многие фамилии и без приговора судей передавали кровной фамилии через посредников, что в качестве примирения требуют невесту для одного из своих неженатых мужчин [11, д. 39а, л. 31]. В 1851 году осетинский народный суд во Владикавказе приговорил некоего Ц. К. за убийство В. заплатить за убийство его брату Х. 27 быков и выдать свою сестру за него замуж [1, 319].

Заключительным этапом любого вида конфликта было примирительное угощение. Оно служило гарантом примирения двух сторон. Суть такого пиршества сводилась к следующему: потерпевшая сторона медиаторами уполномочивалась приготовить угощение, количество которого заранее оговаривалось. Затем назначался примирительный день, на который собирались мужские стороны фамилий. Обычно один из судей, мужчина почтенного возраста, выполнял жреческие функции. Произнося молитвы всевышнему, он призывал стороны помириться. Следует учесть, что, несмотря на обилие еды и напитков, стороны вели себя достаточно сдержанно, так как основная суть такого пира — молитва и примирение. Количество людей при примирении зависело от вида преступления: наименьшее число — при ранениях, ссорах, наибольшее — при убийствах. В последнем случае присутствовали все мужчины фамилии, а также племянники по матери. Это делалось для того, чтобы лично примирить каждого, во избежание дальнейшего кровопролития. Приведем пример примирительного угощения по случаю кровной мести: «2 котла пива, 25-40 кувшинов араки, 1 бык, 10 баранов» [12]. Еще один факт: виновная в убийстве фамилия У. приготовилась к угощению потерпевшей фамилии Т. К назначенному медиаторами дню убийца, при участии всей фамилии и других родственников, приготовил присужденный с него штраф в размере 400 рублей, зарезал откормленного быка, 3 баранов и 170 кур [12].

С введением российского законодательства система композиций претерпела достаточно серьезные изменения. Некоторые виды композиций, такие как, наказание увечьем, заключение брака в период кровной мести, воспитание ребенка кровника, были исключены из применения. Вводилась новая для осетинского общества система, которая не всегда удовлетворяла потерпевшую сторону. Местным обществом крайне негативно воспринимались применяемые российским судом наказания: прохождение сквозь строй, ссылки в Сибирь, незаконные расстрелы, аресты, штрафы. Они не соответствовали понятиям традиционного общества о гуманности и человеческом достоинстве. Осужденные по российским

законам и российским судом вызывали у осетин сочувствие и жалость, казненные нередко прославлялись в героических песнях народа. Приговор суда не влиял на авторитет человека в традиционном обществе. Слишком зримым было игнорирование социального и национального равенства граждан перед законом.

Примечания

1. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе (ССК). Тифлис, 1871. т.1, 2.

2. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II.

3. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 г. Штедером // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 27-70.

4. Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990-е годы). Москва, Институт этнологии и антропологии РАН. 1999. 238 с.

5. Абазов А.Х. Образы прошлого в системе регулирования общественных отношений у кабардинцев в XIX — начале XX в.: особенности формирования и проблемы сохранения // Лавровский сборник: Материалы XXXVI и XXXVII среднеазиатско-кавказских чтений 2012-2013 гг. Этнография, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 311-315.

6. Магометов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974. 364 с.

7. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т.2. 410 с. Репринтное воспроизведение. Владикавказ: Алания, 1995. 410 с.

8. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С.150-180.

9. Абазов А.Х. Основные виды исполнения наказаний в судебной системе Кабарды в 20-60-х гг. XIX в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик, 2008. С. 55-71.

10. Канукова З.В. Женское пространство в пореформенной Осетии// Кавказский сборник Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Центр кавказских исследований. Москва, 2008.

11. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. (НА СОИГСИ) Ф. 4. Оп. 1.

12. Терские ведомости. 1896. № 51.

Е. Р. КУДЗАГОВА,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

СОЗДАНИЕ ЕДИНОЙ БАЗЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ КАК РЕСУРС ИХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Сохранение народных промыслов и художественных ремесел в современных условиях является актуальной темой для всех российских регионов, в том числе, кавказских республик, и, в частности, Северной (и Южной) Осетии. Требуется эффективная инновационная методология для сохранения и популяризации народных промыслов. В статье предлагается модель инновационного информационно-технологического системного методологического подхода, обосновывается необходимость создания единой национальной систематизированной базы народных промыслов. Это должно способствовать более эффективному, инновационному подходу к сохранению и популяризации народных промыслов, также научно-исследовательской работе в данной области.

Ключевые слова: *сохранение и популяризация традиционной национальной культуры, народные промыслы, художественные ремесла, инновации, единая база данных, Северная Осетия, Северный Кавказ.*

Saving of the handicrafts is actual for all Russian, Caucasian regions, including North Ossetia. A new methodology of saving of them is necessary. A new model of innovative, info-technological approach is suggested in this article, and a national database of народные промыслы is обосновано. It should make input in effective, innovative approach to saving of national народные промыслы, scientific research, and saving of resources in this sphere.

Keywords: *preservation and promoting of traditional national culture, folk handicraft, innovation, united database, North Ossetia, North Caucasus.*

Направление «сохранение и возрождения народных промыслов и художественных ремесел», декоративно-прикладного искусства, которые являются материальными носителями символики национальной духовной культуры, представляется важным и перспективным для сохранения и развития национальной культуры как в Осетии, на Северном Кавказе, так и в других российских регионах. В условиях современной социально-экономической ситуации в мире, национальные народные промыслы и ремесла, как и сами культуры, сталкиваются с проблемой исчезновения своей самобытности. На государственном уровне в России и ее регионах принимаются различные меры, в том числе, законы, по сохранению народных промыслов. Считаем, что, помимо этого, для большей эффективности, сейчас на более «техническом», методологическом уровне требуется разработ-

ка инновационного подхода, модели, которую предлагаем в данной статье. Это должно решать задачи оптимизации расходов различных ресурсов на сохранение и популяризацию промыслов, хранение исторических данных и исследования в этой области.

Новизна предложенной модели в инновационном методологическом подходе: системно-детализованном (целостно-конкретном), гибком, оптимизированном, ситуационном, технологичном, многомерном, многофакторном, и, соответственно, достаточно комплексном и объективном.

Целью данной работы является предложить инновационную информационно-системную методологическую модель сохранения народных промыслов для оптимизации ресурсов и сохранения, изучения, популяризации национальной культуры, народных промыслов и ремесел с использованием инновационного подхода.

В России предпринимается комплекс мер, в том числе, законодательных и нормативных, по оказанию народным промыслам государственной поддержки. Мы предполагаем, что помимо этого, требуется одновременно разработка и оптимизация и «технической методики» для каждого региона, в частности, кавказского, и Северной (и Южной) Осетии. Суть идеи — в создании единой национальной (в данном случае, для Осетии) электронной базы данных по народным промыслам и ремеслам, в которой будет учитываться каждый вид и подвид народных промыслов и ремесел с как можно более полным и разнообразным описанием, историческим анализом. В этой «базе» предполагается возможным оптимизированный поиск, хранение, накопление и анализ информации по промыслам по разным критериям и под разными ракурсами. Это представит собой многомерную модель информации, классифицируемую по разным критериям.

Следует отметить, что, к промыслам в основном практикуется «общий подход», как к единому ремеслу. Но, к сожалению, это не всегда эффективно и оправдано. Так, по одному виду материала существуют разные техники обработки, одни из которых могут быть развитыми и популярными, а другие находиться в полном забвении, обделенные вниманием. В Северной Осетии в производстве ремесел использовались, и используются практически все материалы, но не все техники [1]. Например, текстиль является востребованным материалом в изготовлении национальных (в основном свадебных женских) костюмов [2], но текстильная обрядовая тряпичная кукла практически исчезла из быта. Аналогично, по техникам: по одному виду производства могут использоваться разные материалы, более и менее популярные. Также при оказании государственной поддержки ремесленным производствам, могут поддерживаться и без того развитые, и не учитываться непопулярные и забытые. При придании каждому виду ремесла современного определенного статуса сохранности, этот вопрос решался бы автоматически, обосновывая разработку программ поддержки промыслов и обеспечивая «индивидуальный подход».

Возможно, популярность некоторых предметов может быть связана и со спросом потребителей, но это, требует тщательного анализа и осмысления. Поэтому важен современный регулярный анализ рынка на предмет «спроса-предложения», который позволит отслеживать ситуацию и динамику на рынке по каждому виду ремесел.

Каждый предмет определенного материала и техники производства часто отмечен орнаментом или символикой, часто определяя его (ритуальное) значение.

Сегодня, во избежание среди производителей при погоне за «привлекательностью товара» случаев самовольного «творческого подхода» при производстве, когда нарушается аутентичный вид и символическое значение предметов, и они превращаются в «красивые элементы декора», необходима регулярная сверка существующих на рынке моделей с аутентичными («тест на аутентичность»). Также важно динамическое ретроспективно-исторически-современное наблюдение и анализ изменений ремесел, предметов..изучение изменений во времени.

Также существуют различные исторические источники информации, в которых разрозненно находится различная информация по различным видам народных промыслов и ремесел. Для информационной оптимизации считаем эффективным по каждому виду/подвиду ремесел объединять, систематично накапливая и анализируя, данные из разных исторических источников (архивы, музеи, научные статьи и исследования; данные этнографических экспедиций и т.п.), социологических опросов [3]. Они требуют оцифровки с целью дальнейшей обработки, анализа и безопасного хранения.

По каждому виду производства, всегда существуют «именитые мастера», которые и поддерживают сохранение и развитие ремесла. Важно помнить и знать имена мастеров, названия материалов, орудий ремесел, используемых инструментов, техник, и, желательно, описание их выполнения с иллюстрациями. Процесс производства состоит из этих элементов.

Хотя, не все виды и подвиды национальных ремесел могут быть в полной мере актуализированы и применимы в современном обиходе, мы считаем, что каждый из них должен быть учтен и обладать своей «базой данных», которая исключит его историческое исчезновение и будет основой для изучения, анализа и популяризации.

Для музыкальных инструментов отдельно хотелось бы отметить важность сохранения соответствующего национального музыкального фольклора, т.к. сами по себе инструменты без музыкальных «техник» не имеют своей полной ценности.

Исходя из вышеуказанного, можно сказать, что подобная «национальная база данных народных промыслов» может представлять из себя многомерное систематизированное множество «элементов» (предмет промыслов), каждый находящихся на пересечении нескольких «критериев», помогающих систематизировать, искать, хранить, изучать их и воспроизводить.

Ниже приводятся предложенные предварительно критерии систематизации данных.

Историческо-временной подход: историческая ретроспектива, анализ, современная ситуация, стратегия развития.

Цепочка производства: орудие производства — мастер- материал-вид (технология производства) — орнамент (символика) — получаемый предмет- сопутствующий предмету (производимый) обрядовые или иные действия, производные- территория.

Классификация видов ремесел по:

А) материалам (дерево; металл; глина; камень; кость; нить; кожа; шерсть и др.)

Б) способам, техникам обработки материалов (по каждому виду материала)

Промыслы и ремесла по типам производства (способам обработки): по каждому материалу существуют различные виды и техники обработки.

В) по функциональному назначению (элементы интерьера жилища и других построек, бытовая и хозяйственная утварь, одежда, игрушки, орудия ремесел и

промыслов, атрибуты обрядов, орудия труда, жилые и хозяйственные постройки, музыкальный инструмент и др.)

Исторические источники и их место расположения, сами исторические данные: архивы/библиотечные фонды; музейные фонды; научные статьи и исследования; данные этнографических экспедиций и т.п.

Статус сохранности: исчезнувшие, исчезающие, сохраняющиеся в производстве, возрождаемые, неопределенные.

Таким образом, предложенная модель инновационного информационно-системного подхода к сохранению национальных народных промыслов, представленная в виде электронной многомерной национальной «базы данных народных промыслов и ремесел», на наш взгляд отвечает современным потребностям рынка в эффективном, высокотехнологичном сохранении и популяризации национальных промыслов и ремесел.

«Индивидуальный подход» к народным промыслам к каждому виду и подвиду с целью сохранения и дальнейшей обработки, позволит осуществлять гибкую и адекватную работу с ними.

Систематизация промыслов сразу по разным критериям с прилагающимися данными, должна оптимизировать расходы ресурсов для поиска, обработки, анализа и воспроизведения требуемых данных, к которым может быть свободный удаленный доступ через интернет. Это будет единая современная технологичная систематизированная база (справочной и полной) информации с аннотациями и анализом исторического происхождения, исторических источников, динамических изменений, смысловой нагрузки и символических функций, в том числе отдельных элементов, визуальными образцами с описанием, мастерами, описаниями техник работ в современных технологичных форматах.

Научное исследование функционально-смыслового содержания культурного наследия позволяет выявить новые функции и смыслы, пересмотреть некоторые устоявшиеся, но недостаточно обоснованные интерпретации объектов культурного наследия, определить его материальные, социальные и духовные объекты, имеющие достаточный уровень востребованности и инновационные ресурсы, а также выработать рекомендации по использованию объектов культурного наследия в современных условиях [4].

В дальнейшем можно создавать такие «базы данных» как для кавказских республик, так общую «карту народных промыслов» для Северного Кавказа. Также это внесет вклад в сохранение и, в дальнейшем, популяризацию национальных осетинских, кавказских (российских) народных промыслов и ремесел.

Примечания

1. Андиев Б. Ф., Андиева Р. Ф. Осетинский орнамент. Орджоникидзе, 1960.

2. Цагараев В. А. Искусство и время: Очерки по истории визуальной культуры алан-осетин — Владикавказ: Ир, 2003-464 с.

3. Хубулова Э. В. Народные промыслы осетин: статус сохранности и инновационные возможности//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. — № 12-2 (50). -С. 204-207

4. Канукова З. В. Традиционная культура в формировании регионального брендинга//Устойчивое развитие горных территорий. 2014. № 3 (21). С. 121-125.

Р. П. КУЛУМБЕГОВ,
мнс ЮОНИИ им.З. Ванеева
(г. Цхинвал РЮО)

БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

(Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 14-21-13001 «Инновационные ресурсы культурного наследия Северной и Южной Осетии»).

В статье рассматривается вопрос брендирования территории в контексте стратегии повышения конкурентоспособности Южной Осетии, с целью привлечения инвесторов, туристов, новых жителей и квалифицированных мигрантов. Брендинг, направленный на преодоление дефицита материальных и нематериальных ресурсов в регионе, популяризацию идеи донесения до широкой общественности представления об уникальности территории, предложено апробировать на историко-культурном наследии. В статье исследованы возможности брендинга памятников исторической архитектуры Южной Осетии в целях ее инновационного развития.

***Ключевые слова**: этнокультурный бренд, культурное наследие, памятники исторической архитектуры, крепости, башни, храмы*

The article deals with the tag of branding of the territory in the context of the competitiveness strategy of South Ossetia, in order to attract investors, tourists, new residents and skilled migrants. Branding's aim is to overcome the deficit of material and non-material resources in the region, popularizing the idea of presenting to the public understanding of the uniqueness of the territory, it is proposed to approve the historical and cultural heritage. The article explores the possibility of branding the monuments of historic architecture of South Ossetia with a view to innovation.

***Keywords**: ethno-cultural brand, the cultural heritage of monuments of historical architecture, fortresses, towers, churches.*

Территориальный брендинг стал одним из серьезных факторов развития городов, регионов и целых стран. В мире этот процесс получил серьезное и системное развитие, многие страны (Словения, Тайвань, Сингапур, Франция, Чехия, Мальдивы, Перу и др.) и города (Мельбурн, Канзас, Дюссельдорф, Ганновер, Амстердам и др.) развивают уже второе поколение собственных брендов (Брендинг территорий стал глобальным явлением, охватив Европу, Америку, Азию, Австралию, Африку. Разработку брендов начали страны на постсоветском пространстве: Эстония, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Украина. Брендинг все активнее проникает в социальные и представительские коммуникации, а регулярность реализуемых проектов лучше всего демонстрирует его востребованность.

В основе такой формы брендинга — стратегия повышения конкурентоспособности городов, областей, регионов, географических зон и государств с целью

завоевания внешних рынков, привлечения инвесторов, туристов, новых жителей и квалифицированных мигрантов [1]. Брендинг мест направлен на преодоление дефицита материальных и нематериальных ресурсов в регионе, в его основе лежит идея донесения до широкой общественности представления об уникальности территории.

Любая территория, как и человек, имеет собственное имя, осознает себя среди других, имеет свое мировосприятие. В процессе жизнедеятельности и целенаправленной самопрезентации, территория приобретает такие характеристики, что со временем оказываются ее устойчивыми свойствами в сознании людей. Там, куда проникает экономический фактор, где есть конкуренция, там обязательно появляются бренды. Политика не исключение. В ней брендами давно выступают территории. Устойчивый и надежный бренд страны, как и доброе имя человека, позволяет создавать независимо от других, полезные условия ее функционирования и развития в мире [2,16].

Сегодня Республика Южная Осетия все еще воспринимается в мире как территория нестабильности. Изменить этот имидж позволит работа над созданием бренда территории, нового образа, способного привлечь людей, инвестиции и идеи [3, 272-273; 4, 122-123].

Первый ресурс для этого — культурное наследие в виде многочисленных памятников исторической архитектуры. Земли Южной Осетии полны памятниками архитектуры, истории, культуры. Здесь всюду встречаются руины старинных сторожевых башен, крепостей. Но уже сама природа Осетии поражает своей красотой, даже самые опытные туристы восхищаются непревзойденными пейзажами и видами.

«Край башен». Так называется обширная территория, куда входят башенные комплексы селений Челиат, Ерман и Брытат Дзауского района. Оборонительные сооружения относятся к XVI-XVII вв. При всей однотипности конструкций башен здесь имеются и некоторые особенности. В основной массе башни квадратные, высотой в пять этажей с входом на втором этаже и бойницами различной конфигурации. Вместе с тем, здесь наблюдаются и интересные особенности. Это, прежде всего башни с округлой спинкой, которые считались «дзуар-мæсыг», т.е. башней-святилищем. Такая башня не только служила местом хранения культового инвентаря, в ней справлялись семейные праздники, а также совершалась ритуальная молитва в честь другого святого-дзуара в случае его отдаленности.

Долгое время этот регион входил в приграничную зону и был закрыт для широкого посещения. Сегодня руководство пограничной службы перенесло пограничный пост выше в горы, открыв доступ на эту территорию туристам и любителям старины. Для размещения гостей здесь планируется создать и систему обслуживания визитеров. Предполагается на базе домов местных жителей открыть гостевые дома, где бы люди могли переночевать на пути к высокогорному озеру Келы-цад (Кельское озеро). Но можно продлить пребывание в селении, ведь здесь помимо памятников старины производят экологически чистые продукты питания: мясо, мед, сыр, картофель. Здесь же можно организовать сбор лекарственных растений, которые в изобилии произрастают на окрестных склонах и в долинах. В свое время в селении Ерман работал горный луговой стационар под руководством профессора Ленинградского университета Н. Буша. И травы, произраставшие здесь, были признаны наиболее ценными для лекарственного применения.

Но наиболее привлекательным в этой местности для ценителя природы является Келы-цад (Кельское озеро) — природный водоем, находящееся на вулканическом плато в кратере потухшего вулкана. Здесь имеются еще несколько озер, разного размера и глубины. На Кельском плато расположены несколько потухших вулканов, самый высокий из них «Хорысар» (3736 м.). Всего на площади в 100 кв. км расположены 18 потухших гигантов. Со временем их лава заполнила горные склоны, сформировав обширное плато, на котором находится множество озер, в том числе и самое большое — Кельское. Озеро сточное, пресное, безрыбное из него вытекает река Ксан. Высота расположения озера 3300 метров, глубина до 80 м. Озеро около 7-8 месяцев бывает покрыто льдом.

Из архитектурных памятников древности надо назвать «Зылды масыг» — оборонительное укрепление, сооруженное в древности в верховьях ущелья Урс-Туалта Дзауского района РЮО. Это оборонительное сооружение являлось убежищем для всего общества во время вторжения врагов. На это указывает и само название «Зылды масыг» букв. «Башня округи». Впрочем, это название некоторые связывают и с формой укрепления, которое представляет выложенный камнями круг («зылд» по-осетински также «круг»).

Крепость расположена на вершине холма, возвышающегося на скальном плато «Хуырта» над селением Ходз. Стены выложены из огромных необработанных камней методом сухой кладки и достигают местами 5 метров. По гребню стены проходит парапет. Сооружение имеет единственный небольшой вход в северной части.

Западная часть «Зылды масыг» осыпалась в обрыв, но вряд ли она первоначально представляла замкнутый круг. При диаметре укрепления около 30 метров и длине стены в 200 метров для ее обороны требовалось не менее ста человек. Эта цифра превосходит военный потенциал любого близлежащего села и даже ущелья. Поэтому укрепление имеет масштаб всего общества. Поскольку главное значение в расположении «Зылды масыг» играет ее труднодоступность, можно предположить, что это уникальный пример крепости-убежища, используемой лишь в экстренных случаях, во время крупномасштабных вражеских нашествий. В хрониках древности дважды упоминается осада этого сооружения вражескими войсками.

В середине прошлого века близ селения Едыс Дзауского района в результате археологических раскопок были обнаружены следы поселения со множеством остатков жилищ, мастерских и т.д. В некоторых местах их фундамент сохранился и до наших дней. Холм, близ которого были обнаружены эти исторические находки, местные жители издревле называли «Царциаты Калак». Археологические раскопки показали, что здесь в древности находился немалый по тем временам город, возможно, город ремесленников. Тогда же историками было озвучено мнение, что, по всей видимости, заселяли его аланы. Подобный вывод сделан не случайно, ученые проанализировали характер обнаруженных захоронений и пришли к выводу, что найденное там оружие, предметы утвари и характер погребений практически аналогичен материалу, который в разное время был обнаружен в аланских захоронениях в ряде других мест евразийского континента.

Период поздней бронзы и раннего железа представлен на территории Южной Осетии «Тлийским могильником», который является памятником Кобанской культуры. Классический кобанский период был временем блестящих достижений прикладного искусства. Кобанская бронза поражает совершенством форм

— почти каждая вещь является произведением искусства. Покрытые узором и рисунками топоры, кинжалы со скульптурными рукоятями, пряжки и пояса с гравированными изображениями, женские и мужские украшения кобанцев (тлийцев) хранятся в лучших музеях мира.

«Тирский монастырь» у селения Монастыр (с осетинского дословно «большая вера») без преувеличения можно назвать одной из самых значимых святынь Южной Осетии. Эта древняя обитель видела расцвет христианства, образование Аланской митрополии и ее падение. Стены обители видели орды монголо-татар, Тамерлана и прочих завоевателей, огнем и мечом насаждавших свое господство.

Начало развития монастыря приходится на XII-XIII век, этот период отмечен рассветом Аланской митрополии. В то время возводилось множество православных храмов и монастырей. Они были сосредоточием духовных и культурных достижений Алании. Именно тогда построен главный храм монастыря. Однако до сих пор на территории монастыря остались древние, высеченные в скале пещерные храмы, которые исследователи относят к VI веку.

Тир — библейское наименование в переводе означает скала. И действительно это впечатляющее произведение архитектуры наполовину вырублено в скале. Монастырь был украшен в интерьере живописью и шедеврами прикладного искусства, составляющими церковный инвентарь, обладал рукописными книгами, там звучала церковная музыка. К сожалению, до нас дошли лишь часть фресковой живописи церковно-канонического содержания, по технике исполнения, безусловно, византийского стиля, отличающиеся прекрасным рисунком и ярким колоритом.

Архитектурный комплекс монастыря включает: храм Рождества Пресвятой Богородицы (XII в.) с двумя пределами; колокольню (XVI в.); трапезную (XVI в.). Стены монастырских строений украшены богатой резьбой по камню, в алтаре храма сохранились фрагменты уникальных фресок.

Храм Рождества Пресвятой Богородицы — главное здание монастыря, это зальная церковь, имеющая снаружи прямоугольное очертание. Здание воздвигнуто на двухступенчатом цоколе и перекрыто двускатной кровлей. Колокольня стоит в шести метрах от храма и состоит из двух частей — нижнего закрытого куба и верхнего девятигранника. На второй этаж колокольни можно подняться по каменной лестнице; под лестницей устроен арочный проход. Фасады колокольни украшены резным декором, рельефом и фигурами овнов в углах нижнего этажа.

«Пещеры Кударо». В далеком 1955 году в пещерах в Кударском ущелье начались первые археологические раскопки. Эти природные образования были известны местному населению и раньше, но только известный археолог В. Любин и его коллеги начали их научное исследование. Здесь, в сердце горы Часавал-хох, имеются три пещеры, условно названные «Кударо 1», «Кударо 2» и «Кударо 3». Особенно хорошо исследована первая пещера.

Один из видных специалистов по каменному веку А. П. Окладников в первом томе «Истории СССР», в шестистраничном разделе раннего палеолита, одну из страниц посвятил описанию именно пещер Кударо. Он пишет, что около 300 тысяч лет назад, первобытные охотники жили в районе Кударо и оставили здесь замечательный памятник ашельской культуры — пещеру «Кударо 1» [5]. Остатки деятельности ашельского человека Homo Erectus обнаружены на самом дне пещеры. Здесь найдены 30 тыс. костей животных, убитых обитателями пещеры, и несколько сот каменных изделий. В этой пещере археолог В. П. Любин собрал

кости пещерного медведя, зубра, красного волка, льва, барса, горного козла, обезьяны-макаки, архара, росомахи. Кроме того, здесь были обнаружены клык саблезубого тигра, многочисленные кости носорога. Все эти кости были, безусловно, остатками трапезы древних охотников. В пещерах Кударо, помимо костей древних жителей Южной Осетии, было обнаружено множество ручных рубил. Все эти находки наглядно показывают, что пещеры на протяжении тысячелетий служили жилищем человеку того времени. Пещеры Кударо до сих пор в народе овеяны тайной и этот район находится под негласным табу. Их протяженность (глубина) доподлинно неизвестна. Между тем, в пещерах имеются озера. До сих пор остается загадкой и находка неподалеку от пещер в 2001 году части скелета неопознанного животного предположительно доисторического.

«Икортский храм» была построена у села Арцеу Цхинвальского района РЮО в 1172 году, и являлась одним из самых красиво декорированных религиозных сооружений эпохи христианства Закавказья. Это строение представляет купольный храм, построенный в XII-XIII в.в. Купол поддерживается шестиугольными столбами, восточная пара которых является частью каменной стены алтаря. На стенах церкви сохранились выгравированные тексты, а внутри — фрагменты выразительно исполненных настенных росписей. В позднем средневековье в Икорта был основан монастырь, который оставался действующим вплоть до начала XIX века.

Это перечень лишь небольшого числа достопримечательностей исторического, культурного наследия, природных объектов, которые могли бы стать частью территориального брендинга Южной Осетии. Однако для этого культурно-географические объекты территории, историко-культурные памятники, достопримечательные места, знаменитые или известные ландшафты должны быть «преобразованы», трансформированы в специфические медиа-образы, циркулирующие и распространяющиеся далее в особом медиа-пространстве [6]. А это уже вопрос специальных структур, которые должны продвигать имиджевый продукт за пределами РЮО.

Примечания

1. Родькин П. Брендинг территорий как искусство и ремесло: www/prdesign.ru>text/2013/artandcraft.html.

2. Нагорняк Т.Л. Брендинг территории как вектор политики/Информационный гуманитарный портал «Знание Понимание Умение», 2013, №4.

3. Канукова З.В. Этнокультурный символ как фактор инновационного развития//Инновационная стратегия Республики Южная Осетия: экономический, социокультурный и медико-биологический аспекты. Труды международной научной конференции. Владикавказ, 2010.

4. Канукова З.В. Традиционная культура в формировании регионального брендинга // Устойчивое развитие горных территорий. 2014. № 3 (21). С. 121-122.

5. История СССР. С древнейших времен до конца XVIII века/[акад. Б.Д. Греков, акад. Ю.В. Готье, акад. В.И. Пичета и др.] под ред. акад. Б.Д. Грекова, чл.-корр. Акад. наук СССР С.В. Бахрушина, проф. В.И. Лебедева. М.: Госполитиздат,1947. Т.1. 744 с.

6. Замятин Д. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт. 2013. № 5. С.11-23.

И. Т. МАРГЪИТЫ,
нс. ЮОНИИ им. З. Н. Ванеева
(г. Цхинвал)

ЗЫЛДЫ МÆСЫГ

(Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 14-21-13001 «Инновационные ресурсы культурного наследия Северной и Южной Осетии»).

В статье представлен обстоятельный междисциплинарный анализ уникального историко-культурного памятника Южной Осетии «Зылды мæсыг». С привлечением исторических, архитектурных, этнографических и фольклорных источников, предложена авторская интерпретация истории появления и функционирования памятника, его этнической принадлежности. Рассмотрены инновационные возможности использования памятника в развитии этнокультурного туризма в Южной Осетии.

Ирыстоны зæххыл ис бирæ цымыдисон цыртдзæвæнтæ, уæлдайдæр та Ирыстоны хохбæсты. Ахæм цымыдисаг цыртдзæвæнтæй сæ иу у Урстуалгомы Ходзы хъæумæ хæстæг «Зылды мæсыг» («Зылд» «Гæлыуаты мæсыг») [1]), («Уæйгуыты галуан») [4, 43; 10,277] Кæс ныв №№1,2. Раст зæгъгæйæ, йæ арæзтадмæ гæсгæ мæсыгмæ ницы бар дары, фæлæ адæмы æхсæн йæ ном ныффидар куыд «мæсыг», «зылд» та уыман æмæ тымбылгонд арæзтад кæй у, растдæр зæгъгæйæ та, дæргъæццон тымбыл (зылд). «Зылды мæсыг» ахæм номимæ бацыд, æгæрæстæмæй, зонадон литературæмæ дæр, уый та уымæн, æмæ йæм хæстæгдæр цы хъæутæ уыд, уыдоны цæрджытæ дæр æй хуыдтой «Зылды мæсыг». Ацы арæзтады нысан цы уыд, уый мидæг ис йæ сусæгдзинад дæр. Уымæн æмæ йæ арæзтад æххæст бæлвырд нæу, цы ахуыргæндтæ йæ басгæрстой, уыдонмæ сывзæрд æндæр æмæ æндæр хъуыдытæ, æмæ уымæ гæсгæ иу хаццæгмæ не рцыдысты. Уыцы нымæцы сæ хъуыдытæ Зылды мæсыгы арæзтады фæдыл загътой ахæм ахуыргæндтæ, куыд: Гæззаты В., Пчелина Е., Куфтин Б., Тъехты Б., Меликсет-Беков Л. æмæ Дзаттиаты Р. Фæлæ уыдон дæр æххæстæй нæ сыхæлдтой, Зылды мæсыгæн йæ нысаниуæг цы уыд, хъахъхъæнæн арæзтад æви кувæндон. Æгæрæстæмæй, ма йæ иутæ бастой рагон обсерваторийы арæзтадимæ. Уæлдæр загъдгонд ахуыргæндты хъуыды фылдæр баст уыд, арæзтад кæд фæзынд æмæ цы рæстæджы. Зæгъæм, Б. Куфтины хъуыдымæ гæсгæ фæзындаит рагфеодалон дуджы [6,39]. Тъехты Баграты хъуыдымæ гæсгæ, уый арæзт æрцыд тæтæр-манголы ныббырсты рæстæджы аланты цъист кæнын куы байдыдтой, уæд, ома 12 æнусты [9, 11-14]. Зылды мæсыджы арæзтад бæстон чи басгæрста, уыдонæй сæ иу уыд Евгения Пчелина. Уый йын сарæзта йæ равæрд, равдыста йын йæ конд æмæ йын сбарста йæ дæргъ, йæ уæрх æмæ афтæ дарддæр. Йæ фæзынд та йын сбаста Чысаны ерыстауты фыдæлтимæ Бибыл æмæ Ростъомимæ [8, 88-89]. Чысаны Ерыстауты фыдæлтимæ ма йæ чи бабаста, уыцы

ахуыргæндтæй сæ иу уыд Дзаттиаты Р. дæр. Йæ хъуыдымæ гæсгæ, уый арæзт æрцыдаит 6-7 æнусты, кæннод та уый размæ [2, 10]. Æндæр ахуыргæндты хъуыдымæ гæсгæ, уый арæзт æрцыд рагисторийы размæ æмæ хауы «циклопон» арæзтадтæм.

Сæрмагондæй, уацы автор йæхæдæг ацы арæзтад басгарынмæ æмæ сахуыр кæнынмæ абалц кодта дыууæ хатты. Фыццаг хатт 2011 азы, фæлæ боныгъæд бар кæй нæ радта бакусынæн, уымæ гæсгæ уæлæнгай æсгæрст æрцыд. Дыккаг хатт та 2015 азы майрæмы мæйы райдианты ногæй сгæрст æрцыд. Бæстыхайы арæзтад лæууы Урстуалгомы Гæлыуатæ æмæ Ходзы хъæуы æхсæн цы уæлхох дурджын быдыр ис, уый астæу. Гæлыуаты хъæумæ хæстæгдæр, тæккæдæр айнæг былы сæрмæ. Иумийагæй, арæзтад кæм ис, уыцы ран цасдæрбæрцæй у къулдым æмæ дурджын фæзимæ (каменистое плато) абаргæйæ, лæууы бæрзонддæр. Ацы уæлхох дурджын фæзæн йæ дæргъ уыдзæн 3 км бæрц, йæ уæрх та 1км чысыл фылдæр. Ам ранæй-рæтты зайы ныллæг альпион бæрз æмæ мохъо бæлæстæ. Дурты хсæнты арæх у фугæ, саунæмыг, доны саунæмыг, мæцкъуы, æхсæлы æмæ æндæр ныллæг къутæртæ. Арæзтады иу фарс хорз бæрæгæй зыны Гæлыуаты хъæумæ 1 км дæрддзæфæн, комкоммæ та йæм фæндаг нæй. Бацæуæн æм ис æрмæст дæр къахæй, бæхыл æмæ галдзоныгъыл хъуыды кæнæн дæр нæй, уымæн æмæ ахæм дурты уæлæ фæндаг саразынæн ницы амал ис.

Ныр та æркæсæм арæзтадæн йæхимæ: Арæзтад цы бынаты уæвынад кæны, уый бæрзæнд денджызы мвæзадæй у 2415м æмæ йæ йæ георафион координаттæ та сты N42.32.937 E044.14.939.

Дзаттиаты Р. куыд зæгъы, афтæмæй, зæгъгæ, комы (былы) æрдыгæйварс арæзтадæн акалд йæ иу хай «Крепость, по всей вероятности, судя по названию, первоначально была кольцевой, замкнутой, но часть стены обвалилась в ущелье реки Лиахва, т.к. находилась на самом краю крутого каменистого обрыва. И теперь неровные края стен крепости нависают над обрывом, а сама крепость стала как бы подковообразной [2, 9]», æмæ, зæгъæгæ, йæ къулты дæргъ та у 200м бæрц [уый дæр уым]. Фæлæ ацы хъуыдыйыл æз разы нæ дæн. Уымæн æмæ арæзтады къултæ, ныгуылæнварс, ома былы сæрмæ, калд не сты, фæлæ хуссарварсæй комкоммæ ацыдысты скæсæнырдæм æмæ баиу вæййынц цæгат-ныгуылæн цæгатварсырдыгæй. (кæс ныв №8). Ам мæ уый зæгъын фæнды, æмæ кæд арæзтады къулты бæрзæнд цæгатварс æмæ скæсæнварс у 4м бæрц, уæд йæ ныгуылæн хайы та æрмæст йæ бындур ранæй рæтты бæрæг цæуы, уыцы нымæцы былы æрдыгæйварсдæр. Хуссарварс къулты бæрзæнд дæр у 1.5-2.5 м бæрц æмæ сыл зыны, кæмдæрты кæлгæ кæй ракодтой, уымæн æмæ сæ кæлдтытæ бæрæгæй зынынц. Ныгуылæн æмæ цæгат-ныгуылæн къулы тыххæй та мæ зæгъын фæнды уый æмæ, ам къул арæзт не рцыд, æрмæст дæр йæ бындур йедтæмæ. Уымæн æмæ кæлгæ куы акодтаит, уæд сæ кæлдтытæ бæрæг дариккой, фæлæ дзы хæстæг къулæй цы дуртæ ракалдаиккой, уый бæрæг нæй. Ам æнæмæнгæй загъдауыдзæн, акалдысты коммæ, фæлæ цæгат-ныгуылæнварс хай къул былмæ дæрд лæууы, йæ фæйнæфарс у фæзгонд бынат æмæ дуртæ куы æркалдаиккой, уæд удæппæтæй бæрæг дариккой. Уымæн æмæ арæзтады къулты бæзджын хæццæ кæны 2.8м бæрцмæ æмæ арæзтады уыцы бынаты сæ фæд æнæразынгæ нæ фæуыдаид. Арæзтады фæдыл мæ зæгъын цы фæнды? Ацы бæстыхай кæронмæ арæзт нæ фæцис, афтæмæй йæ æрдæгыл ныууагътой æмæ уымæ гæсгæ йæ къулты иу хай арæзт не рцыд æбæрæг аххосæгтæм гæсгæ. Иумийагæй, бæстыхайы къулты дæргъ у 225м бæрц æмæ йæ диаметыр та ныгуылæнæй скæсæнырдæм у 70м, хуссар-

варсæй-цæгатмæ та 80м бæрц. Иумийагæй йæ фæзуат уыдзæн цыппармин фондзсæдæ квадратон метыры бæрц, ома æрдæг гектармæ æввахс. Йæ зæххы конд, ома йæ форма; хæстæгдæр лæууы трапецийы формæмæ, æрмæст тымбылгонд фисынтимæ, йæ хуссар-ныгуылæн фиссынæй дарддæр. Арæзтады къултæ амад æрцыдысты бынæттон стыр дуртæй, æттæрдыгæй растдæр фæрстæ æвзаргæйæ. Сæ амад у ирон мæсыгамады кондмæ гæсгæ æртæ рæгъæй, дыууæ фарс стырдæр дуртæ, астæуæй та лыстæг дæрдуртæ. Ирон мæсыгамады халдих ма дзы ис уый, æмæ дурты æхсæн нæй иугæнæг фæрæз, ома йæ амад у «сурамад» «ирон амад». Цæгат-скæсæн скæсæнварс къултæн кæд æттæрдыгæй цасдæрбæрцæй сты бæрзонддæр, уæд арæзтады хуылфы æрдыгæй та рызгъæлдысты зæхмæ. Куыд федтам, афтæмæй, бæстыхайы амайджытæн дур хæссын дардæй нæ хъуыд, уымæн æмæ ам йæ алывæрсты зæхххы фадыг иууылдæр у дур. Æмткæй сисгæйæ, арæзтады хуылфы, йæ алыварсмæ абаргæйæ, ис бирæ цъусдæр дуртæ æмæ йæ фæзуат у лæгъздæр, кæд дзы лыстæгдæр дуртæ, ис уæд дæр.

Арæзтадæн йæ цæгатварс къулыл ис арæзт хуылфмæ бахизæн. Йæ бæрзæнд у 1.5м æмæ уæрхырдæм та 1м бæрц. Бахизæны фæрсты дуртæ сты уæлдай æмлæгъздæр. Бахизæны бæрзæнд æмæ уæрх дæр тынг æнгæс сты, ирон гæнæхты æмæ галуанты бахизæнтимæ. Ам мæ банысан кæнын фæнды уый, æмæ къулты амады дурты æвæрд у æртæ рæгъæй, стæй «сур амад», æнæ иугæнæг фæрæзæй, æмæ хуылфмæ бахизæны бæрзæнд æмæ уæрх кæй сты баст ирон мæсыгамады культурæимæ. Ам ма мæ банысан кæнын фæнды уый æмæ арæзтады астæу мæм афтæ фæкаст, цы цалдæр дзыхъхъгонды ис, уыдон хæдзары бынæттæ сты, æдзæрæг хъæууæтты дæр ма рагон хæдзæртты бынæттæ афтæ бæрæгæй фæзынынц, фæлæ мæм уыд тынг дызæрдыгдзинад æмæ сын æгæрыстæмæй сæ нывтæ дæр нæ систон. Ацы дзхъхъгæндты ма хæдзары-гæнæхты бынæттæ чи рахуыдта, уый уыд Гæззаты В. Йæ балцы фæдыл Зылды мæсыгмæ 1927-æм азы журн «Фидиуæг» — ы фæрстыл цы уац ныффыста, уым. Уый фыссы зæгъгæ «сисы фæзыл зыны цалдæр дзыхъхъгонды, цыма хæдзар-гæнахы бынæттæ… [1]».

Арæзтадæй 400-500 метыр дæрддзæфæн хуссар-ныгуылæнварс ацы уæлхох дурджын фæзыл ис айнæг къæдзæх — йæ бæрзæнд уыдзæн 20м чысыл фылдæр æмæ хуыйны «Уæйгуыты мæсыг». Мæсыг æй уымæн хонынц æмæ дардæй кæсгæйæ, цыма стыр мæсыджы хæлд у. Фæлæ уый мæсыгарæзтадмæ бынтондæр ницы бар дары, уымæн æмæ у æрдзон айнæг къæдзæх æмæ йæ æттаг бакасты тыххæй адæм рахуыдтой «Уæйгуыты мæсыг», зæгъгæ. Уæйгуыты мæсыджы кой уымæн скодтон æмæ йæ бирæтæ хæццæ кæнынц Зылды мæсыгимæ, уыйимæ ма йæ хæццæ кодтой ивгъуыд рæстæджыты дæр, кæрæдзимæ хæстæг кæй лæууынц, уымæ гæсгæ. Фæлæ куыд федтам, афтæмæй кæрæдзимæ ницы бар дарынц. Куыд æндæр арæзтадтæ, стыр дуртæй амад чи æрцыд, афтæ Зылды мæсыджы арæзтады фæдыл дæр баззад легендæ, зæгъгæ, Зылды мæсыг куы амадтой, уæд æй амадтой «хонгæ дуртæй», зæгъгæ, «когда человек еще не был подвержен смерти, тогда был построен Зильде Машиг, они пригласили к себе камни и попросили их, каждый особо, стать на указанное им людьми место. Так был построен Зильде машиг» [8, 88]. Иуæй-иу легендæтæм гæсгæ Зылды мæсыджы самадтой уæйгуытæ æмæ цæргæ дæр уым кодтой. «Уæйгуытæ цардысты Едысы уæллаг фарс (Зылды мæсыг — М. И.)» Царциатæ та Едысы къуылдымыл [10,276]» «Царциатæ Едысы Калачы цардысты… Цардысты Нарт æмæ уæйгуыты рæстæджы. Нарт фæсхох цардысты, уæйгуытæ та ам, ныр дæр сæ галуан Ходзы цур ис — «Уæйгуыты галуан» [10,276]». Иу легендæйы дзырдæуы: Царциатæй сæ бон зонгæйæ уæйгуытæ æрымысыды-

сты фидар саразын. Нæ æхсæв, нæ бон æнцой нæ зыдтой. Дур ласæн æмæ дур тулæн кодтой. Уæд Хуыцаумæ скуывдтой æмæ зæгъынц: Хуыцау, кæд нæ истæмæн скодтай, уæд нын хонгæ дур рауадз. Сæ куывд Хуыцаумæ фехъуыст æмæ хохыл къахыр фегом ис, уырдыгæй сау дуртæ тæвдæй кæлын байдыдтой. Уæйгуытæ сæ тæвдыл саст кодтой æмæ зылд арæзтой. Зылд та ахæм уыдис æмæ ма ныр дæр уæртæ æмбисондæн хæссынц уый. Зылд, кæнæ йæ хонынц Уæйгуыты галуан дæр. Æмбисонд та уымæн у æмæ тæвд дуртæ куы бырыдысты, афтæ сæ карстой æмæ сæ æвæрдтой сисамадæй. Дуртæн сæ дæргъ дыууæ ивæзыны, сæ бæрзæнд иу ивæзыны бæрзæндæн уыдис. Уæйгуытæ уыцы зылд арæзтой афæдзæй афæдзмæ, хъæр æй нæ кодтой, кæнæ йæ цæмæн аразынц, кæнæ йæ кæмæн аразынц [10, 195]. Дарддæр дзырд цæуы: Царциатæ, зæгъгæ, куы базыдтой, уæйгуытæ зылд цæмæн аразынц, уæд рымысыдысты, цæмæй сæ фæцæгъдой… семæ хæст самадтой, дыууæты æрдыгæй дæр бирæ фæмард, фæлæ уæйгуытæ бынтон аскъуыдысты. Царциатæй ма чи баззад, уыдон рахастой уæйгуыты фæллой, сæ фæзы стыр куывд скодтой, сæ къæдзæхыл симд ногæй сарæзтой æмæ уæйгуытæй сæ маст систой [10, 196,197, 199]. Ацы легендæйæ бæрæг цæуы, Зылды мæсыджы арæзтад хатт «уæйгуыты мæсыг», «уæйгуыты галуан» дæр цæмæн фæхонынц, уымæн æмæ йæ самадтой уæйгуытæ Царциаты ныхмæ. Ирон адæммæ баззад ахæм дзырд тыхджын адæймагы тыххæй, зæгъгæ, «уæйыг лæг». Ам æнхъæл дæн, æмæ зылд чи амадта, уыдон дæр фыртыхджын адæм уыдысты, уымæн æмæ ахæм стыр дуртæй арæзтад чи амадта, уыдон стыр тыхы хицæуттæ уыдаиккой æмæ сæ самайгæ арæзтадыл сбадт ном «Уæйгуыты мæсыг», «Уæйгуыты галуан».

Арæзтады конд, йемæ баст легендæтæ, историон ратæдзæнтæ æмæ æндæр зонæнтæ сахуыргæнгæйæ мæм сывзæрд ахæм хъуыды. Зылды мæсыг ахæм уæлхох дурджын фæзы, кæрдæг рæстмæ кæм нæ зайы, хуымзæхх, нуазыны дон æмæ æндæр æнæмæнгхъæуæг адæймаджы уæвынадæн фæрæзтæ кæм нæй, уым самадтаиккой хъахъхъæнæн арæзтад, æндæргæнæн кæмæн нæ уыд, ахæм тыхст адæм. Арæзтой йæ стыр тыхы ныхмæ, сæхицæй тыхджын æмæ хъаруджындæр чи уыдаит, кæй зæгъын æй хъæуы, нымæцæй та фылдæр, ахæм тыхгæнджытæй хи бахъахъхъæнынæн. Тыхст лæг цынæ кæны æмæ барæнæбары сын, æвæццæгæн, хуыздæр уавæр нæ уыдаит æмæ уымæ гæсгæ равзæрстой ам æрдзон фидар, зын æрбафтæн кæдæм уыдаит, ахæм ран хъахъхъæнæн арæзтад «Зылды мæсыг». О, фæлæ йæ аразын куы байдыдтой, уæд сын кæронмæ йæ саразын нæ бантыст, кæннод та сæм уæдмæ бырсгæ æрбакодтой, æмæ æнæмсæр тохы цагъды фесты, йе та æндæр ранмæ фæлыгъдысты. Уымæн æмæ Зылды мæсыг у, кæронмæ амад чи нæ фæцис ахæм арæзтад. Историон ратæдзæнтæй бæрæг куыд цæуы, афтæмæй Централон Кавказы хæхбæсты сæрибар æмæ æнæсæттон цæрджыты сæттынмæ чи ныббырста æмæ ауылтыл сæ хæстон балц чи ракодта, уыдон уыдысты Александыр Македонскийы, тæтæр-манголы, Шах Абассы, Бугайы, Чысаны Эрыстауты æмæ æндæрты балхонтæ. Ацы тыхгæнджытæй ком-коммæ дæр Зылды мæсыгмæ чи ныббырста, уый историон бæрæггæнæнтæй нæ æргом кæны, æрмæст дæр Чысаны Эрыстаутæ туалты куыд састой, уымæй дарддæр 13-14-æм æнусты. Уый тыххæй чысаны Эрыстауты цыртдзæвæны ис фыст:

Шалва вступил в ущелья двальцев и опустошил все. Шавдвални (черные двальцы) выступили против него в темную ночь, но Шалва, будучи осведомлен об их выступлении, выставил навстречу им свой дозор. Всех их загнали в расселины скал, так что ни один из них не вернулся, и погибло немалое количество двальцев. Сожгли и опустошили все ущелья Двалетии и разгромили и разрушили

все замки от Трусо до Ачабети [5,88-89]. Дардæр æндæр ран та фыстæуы чысаны Эрыстау Иоанн хаст туалтимæ 15 æнусы «В это время было волнение. Двальцы, улучив время, угнали стадо с Гуди. Услышав, эристав отправился в горы, прибыв в Эрема (Ерман — М. И.), Цухлети и Цубени, разрушил тамошние крепости, спалил и опустошил их страну и вернулся победителем [5,93].

Иоанны фырт Виршелы хæсты тыххæй та туалтимæ дзырдæуы.

Все в продолжение 2-х дней бились (с двальцами) у Ходжийской скалы и потеряли 6 видных воинов, а также воспитателя их Эристава, двальцам из того аула повредить не сумели [5,22].

Ацы зонæнтæ æвдисæн сты, туалты сæттынмæ æмæ сæ дæлбар бакæнынл куыд архайдтой Чысаны Эрыстаутæ Шалва æмæ Иооан, уымæ гæсгæ пырх æрцыдысты фидæрттæ иуылдæр Тырсыйæ Ачабеты онг, дзырд цæуы Ерманы тыххæй дæр æмæ ацы хъæу та хæстæг у Зылды мæсыгмæ. Кæй зæгъын æй хъæуы, ацы зонæнтæм гæсгæ гæнæн ис æмæ уыцы азар баййæфтаит Зылды мæсыджы арæзтад дæр, кæд афтæ уыдис уæд, уымæн æмæ ахæм фидары дæр сæхи хъахъхъæдтаиккой бынæттон цæрджытæ?

Ам фæстаг зонæны «у Ходжийской скалы» у Ходзы къæдзæх, фæлæ зын зæгъæн у, Зылды мæсыгимæ баст у æви нæу? Фæлæ ам хабар уый мидæг ис æмæ Зылды мæсыджы арæзтад, кæронмæ арæзт чи нæу, ахæм арæзтад у æмæ ацы ратæдзæнтæй иу дæр Зылды мæсыгимæ баст æмæ дзурæг ницæуыл у.

Ацы уацы ма уæлдæр куыд фыстон, афтæмæй Е. Пчелина æмæ Дзаттиаты Р. хъуыдымæ гæсгæ Зылды мæсыджы фæзынд баст у Чысаны Ерыстауты рагфыдæлтимæ Ростом (Рати) æмæ Бибылимæ. Уый тыххæй фыссынады ратæдзæнты Ерыстауты цыртдзæвæны ис ахæм скъуыддзаг:

«В то время случилось большое волнение в стране Овсетии и страшное кровопролитное столкновение между царями овсов. Победа осталась за сыновьями старшего брата, детей же младшего брата — Ростома, Бибилу, Цитлосан, и сыновей их с 70-ю рабами добрыми, перевели через Захскую гору, направили в страну Двалетию.

Но двальцы собрались все и сказали им: «Не желаем в нашей стране царя, который бы съедал нас!» Но те стали говорить им клятвенно, что будут называться не царями, а будут титуловаться именем того места, которое будет отдано им. Тогда отвели им Бобалета^ и наименовали их Бибилурами. И начали (Бибилури) строить крепость и такие огромные дома, каких в стране Двалетии не было. Тут-то опомнились двальцы, собрались и сказали (друг другу): «Видим с какой целю устраиваться эти овсы-цари!

Хотя мы их нарекли Бибилурами, но такое наименование не скроет их родовитого происхождения и они по истечении малого времени овладеют всею нашею страною. «Пока у них не появилось потомство и не обосновались, удалим эту двуглавую змею из нашего чрева».» [5, 85-86].

Зын зæгъæн у, ацы æфсымæртæн туалтæ цæрыны бынат кæм раттой. Дзаттиаты Р. хъуыдымæ гæсгæ, уый уыдис, зæгъгæ, Царциаты Калакы (Едысы) æмæ, зæгъгæ, Зылды мæсыг дæр уыдоны арæзт у. Зылды мæсыг уыдоны арæзт кæй у, уый мæ фылдæр уырны, фæлæ сын цæрæнбынат Едысы Царциаты Калак радтой, уый мæ зынтæй уырны. Уæлдæр цы æрмæджытæ равдыстон, уыдоны нымæцы царциаты легендæты скъуыддзæгтæ, уыдон дæр цасдæрбæрцæй дзурæг сты æцæг историон хабæрттыл.

Зын уырнæн у æмæ æрцæуæг адæмы туалтæ æрцæрын кодтаиккой сæ бæсты

астæу, æнцонвадат ран Царциаты Калачы. Дыккаг уый æмæ Дзаттиаты Р. хъуыдымæ гæсгæ, «Царциатское городище у с.Едыс было важным пунктом транзитного торгового пути с Северного Кавказа в Закавказье» [3,90] æмæ ноджы дарддæр «Царциатское городище было торгово-ремесленным центром» [3,90]. Æмæ кæд Царциаты Калак уыд æрмдæсныты æмæ сæудæджерад куыстгæнджыты цæрæнуат 6 æм æнусæй фæстæмæ. Уæд Ерыстауты рагфыдæлтæ Бибыл æмæ Ростомы дуг та уыд 12 æнусты. Куыд уынæм, афтæмæй Едысы Царциаты Калачы цардысты æрмдæснытæ æмæ сæудæджерады куыст чи кодта, ахæм цæрджытæ, ацы дыууæ æфсымæр æмæ сæ фæсдзæуинтæ та уыдысты æфсæддонтæ. Æфсæддон цардыуагыл хæст чи у, уымæй зынбауырнæн у æмæ йæ бон бауыдаит хицæн æрмдæсныйад райсын, йе та сæудæджерадыл ныххæцын. Æфсæддонтæ кæй уыдысты, ууыл та дзурæг у уый, æмæ Ерыстауты цыртдзæвæны фыст ис, зæгъгæ: туалтæм чи æрбцыд, уыдон уыдысты: (кæс уæлдæр) Ростом, Бибыл æмæ Цитлосан сæ фырттæ æмæ 70 фæсдзæуинимæ. Фæлæ Дзаттиаты Р. куыд зæгъы, афтæмæй ам Цитлосан (Цитлосани) нысан кæны сырх пысулджын. «слово «цитлосан» это грузинское «одетый в красное» или «порфироносный» и является возвеличивающим титулом Бибила, а семьдесят добрых рабов это, несомненно, дружина или личная гвардия этих царевичей [3,88]. Ам сырх пысул чи дары, ома сырхпысулджын, у æфсæддонты хуыз. Мæнæ ирон тырысайы дæр сырх — æфсæддон æхсæнады хуыз æмæ нысан куыд у, афтæ. Дарддæр ацы æфсымæртæ туалтæм куы арбафтыдысты æмæ сын туалтæ цæрынæн бынат кæм раттой, уым амайын байдыдттой стыр фидар æмæ стыр хæдзæрттæ «И начали (Бибилури) строить крепость и такие огромные дома, каких в стране Двалетии не было». Ам дзырдæуы, фидар, хъахъхъæнæн арæзтад амайын цæмæн байдыдтой æмæ кæй ныхмæ? Йæ дзуапп у, туалтæй тæрсгæйæ, байдыдтой амайын сæрмагондæй ахæм стыр фидар сæхи бахъахъхъæнынæн. Уый фенгæйæ сæ туалтæ фæсырдтой сæ бæстæйæ. Уæлдæр цы легендæйы кой цыдис, уым дæр амайын байдыдтой уæйгуытæ царцитæй тæрсгæйæ Зылд æмæ йæ царциатæ куы базыдтой, уæд сæ фæцагъдтой. Ома дыууæ ран дæр бæрæг цæуы, сæ фидар сын амайын кæй нæ бауагъдтой. Æмæ Зылды мæсыг дæр у, кæронмæ чи нæ фæцис арæзт, ахæм арæзтад. Ам мæн зæгъын фæнды фидарæй уый æмæ Зылды мæсыджы арæзтад, ком-коммæдæр у баст Чысаны ерыстауты рагфыдæлтимæ æмæ йæ амайгæ дæр уыдон кодтой. Зылды мæсыг та уæйгуыты койимæ баст уымæн у æмæ уæды онг ахæм стыр арæзтад ацы бæстыл никуы ма уыд. Чи йæ амадта, уыдон та уыдысты тынг хъаруджын адæм. Бибыл æмæ Ростъомимæ цы фæсдзæуинтæ уыд — æфсæддонтæ, уыдон дæр, кæй зæгъынæй хъæуы, тынг хъаруджын уыдысты, кæд нымæцæй бирæ нæ уыдысты, уæддæр. Сæ тыхы уыд æмæ самадтаиккой ахæм фидар, стыр дуртæй. Стæй йæ уым та уымæн самадтой æмæ сын, æвæццæгæн, туалтæ æндæр хуыздæр цæрæн бынат нæ радтой, æмæ «тыхы дур та хæрдмæ суры» дзуры ирон æмбисон. Уымæ гæсгæ, бар-æнæбары амадтой Зылды мæсыг. Кæд кæронмæ амад нæ фæцис, æрдæгæй баззад, уæддæр йæ конд æмæ йæ дурты асмæ гæсгæ адæмы æхсæн диссагæн баззад, æмæ йыл йыл скодтой таурæгътæ æмæ легендæтæ дæр.

Ам ма ис иу скъуыддзагкæнинаг фарста: зæгъгæ, ацы æрцæуæг адæм ма афтæ арæзтой стыр хæдзæрттæ дæр, фæлæ сæ кæм арæзтой, уый бæлвырд нæу, Дзаттиаты Р. хъуыдымæ гæсгæ, сæ цæрæн бынат уыд Царциаты Калачы, фæлæ уæлдæр куыд федтам, афтæмæй, зынтæй уыдаиккой ам сæ цæрæн хæдзæрттæ æмæ сæ хъæууат. Зылды мæсыджы арæзтады хуылфы кæд цæрæнуæтты арæзтады бынæттæ ис цалдæр, уæддæр ам зынтæй цардаиккой, уый бæрц адæм. Фæлæ уал

ацы фарста æндæр хаттмæ ныууадзæм. Ацы уацы нысан æрмæстдæр уыд Зылды мæсыг чи самадта æмæ цы нысанæн уыд арæзт, уый равдисын, Æмæ, æнхъæл дæн, мæ мын цасдæрбæрцæй æтысгæ дæр бакодта.

Зылды мæсыг у Ирыстоны цыртдзæвæнтæй сæ тæккæ зынгæдæртæй сæ иу. Йæ арæзтад, йæ конд æмæ нысаниуæгмæ гæсгæ йын ис Ирыстоны истори ахуыргæнгæйæ зынгæ бынат.

Мæ уацы кæрон ма мæ фæнды зæгъын, уый æмæ Зылды Мæсыг æмæ йæ алыварс цы цыртдзæвæнтæ ис, уыдонæн ис стыр нысаниуæг Ирыстоны хуссар хайы туризмы фадыг райтынг кæнынæн, уæлдайдæр та Ирыстоны ивгъуыд цардыуаг æмæ культурæ кæй цымыдис кæны æппæт уыдонæн.

Библиографи

1. Гæззаты В. А. «Зылды мæсыг» Циклопты амад. журнал «Фидиуæг» №7-8. 1927
2. Дзаттиаты Р. Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: «Ир», 2002.
3. Дзаттиаты Р. Г. Царциатские памятники. Владикавказ: Ир, 2006.
4. Джыгкайты Ш. Ирон таурæгътæ. Орджоникидзе «Ир», 1989.
5. История Осетии. Том 1. Цхинвал: Госиздат, 1962.
6. Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.
7. Мæргъиты И. Т. 2015 азы быдырон æрмæджытæ.
8. Пчелина Е. Г. Крепость «Зыльде Машиг» СЭ. Л. 1934, №3.
9. Техов Б. В. К вопросу изучения средневекового городища «Царциаты калак» в с. Едис Джавского района // План работы и тезисы докладов научной сесии ЮОНИИ. Цхинвал, 1967.
10. Царциаты таурæгътæ. Дзæуджыхъæу, 2007.

IV. ФИЛОЛОГИЯ

И. Н. ЦАЛЛАГОВА,
кфн, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАНИЯ ГОВОРОВ ТЕРРИТОРИЙ ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ ДИГОРСКОГО ВАРИАНТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Статья содержит анализ основных экстралингвистических факторов образования дигорских говоров территорий позднего заселения: говор моздокских осетин-дигорцев, говор населения с. Озрек (КБР), говор осетин-дигорцев, проживающих в Турции, говор жителей с. Лезгор (Светловодское) (КБР).

Ключевые слова: *дигорский вариант осетинского языка, переселенческие говоры, анклавные говоры.*

The article analyzes the main extralinguistic factors of formation of the Digorian subdialects in the areas of late settlement: the subdialect of Mozdok Ossetians-Digorians, the subdialect of the residents of Ozrek (Kabardino-Balkarian Republic), the subdialect of the Ossetians-Digorians living in Turkey, and the subdialect of the residents of Lezgor village (Svetlovodsk) (Kabardino-Balkarian Republic).

Keywords: *Digorian variant of the Ossetian language, resettlement subdialects, enclave subdialects.*

В области осетинской диалектологии назрела необходимость в создании концепции формирования и тенденций изменений некоторых говоров, основанной

на результатах анализа научных данных по истории возникновения этих говоров и их современного состояния.

В данной статье мы остановимся на дигорских говорах вторичного образования. Как известно, в исследовании говоров данного типа имеются сложности в решении проблемы определения их генезиса и основного типа.

Необходимость исследования вторичных говоров обусловлена тем, что именно на материале говоров территорий позднего заселения особенно отчетливо проявляется соотношение экстра- и интралингвистических факторов, обусловливающих специфику развития языков и диалектов в их прошлом и настоящем. Если учесть, что многие процессы взаимодействия говоров разного типа, которые на исконной территории происходили в далеком прошлом, а на территории позднего заселения наблюдаются и в наше время, то становится понятной возможность специального изучения говоров территорий позднего заселения [3, 3, 4]

Исследование процессов взаимодействия различных диалектных систем, которые развиваются в говорах вторичного образования, может помочь как в восстановлении фактов далекого прошлого, так и в выявлении специфик формирования отдельных диалектных черт. В современной ситуации отсутствия сплошных диалектных массивов, которые поддерживают стабильность диалектных черт, а также в условиях интенсивного контактирования между носителями разных говоров, а иногда и языков, на территории позднего заселения создаются возможности усиленного процесса разрушения старых диалектных систем [3, 4]

Для решения проблемы классификации переселенческих говоров территорий позднего заселения, необходимо учитывать как их системно-структурные особенности, так и экстралингвистические факторы, наиболее существенными из которых являются следующие: 1) время переселения носителей говора; 2) характер переселения; 3) характер отношений с окружающим населением.

По времени переселения носителей говора, по продолжительности функционирования его в новых условиях выделяются три группы: 1) ранние переселенческие говоры (время переселения — XVI-XVII вв.); 2) переселенческие говоры (начало формирования — XVIII-XIX вв.); поздние переселенческие говоры (начало формирования — конец XIX — начало XX в.).

При классификации переселенческих говоров по характеру переселения следует различать: а) одновременность-разновременность переселения; б) массовость — единичность его.

По характеру сложившихся отношений переселенцев с окружающим населением можно выделить две крайние точки: полная (или почти полная) изолированность или, наоборот, тесная связь. Отношения с окружающим населением могли быть равноправными, так и неравноправными [2, с. 24-25].

Среди переселенческих говоров территорий позднего заселения дигорского варианта осетинского языка можно выделить говор моздокских осетин-дигорцев, говор населения с. Озрек (КБР), говор осетин-дигорцев, проживающих в Турции, говор жителей с. Лезгор (Светловодское) (КБР).

В теории диалектологии говоры определенного языка, которые в силу тех или иных причин, оказались на территориях функционирования говоров других языков, т.е. в иноязычном (инодиалектном) окружении, принято называть островными или анклавными говорами [4, 155]. Исходя из этого, рассматриваемые переселенческие говоры осетин-дигорцев по всем признакам правомерно называть островными или анклавными говорами.

В рамках данной статьи мы рассмотрим экстралингвистические факторы образования анклавных говоров дигорского варианта осетинского языка.

Говор осетин-дигорцев Моздокского района РСО — Алания (ст. Черноярское, Ново-Осетинское)

Носителями говора являются переселенцы из Дигорского ущелья, которые компактно проживают в иноэтничном окружении более двух веков в отрыве от основной массы дигорцев. Возникновение первых осетинских поселений в Моздокских степях и в самом городе Моздок относится к 60-м годам XVIII в. С начала основания Моздока и до начала XIX в. сюда переселялись осетины-иронцы, известные в этнографической литературе как «*цайта*». Осетины-дигорцы начачали селиться здесь позже. В 1802 году в 25 км от Моздока образовалось с. Черноярское, называвшееся в осетинской среде Ерашти (или Дзæрæште), по названию одного из притоков Терека, на котором оно и располагалось. Недалеко от этого села, выходцами из Дигорского ущелья, в 1810 году было основано еще одно поселение Ново-Осетинское (Мосхъæу, Мæсугигъæу). В 1824 году оба села получили статус станиц, а их население причислено к казачьему сословию.

Характеристика жизни переселенцев довольно точно передает поговорка, которая и сегодня бытует у моздокских осетин**:** *Еу къохи — тохæндзаумау, иннæ къохи — косæндзаумау/*В одной руке — оружие, в другой — орудие труда. С первых дней поселения на Кавказской линии они несли военную службу и занимались хлебопашеством, скотоводством, извозом, работой по найму**.** Моздокские осетины смогли создать большие и сложные хозяйства и так как им не хватало рабочих рук, в особенности в зажиточных семьях, они нанимали на летние работы ногайцев, которые целыми кибитками прибывали в рабочее время во все осетинские населенные пункты и оставались тут часто по нескольку лет, поступая к осетинам в батраки. В основной своей массе осетины овладели ногайским языком. К тому же ногайский язык стал интернациональным не только для осетин, но и для черкесов, армян и грузин. Данное обстоятельство обусловило появление в речи моздокских осетин ногаизмов [1, 276].

В царское время контактирование осетин Моздокского района с жителями Северной Осетии было осложнено по объективным причинам. По сути, они оказались в отрыве от основной массы осетинского населения, в окружении других этносов (кабардинцы, русские (казаки), ногайцы, кумыки). Это привело, во-первых, к тому, что на момент фиксации, осетины-дигорцы, сохранили многие черты, которые в материнском говоре уже переходят в архаичный пласт лексики, а во-вторых, к появлению заимствованной лексики, главным образом, из ногайского и русского языков.

Следует отметить, что в 1944 году Моздокский район был передан из состава Ставропольского края в состав Северной Осетии. На сегодняшний день станицы Черноярская и Ново-Осетинская, наряду с поселком Черноярское и с. Елбаево, входят в состав Ново-Осетинского поселения Моздокского района. В данном поселении вместе с осетинами живут русские, кабардинцы, чеченцы, турки и др.

Наше исследование показало, что возникновение своеобразного говора, ввиду особых условий жизни моздокских дигорцев, произошло только до некоторой степени. Говор Моздокских дигорцев, с одной стороны, сохранил лексические архаизмы, а, с другой стороны, обогатил лексику при помощи заимствований. Основные фонетические диалектные черты показывают, что данный говор входит в состав чокающего типа дигорской речи [6; 8].

Говор населения с. Озрек КБР.

По историческим данным начало переселения предков озрекцев из Дигорского ущелья относится к середине XIX века. Основная группа переселенцев, выселившись из селения Донифарс, направилась на северо-запад и остановилась в Таторсе, расположенном в верхней части Хазнидонского ущелья. Через некоторое время они переселились на новое место жительства, которое называли Тургътæ (от диг. *turǧtæ* — *дворы*). Затем они переселились на правый крутой берег реки Хазнидон в Хазнидонском ущелье, образовав там поселение, названное Гъæууат (от диг. *ǧæw* + *wat* букв. «место для поселения»). Местность, где сейчас расположено балкарское селение Ташлытала, было следующим местом временного поселения. Переселенцы здесь так же не задержались, а спустились еще ниже на 15-20 км, и остановились на левом берегу реки Лескен, поселение было названо Найæнтæ. Спускающихся по Хазнидонскому ущелью насчитывалось около 30-35 семей, включавших представителей таких фамилий, как: Темиркановы, Галачиевы, Габачиевы, Хацаевы, Дреевы, Галеевы, Шехинаевы, Цамакаевы. В 1855 году, к ним присоединились еще 24 семьи: Кабалоевы, Царикаевы, Кокоевы, Кумеховы, Кебековы. Переселенцы были из сёл Кета и Кумбулта, так же спустившиеся с гор по ущелью, расположенному восточнее Хазнидонского ущелья. Спускаясь дальше вместе на север в поисках свободных равнинных земель, они выбрали место на левом берегу реки Лескен, между ныне существующими селениями Ерокко и Анзорей, местность была названа Кекуз. Следующим местом поселения было выбрано место между Лескеном II и Аргуданом, получившее из за растущих на горе густых зарослей лесной алычи название Æхшинчъита (диг. *æxšinčitæ* — алыча) [5, с. 12-15]. В конце XIX века этими переселенцами было образовано небольшое село Кабаново (Хъабанти гъæу), на южной окраине села Анзорей. Затем, во время процесса реализации программы землеустройства КБР в 1925-1926 гг. жителям данного села был предоставлен участок земли в междуречье рек Урух и Лескен. Поселение получило название Озрек, население которого на тот момент составляло около тысячи человек. На сегодняшний день в с. Озрек насчитывается 363 двора с населением 1554 человека, которые составляют 57 различных фамилий. Подавляющее большинство населения — осетины-дигорцы. Также в селении проживают кабардинцы, балкарцы, русские, для которых родным языком давно уже стал дигорский. В конфессиональном плане основное население с. Озрек являются мусульманами. Такое смешение людей разной национальной принадлежности, выходцев из разных местностей не могло не найти своего отражения в языковых процессах данного говора. Говор озрекцев характеризуется некоторыми фонетическими, лексическими, морфологическими и синтаксическими особенностями [7]. Однако в процессе междиалектного общения, а также общения между носителями диалектов и литературного языка, неуклонно стираются диалектные черты. Надо также отметить, что степень изолированности данного говора от материнской основы не высокая, так как, несмотря на то, что с. Озрек находится на территории КБР, в окружении кабардинских сел, территориально оно довольно близко находится к дигорским селам Ирафского района, с населением которых озрекцы интенсивно контактируют. В нивелировании диалектных черт говора немаловажную роль играет и преподавание в озрекской школе осетинского языка, в его литературной форме.

Говор жителей с. Лезгор (Светловодское) КБР.

Предки жителей с. Лезгор КБР являются выходцами из одноименного села в Донифарсском обществе Дигорского ущелья. Коренными жителями с. Лезгор Донифарсского общества по историко-этнографическим данным были представители таких фамилий, как: Аршиевы, Бетановы, Бериевы, Бузаровы, Бетрозовы, Газановы, Дреевы, Дашиевы, Елеевы, Левановы, Тайсаевы, Ваниевы, Хидировы, Хаевы, Караевы, Кабалоевы, Цамакаевы, Цорионовы, Чибиевы.

Ряд лезгорских семей сначала переселились в с. Лескен Ирафского района Северной Осетии, а затем в Зольский район Кабардино-Балкарии. Там им были предоставлены земли вблизи селения Светловодское. В память о своей родине, они назвали свое поселение Лезгор (Лесгор).

Первыми переселенцами в КБР приблизительно в 1928-1929 гг. стали представители фамилий Ваниевых и Левановых. Причиной переселения по данным информантов стало их раскулачивание.

На новом месте им было выделено 160 га земли, был создан колхоз им. Сталина. Село стало разрастаться за счет новых переселенцев из Осетии: Караевы, Макоевы, Кардановы, Абисаловы, Таказовы.

В середине XX века с. Лезгор было присоединено к с. Светловодское, и перестало существовать как отдельная административная единица. Основным населением с. Светловодское в период основания в 1924 г. были русские. На сегодняшний же день его население преимущественно кабардинское. На период слияния этих двух сел осетинское население было довольно многочисленным (около 40 дворов). Однако по причине оттока экономически активной ее части в последующие годы, сейчас число осетин-дигорцев существенно сократилось. Оставшееся в с. Светловодское осетинское население по-прежнему компактно проживает в местах изначального поселения. Часть села, в котором проживают осетины-дигорцы, по-прежнему, известна под названием Лезгор. На сегодняшний день там проживают: Левановы (Леуантæ) — 3 двора; Ванеевы (Уанетæ) — 2 двора; Кардановы (Хъардантæ) — 1 двор; Макоевы (Махъотæ) — 2 двора, Хаевы (Хутæ) — 1 двор.

Известно, что чем меньше количество говорящих на островном говоре, тем беднее проявляются языковые особенности. В небольшом изолированном коллективе и индивидуальные речевые особенности могут иметь большое значение для сохранения особенностей говора вообще. Однако при компактном проживании в сельской местности функция языка домашнего общения дольше сохраняется говором, по крайней мере, у старшего и среднего поколения. Это касается и жителей с. Лезгор, которые, несмотря на довольно длительную изоляцию от материнской основы, и небольшую численность, сохранили свой говор почти в неизменном виде.

Язык осетин-дигорцев, проживающих в Турции

Переселение осетин в Турцию происходило в период с конца 50-х до середины 60-х годов XIX в. Ориентировочно в переселении участвовало более 5 тысяч человек. В силу различных факторов поиск мест окончательного поселения осетин на территории Турции оказался растянутым на долгие годы. Первоначально осетинские мухаджиры в основном были поселены в Восточной Анатолии, в районе Сарыкамыш. Здесь ими были созданы несколько самостоятельных сел. В единичных случаях осетины образовывали отдельные кварталы в турец-

ких селениях. В некоторых их этих сел обосновались осетины-дигорцы. Так, в Хамамлы-Дюзю проживало около 400 семейств дигорцев. В непосредственном соседстве с осетинами обосновались поселения других кавказских народов — аварцев, лакцев, кабардинцев, чеченцев, насчитывавших несколько тысяч. Данная картина расселения сохранялась в неизменном виде около 15 лет. После захвата этого региона русскими войсками в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. основная масса осетин мигрировала вглубь турецкой территории. Часть оставшихся в Карсском регионе осетин вернулась в Осетию. Однако после перехода в 1922 году Карсской области в состав Турции подавляющая их часть вновь переселилась в район Сарыкамыша. В 20-е 30-е годы XX века сюда вернулась и часть ушедших отсюда после войны 1877-1878 гг. в другие анатолийские провинции осетин. Вернувшиеся поселились в трех сохранившихся селах — Хамамлы, Селим, Алисофу. В Хамамлы осетины проживали совместно с лакцами, в Алисофу — совместно с туркменами. Часть осетин проживала на территориях к северу и западу от озера Ван. Ими был основан ряд селений, которые находились на значительном удалении друг от друга. На этой территории они соседствовали с представителями других северокавказских народов. Значительная часть осетин, мигрировавших из Карсского региона после войны 1877-1878 гг. расселилась в Центральной Анатолии, по соседству с адыгами и абхазо-абазинскими поселениями. В некоторых селах осетины проживали с другими северокавказскими народами. Известно так же о существовании в прошлом поселений осетин в районе Эрзурума. Незначительная группа осетин после долгих скитаний по Анатолии в 80 — х годах XIX века осела на так называемых Голанских высотах, входивших в то время в состав Османской империи. Здесь ими было основано два поселения в непосредственной близости от адыгских, абхазских и чеченских сел.

Взаимоотношения Сарыкамышских осетин с окружающим населением были достаточно комплементарными. Между тем, как отношения поселенных на Восточно-Анатолийском нагорье осетин с основными категориями коренного населения носили крайне сложный характер. Им приходилось бороться за выживание в чрезвычайно неблагоприятной этнополитической обстановке. Осетинские группы, расселившиеся в Центральной Анатолии, находились в более благоприятной обстановке. В целом, можно сказать, что большинство локальных сообществ осетин Турции в этносоциальном отношении были довольно обособлены и замкнуты.

На нынешний период осетины — потомки мухаджиров, обладают развитым диаспорным этническим самосознанием и определенными механизмами самоорганизации. В настоящее время на территории Турции существуют два осетинских села в провинции Йозгат, дигорское — Пойразлы и иронское — Боялык. Эти села в несколько сот человек, в целом сохраняют свой моноэтничный статус [10].

Язык турецких осетин, как иронцев, так и дигорцев, был почти полностью изолирован от материнской основы долгое время. На новом месте осетины довольно быстро освоили турецкий язык, а многие и языки соседствующих народов, став при этом билингвами, или даже многоязычными. Однако осетинский язык, вплоть до недавнего времени, оставался средством бытового общения в селе [9]. К сожалению, на сегодняшний день говор анатолийских осетин-дигорцев практически не исследован, хотя его изучение могло бы помочь в решении многих теоретических проблем анклавной диалектологии.

Исследование анклавных говоров какого-либо языка является одним из вопросов проблемы языкового контактирования. Небольшие, а иногда и недавно возникшие языковые острова (анклавы) представляют собой как бы «лабораторию», где под воздействием окружающего языка происходят интенсивные изменения. Стремительность этих процессов, на наш взгляд, зависит как от степени изолированности островного говора от языка-источника, так и от размеров территорий острова и количества носителей говора. В сложившейся языковой ситуации, в рассматриваемых нами дигорских говорах территорий позднего заселения произошли закономерные, и, в определенном смысле, общие для анклавных говоров, изменения: с одной стороны — в языке сохранились некоторые грамматические и лексические элементы, которые в современном материнском диалекте уже перешли в архаичный пласт, с другой — произошло обогащение языка за счет иноязычных заимствований. Этими факторами обусловлено лексико-семантическое, и, в некоторой степени, фонетическое своеобразие рассматриваемых говоров.

Примечания

1. Алборов Б. А. Говор осетин-иронцев Моздокского района // Изв. 2-го Северо-Кавказского пед. Ин-та им. Гадиева. Орджоникидзе, 1932. Т. IX. С. 287-291.

2. Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. №2. С. 22-31.

3. Баранникова Л. И. Специфика лексико-семантических процессов в говорах территории позднего заселения (к проблеме влияния литературного языка на диалекты) // Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1985. 98 с. С. 3-10.

4. Теркулов В. И. О методологии исследования анклавного говора // Філологічні трактати. Т. 1, №2, 2009. С. 155-159.

5. Хацаев М. Озрек и его жители. Владикавказ, 1995. 227 с.

6. Цаллагова И. Н. Некоторые особенности говора осетин-дигорцев Моздокского района РСО-Алания // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5; URL: http://www.science-education.ru/119-14713 (дата обращения: 02.10.2014).

7. Цаллагова И. Н. Основные тенденции в динамике развития озрекского говора дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2012. №3; URL: www.science-education.ru/103-6503 (дата обращения: 28.06.2012).

8. Цаллагова И. Н. Особенности современного состояния говоров дигорского варианта осетинского языка (На материале стур-дигорского говора) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4; URL:http://www.science-education.ru/110-9740 (дата обращения: 26.07.2013).

9. Чичиев Г. В., Гутиева Э. Т., Сокаева Д. В., Тавасиева Э. И. Еще раз об анатолийских осетинах и актуальности их изучения полевым методом (вместо отчета об экспедиции СОИГСИ в Турцию 2013) // Известия СОИГСИ 11 (50) 2014. С. 142-148.

10. Чочиев Г. В. Осетины на Ближнем Востоке: поселение, адаптация, этносоциальная эволюция (краткий очерк) // Известия СОИГСИ 4 (43). 2010. С. 48-66.

Ф. О. АБАЕВА,
кфн СОИГСИ им. В. И. Абаевва
(г. Владикавказ)

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С НАЗВАНИЯМИ ШЁЛКА, В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается лексика, связанная с названиями шёлка в осетинском языке; определяются функционирование и закономерности семантического освоения заимствований на разных периодах.

***Ключевые слова**: шёлк, лексика, этимология, осетинский язык.*

The article considers the words that referred to silk in the Ossetian language; regularities of the semantic mastering of loanwords and their functioning are determined on the different periods.

***Keywords**: silk, lexis, etymology, Ossetian language.*

Культуры, как известно, взаимно заимствуют и/или «копируют» различные явления и понятия, а языки, в свою очередь, взаимодействуя на лексическом уровне, перенимают их названия. Опыт подобных межкультурных связей значительно обогащает культуры и языки разных этносов.

Взаимодействие народов, как географическое, так и культурное, не может не отражаться на словарном составе их языков. Развитие осетинского языка также складывалось по такому принципу, а поскольку комплекс особенностей хозяйства и культуры, который исторически сложился у кавказских народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных естественно-географических условиях [Чебоксаров, 1985: 177], был схож, то эти факторы взаимно влияли на лексические фонды их языков.

Слова, обозначающие названия тканей, относятся к отраслевой лексике, к терминам материальной культуры. Первостепенной задачей изучения отраслевой лексики осетинского языка является сохранение утрачивающихся слов (вместе с изживанием из культуры и быта называемых ими реалий) для последующих поколений. Анализ отраслевой лексики с точки зрения её этимологии, структуры, семантики имеет большое значение в определении степени развития материальной и духовной культуры этноса, способствует получению бесценных комплексных сведений о народе.

Методом сплошной выборки из словарей осетинского языка нами выявлено **22** наименования шёлка и изделий из него: ***læуданæ*** диг. (шёлковый платок), ***дари*** ирон. (шёлковая ткань, канаус), ***дарий*** диг. (шёлковая ткань), ***глази*** ирон. (шёлковая материя), ***глеси*** ирон. (дорогая шёлковая ткань), ***цыллæ*** ирон. (шёлк, шёлковые нитки, сырец), ***цилле*** диг. (шёлковый, шёлк-сырец), ***харæ*** ирон. (шёл-

ковая ткань), ***гæрнадур*** ирон. (плотная шёлковая ткань), ***хуысар*** ирон. (дорогая шёлковая ткань), ***хусар*** диг. (вид шёлковой ткани), ***изæлу*** диг. (шёлковый платок), ***зæлдаг*** ирон. (шёлк, шёлковый), ***зæлдагæ*** диг. (шёлк, шёлковая ткань, шёлковый), ***зæлы*** ирон. (шёлковый), ***къуыбарзæлдаг*** ирон. (комковатый шёлк — второй сорт шёлка-сырца), ***хæрдгæхуыд хъуымац*** ирон. (парча — вид шёлковой ткани. — Ф. А.), ***крепдешин*** ирон. (крепдешин — плотная, тонкая шёлковая ткань), ***сатин*** ирон. (сатин), ***креп*** ирон. (креп), ***атлас*** ирон. (атлас, атласный).

По происхождению слова, обозначающие в осетинском языке шёлк и изделия из него, можно разделить на слова иранского (персидского) происхождения, кавказские заимствования, а также заимствования из грузинского и русского языков.

Лексема ***læуданæ*** диг. Значение — «шёлковый платок», напр.: *læуданæ изæлу* диг. «шёлковый платок»; по В. И. Абаеву, «заимствовано из адыг. *läudanä* «шёлковый платок», «шарф»; абаз. (из адыг.) *льаудан* «шарф». Для второй части ср. адыг. *danä* «шёлковая ткань»; в первой части *lä-* «красить»? или топоним *läwä* «Лоо» [Абаев,1963: 116-119]. По нашему мнению, это, возможно, буквальный перевод-калька, т.е. «шёлк из Лоо» (район черноморского города Сочи. — Ф. А.), поскольку топоним Лоо также происходит из адыгского. Известны также русское и украинское: *лудан* — «*стар*. ткань камка, или род камки. || *Пск.* шёлковая вещь, как платок, передник. ***Луданный, лудановый*** *пенз.* шёлковый» [Даль, 1905: 702]. Карачаево-балкарский язык также хранит слово ***лаудан*** в значении «шёлковый», напр., ***лаудан джаулукъ*** *шёлковый платок*.

Лексема ***дари*** ирон, ***дарий*** диг. Значение — «шёлковая ткань», «канаус», «плотная ткань из шёлка»; из перс. «*dārāī* «род шёлковой материи, вырабатываемой в Иезде и Исфагани». Усвоено и другими кавказскими языками: груз. *daraja*, каб. *darīj*, вейнах. *dari, däri* «шёлковая ткань» [Абаев,1958: 345].

Лексема ***цыллæ*** ирон, ***цилле*** диг. Значение — «сырой шёлк» «шёлк-сырец», «шёлковые нитки»; по В. И. Абаеву, «из перс. (из инд.?) *čilla* «тетива лука», тур. *čile* 1. «тетива лука»; 2. «моток ниток». Значение «шёлк», чуждое персидскому и тюркскому языкам, развилось, по-видимому, на кавказской почве; ср. авар. *čillaj*, дарг. *čilla* «шёлк сырец», вейнах. *čilla*, балк. *čilla*, каб. *šəlle* «шёлк». Семантическое развитие: «шёлк для тетивы» → «шёлк вообще» [Абаев,1958: 320-321]. Преимущественное значение: «шёлк-сырец», т.е. нитки из шёлка ручной выделки, из которых осетинки изготовляли ***цыллæ кæлмæрзæн*** *шёлковые платки*, ***цыллæ сали*** шёлковые шали, ***цыллæ сæрбæттæн*** *шёлковые косынки*; носили их с ***гонп*** *шапочкой*, которые к концу XIX — началу XX вв. практически вытеснили шапку.

Е. Н. Студенецкая пишет, что предметы роскоши поставлялись из Персии, в частности «дорогие ткани (бархат, **шёлк**, атлас), сафьян для пошива парадной обуви, драгоценные камни; сафьян и **шёлк** поступали также из Крыма. Из Турции и стран Западной Европы привозили хлопчатобумажные ткани, **шёлк**, кисею (для женских покрывал), нитки, полотно» [Студенецкая,1989: 4]. Данный факт, на наш взгляд, напрямую связан с происхождением лексики, связанной с названиями шёлка у осетин.

Лексема ***глази*** ирон. Значение — «название шёлковой ткани». По В. И. Абаеву, слово произошло «из фр. *glac* через русск. *глазет* «вид парчи с шёлковой основой и гладким золотым или серебряным утком» [Абаев, 1958: 521]. В осетинском языке употребляется в качестве прилагательного «шёлковый», определяя название одежды, в словосочетаниях ***глази къаба*** *шёлковое платье*, ***глази дæллаггуыр*** *шёлковая юбка*, ***глази юбкæ*** *шёлковая юбка* и т.д. Слово

глази имеет также лексическую сочетаемость с существительными ***сæрбæттæн*** *платок на голову* и ***сасыг*** *косынка*; в подобных словосочетаниях лексема ***глази*** имеет описательное значение «шёлковый». Эти словосочетания строятся по принципу прил.+сущ.: ***глази сæрбæттæн*** *шёлковый платок на голову,* ***глази сасыг*** *шёлковая косынка,* ***глази сыф*** *шёлковое платье.*

Лексема ***харæ*** ирон./диг. Значения — «название богатой муаровой шуршащей шёлковой ткани», «шёлк», «шёлковая ткань»; из «перс. *хāra* «сорт богатого волнистого шёлка», «дорогая муаровая шёлковая ткань». Оно вошло во многие языки Кавказа: груз. *xara* «шёлковая ткань», лак. *xara*, авар. *xara*, лезг. *xara* «шёлковая ткань», «муар» и др. Сюда же тур. *xarä* «материя с волнистым лоском» [Абаев,1989: 141]. Употребляется в словосочетании ***харæ хъуымац*** *шёлковая ткань*.

Лексема ***гæрнадур*** ирон., ***гæрнадор*** диг. Значение — «название плотной шёлковой ткани»; заимствовано из «русского языка: *гродетур* (*gros de Tours*) «плотная шёлковая ткань» [Абаев,1958: 516]. В осетинском языке употребляется в сочетании с существительным: ***гæрнадур хъуымац*** шёлковая ткань.

Лексема ***хуысар*** ирон., ***хусар*** диг. Значение — «название дорогой, особо ценимой, шёлковой ткани». По В. И. Абаеву, из «**xusaran* ← **xurasan* «хорасанская ткань», с утратой конечного слога» [Абаев,1989: 268]; термин сохранился в осетинском как наследие старых торговых связей Алании с Ираном; материал получил своё название по месту, где он изготовлялся и откуда получался» [Абаев,1989: 269]. Употребляется в сочетании — ***хусар хъуымац*** *шёлковая ткань*.

Лексема ***зæлдаг*** ирон., ***зæлдагæ*** диг., ***изæлу*** диг. Значение — «шёлк», «шёлковая ткань», «шёлковый»; ***зæлдагин*** диг. «шёлковый»; из *zæl-tag* шёлкнить. Элемент ***zæl***, — считает В. И. Абаев, — «следует связать с названием шёлка ***желл,*** которое приводит Марко Поло. Оно сближается с распространённым названием шёлка: манджур. *sirge*, монг. *sirkek*, лат. *sericum*, венг. *selyem*, русск. *шёлк*, англ. *silk*» [Абаев,1989: 298-295], причём вторая часть лексемы ***зæлдаг*** — *tag* имеет иранское происхождение и восходит к **tāka-* < и.е. **tek-* «ткать», «плести» [Абаев,1979: 221]. Дигорское слово ***изæлу***/***зæлы*** употребляется как в значении «*шёлковый платок*», так и как прилагательное «*шёлковый*», и как существительное «*шёлк*», напр.: ***зæлы кæлмæрзæн*** шёлковый платок, ***зæлы изæлу*** шёлковый (плетёный) платок. Встречается в сочетаниях: ***зæлдаг сæрбæттæн*** шёлковая косынка, ***зæлдаг сасыг*** шёлковая косынка, ***зæлдаг кæлмæрзæн*** шёлковый платок, ***зæлдаг дарæс*** шёлковая одежда, ***зæлдаг фæлыст*** шёлковый наряд, ***зæлдаг разгæмттæ*** шёлковое свадебное платье, ***зæлдагæ хизæ*** шёлковая фата.

По В. И. Абаеву, большинство названий шёлка (вместе с соответствующими реалиями) вошло в осетинский язык в период расцвета аланской феодальной державы в X-XIII вв. «Из шёлка шили мужские бешметы, но главными потребительницами шёлковых тканей всех видов, в том числе и самых дорогих, были, разумеется, женщины из феодальной знати. Шёлковый платок был обязательной принадлежностью каждой сколько-нибудь обеспеченной женщины. Шёлковые ткани шли на женские бешметы и платья, а также на одеяла, покрывала и т.д.» [Абаев,1989: 294-295].

Межэтническое культурно-языковое взаимодействие обусловливает появление заимствований. Русские заимствования ***крепдешин*** ирон. *крепдешин*

(плотная, тонкая шёлковая ткань), ***сатин*** ирон. *сатин*, ***креп*** ирон. *креп*, ***атлас*** ирон. *атлас*. появились в период развития русско-осетинских отношений.

О том, насколько плотно некоторые из наименований шёлка вошли в язык осетин, свидетельствуют следующие пословицы и поговорки народа.

Иронский диалект: ***зæлдаг*** *æлвисæгау фæлмæнæй дзуры* [Осетинские пословицы и поговорки,2006: 548]. — Так мягко говорит, словно шёлк прядёт. *Чидæр Арвыкомæй æнæ* ***дари*** *къаба нал цыд* [Там же, 221]. — Кто-то из Дарьяльского ущелья без шёлкового платья не выходил. ***Цыллæйæ*** *конд дарæсæн* — ***цыллæ*** [Там же, 515]. — Одежде из шёлка — шёлк. ***Цыллæйæ*** *конд дарæс зымæг уазалгæнаг у, сæрд — тæвд* [Там же, 520]. — В одежде из шёлка зимой холодно, а летом — жарко. *Алдымбыдтæн —* ***цыллæ*** *æмæ хæрдгæйы æндæхтæ* [Там же, 521]. — Для плетёной тесьмы — шёлковые и золотые нитки. ***Цыллæйæ цыллæ*** *кæлмæрзæнтæ кæнынц, кенафæй — кенаф кæлмæрзæнтæ*. — Из шёлка плетут шёлковые платки, а из конопли — конопляные [Там же, 521]. *Сæхтæджытæн — тæбын, къæсгуы æмæ* ***цыллæйы*** *æндæхтæ* [Там же, 521]. — Для застёжек (петель) — шерстяные, хлопковые (бумажные) и шёлковые нитки. *Ирон фадыварцæн — гæн æмæ* ***цыллæйæ*** *конд хъуымæцтæ, тынтæ*. — [Там же, 526]. — Для осетинской обуви — конопляные и шёлковые ткани, отрезы (ткани). *Чындздзон чызгæн — чындздзоны* ***зæлдаг*** *фæлыст*. — Девушке на выданье — свадебный наряд из шёлка. *Хорз адæймагæн* ***зæлдаг*** *— йæ ныхас,* ***зæлдаг*** *— йæ кæлмæрзæн,* ***зæлдаг*** *— йæ сæрбæттæн* [Осетинские пословицы и поговорки,1976: 202]. — У хорошего человека шёлковое — слово его, шёлковый — платок его, шёлковая — косынка его. *Хуымгæнæгыл* ***дарихæдон*** *æмæ 'хсад къухтæ нæ фидауынц* [Там же, 73]. — Пахарю шёлковая рубашка и мытые руки не к лицу. *Чидæр йæ мæгуырæй* ***дари*** *хæдон дардта* [Там же, 106]. — Кто-то от своей бедности шёлковую рубаху носил. *Алы* ***дарийы*** *гæбазæй конд адæймаг* [Там же, 133]. — Человек, созданный из разных шёлковых лоскутков. ***Зæлдагыл*** *рæмпæг хæцы, фæлæ сæхъхъисыл нæ хæцы* [Там же, 203]. — Моль ест шёлк, а козью (грубую) шерсть — нет (имеется в виду, что нежное, мягкое более хрупко, а грубое — более устойчиво). *У хороших людей слово в* ***шёлк*** *одето* [Осетинские пословицы и поговорки,1962: 124]. ***Дари*** *хæдоны — хуым кæнынмæ* [Хъазиты, 2013: 136]. — В шёлковой рубахе — и пахать. ***Дариты*** *хъомыл — зындарæн* [Там же, 136]. — Выросшему в шелках (под словом ***даритæ*** понимается «богатство», «роскошь») нельзя угодить. ***Дариты*** *хъомыл хæдзар нæ кæны* [Там же, 136]. — Выросший в шелках, дом не строит. ***Даритыл*** *йæ ис, йæ бон чи калы, уый хæдзаргæнæг нæу* [Там же, 136]. — Тот, кто трати свои силы на шелка (т.е., на роскошь. — Ф. А.), тот дом не построит. ***Зæлдаг*** *æвзаг — сындзытимæ* [Там же, 156]. — Шёлковый язык с шипами. ***Зæлдаг*** *лæгæн —* ***зæлдаг*** *фæндаг* [Там же, 156]. — Шёлковому (т.е. хорошему) человеку — шёлковая (хорошая) дорога. «***Зæлдаг*** *сындзы» тынд сусæг рыст кæны* [Там же, 156]. — Царапина от шёлкового шипа втихомолку болит. ***Зæлдæгты*** *хъомылæн дывæлдах лæггад хъæуы* [Там же, 156]. — Выросшему в шелках выпадает/полагается двойная помощь. ***Зæлдæгтыл алчид***æр *æввæрсы* [Там же, 156]. — Шелками никто не брезгует. ***Зæлдæгтыл — йæ фæндаг*** [Там же, 156]. — По шёлку — его дорога. *Хорз* ***зæлдаг*** *дæр у, фæлæ йæм рæмпæг æмхиц у* [Там же, 312]. — Хорош и шелк, но моль к нему липнет (здесь, вероятно, что-то пропущено). **Дигорский** диалект: *Козбау лæг æ дзубанди* ***зæлдагау*** *ниддаргъ кæнуй*. — Льстец свою речь шёлком расстилает [Осетинские (дигорские) народные изречения, 2011: 199]. *Алли* ***дарий*** *гæбазæй конд адæймаг*. — Человек из кусков от всех шелков [Там же, 216]. ***Дарий*** *къимбус хæрæги саргъбæл нæ фе-*

дауй. — Шёлковая лента ослиному седлу не приличествует [Там же, 268]. *Уæрмæ къахæг æма хумгæнæгбæл* ***дарий*** *хæдонæ æма æхснад къохтæ нæ федаунцæ*. — Копающему погреб да пахарю шёлковая рубашка и чистые руки не к лицу [Там же: 269]. *Хумæ кæнгæй,* ***дарий*** *хæдонæ æма уорс къохтæ нæ федаунцæ*. — Во время пахоты шёлковая рубашка и белые руки неуместны [Там же, 269]. *Кадæр æ мæгурæй* ***дарий*** *хæдонæ дардта*. — Кто-то по бедности шёлковую рубашку носил [Там же, 276].

С шёлком, с шёлковым плетёным осетинским платком (***изæлу)*** связаны и некоторые загадки: *Хæлеуæй — зæнхидзаг, тумбулæй ба — къохидзаг (****Изæлу****)*. Расстелешь — во весь пол, а свернешь — в кулак уместится (Шёлковая шаль) [Там же, 328]; *Бахæлеугæнгæй — зæнхидзаг, бамбурдгæнгай — къохидзаг* (***Изæлу***). — Расстелешь — весь пол покроешь, соберешь — в кулак уберешь (Шёлковая шаль) [Там же, 328]; *Арми цæуй, уæрми нæ цæуй* (***Зæлдагæ*** *сæрбæттæн)*. — В руке умещается, в погребе не умещается (Шёлковый платок) [Там же, 328]; *Арвæй —* ***зæлдагæ****, адæмæн — цийнæ (хори тунæ)*. — С неба — шёлк, людям — радость (Луч солнца) [Там же, 316].

Итак, приведённые пословицы и поговорки осетин, связанные с названиями шёлка, выявили, что наиболее частотны слова: ***зæлдаг*** и ***дари***/***дарий*** диг., на втором месте по количеству употреблений в паремиях — лексема ***цыллæ.*** Как видим, концепт «**шёлк**» в мировоззрении осетин тесно связан с такими понятиями, как *нежность, мягкость, хрупкость, яркость, богатство, идеал, чистота, порядочность, благородство* и т.д. В пословицах, связанных с одеждой, данный концепт употребляется в прямом смысле и возводится к семантике дорогой праздничной одежды.

В контексте данного исследования приводим отрывки из нартовского эпоса осетин, в котором слово **шёлк** упоминается несколько раз. Это «Сказание об *Ацамазе и красавице Агунде*».

1). «Единственная дочь была у Сайнаг-алдара, и, кроме неё, не было у него детей. Нежно любил Сайнаг-алдар свою дочь — красавицу Агунду. До самых пят падала *тяжёлая* **шёлковая коса** Агунды, ясному дню после дождя был подобен взгляд её чёрных глаз, и за какую бы работу она ни бралась, сноровка у неё была спорая и быстрая, хватке волка подобная» [Сказания о Нартах, 1981: 297].

2). «А волшебные пальцы Ацамаза ещё быстрее забегали по свирели, и зелёные волны прокатились по вершинам дремучих лесов. И ни травинки не было на скалистых склонах, но вот **зеленым шёлком** оделись они» [Там же, 300].

3). «В **красный шёлк** завернула свирель красавица Агунда и глубоко спрятала её в свой перламутровый девичий сундук» [Там же, 300].

4). «Как **белый шёлк**, седа борода его, но словно у юноши, тонок стан и широки плечи. Красиво облегает его черкеска, сотканная из верблюжьей шерсти. Серебряный посох в левой руке у него» [Там же, 303-304].

5). «Тогда вышла Агунда-красавица, и вынесла она завернутую в **красный шёлк** золотую свирель, и подала её Ацамазу» [Там же, 305].

Производство тканей и одежды из них является своеобразной формой эстетической деятельности человека и обладает некой двойственностью. С одной стороны, это предметы первой необходимости, а с другой — выражают представление народа о красоте.

Концепт «шёлк» тесно связан со свадебным обрядовым текстом осетин. Известно, что для изготовления приданого старались (по возможности) шить из

шёлковой ткани ***зæлдаг хъуымац*** и плести из шёлковых ниток ***цыллæ æндæхтæ***.

Известен специальный амулет, описанный В. Ф. Миллером: «Чтобы предохранить здоровье детей, им изготовлялись амулеты в честь Сафы (покровитель домашнего очага у осетин. — Ф. А.). На третий день Великого поста, в среду, давали кузнецу раскаливать самые мелкие прутики железа, эти кусочки зашивали в ладанке вместе с лоскутом сукна или шёлковой материи, кусочком ваты и воробьиным помётом и заставляли детей носить на шее» [Миллер, 1998: 385].

Символическим оберегом приданого невесты выступает ***зæлдаг синаг*** *плетёный шнур из шёлковых ниток* для перетягивания уложенных вещей невесты. В контексте свадебной обрядности осетин шнур наделяет невесту жизненной силой и участвует в установлении связи между домами невесты и жениха.

Термины, связанные с шелководством, производством и изготовлением шёлка: шелковичный червь — ***цыллæгæнæг калм***, шелкоткацкий — ***цыллæуафæн***, шелководство — ***цыллæйы куыст***. Словообразующим в шелководческой терминологии осетин является лексема ***цыллæ.***

Богато представленная лексика осетинского языка, связанная с названиями шёлка, доказывает, что сама обозначаемая реалия имела огромное значение для осетин; что шёлк был маркером социального статуса в определённый исторический период. Небезынтересно отметить в связи с этим, что, по данным Указателя частотности лексем «Осетинской лиры», К. Л. Хетагуров из обширного ряда наименований шелка лишь разово использовал слово *дари* [Мамиева, 2013: 495], — факт, косвенно подтверждающий справедливость утверждения биографов поэта о том, что он был «певцом осетинской горской бедноты».

Примечания

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М. Л.: Издательство АН СССР, 1958. 656 с.; т. III. Л.: Наука, 1979. 360 с.; т. IV. Л: Наука, 1989. 328 с.

2. Абаев В. И. Русско-осетинский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970. 586 с.

3. Абаева Ф. О. Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика): монография. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. 251 с.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т./В. И. Даль. 3-е изд. СПб.; М.: М. О. Вольфъ, 1905. Т.2. 2030 с.

5. Ирон æвзаджы æмбарынгæнæн дзырдуат: 4 томæй/Гæбæраты Никъалайы иумæйаг редакцийæ; Уæрæсейы зонæдты академи; Дзæуджыхъæуы зонадон центр; Хуссар Ирыстоны зонад-иртасæн институт. М.: Наука, 2007. Т. 2. Б КЪ. 2010. 486 ф.

6. Мамиева И. В. Поэтическая вселенная К. Л. Хетагурова в словарном измерении («Осетинская лира»). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013. 510 с.

7. Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ: Алания, 1998. 520 с.

8. Осетинские (дигорские) народные изречения/из собрания Г. А. Дзагурова. 2-е изд. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2011. 376 с.

9. Осетинские пословицы и поговорки/Сост. З. В. Абаева. Цхинвали: Госиздат Юго-Осетии, 1962. 142 с.

10. Осетинские пословицы и поговорки/Сост. И. Айларов, Р. Гаджинова, Р. Кцоева. Владикавказ: Ир, 2006. 712 с.

11. Осетинские пословицы и поговорки/Сост. К. Ц. Гутиев. Орджоникидзе: Ир, 1976. 160 с.

12. Осетинско-русский словарь/5-е изд./Бигулаев Б. Б., Гагкаев К. Е., Гуриев Т. А. и др. Владикавказ: Алания, 2004. 540 с.

13. Осетинско-русский словарь. 3-е дополненное издание. С приложением грамматического очерка осетинского языка В. ИРОН. Абаева. Орджоникидзе: Ир, 1970. 720 с.

14. Сказания о нартах/Пер. с осет. яз. Ю. Либединского. 4-е изд. Цхинвали: Ирыстон, 1981. 400 с.

15. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. М.: Наука, 1989. 288 с.

16. Таказов Ф. М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ: «Алания», 2003. 736 с.

17. Хъазиты Мелитон. Ирон хæзна: æмбисæндтæ. 1-аг чиныг Цхинвал: Цыкура Дзæуджыхъæу: Орион, 2013-352 ф.

18. Чебоксаров Н. Н.; Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1971. 256 с.

Список условных сокращений

Языки и диалекты:

ирон. — иронский диалект осетинского языка; **диг.** — дигорский диалект осетинского языка.

М. Б. ТУАЕВА,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ КОСТА НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «ДОДОЙ» И «ÆНÆ ХАЙ»

В статье автором предпринята попытка определить проблему перевода на русский язык двух художественных произведений Коста Хетагурова: стихотворений «Додой» и «Ænæ хай». Воспроизведение национальной литературы по праву считается одной из острых проблем художественного перевода. Эта проблема усложняется еще и тем, что поэзия недостаточно изучена в лингвистическом и социологическом планах. Перевод не может быть понят, если не рассматривать его как национально-культурное явление, если не раскрыть его самых глубоких лингвистических основ.

***Ключевые слова**: Коста Хетагуров, перевод, поэзия.*

In this article, the author attempts to identify the problem of the Russian translation of the two artistic works of Kosta Khetagurov: poems «Dodoy» and «Ænæ hai.» Reproduction of the national literature is rightfully considered one of the most acute problems of artistic translation. This problem is compounded by the fact that poetry is insufficiently studied in the linguistic and sociological plans. Translation cannot be understood if you do not treat it as a national cultural phenomenon, if not reveal its most profound linguistic basis.

***Keywords**: Kosta Khetagurov, translation, poetry.*

Исследуя поэтический сборник Коста Хетагурова «Ирон фандыр», можно с уверенностью сказать, что именно Коста положил начало летоисчислению осетинской литературы. ««Если В обширной литературе, посвященной Коста, интерес исследователей сосредоточен преимущественно на его общественной, гражданской позиции, на его идейно-эстетических взглядах, на содержании его произведений, то словесное мастерство поэта, о котором написано пока мало, еще ждет своего открытия. Коста у осетин один, и этим он особенно дорог народу» [1, 108]. Позитивный шаг в указанном направлении осуществлен недавно изданием словаря языка «Осетинской лиры», в котором разностороннему рассмотрению в лингво-, этно-, культуроведческом аспектах подвергается поэтический лексикон осетинских текстов К.Л. Хетагурова [2]. Интерес представляет также исследование базовых концептов художественного мира поэта с точки зрения способов и средств их лексической и образной репрезентации [3, 127-145].

«Коста Хетагуров был человеком не только «двуязычным», но и, если так можно выразиться, двупсихологичным. Под этим понимается умение проникаться психологией другого народа. В силу указанного дарования поэзия Коста Хетагурова органически вошла в русскую литературу» [4, 83]. В данной статье рассма-

триваются проблемы перевода стихотворений Коста «Додой» и «Æнæ хай». Главной проблемой при переводе стихов является структура поэтического текста, требующая употребления рифм и определенного стихотворного размера. Задача переводчика — переплавить авторские идеи и образы, принять во внимание стилистику и языковые конструкции оригинала, чтобы сохранить «аромат» переводимого произведения и выразить его эксплицитно, достигнуть наибольшей степени эстетической равноценности подлиннику.

Только рассмотрев «Додой» до мельчайших подробностей, переводчик должен поставить перед собой задачу сохранения «аромата» данного произведения и выразить его эксплицитно, достигнуть наибольшей степени эстетической равноценности подлиннику.

Стихотворение «Додой», как и многие произведения Коста, отличается логико-эмоциональным характером:

Додой фæкæнат, мæ райгуырæн хæхтæ
Сау фæныкæй уæ куы фенин фæлтау!
Зæй уæ фæласа, нæ тæрхоны лæгтæ, —
Иу ма уæ фезмæлæд искуы лæгау!..
(Горы родимые, плачьте безумно.
Лучше мне видеть вас черной золой.
Судьи народные, падая шумно,
Пусть вас схоронит обвал под собой.)

Первые строки стихотворения дают ощущение трагичности бытия, бедственного положения, в котором пребывал осетинский народ. Это мужественные и суровые строки, отчаянный призыв автора к собственному народу. И переводчик, использовав лексические средства, не являющиеся эквивалентными оригинальным, попытался максимально передать ту экспрессию, которая присуща в целом стихотворениям Коста Хетагурова. Но в переводе сдвинуты смысловые акценты, и особенно в последней строке наблюдается далеко не равноценная замена идиоматического выражения, что несет в себе имплицитный окрас.

Искæй зæрдæ уæ дзыназгæ нырризæд,
Искæмæ бахъарæд адæмы хъыг,
Дзыллæйы мастæй уæ исчи фæриссæд,
Иумæ уæ разынæд иу цæсты сыг!
(Пусть хоть один из вас тяжко застонет,
Горе народное, плача, поймет.
Пусть хоть один в этом горе потонет,
В жгучем страданье слезинку прольет).

Здесь мы видим активное сохранение денотатов подлинника, но переводчику приходится отказываться от некоторых семантических составляющих оригинала, с целью сохранения индивидуальных черт стихотворения и его воздействия на читателя. В переводе мы наблюдаем анафорическое построение строк, в оригинале оно отсутствует.

Фидар рæхыстæй нын не уæнгтæ сбастой,
Рухс кувæндæттæй хынджылæг кæнынц.
(Цепью железной нам тело сковали,
Мертвым покоя в земле не дают..)

В данных строках произведения отчетливо прослеживается частичная лакуна, но не следует сбрасывать со счетов, что у переводчика есть право выбора

лексических средств, и даже синтаксических конструкций. Определенно, здесь мы видим, что смысловые акценты сдвинуты за счет общности стилистических выражений. Подобные синтаксические конверсии объясняются отсутствием традиционно установившихся словарных эквивалентов.

Гъе-мардзæ, исчи! — бынтон сæфт кæнæм!
(Вождь наш, спеши к нам — мы к смерти идем.)

В последней строке мы видим сплав бушующих эмоций, но в переводе наблюдается частичное отсутствие синонимических и дескриптивных соответствий. Здесь переводчик соотносит лексические единицы подлинника и перевода, но они разнятся по семантическому содержанию.

Использование тире вносит в текст значение неожиданности. Эмфатичность последнего предложения подчеркивается и финальным восклицательным знаком, но в переводе недостаточно передана психо-эмоциональная сущность стихотворения.

Очевидно, что переводчик работая над данным произведением Коста отказался от многих переводческих моделей, которые строятся на молчаливой презумпции равенства «слово=смысл». Подобный целесообразный шаг является оправданным, потому что практика показывает, что даже соблюдение всех формальных элементов в переводе не делает его адекватным, семантические потери здесь неизбежны. В каждой строке своего произведения Коста Хетагуров проявляет свои общественно-политические взгляды и позиционирует страдания своего народа. Лирическая ситуация, представленная в стихотворении «Додой», — это конфликт поэта с самим собой, внутренняя и внешняя несвобода народа. Каждое стихотворение уникально и неповторимо: пытаясь воспроизвести его на другом языке, в другом культурном и ментальном пространстве и времени, мы ставим заведомо невыполнимую задачу, и поэтому рифмованные пересказы — не просто неудачный перевод, они приносят огромный вред, ибо дискредитируют подлинник, создавая неверное представление о поэте. Подобные «произведения искусства» могут создать ложное представление о той или иной национальной литературе.

Рассматривая перевод другого стихотворения Коста «Æнæ хай» («Без доли»), можно отметить существенную неувязку уже в первой строке:

«Мæ Иры фæсивæд! Дæ цинæй, дæ хъыгæй
Фæластон мæ сау зæрдæ дард…
(Как сердце тоскует с тобою в разлуке,
Отчизны моей молодежь!)

Автор перевода М. Фроман не учел тот факт, что стихотворение в оригинале начинается с обращения к молодежи Осетии. В последующих строках переводчик использовал совокупный комплекс ассоциаций, который с точностью передал смысл оригинала, это позволяет сделать вывод о том, что все языки сопоставимы благодаря взможности применения различного рода компенсаторных замен.

Мæлæтæй нæ тæрсын, фæлæ мын мæ фæстæ
Мæ уæлдмæрдмæ чи хæсдзæн суг?
(Не смерти боюсь я, — но кто же разложит
Костер на могиле моей?).

Определенно, читатель не обладающий культурно-фоновой информацией, не знающий традиций и обычаев осетинского народа, не сразу поймет, зачем на могиле нужно разжигать костер. И здесь, несомненно, требуется пояснительная

сноска, объясняющая то, что у осетин на следующий день после захоронения покойника принято разводить костер, по поверьям, передающий частичку тепла от родных усопшему.

Кæй фæндыр æсцæгъддзæн мæ иунæджы зарæг,
Чи уадздзæн мæ дугъы йæ бæх?»
(Кто песнь обо мне на фандыре сыграет,
Кто в скачке мелькнет на коне?).

И вновь мы здесь наблюдаем необходимость раскрытия глубинных и сакральных нюансов обычаев осетин. Коня посвящали покойному и в честь усопшего устраивались скачки. Совершенно справедливо поступил переводчик, не подыскивая слову «фандыр» синонимических соответствий в русском языке, так как это собственное непереводимое название осетинского музыкального инструмента. Следует сделать вывод, что перевод не может быть понят, если не рассматривать его как культурное явление, как часть и средство развития национальной культуры.

Говоря о переводе в целом, можно с уверенностью сказать, что перевод это не просто замена одного языка другим, это сложный и трудоемкий процесс, в котором сталкиваются различные культуры и склады мышления, различные личности и эпохи. Перевод нельзя назвать адекватным, если у переводчика отсутствуют фоновые знания, без которых невозможно правильно воспроизвести картину жизни носителей переводимого языка. Особенно это касается национальной литературы. Для того чтобы осуществить адекватную трансляцию этико-эстетических реалий художественного мира К. Л. Хетагурова, переводчику необходимо «вжиться» в пространство этого мира, начать чувствовать и думать как Коста, понимать его неистовую и самозабвенную любовь к своему народу, мысленно перенестись в ту историческую эпоху, учитывать все культурологические и психологические аспекты жизни осетинского народа. И если переводчик обходит подобные нюансы, то это не просто неуважение и некомпетентность, подобный настрой чреват дискредитацией национальной литературы. Неверное позиционирование приводит к примитивизации переводимого текста, к созданию у принимающей культуры ложного представления о других народах и их духовно-нравственных и художественных ценностях.

Примечания

1. Абаев В. Еще раз о Коста // Мятежная лира горца. Орджоникидзе: Ир, 1981.

2. Мамиева И. В. Поэтическая вселенная К. Л. Хетагурова в словарном измерении («Осетинская лира»). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013. 510 с.

3. Мамиева И. В. Художественный концепт ЗÆРДÆ/СЕРДЦЕ и его лексико-семантическая репрезентация в поэзии К. Л. Хетагурова // Коста и мировой историко-культурный процесс: Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 155-летию К. Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2014. С. 127-145.

4. Сборник трудов молодых ученых института. Вып. 2. Орджоникидзе: Ир, 1972.

5. Абаев В. Коста Хетагуров и его жизнь. Тбилиси: Изд-во Союза писателей Грузии «Заря Востока», 1961. 200 с.

6. Виноградов В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие. 2-е изд.; перераб. М.: КДУ, 2004. 240 с.

7. Влахов С. Флорин С. «Непереводимое в переводе». Моногр. 2-е изд., исп. И доп. М.: Высш.шк.,1986. 416 с.

8. Дзахов И. М. «О переводах «Осетинской лиры». Коста. Владикавказ, Ир,1996. 160 с.

9. Корзун В. «Коста Хетагуров. Очерк жизни и творчества». Сов.писатель. М.; 1957. 204 с.

10. Коста Хетагуров. «Осетинская лира». Орджоникидзе,1951.

11. Коста Хетагуров. «Статьи о жизни и творчестве». Орджоникидзе,1959. 303 с.

12. Крупнов В. Н. «В творческой лаборатории переводчика.» М.: «Междунар. отношения»,1976. 192 с.

13. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. «Проблемы перевода. (англ.яз). М.: «Междунар.отношения», 1976. 208 с.

14. Тедеты Р. К. «Коста в жизни». Изд-во «Иристон», Цхинвал, 1984. С.215.

15. Федоров А. В. «Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. Л.: Сов. писатель,1983. 352 с.

16. Хетæгкаты Къ. «Ирон фæндыр». Орджоникидзе: Ир, 1984. 176 ф.

17. Швейцер А. Д. «Перевод и лингвистика». М., Воениздат,1973. 280 с.

А. М. ТЕКАЕВА,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА ОСЕТИН

В статье рассматриваются вопросы поэтики обрядового фольклора осетин. Автор особое внимание уделяет особенностям организации сюжета и композиции. Теоретические положения иллюстрируются образцами фольклорных текстов.

Ключевые слова: *обрядовая поэзия, сюжет, причитания, лирика.*

The poetic questions of Ossetic ritual folklore are examined in this article. The author pays qreat attention to the topic and the composition. Theoretical regulations are illustrated as the examples of folklore texts.

Kew words: *ritual poetry, topic, lamentation, lyric poetry.*

Объектом художественного изображения в поэтических текстах является народ — его труд, быт, думы о настоящем, надежды на будущее. Поэтическое творчество любого народа возникает и развивается в конкретно-исторических условиях его жизни. Оно не только способствовало эстетическому и духовному наслаждению, но и имело огромное нравственное и общественное значение. Как писал М. Горький: «От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории» [1, 7]. Художественно-поэтические традиции в обрядовой поэзии осетин являются глубоко национальным явлением. В них отражается духовный облик народа, показан его национальный характер, труд, мировоззрение. В обрядовой поэзии заключается народная мудрость, огромный опыт, накопленный народом на протяжении многих столетий. Правильное понимание и трактовка обрядовых текстов помогает нам в точности охарактеризовать мировоззрение народа, его нравственные и эстетические идеалы. Художественно-поэтические традиции обрядового фольклора осетин по своей структуре, мелодии, поэтическому образу, ритмическому складу, интонации богаты и своеобразны. Они самобытны и уникальны. Появление обрядового фольклора было вызвано духовными потребностями древнего человека, который не знал, как объяснить различные явления природы и воспринимал их как проявление действий высших сил. Слова и тексты, имевшие большое значение в обряде, стали первыми образцами устного поэтического творчества, которые позже положили начало развития фольклорных жанров в обрядовой поэзии. В них отображены многие древние мировоззренческие представления осетин. Еще в XIX веке ученые и путешественники Гакстгаузен А. [2], Миллер В. Ф. [3], Зиссерман А. [4], Пфафф В. Б., [5] Чурсин Г. Ф.

[6] и др. были восхищены талантом осетинского народа, его богатой жизненной историей. По записям Е. Маркова: «Осетины любопытны не одними своими религиозными и бытовыми суевериями. Любопытна их глубоко оригинальная поэзия. Это народ такого широкого и притом древнего эпоса, подобно которому трудно встретить. Песни, сказки, осетин могут наполнить собою тома» [7, 9].

Перед нами стоит задача дать научную характеристику художественно-поэтическим традициям в обрядовой поэзии осетин. В ходе анализа обрядовых текстов широко используются их варианты, так как «вариативность есть специфическая форма конкретного выражения песенного сюжета, который по самой своей художественной природе не может получить закономерное воплощение в каком-то единственном тексте» [8,9].

В своих первых художественных произведениях осетины воссоздавали то, что в окружающей действительности им представлялось особенно важным. Мы можем считать, что развитие сознания горца получало художественное выражение не только в контурных рисунках, но и в песнях и танцах. Песни, которые помогали земледельцу в труде, позже преобразовались в трудовые обрядовые песни. Песни, помогающие в охоте, позже переросли в охотничьи обрядовые песни. Песни и плачи, использованные в быту, дали основу семейно-обрядовой поэзии. И песни, которые использовались в определенное время года в каком-то определенном обряде, составили календарно-обрядовую поэзию. То есть в песнях постепенно отражался весь трудовой процесс горца. Поэзия осетин самобытна, главное ее назначение состоит в том, чтобы воздействовать на окружающий мир, изобразить светлую, желанную сторону жизни. С этим связаны и этим определяются особенности художественной формы обрядовой поэзии. В художественно-поэтических традициях показаны народные мечты о счастье, о зажиточной жизни, все эти признаки находят свое выражение в различных средствах поэтической идеализации, и это указывает на выбор образов, эпитетов, сравнений, символов. Все то, что окружает земледельца, и он сам воспеваются в идеальном, желаемом виде. Так, в одном из приведенных текстов, основные праздничные пожелания тесно связаны с традиционным крестьянским представлением о благополучной жизни. Это пожелание счастья, здоровья, долгих лет жизни, чтобы был достаток во всем. Родить хозяйке в новом году сына, хозяину убить оленя, самого почитаемого тотемного животного в осетинской мифологии.

Уæ, Басилтæ, Басилтæ! О, Басилта, Басилта!
Хуарз Басилтæ! Гъой-Гъой! Добрые Басилта! Ой-ой!
Уай,уе ‘фсинæн лæхъуæн фæууа! О, да будет у вашей хозяйки сын!
Уæ, уæ хецау саг рамара, О, ваш хозяин пусть оленя убьет!
Махæн нæ басийлаг раттайтæ! Нам вы дайте причитающиеся нам
Басилта! [9, 67]

В художественно-поэтических произведениях широко используются различные оценочные эпитеты, например: «тыхджын» (сильный), хъæбатыр (доблестный), «тæхгæ-нæргæ» (летящий, гремящий), «бæрзондыл бадæг» (восседающий на небесах), «сойдæттæг» (насылающий изобилие), «дзæбæх цæст» (доброе око).

Сой, сой,Уастырджи! Пошли нам изобилие, Уастырджи!
Мах та зæрдæ рухсæй Сделай так, Уастырджи,
Кусын кæн, Уастырджи! Чтобы мы работали с радостью в сердцах!
Мæгуырты хъахъхъæнæг, Золотой Уастырджи,
Сызгъарин Уастырджи! Пошли нам богатый урожай,

Ратт нын хæлары хор! Избавь нас от голода! [9, с. 45].
Ма ратт хæрамы хор!

В осетинской обрядовой поэзии также часто используются эпитеты, изображающие явления природы, растения: хлебородная осень «бæркадджын фæззæг», благодатное дерево «фарны бæлас», добрый лес «расти гъæдæ», черный лес «сау хъæд» и т. п. Если говорить о календарно-обрядовой поэзии, то песни обладают свойственным им музыкальным звучанием и ритмикой. Основной музыкальный тон большинства календарно-обрядовых песен мажорный, соответствующий выраженным в них эмоциям радости, веселья, бодрости, надежды. Семейно-обрядовая поэзия имеет немного иную художественную окраску. В ней особенно ярко раскрывается патриархальный уклад семьи. Произведения по своему идейно-тематическому содержанию, композиции, поэтическим образам, интонации и синтаксису, мелодии не бывают однородными. Особую эмоциональную окраску, если это свадебная поэзия, придает бойкая, живая мелодия и иронический припев. Поэтические образы в этих произведениях подбираются в соответствии с народными представлениями о прекрасном. Вообще следует сказать, что художественно-поэтические образы в свадебной поэзии направлены на то, чтобы подчеркнуть важность, крепость семейного союза.

Каркау бæдулджын, Как курочка, богата цыплятами,
Бæласау — уидагджын, Как дерево, богата корнями,
Хъаруйæ, — хъаруджын, Силой — сильна,
Амондæй — амондджын, Счастьем — счастлива,
Бинонтæн — адджын, Семье — дорогá,
Хъæубæстæн — уарзон! Односельчанами — любима!

Как в осетинском, так и в русском фольклоре курица и дерево олицетворяли плодоносящую силу.

Интересна в структурном и содержательном плане и похоронная поэзия, она относится к глубокой древности. В песнях-причитаниях раскрываются неординарные элементы фольклорной поэтики: художественные представления, устойчивые словосочетания, отдельные поэтические формы, употребление которых является неотъемлемой частью жанровой структуры. Приведем пример. Для того, чтобы вызвать глубокие чувства горечи и сопереживания судьбе матери, потерявшей единственного кормильца, в строках приводятся различные случаи смерти, которые имели место в жизни присутствующих на похоронах и живы в их памяти.

Уæ, мачи мыл фæхудæд, мачи, мæ хуртæ,
Мæнæ мæ хæдзар куы фехæлд,
Мæнæ мыл кæуыны бон куы ныккодта!..
Уæ мæ цæугæ хох, мæ лæугæ мæсыг
Бындзарæй куы ракалд,
Æмæ дзæгъæлæй куы баззадтæн!
Уæ æркæут- ма,æркæут, хорз адæм!
Уæ, йæ дарæг, йæ уромæгæй
Уæ сау хъæды астæу
Йæ дарæг бæласы бын кæмæн фæци,
Уазал мит йæ мæрддзаг кæмæн уыд,
Дымгæ — йæ хъарæггæнæг,
Сырдтæ та йæ кæуджытæ,

Афтæмæй йæ дарæг
Мæрдтæм кæмæн бацыдис,
Уыдон дæр цæуылнæ æркæуынц
Ацы кæуинаг марды уæлхъус!
Не осуждайте меня, мои солнышки,
Что я так горько плачу.
Ведь рухнул мой дом,
Ведь день плача настал для меня!
О, идущая гора моя, башня моя стоящая
Рухнула до основания,
И осталась я одинокая, бесприютная.
О, плачьте же, плачьте, люди добрые!
Кто остался без кормильца, без своего утешителя,
Тем, чей кормилец попал под дерево,
О, среди черного леса.
И холодный снег стал его последней одеждой,
А ветры — его вопленицами,
А звери — его плакальщиками, —
Чей кормилец так на тот свет ушел,
Как им не плакать
Над этим, достойным плача, покойником! [9, 135]

Исследовательские труды некоторых ученых свидетельствуют, о том, что причитания сопровождали похоронный обряд с незапамятных времен. С. Ф. Баранов пишет, что в причитаниях отразились мифологические представления о смерти как о существе, от которого якобы зависит прекращение жизни человека, и религиозные взгляды, основанные на вере в загробную жизнь [1, 117].

Надо сказать, богатые поэтические традиции обрядового фольклора оказали активное влияние и на формирование эмоционально-образного, национально-самобытного облика осетинской художественной литературы. В русле фольклорной поэтики раскрывается, например, трагическое состояние матери сирот из одноименного стихотворения К. Л. Хетагурова. Исследователи говорят, в частности, о смысловых «приращениях», которые образует «устойчивый элемент женского плача-причитания — *царæфтыд фæдæн* (букв. осталась со снятым потолком), эксплицирующий отчаянную безысходность вдовы с пятерыми детьми — мал мала меньше. Материнское сердце теперь, что дом без потолка, открытый всем ветрам и лютой стуже» [10, 131]. Не менее выразительна сцена оплакивания сказителем юношей-сирот в поэме «Афхардты Хасана» А. Кубалова. При анализе этого произведения литературовед И. В. Мамиева особое внимание обращает на употребление эмоциональных формульных эпитетов («Вовеки лежать вам в *холодной* могиле,/*Несчастные* юноши, *бедные* братья!»), на яркое, с пронзительным сочувствием описание безысходной скорби их престарелого родителя («О, *рухнул наш дом*, Хундаджер и Ханджери!/Кому ещё нужен несчастный отец ваш?/*Кто старые кости в могилу зароет*?!»), реакцию которого сказитель заблаговременно видит «внутренним зрением» [11, 187]. Похоронная поэзия — это архаический пласт обрядового фольклора, важный для понимания мифологических и религиозно-магических представлений земледельца в глубокой древности. Наукой доказано, что такой взгляд приведет к игнорированию социального и бытового содержания похоронной обрядовой поэзии. Добавим к этому, что в осетинской

действительности сказанное косвенно подтверждается также древней ипостасью сказителя и его инструмента «как средства оплакать трагедию гибели семьи» (см. сказание о появлении фандыра) [12, 177].

Итак, исследование художественно-стилевых констант помогло сделать интересные статистические наблюдения относительно системно-аналитического изучения изобразительных средств обрядового фольклора осетин. В художественно-поэтических традициях осетин наблюдается богатство и многообразие жанров. Собранный и систематизированный нами фольклорный материал в целом помог выявить сберегавшееся в памяти многих поколений богатство и своеобразие осетинской обрядовой поэзии.

Примечания

1. Баранов С. Ф. Русское народное поэтическое творчество. Ленинград: Красный Печатник, 1962. 303с.

2. Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Ч. II. СПб., 1857. С.87.

3. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: Ир, 1992. 713 с.

4. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. В 2-х ч. Ч. 2. СПб., 1879. 377 с.

5. Пфафф В. Б. Этнологические исследования об осетинах // Сборник сведений о Кавказе. Т. II Тифлис, 1882. С.34.

6. Чурсин Г. Ф. Осетины // Труды ЗНА, Тб., 1925. С.212.

7. Марков А. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. 3-е изд. Спб.-М., 1913. С. 165.

8. Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XII-XIII-XVI в. М.-Л., 1960. С. 9.

9. Бекоев В. И. Песенный фольклор в системе традиционной культуры осетин. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2009. 327 с.

10. Мамиева И. В. Художественный концепт ЗÆРДÆ/СЕРДЦЕ и его лексико-семантическая репрезентация в поэзии К. Л. Хетагурова // Коста и мировой историко-культурный процесс: Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ Владикавказского НЦ РАН и Правительства Республики Северная Осетия-Алания, 2014. С. 127-145.

11. Мамиева И. В. Сказитель в быту и художественном сознании осетин // Эволюция эпической традиции: К 80-летию академика АН Абхазии Ш. Х. Салакая/Под ред. З. Д. Джапуа. Сухум: НААР, 2014. С. 180-191.

12. Мамиева И. В. Институт эпического сказительства на Северном Кавказе: универсалии и этноспецифика // Известия СОИГСИ. 2012. № 8 (47). С. 60-79.

И. С. ДЗАГОЕВА,
соискатель СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЗООНИМОМ *КУЫДЗ* «СОБАКА» В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается лексико-тематическая группа с зоонимом ***куыдз*** *«собака» в осетинской фразеологии; выявляются основные концепты, присущие данной зоолексеме, которая выступает доминантой в устойчивых словосочетаниях осетинского языка.*

Ключевые слова*: фразеологическая единица, зооним, осетинский язык.*

This article discusses the lexical-thematic group with zoonyms ***kuydz*** *«the dog» in Ossetian phraseology; identifies the main concepts peculiar to the given zoolekseme, which stands dominant in collocations of the Ossetian language.*

Keywords*: phraseological unit, zoonym, Ossetian language.*

Известно, что традиционно все языки мира используют образную сферу «животный мир» в качестве основы для метафорического преобразования представлений человека о самом себе и об окружающем его мире. Фразеологические единицы (далее — ФЕ), в которых воплощены анималистические метафоры, при рассмотрении их во всей совокупности для выявления круга образов, — представляют определённый интерес.

Исследователи пишут, что в каждом языке наблюдается определённое количество ФЕ, объединённых общим компонентом, — фитонимами, наименованиями цвета, космонимами, антропонимами, зоонимами и пр., причём семантическая принадлежность компонентов к той или иной тематической группе слабо отражается на мере языковой эквивалентности ФЕ [1, 36].

Во фразеологии осетинского языка лексико-тематическая группа, выражающая сферу животного мира, явно преобладает: «Это не случайно. Известно, что мир живой и неживой природы постоянно окружает человека со времени появления его на земле. Давно установлено, что наименования животных широко используются для образной характеристики человека во всех языках мира» [2, 124], животные становились олицетворением тех качеств, которыми он бы хотел обладать или от которых желал бы избавиться [3,127]. Зоосемическая номинация есть название любого живого существа, за исключением человека; одни учёные считают такую номинацию зоонимом, другие — анимализмом, а термин «зооморфизм» — один из основных разрядов личностных метафорических характеристик в ряде языков [4, 251].

Нас интересует зоолексема *куыдз* «собака» и его концептообразующий потенциал по отношению к понятийному классу «Человек как живое, разумное и

общественное существо» [5, 40]. Эта зоолексема как доминанта в устойчивых словосочетаниях осетинского языка участвует в реализации следующего набора концептов:

1. Преданность, верность

Куыдз хæдзарыл иузæрдыг у — букв.: собака предана дому// русск. верный пёс.

Хорз куыдз лæгæн æмбал у — букв. хорошая собака — друг человека// русск. собака — друг человека.

2. Обжорство; неумеренность в еде

Фынджы коммæ чи кæсы, уый сындз у, дзыхы коммæ чи кæсы, уый та куыдз у — букв.: кто послушен угощениям, тот — колючка, а кто послушен языку, тот собака.

Куыдзæй фыдгуыбындæр у — букв.: ест больше, чем собака; обжора.

Куыдз дæр ма стæджы схъис фæуадзы — букв.: даже собака оставляет осколок косточки.

3. Жадность, скупость

Уайдзæфы къæбæр куыдз дæр нæ хæры — букв.: корку хлеба, которой попрекают, даже собака не ест.

Куыдз чи куры, уый куыдз у; чи йæ нæ радта, уый та дыууæ куыдзы — букв.: кто просит собаку, тот сам собака; а кто не дал, тот вдвойне собака.

Куыдзы комæй ыстæг дæр мæнæ нæй — букв.: из пасти собаки даже (хоть) косточки нет.

4. Жадность, наглость, присвоение, стяжательство

Куыдзы хæст ныккæнын, æдзæсгомæй искæй дзаумæттæ, фæллой хи бакæнын — букв.: вцепиться, как собака; бессовестно присвоить себе чьи-нибудь вещи, богатство //русск. С лихой (паршивой) собаки хоть шерсти клок.

Куыдзæй стæг ратонæгау кæнын, искæмæй исты тыхæй байсын — букв.: подобно тому, как вырвать у собаки кость; силой отнять что-нибудь у кого- то.

Куыдзы лæвæрд кæнын, æвæндонæй, тасы фæдыл раттын — букв.: делиться как собака, нехотя, боясь отдавать.

5. Высокомерие, зазнайство

Æлдарæн йæ куыдз дæр æлдар у — букв.: у барина и собака барин.

Хæздыгæн йæ куыдз дæр йæхиуыл нымад у — букв.: у богатого и собака считается своей.

Мæгуыр лæгыл куыдз нæ хæцы — букв.: бедного собака не кусает.

6. Несправедливость

Хъулон хæринаг куыдзы гуыбыны дæр на тайы — букв.: пестрая еда (еда, оставленная для кого-то конкретно) даже в животе собаки не переваривается.

7. Болтливость попусту, пустословие

Куыдз дæр ма хæргæ хæрын нæ рæйы — букв.: даже собака во время еды не лает // русск.: когда я ем, я глух и нем.

Куыдз рæйы 'мæ йæ дымгæ хæссы — эквив. русск.: собака лает, ветер носит.

Куыдз рæйынæй фылдæр цы кæны — букв.: больше всего собака лает.

8. Бедность

Мæгуыры куыдз мигъмæ рæйы — собака бедняка на луну воет.

Куыдз йæ къуди ницæуыл скъуырдзæн, кæмдæр æппындæр ницы ис; фæзæгъынц мæгыр, ихсыд бынатæй, хæдзарæй — букв.: собака нигде не зацепит свой хвост, нигде ничего нет; говорят про бедный дом.

Сæ куыйтæ мигъмæ рæйынц — букв.: их собаки на луну воют.

9. Защищенность

Фыййауæн куыдз куы уа, уæд бирæгъæй æдас у — букв.: если у пастуха будет собака, то (он) волка не боится.

10. Жалость, разборчивость

Амынæт куыдз дæр нæ хæры — букв.: пленника даже собака не ест.

11. Неразборчивость

Æрвитæггаг куыдз дæр нæ хæры — букв.: приношение даже собака не ест.

12. Зависть

Куыдз куыдзы хæлæгмæ рæйы — букв.: собака лает из зависти к лаю другой собаки.

13. Грубость, унижение, неуважение

Куыдзы ´мгад — в чести как собака// русск.Собака! Вот собака!

Куыдзæй йæ кудздæр ныккодта — букв.: обозвал хуже собаки. *Куыдзы цæстæй кæсын* — искæмæн нæ аргъ кæнын, искæй ницæуыл нымайын; искæмæ æвзæр ахаст дарын; — букв.: смотреть глазами собаки — никого не ценить,никого ни во что не ставить, к кому- то плохо относиться //кабард.-черк. *хьэуэ (хьэуи) мылъагъ-ун (къимыдзэн).*

14. Грубость, презрение

Куыдзы бæлæгъы дон (хъæстæл) бадарын — искæй тынг бафхæрын, йæ бон ын базонын кæнын, ныхмæ æрлæууын, кæнæ дзурын хъом куыд нæ уал уа — букв.: напоить водой из миски собаки; очень сильно обидеть, поругать так, чтоб лишился дара речи.

Куыдз дын бахæрæд дæ хойраг (кæрдзын) — букв.: пусть твой хлеб съест собака.

Куыдз дын нывонд (фæлдыст) — фæзæгъынц æвзæр адæймаг, æвзæр боныгъæд æмæ æндæртæй; æвдисы æнæуынондзинад кæмæдæр, цæмæдæр — букв.: пусть тебе мёртвому собаку посвятят; так говорят про плохого человека, погоду и другое; показывает ненависть к кому-то, чему-то.

15. Грубость, неуживчивость

Æрра куыйтæн иумæйаг тæгæна — хылы хос — букв.: одна миска для двух бешеных собак — повод для ссоры.

Куыдз æмæ лæдзæджы цард кæнын — æвзæр, æдзух хылгæнгæйæ цæрын — букв.: жить как собака и палка, жить плохо, постоянно ругаясь// русск. *как кошка с собакой.*

16. Бесчестие

Куыдзы мардæй ныммард кæйдæр бæсты — букв.: умер как собака в чужой стране //русск. *Собаке — собачья смерть.*

Куыдзы тугæй æхсад уын — æгъатыр, галиу уын — букв.: умыт собачьей кровью; бессильный, никчёмный.

17. Бесчеловечность

Куыдзы тард мын ракодтой — букв.: выгнали как собаку//кабар.-черк. *Хьэгъэ.*

18. Грубость, жестокость

Куыдзау (ын, сын, уын) судзин дæттын хъæуы, амарын — букв.: как собаке иголку дать, убить.

Куыдзы къахæй над — букв.: побит собачьей ногой.

Куыйты хæринагмæ´ртæрын, фæхудинаг кæнын, æгады уавæрмæ´ркæнын — букв.: довести до (состояния) скармливания собакам, опозорить//Кабар.-черк. Хьэ зэрыдэпэІыкІын.

19. Ненависть

Мæ куыдз дын фæлдыст фæуæд, мæ хæрæг — букв.: да будет посвящена тебе (мертвому) моя собака, мой осел.

20. Ничтожность

Куыдзыл дзыкка нæ бады — букв.: на собаке не смотрится (не достойна) каша из сметаны и сыра.

Куыдз дæр ма уисойы раз нæ лæууы — букв.: даже собака не стоит рядом с метлой.

21. Неуважение

Куыдзмæ нæ дарын, (хуым.) искæй нæ хъуыды кæнын, нæ йын аргь кæнын, ницæуыл нымайын — букв.: нет дела как до собаки, ни во что не ставить, на кого-то не обращать внимания, не ценить, считать ни за кого.

Куыдзы къæбылайы аргъ нæ кæнын. Кæмæндæр нæ кад кæнын, ницæуыл æй нымайын — букв.: не стоить щенка. Кого- то не уважать, ни во что не ставить.

Куыдзы кад дæр мын не скодтой — букв.: не удостоили меня даже собачьей чести.

22. Недоверие

Мæ куыдз дыл бауугæндæд — пусть моя собака тебе верит.

23. Бессовестность

Куыдзы тугæй æхсад — букв.: умытый кровью собаки.

Куыдзыл бату кæн, æмæ йæ басдæра — букв.: плюнь на собаку, она облизнется.

24. Пьянство

Æрра куыдзæй æмæ расыг лæгæй дæхи хъахъхъæн — букв.: берегись дурной собаки и пьяного мужчины.

Куыдзы рæйын æмæ расыджы ныхас мацæмæ дар — букв.: на лай собаки и слова пьяного мужчины не обращай внимания.

25. Продуманность, бессилие

Де нæуарзæджы цæмæй базонай, уый тыххæй йын йæ хуыммæ дæ куыдзы бауадз — букв.: если ты хочешь узнать того кто тебя не любит, то пусти собаку в его огород.

Сохъхъыр къæбыла дæр йæ мадырдæм хæцы — букв.: косой щенок тянется к матери.

Куыдз бинонты бирæмæ бæллы — фæйнæ — фæйнæ къæбæры йын куы аппарой, уæд бафсæддзæн — букв.: собака желает прибавление семейства, каждый даст по кусочку и она будет сыта.

26. Подхалимство

Куыдз дæр æрдузæджы арм ысдæры — букв.: И собака облизывает ладонь кастрирующего.

27. Безделие

Æнæхъуыддаг куыдз йæ къах ысдæры — букв.: собака бездельница ногу облизывает.

28. Предостережение

Хицау йæ куыдзы куы ныццæва, уæд æй чындз хъуамæ йæхимæ бамбара — букв.: если свекор ударил собаку, то невеста должна понять, что это относится к ней.

29. Злость

Куыдзы хъæхъхъаг фидауы, лæджы хъæхъхъаг нæ фиыдауы — букв.: злость собаке идет, но не мужчине.

Куыдзæй, куыдздæр уын, æвзæр –букв.: собака пуще собаки.

Куыдзы зæрдæ — букв.: собачье сердце.

30. Злость, вредность

Куыдз дæр ма хорздзинад нæ рох кæны — букв.: даже собака хорошее не забывает.

31. Легкомыслие

Лæджы рогæй куыдзы рог хуыыздæр у — букв.: легкомысленность собаки лучше, чем легкомысленность мужчины.

Рог лæгæй рог куыдзæй хъаудждæр нæй — букв.: легкомысленность мужчины и собаки одно и то же.

Æхсæврæйаг куыдз къæрныхтæм сиды — букв.: лающая ночью собака зазывает воров.

32. Трусость

Куыдз дæр йæхи дуармæ тыхджын у — букв.: собака сильная тоже возле своего двора.

Куыдз йæхи дуармæ хъæхъхъаг у — букв.: собака злая возле своего двора.

Æвзæр куыдз йæ дуармæ хъал у — букв.: плохая собака смелая возле своего двора.

33. Ненужность

Куыдз ысрæйæг дæр ыл нæй — букв.: За ним даже залаявшей собаки нет.

34. Благородство, гордость, достоинство

Хорз куыдз йæ мард дардмæ хæссы — букв.: хорошая собака умирает вдали.

Хорз куыдз йæ мард быдырмæ хæссы — букв.: хорошая собака свою смерть в поле уносит.

Хорз куыдз йæ мард хъæугæронмæ хæссы — букв.: хорошая собака уносит свою смерть на окраину поселка.

35. Злопамятство

Куыдз йæ цæф къæсæрмæ нæ рох кæны — букв.: собака свою обиду до порога не забывает

Куыдз йæ цæф къæсæрмæ хæссы — букв.: собака свою обиду до порога не несет.

Куыдз йæ маст, йе фхæрд æрæгмæ рох кæны — букв.: собака свою обиду, злость долго не забывает.

36. Проницательность

Куыдз зæрдæ зоны — букв.: собака чувствует сердце человека.

37. Неуравновешенность

Æдылы куыдз мигъмæ рæйы — букв.: глупая собака на тучи лает.

38. Безразличие

Баст куыдзы рæйын нæ хъæуы — букв.: не стоит лаять подобно собаке на привязи.

39. Предосторожность

Куыдзимæ лымæн у, фæлæ дæ дæ лæдзæг дæр рох ма уæд — бук.: с собакой дружи, но и про палку свою не забывай.

40. Слабоволие

Куыдзы къæдз ныууын. Хуым. Басæттын, сдзурын хъом нал уæвын — букв.: скривиться как собаке, покориться, ничего не молвить.

41. Пренебрежение

Куыдз лæсæгау кæнын, искæй тыхæй кæнын (æнæгъдау конд кæнын) — букв.:

ползти как собака, насильно кого-то вести.

42. Невыдержанность

Куыдз суадзын, æргом зæгъын, сдзурын — букв.: спустить собаку, сказать в лицо.

43. Некрасивый, неприглядный

Куыдз дæр ыл нæ бату кæндзæн, хуым.: æвидыц, фыдуынд, æвзæр уæвын — букв.: даже собака на него не плюнет, некрасивый.

44. Усталость

Куыдзы фæллад кæнын, бирæ кусын, зын куыст кæнын, тынг фæллайын — букв.: устать как собака, много работать, выполнять тяжелую работу, очень сильно устать // Русск. Собачья жизнь.

45. Сквернословие, грубость

Куыдзы дзых ныххæлиу кæнын, хуым., дзæгъæлы дзурын, хыл кæнын, искæй æфхæрын — букв.: разинуть собачью пасть, болтать попусту, ругаться, кого- нибудь обижать.

Куыдзы дзыхыл хæцын, (хуым.), ницы дзурын, никæй кой кæнын — букв.: держать собачью пасть, ничего не говорить, ни про кого не сплетничать.

46. Злословие, унижение

Куыйтæ дæр мæ нал хæрынц, тынг бафхæрын — букв.: даже собаки меня больше не съедят, очень сильно обидеть.

Куыдзæй тонын, искæй æвзæр хонын, дæлдæр кæнын — букв.: рвать, как собаку, называть кого-то плохим, унижать.

47. Злость, неблагонадежность

Æнамонд куыдз, æнæсæрон, æнæсæрфат чи у, ахæм адæймаг — букв.: несчастливая собака, нерасторопный, неопределенный человек.

48. Злость, враждебность

Баст куыдз, знæт чи у ахæм адæймаг — букв.: собака на привязи, враждебный человек //Русск. Собака, цепной пёс, цепная собака.

49. Непутевый

Дзæгъæл куыдз, раст фæндагæй чи фæиппæрд, æнæ пайда хъеллау чи кæны, ахæм адæймаг — букв.: блуждающая собака, тот, кто свернул с правильного пути //Кабар.-черк. Хьэр гъэбэнэн.

50. Злой, несдержанный

Рæхысыл баст куыдз — фыдсыл, знæт, сдзырд кæмæ нæй, ахæм адæймаг — букв.: собака на привязи, злая женщина, враг с кем нельзя разговаривать, такой человек.// Русск.: бешеная собака.

Как видим, в реализации концептообразующего потенциала зоолексемы *куыдз* «собака» по отношению к понятийному классу «Человек как живое, разумное и общественное существо» участвуют фразеологизмы, образные выражения на *-ау* и бранные выражения с ключевым словом *куыдз* «собака»; они имеют яркую отрицательную оценку, передают эмоциональное настроение говорящего, преимущественно негативное.

Зоолексема *куыдз* «собака» в приведённых примерах выступает как стереотипный образ, употребляется для характеристики человека, вербализирует этноспецифические особенности характера и поведения человека, его мироощущения.

Примечания

1. Райхштайн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.

2. Гаджиева С. Г. Лексико-семантические особенности адъективных компаративных фразеологических единиц лакского языка // Вопросы общей и дагестанской фразеологии. Махачкала,1984.

3. Бесолова Е. Б. Концептосфера этнографической лексики в языковой картине мира осетин. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013.

4. Мусаева П. Г. Фразеологические зоонимы, характеризующие внешность человека в лакском и английском языках // Проблемы общего и дагестанского языкознания. Вып.5. Махачкала, 2008.

5. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале кабардино-черкесского, русского и французского языков). М.: ТЕЗАУРУС, 2009.

Источники

6. Гуытъиаты Хъ. Ирон æмбисæндтæ.Дзæуджыхъæу, 1976.

7. Дзабиев З. Т. Фразеологический словарь осетинского языка.Цхинвал 2004.

М. Т. ХУДАЛОВА,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье речь пойдет о стилистических особенностях и средствах выражения глагольных наклонений в осетинском языке. Данная языковая категория рассматривается с привлечением нартского эпоса.

***Ключевые слова**: осетинский язык, наклонение, нартский эпос.*

In this article, we will discuss the stylistic peculiarities and the means of expression of the verbal moods in Ossetian. This category is considered a language involving of the Nart epic.

***Keywords**: Ossetian language, mood, Nart epic.*

Стилистический интерес категория наклонений вызывает благодаря синономическим средствам «для выражения тех значений, которые свойственны формам наклонений», [1, 220] а также «возможностями переносного употребления» [2,254] и яркой экспрессивной окраске.

Объектом нашего изучения стали повелительное и сослагательное наклонения[1].

«Так богатые экспрессией и эмоциональностью формы повелительного наклонения не известны научной и официально деловой речи, зато широко употребительны в разговорной речи» [1, 254] и, таким образом имеют определенную функционально- стилистическую закрепленность.

[1] Среди лингвистов нет единого мнения о типах наклонения в осетинском языке и это усложняет схему спряжения. Большинство ученых различают четыре типа наклонений в осетинском языке: изъявительное, желательное, условное, повелительное. Наиболее практично подошли к изучению вопроса В. И. Абаев и Т. З. Козырева. По мнению Васо Абаева: «Осетинский глагол имеет три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное. Сослагательное наклонение объединяет две исторические различные формы: старый оптатив (калин, калдтаин) и старый конъюктив (калон). Такое объединение упрощает схему спряжения и объективно оправдано, поскольку в современном языке нельзя уже провести четкой границы между оптативным и конъюктивным употреблением соответствующих форм» (В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка, Орджоникидзе 1959, стр.77-78)». Козырева Т. З: «В современном осетинском языке формы обеих наклонений, в основном выражают действие, которое говорящий считает возможным, предполагаемым, желаемым. Это основное значение оттеняется часто различно: для форм условного наклонения больше характерно выражение оттенков обусловленности действия, а формам желательного наклонения — желание» (Грамматика осетинского языка, т. I, под редакцией Г. С. Ахледиани, Орджоникидзе 1963, стр. 251). Полностью соглашаюсь с мнением данных ученых в вопросе разделения осетинских наклонений на три типа: изъявительное, сослагательное и повелительное.

Сослагательное наклонение не встречает функционально-стилевых преград. Оно употребляется и в разговорной речи, и в книжных стилях. Однако потребность в нем, в силу экстралингвистических факторов, появляется нечасто, поскольку модальность гипотетичности действия встречается значительно реже, чем модальность реальности действия или побуждения к нему.

Из-за ограниченного употребления в функциональных стилях императив и субъюнктив стилистически маркированы.

Из известных стилистических языковых средств воспользуемся грамматической синонимией. «Познавательное содержание грамматических форм не может быть полностью раскрыто без анализа их экспрессивно-аффективного аспекта, без той коннотативной информации, которую может передать грамматическая форма».

Из двух разделов грамматической синонимии интерес представляет для нас морфологическая синонимия, «в поле зрения которой находится оценка вариантных форм частей речи» [3, 213].

Важно отметить также что, «в морфологии заложена национальная специфика языка. Изменения на этом уровне малозаметны и происходят крайне медленно» [3, 100].

Актуальность работы состоит в том, что в осетинском языке монографические работы по стилистике в основной в области лексики. Морфологическая стилистика не стала предметом научного исследования. Нет стилистики отдельных частей речи, в частности глагола.

В работе использованы аналитические и синтетические способы образования глагольных форм.

Язык нартского эпоса, как и других жанров фольклора, коррелирует с разговорной речью, что прослеживается, помимо других языковых уровней, и в морфологии, имеющую свою специфику в плане функционально-стилистических возможностей.

В языке нартского эпоса выделяются несколько типов функциональной транспозиции:

1) Формы императива — экспрессивно- стилистические

синонимы глагольной формы изъявительного наклонения.

Среди форм повелительного наклонения главное место принадлежит форме 2- го лица, которое побуждает собеседника к выполнению действий.

Форма 1-го лица множественного числа изъявительного наклонения служит для выражения побуждения к действию, в котором вместе с собеседником примет участие сам говорящий. Формы совместного действия.

— Гъе æмæ Хæмыц Уырызмæгимæ сбыцæу ис, хистæр нæ чи у, уый бæрæг нæу, зæгъгæ. Æмæ уæд Уырызмæг афтæ зæгъы:

— ***Цом*** уæдæ, нæ фыды хойы ***бафæрсæм***, чи нæ у хистæр, уымæй. — Хæмыц дæр ницыуал загъта æмæ сразы ис.

— Поспорил Хамыц с Уырызмагом кто из нас старше. Тогда Уырызмаг говорит так:

— Пойдем тогда, спросим тетю по матери, кто из нас старше. Хамыц тоже согласился

Уырызмæг характеризуется как мудрый в суждениях человек., чтобы не спорить с Хæмыцом и положить конец сомнениям, Уырызмæг предлагает обратится к третьему лицу.Употребление такой формы смягчает побуждение.

— Уæдæ мæнмæ иу фæнд ис, дзуры Уырызмæг, — нæхицæн къæйттæ куыд нæ арæм, уымæ гæсгæ иумæ ***бацæрæм.***

— У меня одна идея, говорит Уырызмаг. — так как мы не можем найти себе пары, **давай будем** жить вместе.

2) форма конъюнктива — экспрессивно- стилистические

синонимы глагольной формы изъявительного наклонения.

В редких случаях форма изъявительного наклонения в настоящем времени 3-л. используется как сослагательное, выражая желательность действия

— Хуыцæутты Хуыцау, ме сфæлдисон Хуыцау! Залты мит æмæ æнусты цъити ***кæм ныууары*** æмæ уыцы ран нарты цуанонтæн сæ лæг хуыздæр кæм ***рабæрæг вæййы***.

— Бог богов, мой сотворитель! Сделай так, чтобы пошел глубокий, глубочайший снег и чтобы среди нартских охотников выявились лучшие.

2) форма императива — экспрессивно- стилистические

синонимы глагольной формы сослагательного наклонения.

Сырдон ын загъта:

— Уымæй мæ шы фæрсыс? Мæ хæжармæ дæ нæ хонын. Фæлæ мын нарты уæзæгмæ ***фæндаг куыд уа***.

Сырдон ему говорит:

— Что ты меня спрашиваешь по этому поводу? Я не приглашаю тебя в дом. Но чтобы у меня к дому нартов дорога была.

Формы сослагательного наклонения иногда могут выражать побуждение, просьбу, совет. Тем самым сближаются с повелительным наклонением. При этом иногда дополнительный эмоциональный оттенок придают приставки, смягчая побуждение.

Æмæ адæм ацыдысты. Æрхибар и, (Уырызмæг) æмæ йæм Сатана йæ фарсмæ хæстæгдæр æрбадт:

— Дард балцы уыдтæ, дæ уындæй не`фсæдын.

— ***Куы ацæуис***, фæллад дæн æмæ æрхибар уаин

И люди ушли. Уединился (Урызмаг) и Сатана подсела к нему ближе:

— В походе длительном был, не могу наглядеться на тебя.

— Ушла бы, уставший я и хочу уединится.

В зависимости от контекста, а также путем соединения частицы и с частицей повелительная форма получает дополнительную экспрессивную окраску.

— ***Мауал бад,*** дæ хорзæхæй, фæллад дæн, мæнмæ хуыссын цæуы

— Æхсæв даргъ у, иучысылл уал абадæм, æз дæр ацæудзынæн.

— Не сиди больше, пожалуйста, уставший я, спать хочу.

— Ночь длинная, посидим еще немножко, я тоже уйду.

Уæд ын загъта Сатана (Уырызмæгæн):

— ***Ма кæ, ма фæсмон кæн***, æз хос цæмæн не скæндзынæн, ахæм хъуыддаг нæ уыдзæн дунейыл. -Тогда сказала ему Сатана (Урызмагу):

— Не делай, не жалей, нет такого дела на земле, которого бы я не решила.

При повторении формы повелительного наклонения повеление принимает совершенно категоричный характер. А приставка иногда дает оттенок иронии, угрозы, издевки (во втором примере)

Куы адде ис, уæд æм дзуры (Уырызмæг):

— ***Раскъæр***, сохъыр уæйыг, ***раскъæр***, хизын мæ бар уадз!

Когда убрался. Тогда ему говорит (Урызмаг):

— Выгоняй, одноглазый уайыг, выгоняй, а пасти мое право!

Речь как явление глубоко социальное, представляет

собой комплекс символов, обладающих свойством давать ее носителю

социальную характеристику. Уырызмæг в разговоре с Нартами, с Сатана применяет одни языковые символы, а в разговоре с врагом (в данном случае сУæйыгом) совершенно другие.

В некоторых случаях мы наблюдает раздвоение личности- парафраза, когда использованный говорящим знак противоречит его мыслям и «следовательно не покрывает понятия действительности». [4, 46]

Сослан дзуры сынтмæ:

«Хъыгæй ницыуал и, фæлæ ***æрбацу*** æмæ мæнæ мæ тугæй дæхи ***бафсад***»

Сослан говорит ворону:

«Довольно горевать, подойди поближе и насыться моей кровью»

С какой целью Сослан просит подойти ворона — с целью проверки, испытания.

В данной ситуации Сослан ищет себе сторонников, чтобы достойно выйти из данного положения, согласно своему статусу. Подойди ворон к Сослану, ему бы не посчастливилось. Это можно проследить в следующем примере.

Уалынмæ рувас фæзынди. Уый дæр та Сосланыл сау сагъæс ныккодта:

— Цыма кæндзыстæм, Сослан, нæ холынæг!

Рувасæн дæр та афтæ зæгъы:

— Хъыгтæй ницыуал, рувас, фæлæ мæнæ мæ тугтæй дæхи **бафсад**, æмæ уый хуыздæр уыдзæн.

Рувас дæр сындæг- сындæг йæхи балласта Сосланмæ, æмæ тугтæй астæрон куыд загъта, афтæ Сослан йæ кард фелфæста æмæ йæ рариугъта, æмæ ма йæ къæдзилы кæроныл рауад..

Тут явилась лисица. И она тоже с воплем приблизилась к Сослану.

Сослан и ей сказал:

Довольно горевать, подойди поближе и **насыться** моей кровью и это будет лучше.

Лисица тоже стала потихоньку приближаться к Сослану и как только хотела попробовать крови Сослана, он выхватил нож и ударил ее, и только кончик хвоста задел.

Балсæджы цалхмæ дзуры Сослан:

«—Гъе, ***тæрсгæ мын ма кæн***, Барсæджы Цалх, мæнæ та дын дæн æз дæр».

— Гъе, **не бойся за меня**, Колесо Балсага, вот я опять.

Для чего использует Сослан форму «ма тæрс» «не бойся»? Обычно ее используют с целью успокоения. В данном случае к чему он побуждает Колесо Балсага.? Он его провоцирует, издевается над ним, и наконец угрожает ему.

Для смягчения используется местоимения **мын**, и отрицательная частица **ма,** но в этом смягчении больше угрозы. Чем мягче обращение, тем больше угрозы и иронии в его тоне.

Здесь мы наблюдаем факт раздвоения личности. Применена перифраза эвфемического характера. Употребленный Сосланом знак (В данном случае «тæрсгæ мын ма кæн», «не бойся за меня») находится в противоречии с его мыслью, а значит не покрывает понятия действительности.

В приведенных выше примерах мы наблюдаем побуждение к действию неодушевленного предмета или животного, приводящее к олицетворению.

4) Формулы пожелания и «æлгъуыстытæ», фразеологизмы

Уыцы ныхæстæм Æмзорæн йæ цайдан йæ къухæй æрхæуд æмæ йын æлдар загъта:

Дæ хал, дæ бæндæн фæхауа, кæд нырма дæуæн ус афон нæу! Дæ цайдан дæ къухæй куыд æрхауди

После этих слов у Амзора выпал чайнк из рук и сказал ему алдар:

Да чтобы у тебя веревка развязалась, молодой ты еще жениться!

Раздæхти Челæхсæртæг йæ хæдзармæ уæнтæхъил, сæргуыбырæй, ныууагъта хъæуазы хизгæйæ æмæ аразт сæхимæ. «Ныр мæ хæдзар фехæлди, фыдæбоны Созырыхъо мыл куы сæмбæла, уæд мын цы зæгъдзæни»

Хъæуы уынгты нæ уæнды, фæсмусты ссæуы.

— ***Æгас цæуай***, Хуызы фырт Челæхсæртæг! — Созырыхъо йæ размæ фæци. — ***Бын бауай***, цыма авд азы цæхх фæхастай фыййæуттæн, уый гуыбыр куы ныддæ!

— ***Хуыцау дын æй ма ныббарæд***, дæуæй тарстæн, æмæ мæ размæ фæдæ.

Вернулся Челахсартаг грустный домой, оставил он олениху пастись и отправился домой. «Дом мой разрушен, если встречу Созырыхъо, что он мне скажет»

— **Да идти тебе здоровым**, Челохсартаг, сын Хуыза! — повстречался ему Созырыхъо- Да пропасть тебе, так сгорбился, как будто семь лет ты таскал на себе соль пастухам.

— **Да не простит тебе бог**, тебя боялся, и повстречался.

«Повелительное наклонение является главной формой, организующей большинство формул. Если формулы пожеланий выражены глаголом, то повелительное наклонение является обязательным по законам осетинской грамматики, потому что «выражает волю говорящего, направленную другому лицу, побуждение к совершению действия» (2, с. 310).

Формулы *æлгъыстытæ* в повелительном наклонени, более категоричны, экспрессивны.

В значении повелительного наклонения употребляются формы, образованные от деепричастия на «гæ». Эти формы сильнее подчеркивают категоричность повеления.

Уæд æм Уырызмæг акаст æмæ дзуры:

— Уазæг, мидæмæ рацу!

Лæппу йын загъта:

— Æз мидæмæ нæ цæуын, фæлæ дæуæн райсом мемæ хæтæны ***æнæ цæугæ нæй***

Тогда Уырызмаг выглянул и сказал:

Гость, проходи в дом!

Мальчик сказал ему:

— Я в дом не захожу, но тебе завтра в поход **нельзя со мной не пойти**.

Уый фæстæ Уырызмæг ныхъхъæр кодта Нартмæ:

— О, Нартæ, хæстæг фос ыссардтон, æмæ уæ цæуынхъом чи у, уый ***цæугæ ракæнæд,*** иннæйы та ***хæсгæ ракæнут***

После этого Уырызмаг прокричал:

— О. Нарты, близко отару нашел я, и кто может из вас идти тот **пусть выйдет**, а других **пусть вынесут**

Оттенок ласковости, смягчения придает частица ***ма***

Уырызмæг ын йæ цæу аргæвста æмæ йын йæ сæр æмæ йæ къæхтæ дæр нæ фæхицæн кодта, афтæмæй йæ къупристыгъд бакодта. Йæхæдæг ын йæ фыд ысфыхта цæуæн.

Æмæ йæм уæйыг дзуры:

— Кусарт куы акодтай, ***авæр ма*** мын!

— Иу уазæг нæм ис, æргæвдæм æй, æмæ йыл нæ кæрдтæ нæ хæцынц.

— ***Рабæгънæг-ма йæ кæнут***, æмæ, кæд йæ фæсонтыл мæйтæ æмæ хурты нывтæ уой, уæд уый у мæ мойаг, Нарты СозырыхъоИ уайыг говорит ему:

— Ты же барана зарезал, дай-ка мне тоже!

— Один гость есть у нас, хотим его зарезать, да ножи наши не берут его.

— Оголите — кА его, и, если на его спине будет нарисованомесяц и солнце, значит это мой жених, Нарт Созырыхъо.

Как видим, в осетинском языке повелительное и сослагательное наклонение имеют наиболее сильные стилеобразующие возможности.

Грамматико- семантические переносы происходят, во-первых, при использования одной формы наклонения в значении другой, во-вторых, при выражении значения наклонений другими глагольными формами.

Примечания

1. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд. второе, М., 1955. С. 220.
2. Кожина М. Н. Стилистка русского языка. М.: Наука, 2008. С. 254.
3. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. Изд. 4-е. 2002. С. 213, 100.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: 1955, стр. 46.
5. Бесолова Е. Б. Особенности ритуала и текста осетинских бранных формул и проклятий // Известия СОИГСИ. Вып.1 (40). Владикавказ, 2007. С. 310.
6. Балли Ш. Французская стилистика. Изд. второе. М., 2001.
7. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
8. В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959. С.77-78.
9. Гуыриаты Т. Ныхасы культураейы хицæн фарстатаг. Чин.: Ирон ныхасы культурае. Орджоникидзе: Ир, 1989. 5-34 ф.
10. Грамматика осетинского языка // Под ред. Г. С. Ахвледиани. Орджоникидзе, 1963. Т. I. С. 251.
11. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Часть I. Орджоникидзе, 1965.
12. Миллер В. Язык осетин. Москва-Ленинград, 1962.
13. Техов Ф. Д. Выражение модальности в осетинском языке. Тбилиси: Изд-во Мецниереба, 1970.
14. Нарты Каджытæ. Т.1-5. Дзæуджыхъæу, 2003.
15. Нарты. М.: Изд-во Наука, 1990. I-II тт.
16. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: 1963.
17. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972.
18. Винокуров И. П. Грамматические синонимы. Проблемы формирования культурного пространства Якутии на рубеже третьего тысячелетия // Сб. научных трудов, Якутск, 2003.
19. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
20. Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970.
21. Раевская Н. Н. Очерки по стилистической грамматике современного английского языка. Издательство Киевского университета, 1973.

Е. Х. ЦОКОЛАЕВА,
СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ФАНДЫР КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ СИМВОЛ

В данной статье анализу подвергается символика фандыра (в его архаичных формах) — традиционного музыкального инструмента осетин, нашедшего широкое отражение в фольклоре и художественной литературе. Цель исследования — выявить идейно-эстетические функции образа, его семантические трансформации, специфику авторских репрезентаций.

Ключевые слова: *эпос, современная поэзия, фандыр и его версии, символ, авторская интерпретация.*

In this article analysis subjected the symbolics of the fandyr (in its archaic form) — a traditional musical instrument of Ossetians, widely reflected in folklore and literature. The purpose of research — to identify the ideological and aesthetic functions of the image, its semantic transformation, the specifics of copyright representations.

Keywords*: epic, modern poetry, fandyr and version, symbol, the author's interpretation.*

Интерес к традиционному музыкальному инструменту фандыр актуален для всех отраслей осетиноведческой науки: фольклористики, литературоведения, искусствознания, этнографии, археологии, истории и др. Тема фандыра прямо или косвенно задета в трудах многих исследователей, но еще недостаточно освещена. На наш взгляд, выявление культурного значения предмета требует самостоятельного изучения с привлечением всего имеющегося материала, в результате чего, судя по всему, станет возможной официальная придача инструменту статуса национального символа. Чрезвычайно ценным в этом плане представляется обращение к системе художественно-поэтического творчества народа.

В своей работе мы ставим целью решение следующих задач:

1) определить социальные функции и символические смыслы инструмента фандыр;

2) проследить трансформацию мифопоэтического образа на примере ряда произведений осетинской современной поэзии;

3) определить значение индивидуально-авторских толкований образа.

В небольшом, но важном для нас архиве работ о фандыре семантика данного инструмента рассматривается в контексте сказительского исполнительства. В своем эссе Ш. Ф. Джикаев проследил эволюцию образа сказителя в фольклоре и в литературном творчестве представителей старшего поколения осетинских писателей, проанализировал особенности сказительского искусства и принципы его эстетики [1]. Семиотико-культурологический аспект проблемы добротно

освещен в работе В. Цагараева [2]. В серии статей И.В. Мамиевой исследованы мифолого-магические истоки эпического исполнительства [3], под углом зрения динамики сказительского искусства отражены различные ипостаси носителя эпической памяти [4], в контексте мирового эпосоведения рассмотрен архетип сказителя в образе Сырдона — персонажа осетинских нартовских сказаний [5].

Фандыр и его версии — лира, арфа — в мировой культуре стали символом искусства. Как известно, будучи прежде синтетическим, искусство со временем распалось на самостоятельные виды: музыка, поэзия, живопись, скульптура и др. Но все они продолжают взаимодействовать друг с другом. Интересен тот факт, что, при всем богатстве и многообразии их музыкального мира, в терминологии осетин отсутствует исконное обозначение понятия «музыка» [6], если не принимать во внимание новое слово «*зæлвидыц*», еще не вошедшее в словари и недостаточно укрепившееся в лексиконе.

Фандыр — это обобщенное название инструмента у осетин. Исполнитель на фандыре — *фæндырдзæгъдæг*. Под аккомпанемент фандыра нараспев пелись сказания о нартах (*Нарты кадджытæ*). Исполнитель сказаний назывался *кадæггæнæг*. (Если же в репертуаре народного певца не было эпических сказаний, он уже именовался иначе: *аргъаугæнæг*/сказочник, *таурæгъгæнæг*/рассказчик исторических преданий и легенд, *зарæггæнæг*/певец.)

Такого рода «музицирование» активно практиковалось в традиционном обществе. Коста Хетагуров в очерке «Особа» писал: «Игра на двух- и двенадцатиструнном фандыр (род скрипки и арфы) и длинные повествования под их аккомпанемент были исключительной привилегией наиболее даровитых мужчин. Эта отрасль народного творчества особенно любима и полна прелести» [7, 256].

Социальный статус инструмента оперделялся степенью его востребованности в сфере жизнедеятельности народа. Фандыр был активным участником народных (танцевальных) игрищ (хъазт), народного собрания (ныхас), элементом праздничного и ритуального мира (использовался во время пира, похоронных обрядов). Нужно сказать, что он был своеобразным помощником и в народной метеорологии, в поиске погибших под снежным обвалом. Последнее изображено на картине народного художника М. Туганова «Ищут заваленных обвалом» (1933), отразившей стихийное бедствие горного аула Арасенда, в котором жила фамилия Джусоевых. Под влиянием этой картины появилось стихотворение Нигера «Хур — фæдисон» («Солнце-вестник», 1933). Если на полотне художника изображен момент непосредственно после случившейся трагедии, то поэт воспользовался возможностью расширить сюжет реалистичным описанием жизни людей до и после катастрофы. Засыпает аул: молодая невестка присыпает до утра золой огонь в очаге, сон сморил ребенка прямо на груди матери, во время кормления, девица на выданье улыбается во сне возлюбленному, животные в сладкой дремоте — спокойные краски горской жизни, которые, казалось бы, ничто не должно омрачить. Но идиллия нарушается резко кантрастной картиной — сходом лавины. Галагон (покровитель ветра в осетинской мифологии) «вдаль уходит в пляс, скинув с горного хребта свою накидку». И далее само трагическое событие:

Мит, уæд залты мит
Рагъæй раскъуыди…
Кæс, Арасенда
Ам уыд, — атар ис!..
Оторвался с гор

Вековечный снег…
Глянь, Арасенда
Здесь был, — вмиг исчез!..

Финал стихотворения изображает последствия трагедии, поиск погибших. Здесь важная роль отведена фандыру как инструменту обнаружения жертв обвала. В примечании автор стихотворения поясняет: «Существует такой обычай: когда ищут заваленых обвалом, то играют на фандыре. По верованиям, в том месте, где находится погибший, фандыр больше не издает звуков» [8, 205]. Воспользовавшись суеверными представлениями осетин, Нигер «поднял хъисфандыр до ранга умного музыкального инструмента, его голос пропадает над жертвами обвала, его струны перестают звучать» [9, 101]. Согласимся с Ш. Джикаевым в том, что «поэтическое описание этой трагедии и связанного с ним обряда по своей живописности не уступает полотну художника» [10, 144].

Исследователи полагают, что конструкция инструментов, техника игры на них является символическим выражением модели мироздания. Так, по мнению В. Цагараева, осетинская арфа по своей семантике воспроизводит мифологический образ коня-оленя, зооморфный символ Мирового древа, а ее двенадцать струн подтверждают это своей числовой символикой (3х4). Трение смычка и струн интерпретируется исследователем как акт соединения Бога-отца (Неба) и Богини-матери (Земли). Сказитель-маг в таком случае представляется посредником в космогоническом акте, а фандыр в целом представляет собой модель древнего Космоса в ее статическом и динамическом состоянии [2, 450].

Осетинские музыкальные инструменты по архаичности не уступают самому эпосу. Современные исследователи, опираясь на разные источники, пытаются вывести предполагаемое время, способы, цель их создания. Но такие попытки известны еще со времени отсутствия письменности, школ и институтов. На ранних этапах развития «народ — мыслитель, создатель, философ» — старался объяснить природу искусства, определить его признаки. Так появились мифы о появлении первых музыкальных инструментов, иллюстрируемые в эпосе. Практически все богатыри нартов владели искусной игрой на фандыре. Но исследователи особенно выделяют Ацамаза и Сырдона. Трансцендентный характер игры героев на музыкальном инструменте выражен в ее воздействии на окружающий мир. Этот мотив уходит корнями в древность, к временам языческих верований и представлений, а также практики магии. Исследователи считают, что сказитель в архаичном обществе выполнял также функции жреца, шамана. В. Цагараев пишет: «Древнее общество не воспринимало образ певца-сказителя как отдельную профессиональную функцию, а видело в нем человека, наделенного божественной, сакральной силой, которая через ритуальное слово, музыку и танец воздействует на силы природы, общается с потусторонним миром. Музыкальный инструмент в руках такого человека был основным средством магической практики, производя на слушателей гипнотическое воздействие посредством определенной импровизационной вибрации звука» [2; 446]. Такой тип певца в осетинкой Нартиаде представлен в образе Ацамаза, сына Аца (в другой версии — Уаза), обладателя золотой свирели, доставшейся ему в наследство от отца, которому ее подарил Афсати. Ацамаза называют осетинским Орфеем, его чарующая игра преобразовывала окружающий мир, пробуждала природу. По мнению В. Цагараева, это прекрасный пример магического действа жреца-сказителя. В исполняемой Ацамазом мелодии исследователь обнаружи-

вает как пространственную, так и вегетативную символику космогонического толка: «Музыка постепенно поднимается снизу вверх, переходя от звуков с длинной вибрацией, резонирующих в груди (низ, земля), до более коротких, мажорных (верх, небо). Эпический текст особо отмечает постоянное повышение звуковой вибрации у музыканта. Поначалу описывается, как под воздействием песни тают ледники, разливаются реки, раскрываются теснины ущелий, то есть происходит оживление земли (низа). Потом, постепенно, картина оживающего мира переходит все выше и выше, достигая небес. Летают бабочки и птицы, веет чистый ветер, появляются облака, идет весенний дождь и гремит гром. Музыкант поднимается от земли к небу, оплодотворяя и порождая своей музыкой божий мир. В традиционной культуре музыка не могла быть вычленена как отдельный объект внимания; речь здесь может идти только о единстве, свойственном мифологическому сознанию, в котором музыка вместе с поэзией и магией, органично взаимодействуя друг с другом, являют собой мощное орудие воздействия на силы природы и психику социума» [2:447]. А вот как писал о данном сюжете корифей осетинской научной мысли В. И. Абаев: «Речь идет не просто о чудесной, волшебной, магической песне, а о песне, имеющей природу солнца» [11, 200]. Таким образом, можем заключить, что игра Ацамаза на свирели — это символ пробуждения природы, символ весны.

Игрой на фандыре отличался и Сослан (Созырыко). О его игре на *хуыйысæр* (разновидность скрипки) в сказании говорится: «Так красиво играл, что на его игру звери и птицы собирались, приходили в движение стены крепости, горы ему подпевали [12, 515].

Лиризмом наполнен другой сюжет эпоса, в котором дается история создания *хъисын фæндыр*'а. Умерла Агунда, любимая жена Созырыко. «Занесли ее в склеп Софии, и Созырыко там сел около нее. Вырвал он струны из ее волос и сделал хъисфандыр, и им утешал себя, исполнял сказания. Хъисфандыр с тех пор остался» [12: 209]. Об этом сюжете Ш. Ф. Джикаев пишет: «Возникновение фандыра из волос возлюбленной — это небесная поэзия, любовь и поэтическая мысль» [13, 126]. Идею о том, что искусство рождается из трагедии, впервые выразил В. И. Абаев применительно к сырдоновой арфе.

Сырдон — культурный герой, принесший нартам в дар «первоинструмент» фандыр. Дотоле отвергаемый, теперь он был принят в их общество. Известное каждому осетину с малых лет сказание «Как появился фандыр» при каждом новом прочтении пронизывает читателя чувством глубокого сопереживания главному герою. Сырдон украл корову нарта Хамыца. Отыскав его жилище, Хамыц застает там варящееся в котле мясо. Тогда он в отместку убивает сырдоновых детей и части их тел бросает в котел. Пораженный горем Сырдон из костей и сердечных жил погубленных сыновей изготовляет фандыр.

Исследуя данный сюжет, И. В. Мамиева заключает, что «фандыр Сырдона — своеобычный код, генетическая матрица нартовского мира» [5, 120], позиционируемая таковой в самом эпическом тексте: «Нарты пустили фандыр [по кругу] и сказали друг другу: — Даже если все до одного погибнем, пусть этот фандыр пребудет вовеки, а кто будет играть на нѐм и вспоминать нас, тот и будет нашим!» В образе Сырдона, как полагает исследователь, реализована парадигма «обратного жертвоприношения»: из хтонической зоны в «срединный мир» — через гибель детей и сакральный дар нартам (фандыр) [5, 120].

О силе воздействия игры на фандыре говорится и в других жанрах народно-

го творчества, например, в сказке «Хæтæг барæг» («Странствующий всадник»). Юноша, добиваясь внимания красавицы селения Салха, трижды мастерит инструмент, и каждый последующий вариант совершеннее предыдущего. Когда он заиграл наконец на хъисын фандыр'е, «пламя испускает его игра: народ на нее собирается, забывает о своих горестях, трудностях, игра наполняет сердца доблестью, красотой и добротой» [14, 55].

Образы фандыра и сказителя-фандыриста являются константными в осетинской поэзии. Первые осетинские поэты выросли на произведениях фольклора, воспитывались на искусном сказительском исполнении нартовских сказаний. Неслучайно Коста назвал сборник своих стихотворений «Осетинская лира» («*Ирон фæндыр*»), снабдив его авторской иллюстрацией сказителя-старца, склонившегося над своим инструментом. Сека Гадиев назвал цикл своих стихотворений «Слепой певец» («*Куырм фæндырдзæгъдæг*»). Перекрасные образы народных певцов созданы А. Кубаловым («*Æфхæрдты Хæсанæ*»), К. Хетагуровым («*Хъуыбады*») и другими. Фандыр стал символом вдохновения, поэтического дара и собственно осетинского литературно-поэтического искусства.

Динамика сказительских стратегий в фольклоре и литературе осетин последовательно прослежена в содержательной статье И. В. Мамиевой с обозначением вектора движения — от «соучастия» в акте космогенеза, от медиаторства между зонами-этажами тернарной вертикали к ресакрализации функций эпического песнопевца, к позиционированию его как хранителя и транслятора базовых духовных ценностей народа, жизнесущих его идеалов» [15, 191].

Образ самого инструмента чрезвычайно востребован современной осетинской поэзией. В частности, фандыр как творение Сырдона художественно осмыслен в стихотворении «*Дыууадастæнон*» («Двенадцатиструнный», 1966) А. Кодзати. По свидетельству автора, толчком к его написанию стали раздумья о судьбе инструмента, усилившиеся после прочтения одной статьи в литературно-публицистическом журнале «Фидиуаг». Вытеснение инструмента из музыкальной практики и предание его забвению были восприняты поэтом как пренебрежение легендой о появлении фандыра — одного из «сильнейших произведений осетинской народной поэзии» [16, 11]. Эту легенду автор вложил в уста Кадага, персонифицированного героя стихотворения, с определенной миссией. Кадаг шел сквозь время и пространство, сквозь века и государства, был свидетелем множества событий, войн, бед.

Йæ цардвæндагыл ахаста йæ цæст:
йæ фæстæ — хæхтæ, сæфт дунетæ, дугтæ.
Чи гом у, чи та сау мигъы нымбæхст,
ис иуыл мит, нæ зыны иннæ тугтæй.
Хуыссынц æнустæ. Нал зонынц хæцын,
æндæр та пиллон ивæзид уæларвмæ.
Сæ зæрдæтыл — пырх мæсгуытыл — хæцынц.
Тыхулæфт хъуысы скъуыдтæ зæххæн й' арфæй.
Там, за спиной его, остались земли, горы,
миры погибшие, былые времена,
там тлела жизнь еще, с забвеньем алчным споря,
под снегом, под золой все теплилась она.
Там спят столетия. Они уже не в силах
опять взметнуть огонь в седые небеса.

Но и в развалинах, в руинах и в могилах
еще чуть слышные вздыхают голоса.

(Пер. Т. Кибирова)

Вопреки диктату забвения Кадаг-Сказание пронес по дорогам времени историю создания фандыра, память о трагедии, ставшей источником музыки и творческого вдохновения. В стихотворении заговорил сам Фандыр. Он с грустью вспоминает времена былой славы, скорбит о том, что ныне никем не востребован. Исследователи по-разному трактуют идею произведения, образ фандыра. Ш. Джикаев пишет, что орнамент нартовского сказания стал ярче и художественно был дополнен раздумьями, ставшими следствием социально-исторических условий современной жизни. А думы двенадцатиструнного фандыра трактует в свете событий, происходящих в мире. События XX века не менее страшны, чем трудности, которые наблюдал на своем историческом пути Кадаг. Жертвами войн и атомных бомб — изобретений фашизма стали миллионы ни в чем не повинных людей. Но корень фашизма еще не истреблен, войны продолжаются. И тот, кто не извлек урока из своего прошлого, вынужден проходить его снова. Поэтому не следует забывать предание предков — пример человеческой трагедии. В произведении «присутствует историческая правда, изображение диалектики жизни, социальное деление мира, перспективы капитализма и социализма» [17, 97]. Б. Каирова главной в произведении считает идею бережного отношения к народному достоянию. Если в эпосе фандыр — «символ соединения земного с божественным», заключает она в своих рассуждениях, то у Кодзати это ещё и «символ всего народа, его самобытности, культуры и, наконец, языка, сохранение которого является не только социально-лингвистической проблемой» [18, 24]. Поэт словно вкладывает свои размышления и рефлексии в уста *дыууадастанона*:

Хæтæнхуаг æмæ хауæггаг. Зæрдæскъуыд.
Лæджы цинтæ, лæджы риссæгтæй цух.
Æнæ дæу мыл æхсидгæ мæт æртæфсти,
æви хуыскъ бадæ, ме сфæлдисæг къух?!
Зæгъæд-ма мын, кæй бон ма мæ у райсын?
Кæй фæласа мæ тæригъæдæй зæй?
Уыдтæн Фæндыр. Дзæгъæлæй ныр дзыназын,
æмæ мын Кадæг фестади музей.
Создатель мой! Мне в мире нет приюта,
забыл мои созвучья человек.
Охвачен гневом и тоскою лютой,
я проклинаю этот жалкий век.
Я горцами забыт — а был святыней!
Я был Фандыром. Ныне я лишь тень.
И Кадаг стал мне Мавзолеем ныне.
Когда ж настанет воскресенья день?

(Пер. Т. Кибирова)

С. Кадзаев в стихотворении «Хъисфæндыр» (2011) называет инструмент «сердцем прошлого». Размером не намного больше ладони, она вместила в себя тоску и скорбь мира, свет небес. Во второй строфе автор упоминает об эпическом происхождении инструмента (он «приносит из страны нартов небесные звуки»), раскрывает его свойства («может смеяться и плакать»), воздействие на слушателя,

душа которого то взмывается в небеса, то превращается в «окаменелость». Третья строфа содержит просьбу функционального свойства: жить «как земное солнце» в веках, согревать своими звуками суровый, мрачный мир, нести фарн предков от поколения к поколению. В заключительной строфе устами своего героя автор призывает народ к единству («отличитесь как наши белые горы сплоченностью!»).

Небольшое, однострофное, стихотворение М. Казиева («*Ацæмæзы уадындз*», 2002) является по существу развернутым сравнением, где предмет сравнения — родной язык, символом которого является волшебная свирель Ацамаза. В ней — песня соловья, свист орлиных крыльев в полете, плач скорбящих женщин. Итоговая фраза раскрывает статус осетинского языка среди тысяч языков мира: для автора он — «клятвенная» свирель Ацамаза.

Стихотворение Ш. Джикаева «Сердце Амрана» (1972) предлагает читательскому вниманию новую историю появления фандыра. В основе ее — миф о кавказском Прометее. Функция культурного героя Амрана, подарившего людям огонь, наложилась на деяние лирического героя — поэта, создавшего фандыр. Инструмент стал символом очищающего мир предмета. Стихотворение начинается с изображения мучений Амрана. Где-то на вершине горы орел своим острым клювом клюет сердце титана. Герой скрыт от человеческих глаз («его не видно в низинах», «его муки не слышны земным»). Далее в сюжете следует оригинальная авторская интерпретация прометеева огня. Раненое сердце Амрана не кровоточит: кровь обернулась лучом пламени, как солнце, освещающим мир. Мифологическая функция дарителя переросла здесь в функцию спасителя, цель которого «оберегать землю от плесени и злой болезни». В третьей строфе мы наблюдаем рождение нового мифа — о происхождении фандыра. Когда-то отскочили от сердца Амрана осколки. Счастливый поэт смастерил из них фандыр. Струны натянул из света своей души, «они постоянно дрожат от Фарна мира». То есть перед нами не просто символ искусства, порожденного горем, трагедией, а метафора сердца поэта — чуткого камертона, отзывающегося на страдания и радости мира. Экспрессивность содержания усиливается тем, что традиционная семантика фандыра расширяется до символа жертвенности, борьбы, очищения, способа сохранения гармонии и красоты мира.

Последняя строфа объясняет авторское ви́дение цели искусства. Звуки фандыра несут мечту смелым душам, «не дают мыслям дремать». А мечты, как известно, — двигатель жизни; посему цель искусства для поэта — побуждение к работе разума. Заключительные строки («Терпи, терпи сердце Амрана. Нет силы, венчающей конец твоей боли, и нет конца твоему свету»), — означают ли они лишь чувство сопереживания автора прикованному титану или же они обращены также и к самому поэту — обладателю чудесной арфы, изготовленной из осколков сердца небожителя?

Подводя итоги, отметим, что феномен фандыра охватывает огромный пласт в культурном пространстве осетин. В исследовательской практике миф о появлении этого инструмента рассматривается в аспекте воплощения мироустроительной идеи. В народной поэзии фандыр знаменует трансцендентный характер музыкального искусства, это символ связи земного с божественным, обладающий гармонизирующей, живительной, целительной силой. В области литературного творчества образ и судьба фандыра не мыслятся вне родного языка, вне судьбы народа. Фандыр является также маркером нравственности, духовности современника. В проанализированных стихотворениях С. Кадзаева и А. Кодзати в тра-

диционном образе в первую очередь акцентируется именно эта его созвучность современности. Поэту А. Кодзати фандыр необходим для отображения глобальных проблем эпохи, для изложения своих раздумий о судьбах языка, нации, культуры народа. У С. Кадзаева образ фандыра служит постановке проблем исторической и нравственной памяти, утверждению идеи единства, сплоченности нации, раскрытию возвышающей человеческую душу силы искусства. Пример рождения нового авторского мифа — стихотворение Ш. Джикаева. Фандыр в его «Сердце Амрана» — инструмент символический, инструмент-идея. Это образ-символ поэтического творчества, цель которого — обеспечивать благо народа, выжигать «плесень жизни» огнем.

Примечания

1. Джыккайты Ш. Уацтæ: Зонадон-критикон уацтæ. Орджоникидзе: Ир, 1986. 195 с.
2. Цагараев В. А. Искусство и время. Владикавказ: Ир, 2003. 464 с.
3. Мамиева И. В. Сказитель и его функции: к вопросу об архаическом синкретизме // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетакурова. 2013. №2. С. 174-180.
4. Мамиева И. В. Институт эпического сказительства на Северном Кавказе: универсалии и этноспецифика // Известия СОИГСИ. 2012. № 8 (47) С. 61-79.
5. Мамиева И. В. Архетип сказителя в осетинском эпосе «Нарты» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1 (38). С. 119-121.
6. Тотоонова И. Х. Этнолингвистический анализ музыкальной терминологической лексики в младописьменных языках: На материале осетинского и адыгских языков: Автореф. дис…. канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
7. Хетагуров К. Собр. соч.: В 3–х томах. М., 1974. Т. 2. 301с.
8. Нигер. Уацмысты æххæст æмбырдгонд æртæ томæй. Цæгат Ирыстоны чиныгуадзæн, 1966. Т 1. 683 с.
9. Биазырты Къ. Нигеры æмдзæвгæ «Хур-фæдисон» // Мах дуг, 1974. № 7. С. 98-101.
10. Джикаев Ш. Ф. Фольклор и осетинская советская поэзия. 1917-1941 гг. Орджоникидзе: Ир, 1972. 160 с.
11. Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. 640 с.
12. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дыккаг чиныг. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2004. 896 с.
13. Джыккайты Ш. Рагон ирон цард æмæ адæмы зондахаст. Миф. Фольклор. Æгъдау. Дзæуджыхъæу: ЦИПУ-йы рауагъдад, 2010. 264 с.
14. Ирон аргъæуттæ. Орджоникидзе: Ир, 1983. 359 с.
15. Мамиева И. В. Сказитель в быту и художественном сознании осетин // Эволюция эпической традиции. Сухум, 2014. С. 180-191.
16. Кодзати А. М. Богиня огня: Стихи. Владикавказ, 2003. 472 с.
17. Джыккайты Ш. Уацтæ: Зонадон-критикон уацтæ. Орджоникидзе: Ир,1986. 195 с.
18. Каирова Б. А. Отражение нартского эпоса в поэтическом творчестве Ахсара Кодзати // Теория и практика актуальных исследований: Материалы IV Международной научно-практической конференции. 15 мая 2013 г.: Сборник научных трудов. Краснодар, 2013. С. 20-25.

Д. Р. МИНДЗАЕВА,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева

ТАКСОНОМИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ АНГЛИЙСКИХ И ОСЕТИНСКИХ ФЕ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ ЭМОЦИЮ ГНЕВА В АНГЛИЙСКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена анализу семантического аспекта конкретного языкового материала английского и осетинского языков с учетом такого важного параметра, как уровень репрезентативности эмоции гнева в этих языках.

Ключевые слова: *эмоция, гнев, фразеологическая единица, фразеологическая репрезентация*

The article demonstrates the analysis of the semantic aspect of the concrete linguistic material of English and Ossetian languages taking into consideration such an important aspect as the level of the representation of the emotion of anger in the languages

Keywords: *emotion, anger, phraseological unit, phraseological representation*

Гнев — отрицательная по знаку базовая эмоция, часто проявляющаяся в виде аффекта. Отличительными чертами гнева являются его кратковременность и сопровождающий его, также кратковременный, прилив сил [157]. Причинами возникновения гнева могут послужить как внешние раздражители, препятствующие достижению поставленной цели, так и внутренние, например, неудовлетворенность, вызванная собственным бессилием [151]. Зачастую гнев сопровождается другими эмоциями, такими, как, например, разочарование, страх. Сильный гнев, проявляющийся в виде аффекта, невозможно скрыть. Проявлениями гнева являются повышение температуры тела, временное изменение цвета кожи (чаще всего лица), специфические мимика и жесты, пристальный взгляд, повышение громкости голоса и т. д.

Проведенное нами исследование количественных данных языкового материала показало, что самой часто упоминаемой эмоцией, зафиксированной средствами вторичной номинации, является «гнев».

В английском языке мы обнаружили 101 фразеологическую единицу, описывающие данное чувство.

Гнев предстает в английском материале в разных его гранях и оттенках. По нашим наблюдениям, английские средства вторичной номинации характеризуют гнев как:

1. эмоцию стихийную, которую трудно или невозможно контролировать, о чем свидетельствует большое число английских ФЕ, объективирующих эту ипостась гнева (*savage as a meat axe, fly/go off the handle*);

2. отсюда, эмоцию чрезвычайно опасную, разрушительную, требующую осторожного отношения, включения разума, о чем говорит наибольшее количество ФЕ, содержащих совет, проявить сдержанность, не поддаваться гневу (*keep one's hair on,when angry, count a hundred*);

3. степень интенсивности гнева (*foam at the mouth* — прийти в бешенство, в ярость);

4. выход за пределы эмоциональной сферы в интеллектуальную, которая выводится из равновесия, когда гнев, нарушая упорядоченность разумной картины мира, препятствует эффективности, а иногда и саму возможность интеллектуальной деятельности (*anger is a short madness*);

5. внешние проявления различных граней гнева (*a dirty look, lose colour*);

6. внутренние разрушительные, нередко физиологические процессы, имеющие место в ситуации гнева (*get (have) one's blood up*);

7. способы преодоления гнева, или его разрушительного влияния (*a soft answer turneth away wrath);*

8. внешний источник различных оттенков гнева (*close to home, make smb's blood boil, stick pins, give smb the pip*);

9. способность гнева разбалансировать защитные силы организма, довести до болезни (*as sick as mud*);

10. способность гнева затаиться в душе до поры до времени (*bear smb malice/a spite*);

11. мгновенную реакцию (*throw a fit*) и др

Как и в английском языке, гнев в осетинской ЯКМ также предстает в разных гранях и оттенках. Мы обнаружили 225 фразеологизмов, описывающих данное чувство, из них 29 — полевой материал.

Осетинские средства вторичной номинации, как английские, объективируют такие аспекты гнева как:

1. собственно гнев (*маст скъуынын, маст калын*);

2. стихийный характер эмоции гнева, из-за чего его крайне трудно или совсем невозможно контролировать: (*фырмæстæй тъæппытæ хауын, бæсты цъар дæндагæй хæрын*);

3. степень интенсивности гнева (*азарæй судзын, артау судзын*);

4. выход данного чувства за пределы эмоциональной сферы в интеллектуальную; при этом наблюдается снижение эффективности интеллектуальной деятельности (*фырмæстæй æрра кæнын*, *йæ зонд ын базмæстон*, *фырмæстæй зонд талынгтæ кæнын, æхе дæр нæбал лæдæруй фурмæстæй**);

5. внешние проявления различных граней гнева:

а) сдвинутые брови (*æлхынцъ æрфыгæй кæсын, æрфгуыты бынты кæсын*);

б) температура (*буар зынг фестын, зæрдæ уазал кæнын, зæрдæ судзын*);

в) ситуация, когда гнев так переполняет человека в гневе, что с трудом удерживается внутри тела, его словно распирает от этой эмоции (*дæнгæл æмæ тыппырæй лæууын*);

г) стиснутые зубы, челюсть (*дæндæгтæй къæртытæ хауын дæндагæй къæртытæ хауын, дæндаджы хид кæлын, дæндæгтæ нылхъивын, дæндæгты къæс-къæс цæуын*);

д) крик, (*бæстæ хъæр ссис, бæстæ уæлныхты сисын*);

е) брань, ругань, ссора (*«хъарм» ныхæстæй йæ срæгъæд кодтон*, загъд самайын, кæрæдзийыл бафтын*);

ж) нежелание или неспособность говорить, дышать (*дзыхæй ту нæ хауын, зæрдæ ныддур уын, дзырд хъуыры бадын*);

з) нервный тик, нервозность, дерганность (*джиттæнтæ кæнын, къухтæ сцæгъдын, хи къултыл хойын, арвмæ хауын, гæндзæхтæ цæгъдын*);

и) изменение выражения глаз: гневный, испепеляющий взгляд (*цæстытæй цæхæртæ калын, цæстыты æхсидæвтæ ратæх-батæх кæнынц*);

к) изменение физических параметров: покраснение (*цæстытæй туг кæлы, цæстыты туг бадын*) и изменение формы глаз (*цæстытæ рабырын, цæстытæ астыр уын*);

л) изменение цвета и температуры лица (*цæсгом цъæхарт уадзын, цæсгом тугæй айдзаг уын, цæсгом пиллон уадзын*);

м) тошнота (*хъуырмæ хæццæ кæнын*); внутренние разрушительные, нередко физиологические процессы, имеющие место в ситуации гнева (*туг сæрмæ ныццæвын, туг фыцы, туг уромын*);

6. попытка сопротивления гневу, его преодоление (*зæрдæйы хорзæх уын*);

7. указание на внешний источник различных оттенков гнева (*зæрдæкъахæн митæ, кæрæдзи æхсынын, йæ маст ыл акалдта*, кæйдæр дадзинтыл (тугдазинтыл) хъазын*, мæ удæй мын фæхъазыд**);

8. способность гнева разбалансировать защитные силы организма, довести его до болезни (*зæрдæйæн низ кæнын, нуæрттæ халын*);

9. способность гнева затаиться в душе до поры до подходящего времени (*дæндаг дарын, дæлармы дур хæссын*);

10. мгновенная реакция на внешний раздражитель (*æд маст рафыхт**);

11. констатация целесообразности недопущения гнева (*маст — рæдийыны хос**).

В осетинском материале мы не обнаружили ФЕ, содержащие совет проявить сдержанность и не поддаться гневу, притом, что фразеологизмы данного типа преобладали в английском материале. Возможно, это означает, что по представлению осетин, гнев, если он уже овладел человеком, невозможно успокоить увещеваниями извне. Гнев может контролировать лишь сам субъект гнева, а попытки других людей как-то вмешаться в сложнейший внутренний процесс усмирения этой эмоции, могут быть восприняты этническим осетином как личное оскорбление, как намек на то, что субъект гнева не научился держать себя в руках. Заметим попутно, что сдержанность, то, что осетины называют «уæзбындзинад» или «уæззау зонд» (умение сохранять равновесие, весомый ум) в условиях гор, где столько резких подъемов и спусков, а также, в особенности, учитывая взрывной темперамент горцев (возможно связанный именно с особенностями горного рельефа) относится осетинами к наиболее ценным добродетелям.

Кроме того, анализ осетинского материала показал преобладание номинаций гнева.

Также следует отметить, что в осетинском языке есть только одно слово для обозначения всех граней и ипостасей гнева — маст. Примечательно, что в осетинском языке слово «маст» относится к так называемым гибридным образованиям и означает, одновременно, и желчную жидкость организма, и гнев, злость, неприятность. Подобный синкретизм значений, весьма характерный для осетинского языка в целом и, как мы убедились, для осетинской фразеологии, позволяет совместить в одном слове не только сами феномены, но и весь шлейф

их ассоциаций и признаков. Поэтому по представлению осетин «маст» может закипеть (Йæ туг рафыхти), его можно вылить (Йæ маст ыл акалдта), в нем можно находиться или утонуть (*масты мидæг* — в ярости, в бешенстве), он, будучи также и жидкостью, может стать причиной того, что какой-либо содержащий его сосуд лопается (*мæстæй тъæпп хауын* — беситься, злиться); лопаться от злости; будучи жидкостью, маст также может бушевать (маст абузын — сильно злиться; враждовать), бурлить (*маст абузын* — сильно злиться; враждовать).

Примечания

1. Дзабиты З. Т. Ирон æвзаджы фразеологион дзырдуат. Цхинвал, 2003.
2. Ирон æмбисандта. Арæмбырд сæ кодта æмæ чиныг сарæзта Гуытъиаты Хъ. Орджоникидзе: Ир, 1976.

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ

Б. А. СИНАНОВ,
кин, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

РУССКИЕ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ (1920-2010 ГГ.)

Статья посвящена изучению особенностей и динамики изменения этносоциальной структуры Северной Осетии на протяжении советского, постсоветского и современного периодов. Отдельное внимание уделяется русскому, и в целом восточнославянскому населению республики. Анализируются причины снижения численности русского населения на закате советской эпохи и вплоть до наших дней.

Ключевые слова: *Северная Осетия, Северный Кавказ, Владикавказ, русские, восточные славяне, титульное население, осетины.*

The article is devoted of studies of the characteristics and dynamics of changes in ethno-social structure of North Ossetia during the Soviet, post-Soviet and modern periods. Special attention is paid to Russian and the whole Eastern Slavic population of the republic. The causes of decrease of the Russian population is being analyzes at the end of the Soviet era and up to the present day.

Keywords: *North Ossetia, North Caucasus, Vladikavkaz, Russian, Eastern Slavic, autochthonous populations, Ossetians.*

Говоря о Северной Осетии, традиционно принято употреблять эпитет «многонациональная». По последней переписи 2010 г. республику населяют 11 наиболее многочисленных этносов — осетины, русские, ингуши, армяне, кумыки, грузины, турки, украинцы и др. В числе жителей республики представлены и менее многочисленные народы, такие как греки, немцы, ассирийцы, евреи и др. При таком разнообразии этносов, населяющих республику, практически все эксперты единодушны в оценке высокой степени интегрированности североосетинского социума [1;2;11,59], что явилось результатом многовекового межэтнического общения и взаимопроникновения культур. Особое место в этнической структуре Северной Осетии занимают русские/казаки, как наиболее многочисленный после осетин и старожильческий этнос.

Целью данной статьи является изучение особенностей и динамики изменения этносоциальной структуры Северной Осетии на протяжении советского, постсоветского и современного периодов, при этом отдельное внимание уделяется русскому, и в целом восточнославянскому населению республики. Анализируются причины снижения численности русского населения на закате советской эпохи и вплоть до наших дней.

Северо-Осетинская автономная область была образована 7 июля 1924 г. в связи с упразднением Горской АССР. Институциональному закреплению новой административной единицы в составе Северо-Кавказского края РСФСР предшествовал сложный период национально-государственного строительства, осуществляемый советским правительством на Северном Кавказе с осени 1921 г. В этом «строительстве» реализуется комплекс советских идеологем, военно-политических и хозяйственно-экономических стратегий. Оно не предполагает заранее подготовленного плана с выверенной структурой территории и четким рисунком внутренних границ. В организации края с самого начала сталкиваются различные принципы экономического районирования, местные групповые интересы, политико-идеологические и хозяйственно-экономические приоритеты. В административную композицию края вносятся постоянные коррективы, принятые институциональные решения пересматриваются. В целом, в 1920-е гг. реализуются две главные стратегии — формируются советские этнические автономии и реорганизуются базовые административные единицы государства [3, 65].

В 1926 г. в Северо-Осетинской автономной области проживало в общей сложности 10063 русских, что составляло 6,6% всего населения. Украинцев было несколько больше — 10301 чел. (6,8%), белорусов всего 315 чел. или 0,2%. Таким образом, все славянское население области составляло 20679 чел. (13,6%). Абсолютное большинство населения автономии составляли осетины — 128321 чел. (84,3%) (табл. 2).

Русские, равно как и представители других восточнославянских народов, в эти годы проживали в основном в Притеречном районе и в единственном на тот момент поселке городского типа Беслане.

Забегая вперед, следует отметить, что исторически полиэтничный и поликонфессиональный с преимущественно русским населением город Владикавказ — будущая столица Северной Осетии — в 1920-е гг. сохраняет статус автономного округа. В городе располагаются органы управления Северо-Осетинской и Ингушской автономных областей, а также объекты промышленности и первые на Северном Кавказе высшие учебные заведения. В нем проживает 75275 чел., из них русских — 40209 (53,4%), осетин — 10799 (14,3%), армян — 6529 (8,6%),

грузин — 5038 (6,6%), украинцев — 3981 (5,2%), ингушей — 1517 (2%), белорусов — 1096 (1,4%), евреев — 1001 (1,3%), персов — 920 (1,2%), греков — 864 (1,1%), поляков — 859 (1,1%).

Таблица 1

Численность русского (восточнославянского) и осетинского населения Владикавказа в 1926 г. [4]

Национальность	Перепись 1926 г.	
	человек	в % к итогу
Все население	75275	100,0
Русские	40209	53,4
Украинцы	3981	5,3
Белорусы	1096	1,5
В целом восточные славяне	45286	60,2
Осетины	10799	14,3

Приведенная выше картина расселения народов в Северной Осетии, как и в целом на Кавказе, явилась, в том числе, результатом потрясений Гражданской войны, политики расказачивания и ликвидации черезполосицы. В частности, при упразднении части казачьих станиц бывшего Сунженского отдела Терской области (Сунженская, Тарская, Аки-Юртовская и др.), их население вынуждено было переселиться в Осетию и Владикавказ.

В 1920-е гг. существенное влияние на структуру кавказской этнополитической карты оказывают ряд факторов: во-первых, советская административная этнизация территорий; во-вторых «коренизация» школы и управления на этих территориях; и в-третьих, изменения в номенклатуре народностей (официальных рамок национальной идентификации).

Первый фактор — осуществление «национального принципа» — в 1920-е гг. более жестко привязывает административно-территориальное деление Северного Кавказа к ареалам этнического расселения. Возникают, или получают советскую легитимацию, титульные национальные территории с высокой степенью этнической гомогенности. Политолог А. А. Цуциев обращает внимание, что «культурный комплекс «своей земли» и символическая связь общности с территорией у многих кавказских групп в серьезной мере были развернуты в досоветскую и даже доимперскую эпоху. Но советское национальное строительство выводит эту связь на качественно более высокий, институционально оснащенный уровень. Советская власть дает мощную санкцию на использование этничности как властного основания, основания для реализации несословных коллективных привилегий (а затем и коллективной ответственности)» [3, 67].

Что касается «коренизации» школы и кадров управления, то подобная практика призвана была создать новую — советскую — культурную и политическую инфраструктуру [5, 3-4]. Кузницей национальных кадров становятся, юридически находящиеся вне пределов национальных автономий, владикавказские вузы — в первую очередь Горский педагогический институт (ГПИ) и Горский сельскохозяйственный институт (ГСХИ). В 1927 г. профессорско-преподавательский коллектив ГПИ разработал «Положение о Горском педагогическом институте», утвержденное Наркомпросом РСФСР 4 апреля 1927 г. По новому положе-

нию приоритетом деятельности вуза становилась подготовка кадров научных работников и учителей, в первую очередь, из рабочих и крестьян «горских народных масс» [6, 19-20].

Особенно остра проблема подготовки кадров из горских народов Северного Кавказа, одновременно с вопросом улучшения социального состава учащихся в сторону доминирования рабоче-крестьянского сектора, была поднята большевиками в годы «великого перелома». По данным отчетов, количество поступающей во владикавказские вузы горской молодежи, главным образом, по средствам различных командировок и целевого направления, редко превышало 50% всех абитуриентов. Так, в 1929/30 учебном году количество поступивших представителей «основных национальностей Северного Кавказа» в ГПИ составило — 34,6% (в прошлом году — 20,6%), в ГСХИ — 35% (в прошлом году — 12,8%) и на Рабфак горцев было принято — 53,5% (в прошлом году — 43,8%).

В свою очередь, на 1 декабря 1928 г. в стенах ГПИ всего обучалось 513 чел., из них: русских (белорусов, украинцев) — 339 (66%); горцев (осетины — 122, ингуши — 6, народы Дагестана — 5) — 133 (25,9%); прочие национальности (евреи — 14, армяне — 12, греки — 3, грузины — 2, проч. — 10) — 41 (8,1%). В ГСХИ на тот же период числилось 390 студентов, из них: русских (белорусов, украинцев) — 305 (78,2%), горцев (осетины — 37, народы Дагестана — 2, кабардинцы — 1) — 40 (10,2%); прочие национальности (армяне — 19, евреи — 7, грузины — 4, татары — 4, ост. — 11) — 45 (11,6%) [7, 243].

Таким образом, в процессе подготовки новой советской интеллигенции большевистское правительство исходило не только из классовых, но и из национальных соображений, стремясь ликвидировать диспропорцию в аудиториях вуза, увеличив контингент студентов-горцев. Но эта цель, в 1920-е гг., так и не была достигнута, хотя численность горской молодежи в аудиториях владикавказских вузов неуклонно росла [7, 244].

Относительно уже упомянутого фактора изменений в номенклатуре народностей, то его следует связывать с формирующейся национально-государственной и административно-территориальной композицией страны. Так, появление Украинской ССР требует внесения поправок в устоявшиеся идентификационные образчики по всей стране, в том числе и прочерчивания границ внутри уже сильно интегрированного славянского массива на Кавказе.

Служебный циркуляр для переписчиков 1926 г. требует, в частности, «уточнения записи об украинской, великорусской и белорусской народностях». Для тех местностей «где словом «русский» определяют свою народность представители этих трех народностей», от переписываемых лиц истребован однозначный выбор: к какой именно народности из трех они себя причисляют [3, 67]. Во многом именно этим объясняются колебания в численности украинцев Северной Осетии, зафиксированные последующими переписями.

К 1939 г., в связи с включением Владикавказа в состав Северо-Осетинской АССР (1934 г.), русское население региона резко увеличивается и составляет 122614 чел. (37,2%). Годом ранее статус города получил Алагир и в городском населении республики продолжали доминировать русские — 56%. Осетин в городах проживало — 22,2%, армян — 5,6%, ингушей — 3,9%, грузин — 3,6%. Всего в городах республики к этому времени насчитывалось 155,1 тыс. человек. В структуре сельского населения русские составляли 20,5%, осетины — 75,3% [8, 374]. При этом отмечается быстрое увеличение русских среди сельского населе-

ния республики более чем в 3 раза за 1926-1939 гг. (9148 чел. — в 1926 г. и 35800 чел. — в 1939 г.) (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности русского (восточнославянского) и осетинского населения Северной Осетии 1926-1939 гг. [4]

Национальность	Переписи			
	1926		1939	
	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу
Все население	152254	100,0	329205	100,0
Русские	10063	6,6	122614	37,2
Украинцы	10301	6,8	7063	2,2
Белорусы	315	0,2	544	0,2
В целом восточные славяне	20679	13,6	130221	39,6
Осетины	128321	84,3	165616	50,3

Своего пика удельный вес русского населения в Северной Осетии достигает в 1959 г. — 178654 чел. (39,7%). В целом Всесоюзная перепись населения 1959 г. зафиксировала 189180 чел. (42%) восточнославянского населения Северной Осетии. При этом численность титульного населения, хотя и увеличивается количественно — 215463 чел. (165616 чел. — в 1939 г.), но в процентном отношении снижается до 47,8% (50,3% — в 1939 г.). Это объясняется присоединением в 1944 г. преимущественно русского Моздокского района к Северо-Осетинской АССР. Кроме того, многие из эвакуированных в республику русских во время Великой Отечественной войны остались на постоянное жительство в республике. Также, перемещение представителей разных национальностей являлось частью национальной политики Советского Союза. Путем распределения выпускников разных учебных заведений, с помощью реализации планов организационного набора и других методов, в национальных регионах увеличивался удельный вес русских, а представители титульных наций этих регионов направлялись в трудодефицитные северные и восточные регионы страны [8, 375-376].

Переписи населения 1970 и 1979 гг. фиксируют увеличение численности русского и в целом восточнославянского населения республики и его относительную стабильность на протяжении десятилетия. Население русских достигает 202367 чел. в 1970 г. и практически столько же фиксируется в 1979 г. — 200692 чел. И хотя в эти годы русские, равно как украинцы и белорусы достигают максимума своей численности на протяжении всего исследуемого периода, тем не менее, их общая доля в населении Северной Осетии заметно снижается. Так, русские в 1970 г. составляют 36,6% населения, а в 1979 г. — 33,9%; в целом славяне в 1970 г. представляют 38,5% населения, а в 1979 г. — 36%. В республике интенсивно увеличивается численность и удельный вес титульной нации — осетин: 269326 чел. (48,7%) — в 1970 г. и 299022 чел. (50,5%) — в 1979 г. Среди прочих национальностей наиболее заметный прирост наблюдается у ингушей: в 1970 г. — 18387 чел. (3,3%), в 1979 г. — 23663 чел. (3,9%) (табл. 3).

Тенденция к снижению удельного веса русских в общей массе населения республики продолжится вплоть до первого десятилетия XXI в. Все последующие переписи будут фиксировать и общее снижение численности русских и восточных славян в целом.

Таблица 3

Динамика численности русского (восточнославянского) и осетинского населения Северной Осетии 1959-1979 гг. [3]

Национальность	Переписи					
	1959		1970		1979	
	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу
Все население	450581	100,0	552581	100,0	592002	100,0
Русские	178654	39,7	202367	36,6	200692	33,9
Украинцы	9362	2,1	9250	1,7	10574	1,8
Белорусы	1164	0,2	1406	0,2	1896	0,3
В целом восточные славяне	189180	42,0	213023	38,5	213162	36,0
Осетины	215463	47,8	269326	48,7	299022	50,5

Аналогичные процессы в период «развитого социализма» наблюдаются и в столице республики. Общая численность русских увеличивается, а их доля в населении Владикавказа снижается. В 1970 г. численность русских составила 116692 чел., что было равно практически половине населения города — 49,5%, а в 1979 г. численность русских Владикавказа хотя и увеличилась почти на две тысячи — 118453 чел., но в процентном отношении сократилась на 6,6% и составила — 42,9%. В столице республики значительно увеличивается численность и удельный вес осетин. Это объясняется естественным приростом и интенсивной миграции из сельской местности. Среди прочих народов, населяющих Владикавказ, свою численность увеличили ингуши — 6153 чел. (2,6%) в 1970 г. и 7823 чел. (2,8%) в 1979 г.; грузины — 7657 чел. (3,2%) в 1970 г. и 8745 чел. (3,2%) в 1979 г.; украинцы — 5464 чел. (2,3%) в 1970 г. и 7089 чел. (2,5%) в 1979 г.; белорусы — 409 чел. (0,2%) в 1970 г. и 1290 чел. (0,5%) в 1979 г. (табл. 4).

Таблица 4

Динамика численности русского (восточнославянского) и осетинского населения Владикавказа 1970-1989 гг. [9, 54]

Национальность	Переписи					
	1970		1979		1989	
	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу	Человек	в % к итогу
Все население	236200	100,0	275913	100,0	298692	100,0
Русские	116692	49,4	118453	42,9	108184	36,2
Украинцы	5464	2,3	7089	2,5	6170	2,1
Белорусы	409	0,2	1290	0,5	1117	0,4
В целом восточные славяне	122565	51,9	126832	45,9	115471	38,7
Осетины	78115	33,1	110250	40,0	138769	46,4

Последняя всесоюзная перепись 1989 г. зафиксировала этническую картину в Северной Осетии к концу советской эпохи. В этой картине проявились общие для всех титульных территорий Северного Кавказа тенденции, наметившиеся еще в стабильные 1960-1970-е гг. В пределах большинства национально-государствен-

ных образований РСФСР стремительно сокращается доля «нетитульного» населения и возрастает этническая однородность этих территорий. Данная тенденция связана не только с различием показателей естественного прироста между титульными группами с одной стороны и русскими, с другой (а именно русские, составляют большинство «нетитульного» населения республик Северного Кавказа). Не меньшее влияние на статистику оказывают обозначившиеся различия в миграционных направлениях и этническом составе мигрантов (табл. 5).

Развитие неформального режима этнических преференций в пределах «национальных» территорий способствует формированию миграционных настроений среди нетитульных групп, особенно среди молодежи и условных этнических элит этих групп. Их социальная структура начинает воспроизводиться в усеченном виде, а лифты вертикальной социальной мобильности все прочнее увязываются с миграцией за пределы титульных территорий [3, 100].

Указанные процессы только усиливаются в условиях социально-политических и экономических потрясений 1990-х гг. В это время резко меняется вектор экономического, политического и социального развития Северной Осетии. Многие промышленные предприятия прекратили свое существование или сократили объемы производства. Поскольку среди русских доля индустриальных работников была особенно высока, то именно они в первую очередь пострадали от экономического спада. Экономические трудности в сочетании с обострением этнической проблематики на Северном Кавказе заставили часть русского населения покинуть Северную Осетию.

Ко всему прочему причиной снижения численности русских в Северной Осетии стала общая для всей страны тенденция превышения смертности над рождаемостью [8, 377]. Лишь немногим этносам в России удалось сохранить значительный естественный прирост населения (чеченцы, ингуши, большинство народов Дагестана и др.).

В республике русское население сокращается с 189159 чел. (29,9%) в 1989 г. до 164734 чел. (23,2%) в 2002 г. И если численность русских в этот период снижается на 24,5 тыс. чел., то осетинское население увеличивается на 110,4 тыс. Однако, источником увеличения численности осетин в указанный промежуток времени стала миграция из-за пределов республики (Южная Осетия, внутренние районы Грузии, республики Средней Азии и Казахстан). Между переписями 1989 и 2002 гг. численность осетин в Северной Осетии увеличилась за счет естественного движения на 16,2 тыс. чел., а за счет миграции на 94,2 тыс. чел. То есть 85,3% прироста осетин в республике пришлось на миграцию населения извне [8, 378].

Еще более сложно ситуация с русским население складывается в столице республики. К 2002 г. удельный вес русских опускается до минимальной отметки за всю историю существования Владикавказа и составляет всего 23,1% (36,2% в 1989 г.). Единственным этносом увеличившим свою численность в традиционно многонациональной структуре города стали осетины, их доля в населении Владикавказа достигла 62,7% (46,4% в 1989 г.) [10, 8].

Следует отметить, что в 1990-е и первые года XXI века миграция русского населения из пределов Северной Осетии сопровождается встречным потоком массовых вынужденных миграций русских, вызванных насильственными конфликтами в северо-восточном сегменте Кавказского геополитического массива. Центрами притока вынужденных переселенцев становятся Владикавказ и Моздокский район. Однако отсутствие точных данных не позволяет ответить на во-

прос, насколько сильно повлияла вынужденная миграция на этническую картину, и какое количество русских мигрантов осело в республике.

В отличие от республик северо-восточного Кавказа, которые к началу 2000-х гг. стали, фактически, мононациональными регионами РФ (Ингушетия и Чечня), либо сократили численность русских до минимума (Дагестан), пограничной с ними Северной Осетии, несмотря на значительный отток русского населения, удалось сохранить свою многовековую полиэтничную структуру (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение [условно-] титульных этносов и русских в республиках Северного Кавказа 1970-2010 гг., % [3, 104; 4; 11, 95-96]

Субъект РФ	[условно-] титульные этносы	Переписи				
		1970	1979	1989	2002	2010
Адыгея	Адыгейцы	21-72	21-71	22-68	24-65	25-63
Карачаево-Черкессия	Карачаевцы, черкесы, [абазины, ногайцы]	47-47	49-45	54-42	61-34	64-32
Кабардино-Балкария	Кабардинцы, балкарцы	54-37	55-35	58-32	70-25	70-22
Северная Осетия	Осетины	49-37	51-34	53-30	63-23	65-21
Чечено-Ингушетия	Чеченцы, Ингуши	59-35	65-30	71-23	94-4 77-1	95-2 94-1
Дагестан	[Аварцы (в т.ч. андо-цезские народы), агулы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы и др.]	74-15	78-12	80-9	87-5	89-4

В первое десятилетие XXI в. численность русских в Северной Осетии продолжает снижаться, хотя и более медленными темпами. По переписи 2010 г. русских в республике стало на 17,5 тыс. чел. меньше чем в 2002 г. За этот же период осетины увеличили свою численность на 14,3 тыс. чел. (табл. 6).

Таблица 6

Динамика численности русского (восточнославянского) и осетинского населения Северной Осетии 1989-2010 гг. [4; 11, 96; 12, 58]

Национальность	Переписи					
	1989		2002		2010	
	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу
Все население	632428	100,0	710275	100,0	706423[1]	100,0
Русские	189159	29,9	164734	23,2	147090	20,8
Украинцы	10088	1,6	5198	0,7	3251	0,4
Белорусы	1779	0,3	1002	0,1	609	0.08
В целом восточные славяне	201026	31,8	170934	24,0	150950	21,3
Осетины	334876	52,9	445310	62,7	459688	65,1

Во Владикавказе к 2010 г. удельный вес русских, как и большинства наиболее многочисленных этносов города, напротив, увеличился и составил 24,5%; осетины — 63,5% [10, 8]. Но незначительный рост численности русских в столице республики не повлиял на общую тенденцию в смене этнической картины города.

В наши дни изменяется этнический состав населения не только столицы республики, но и ряда городов и станиц, в которых русские составляли в прошлом значительную или даже большую часть жителей. Этническая картина в ряде населенных пунктов меняется в сторону увеличения численности осетин (Ардон, Беслан, ст. Змейская, ст. Архонская) и турок-месхетинцев (ст. Николаевская). Русские продолжают составлять около половины населения Моздокского района и большую часть самого города Моздока. Однако как в самом районом центре, так и в ряде сел и станиц стремительно увеличивается численность кумыков, чеченцев и турок-месхетинцев.

Вновь причинами снижения численность русских становится естественная убыль и миграция в другие регионы страны (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край и др.). Однако, материалы научно-исследовательского проекта «Северный Кавказ: взгляд изнутри…» показывают также и «высокое число готовых уехать из республики осетин по национальности». Отмечается высокий потенциал миграции, и в случае ухудшения экономической обстановки «молодежь будет уезжать с большей силой» [13, 92]. Стоит отметить существенную деталь: при наличии высокой мобильности населения республики вне зависимости он этнической принадлежности, русская молодежь, выезжая за пределы республики и реализуясь в других регионах страны, не только не планирует возвращаться, но и готовит «плацдарм» для переезда других членов семьи. Таким образом, вектор, направленный на снижения численности русских в Северной Осетии остается без изменений.

В исследованиях социально-политической ситуации отмечается, что фактором напряженности, прежде всего, для русских, является то, что зачастую называют «индексом представленности»: осетины как количественно доминирующий этнос имеют большую возможность для отстаивания своих интересов. Этому способствуют и сохраняющиеся механизмы традиционного общества, которые используются и в предвыборных кампаниях, и в лоббировании своих интересов.

Таким образом, в отличие от современной ситуации, в советский период численность русского населения Северной Осетии неуклонно возрастала. Этому способствовал как естественный прирост местного русского старожильческого населения, так и миграция высококвалифицированных кадров в пределы республики. В конце 1980-х гг. политический кризис и экономические трудности в сочетании с обострением этнической проблематики на Северном Кавказе заставили часть русского населения покинуть Северную Осетию. Тем временем в последующее десятилетие республика становится прибежищем для русских и других народов, спасающихся от вооруженных конфликтов в соседних восточных регионах. Однако в постсоветский период, равно как и в наши дни, численность русского населения Северной Осетии неуклонно сокращается, и есть основания полагать, что данная тенденция будет продолжена. В этой связи для сохранения традиционно гармоничного многонационального североосетинского социума, перед федеральными и региональными властями встает вопрос не о возвращении покинувших республику русских, а о создании условий для удержания оставшихся.

Примечания

1. Канукова З. В., Айларов А. Э. Русское и украинское население в Осетии: исторические традиции и современные тенденции // Осетия в составе России: 240 лет единства Материалы Юбилейной Всероссийской научной конференции, посвященной 240-летию присоединения Осетии к России. 2014. С. 40-52.

2. Канукова З. В. Русское население в этнической структуре Северной Осетии (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Роль России в истории Осетии. Сборник научных трудов. Орджоникидзе, 1989. С. 123-138.

3. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М., 2007.

4. Демоскоп Weekly: [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/.

5. Царикаев А. Т. Кто руководил Северной Осетией. 1924-1938 гг. Биографический справочник/А. Т. Царикаев. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.

6. Кантемирова А. С. Становление и развитие системы высшего образования в Северной Осетии. Владикавказ, 2002.

7. Синанов Б. А. Политика советской власти в области подготовки кадров национальной интеллигенции в Северной Осетии в 1920-х гг. // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: материалы Всероссийской научной конференции. Ответ. редактор: Г. Г. Матишов. 2011. С. 240-245.

8. Каберты Н. Г. Динамика этнической структуры населения Северной Осетии за 80 лет // Кавказоведение: опыт исследований: Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.). Ответ. ред. А. Г. Кучиев. Владикавказ, 2006. С. 371-380.

9. Торчинов В. А. Владикавказ — Дзæуджыхъæу. Краткий историко-краеведческий справочник. Владикавказ, 1999.

10. Таутиев К. У. Владикавказ — 2015. Справочник. Владикавказ, 2014.

11. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г./Федер. служба гос. статистики. М., 2012.

12. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад/Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М, 2013.

13. Северный Кавказ: Взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития/Под ред. А. Г. Матвеевой, А. Ю. Скакова и И. С. Савина. М., 2012.

А. В. ЦОПАНОВА,
к.псх.н., нс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАН

В статье особое внимание уделяется процессу «возрождения ислама», в частности на территории РСО-Алания. Рассматриваются основные причины, приведшие к образованию прослойки радикалов «салафитов». Перечислены основные школы шариатского права (мазхабы) в республике. Приводятся данные социологических опросов, отражающих уровень религиозности граждан республик Северного Кавказа. Рассматриваются понятие шариат, учение о пяти столпах веры и основные ценности ислама. Проводится краткий психологический анализ ценностей исламской культуры через призму теории о целях жизнедеятельности этноса.

Ключевые слова: *ислам, РСО-Алания, ханбалитский мазхаб, ханафитский мазхаб, шафиитский мазхаб, шариат, религиозные общины, ценностные ориентации.*

The article focuses on the process of «rebirth of Islam», in particular in the territory of North Ossetia-Alania. The main reasons were reviewed that led to the formation of layers of radicals «Salafis». List the main school of Sharia law (mazhabs) in the country. Describes the data of sociological surveys, reflecting the level of religiosity of the citizens of the North Caucasus. Were considered the concept of Sharia law, the doctrine of the five pillars of faith and core values of Islam. Made a brief analysis of the psychological values of Islamic culture through the prism of the theory about the purpose of life ethos.

Keywords: *Islam, RNO-Alania, Hanbali mazhab, Hanafi mazhab, Shafi'i mazhab, the Sharia, religious communities, value orientation.*

Сегодня в науке большое внимание уделяется вопросам религиозности и конфессиональной самоидентификации граждан РФ. Причиной тому служат перемены, произошедшие в нашем обществе и приведшие к изменению массового сознания. В начале 90-х гг. XX в. начался рост активности многих конфессиональных объединений. Восстанавливал, утраченные за годы советской власти, свои позиции и ислам. В условиях российской действительности ислам приобрел многоликость и неповторимость за счет полиэтничности мусульман России. И сегодня религиозная ситуация на Кавказе находится в постоянной динамике, потому требуется ее непрерывное изучение.

Мусульмане Осетии не остались в стороне от процесса возрождения ислама на Кавказе. Однако как показывают наблюдения большинства исследователей, ислам в республике не приобрел политической окраски и не перешел в свои

радикальные формы, но предпосылки к этому существовали. Так формируя свое мировоззрение и картину мира в условиях кризиса идентичности, юноши и девушки прибегают к религиозности в качестве компенсации. А с ростом уровня образованности молодежи религиозность бытовая, связанная с общепринятыми обычаями и традициями переходит в сферу духовно-идеологического поиска.

В начале XXI века среди мусульман Северной Осетии образовалась прослойка радикалов «салафитов» (или традиционалистов). Идеологии течения состояла в необходимости очищения общества от «ереси неверных». С пропагандой радикальных религиозных идей чаще сталкивалось население сельской местности. Причиной тому послужил низкий уровень религиозных знаний и культуры среди самих мусульман, что всегда являлось питательной базой при «вербовке» новых сторонников радикализма. На сегодняшний день мы можем утверждать, что салафитский ислам и соответствующие братства не сложились ни в историческом прошлом осетинского этноса ни в настоящем [3, С. 269].

Ислам в республике Северная Осетия — Алания представлен тремя основными направлениями:

1. Школа имама Ханбали или ханбалитский мазхаб (мазхаб — школа шариатского права в исламе) — одна из школ суннитского ислама. Основатель мазхаба — Ахмад ибн Ханбаль. В исламском мире имеет сравнительно малое количество последователей, по причине своего более позднего возникновения, консерватизма и отсутствия в течение длительного времени государственной поддержки.

2. Школа имама Ханафи или ханафитский мазхаб — одна из школ суннитского ислама. Основатель мазхаба — Абу Ханифа. Занимался исследованием правовых вопросов и способствовал сближению догматических разработок исламских богословов-законоведов с проблемами и требованиями обыденной жизни. На сегодняшний день мазхаб стал влиятельно школой исламского права.

3. Школа имама Шафии или шафиитский мазхаб — одна из школ суннитского ислама. Основатель мазхаба — Мухаммад ибн Идрис аш-Шафии. Религиозные убеждения аш-Шафии основывались на явных смыслах Корана и сунны и соответствовали основным положениям суннитского ислама. В своих работах основать мазхаба касался не столько богословских, сколько юридических вопросов [1].

В Северной Осетии также действуют религиозные общины и других мусульманских этносов: татарское национально-культурное общество имени Г. Тукая, Азербайджанский национально-культурный центр «Азери», национально-культурный центр «Дагестан», Кабардино-Балкарский национально-культурный центр «Намыс», Ингушский национально-культурный центр «Даймохк», общество турков-месхетинцев «Ватан», а так же кумыкские, чеченские и турецкие общества [7, С.70]. Большинство мусульман перечисленных общин исповедуют суннизм (ханафитский мазхаб). Часть азербайджанцев принадлежат к шиитской ветви [5]. Часть кумыков и ингушей входят в суфийские тарикаты [3, С. 254].

Особо стоит отметить тот факт, что в целом на Кавказе сохранны отдельные элементы политеистических верований. Такая ситуации наиболее характерно проявила себя в Северной Осетии. Здесь на протяжении веков создан синкретический сплав политеизма и монотеистической религии. Сохранен культ святых мест, обращение к «обрядовой магии» (например, связанной с сельскохозяйственной практикой).

На сегодняшний день по данным Министерства юстиций РФ в Северной Осетии зарегистрировано 93 религиозные организации. Из них 19 организаций ис-

ламские (18 — местные религиозные организации, 1 — Централизованная мусульманская религиозная организация «Духовное управление мусульман республики Северная Осетия — Алания») [9].

Не смотря на такое большое количество зарегистрированных религиозных организаций, мы можем отметить, что граждане республики не отличаются высоким уровнем религиозности. Исследования показывают, что уровень религиозности выше в республиках, в которых доминирует мусульманская религия. Согласно данным С. Б. Филатова и Р. Н. Лукина 70-80% населения Дагестана, Ингушетии и Чечни могут быть отнесены к религиозным практикующим мусульманам. Для Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи этот показатель гораздо меньше — 20-30%. Можно предположить, что и для Северной Осетии показатель религиозности будет невысоким [8].

На вопрос о чтении Библии, Корана или других религиозных текстов респонденты республик Северного Кавказа ответили, что никогда не читали в следующем процентном соотношении:

Республика Адыгея — 23,2%

Республика Кабардино-Балкария — 33,1%

Республика Карачаево-Черкесия — 20,1%

Республика Дагестан — 23,3%

Республика Ингушетия — 20,2%

Республика Чечня– 38,2%

Республика Северная Осетия — Алания — 22,7%.

В среднем когда-то читавших или читающих данные религиозные тексты иногда около 30-35% по всем семи республикам [2].

Для граждан Ингушетии и Чечни религия стоит в одном ряду с такими важными сегодня понятиями как безопасность, мир, достаток: 54,6% респондентов в республике Ингушетия и 38,1% в Чеченской республике. А в Северной Осетии таковой значимостью религию наделили лишь 5,0% [2].

Говоря об изучении ценностных ориентаций исламской духовной культуры, более подробно остановимся на уровнях вероучения в исламе — это шариат и учение о пяти столпах веры.

Шариат (аш-шари'а) — совокупность идеологических принципов, религиозных обязанностей, моральных предписаний и правовых норм. Кроме понятия «шариат» в исламской культуре существует и такое понятие как «фикх». В рамках данной статьи мы не претендуем на то, чтобы внести определенность в терминологические и идеологические споры, существующие в современном исламе об определении и содержании этих понятий. Отметим лишь, что под шариатом мы пониманием мусульманское право, регулирующее внешние нормы поведения в социально бытовой, финансово — экономической сфере, также шариатом регулируются мусульманские праздники и обряды, наказания и запреты. Фикх включает в себя все нормы шариата и выступает в качестве знания — науки.

Учение о пяти столпах веры включает в себя:

— аш-шахада (исповедание веры) — единобожие в исламе и признание Мухаммада пророком;

— ас-салат — молитва;

— ас-саум — пост;

— аз-закат — обязательная милостыня;

— ал-хаджж — паломничество.

Учение о джихаде — религиозная обязанность мусульманина [6, С. 81-154].

Для психологического анализа исламской духовной культуры мы обратимся к теории А.М. Зимичева о целях жизнедеятельности этноса. Под этносом автор понимает объединение людей, которые осознают свою общность и могут сказать о себе «мы». Соответственно, нами будут рассмотрены ценности исламского этноса (а если быть точнее то, исламского суперэтноса).

К целям жизнедеятельности относятся:

1. Биологические цели: самосохранение, продление рода и сохранении вида.

2. Социально-биологические цели: лидерство в малой группе, фронтальное лидерство, иерархическое лидерство.

3. Социальные цели жизнедеятельности: изобилие (справедливость), добро, красота, истина [4].

Законом жизни любого человека, исповедующего ислам, является шариат. Прописанные в нем обязательные, необязательные и запрещенные действия, касающиеся повседневной жизни, религиозных обязанностей и взаимоотношений между мусульманами обеспечивают первый, и второй уровни целей жизнедеятельности исламского суперэтноса.

Однако, кроме норм поведения и взаимоотношений, в шариате затрагивается и вопросы внутренней мотивации верующего, нравственные, этические, эстетические аспекты, что, соответственно, обеспечивает третий уровень целей жизнедеятельности. Мы можем предположить, что именно через моральные аспекты, зачастую происходит принятие и понимание норм и обязанностей.

Особо среди ценностей ислама выделяются и обеспечиваются нормами шариата следующие: религия, жизнь, разум, продолжение рода и собственность.

Религия в иерархии ценностей ислама занимает наиважнейшее место. Религия представляет собой форму общественного сознания, и именно она есть основа ислама совместно с пятью столпами. На ее базе закладывается отношение верующего мусульманина к иным ценностям — собственности, разуму, продолжению рода и жизни.

Следующая ценность это ***жизнь***. Жизнь представляет собой священный дар Бога. Запрещены в исламе, как самоубийство, так и лишение жизни другого человека. В исламе не стоит и вопроса о легитимности эвтаназии. Под запрет попадает любое убийство, в том числе и убийство из милосердия. Дозволенным обстоятельством лишения жизни другого человека является оплата за другую жизнь. Таким образом, допускается кровная месть, однако ее действие ограничивается соразмерностью совершенному злу. Также месть может быть реализована после соответствующего решения вынесенного официальным судебным органом.

Разум в исламе тесно связан с понятием свободной воли. Ведь именно человек наделенный свободой выбора может совершать поступки и нести за них ответственность. Так, например, самоубийство может быть не наказуемым в том случае, если человек его совершивший, страдает психическими расстройствами. Мусульманин всячески должен беречь свой разум от различного вида воздействий, приводящих к его «помутнению», будь то эмоциональные факторы (гнев, раздражительность, невоздержанность, корыстность), либо химические средства (алкоголь, наркотики и различного рода психоактивные вещества).

Продолжение рода — безусловная ценность ислама, поскольку лишь через продолжение может продолжаться сама вера. Запрет налагается на искусственное прерывание беременности и обеты безбрачия (по этой причине в исламе не

существует института монашества). Данная ценность тесно связанна с понятием семьи и вне нее не мыслится верующим мусульманином. Правила поведения и взаимодействия внутри семьи подробно регламентируются нормами шариата.

Следующей ценностью ислама является ***собственность***. Собственность делится на частную и государственную, считается святой и неприкосновенной. Понятие собственности в исламе тесно связанно с понятием труда. Порицается и наказывается тунеядство и попрошайничество. Именно труд является залогом того, что у мусульманина будет собственность. Разрешенным способом зарабатывать для мусульманина является торговля, при этом запрещенным — считается ростовщичество

Религия, жизнь, разум, продолжение рода и собственность — вот основные ценности ислама, представленные в их иерархической последовательности. В предложенной теории о целях жизнедеятельности этноса продолжение рода как ценность относится к биологическим целям, собственность — к социально биологическим, а религия, жизнь и разум — социальным целям жизнедеятельности. Таким образом, даже краткое описание ценностных ориентаций и духовной культуры мусульман показывает всю гармоничность существующей религиозно — идеологической системы, обеспечивающей существование исламского суперэтноса.

Примечания

1. Агаев Р.Б. Ислам в структуре политической жизни республики Северная Осетия-Алания // Религия в современном мире: Материалы Республиканской научно-практической конференции/Под ред. докт.филос.наук, доц. З.У. Цораева; Сев.-Осет.гос.ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2012. С.16-19.

2. Дзусов И.И. Религия на Северном Кавказе: социологический анализ // Материалы международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ». 2009. С. 324-327

3. Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: На перекрестке цивилизаций. М.: 2003. 359 с.

4. Зимичев А.М. Психология политической борьбы. М.: Ломоносовъ, 2010. 208 с.

5. Канукова З. В Е.В. Федосова. Этнокультурное пространство Северной Осетии. Учреждение Российской акад. наук, Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исслед. им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания. Владикавказ, 2011.

6. Таказов Ф.М. Ислам: история религии, обычаи, традиции мусульман: Научно-популярное издание; Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2000. 230 с.

7. Туаева Б.В. Национально-культурная автономия на Северном Кавказе: исторический опыт и современные проблемы // Известия СОИГСИ. 2009. №3 (42), С.64-71.

8. Филатов С.Б. и Лукин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. №6. С. 35-45.

9. Официальный сайт Министерства юстиций РФ. О деятельности некоммерческих организаций URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx.

А. Р. КАЛМЫКОВ,
аспирант КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИКАХ В 2000-Е ГГ.

В данном исследовании анализируются правовые формы реорганизации региональной власти и экономические преобразования в Северокавказских республиках в 2000 гг.; определяется степень трансформации властных структур в республиках Северного Кавказа; рассматривается социально-экономическая политика Федерального центра.

***Ключевые слова**: республики Северного Кавказа, региональная власть, правовые формы.*

In the present study analyzes the legal form of the reorganization of regional authorities and economic transformations in the North Caucasian republics in 2000 years; it is determined by the degree of transformation of power structures in the North Caucasus; it examines the socio-economic policy of the Federal center.

***Keywords**: republics of the North Caucasus, regional authorities, the legal forms.*

Актуальность изучения проблем северокавказского региона связана с усилением степени участия федерального центра в формировании институтов власти субъектов РФ, изменением принципов исполнительной и законодательной деятельности властных структур. Кардинальные изменения государственной политики федерального центра прослеживаются не только в изменение институтов власти, но и в изменении социальной и экономической политики центральной власти в республиках Северного Кавказа.

В 90-х гг., внутренняя государственная политика на Северном Кавказе была скорее реактивной, нежели конструктивной, результатом чего стало начало конфронтации на территории Чеченской Республики, что негативно сказывалось на положении всех республик Северного Кавказа [1]. Политика центральной власти на Северном Кавказе стала камнем преткновения в экономическом, так и в социальном развитии субъекта. Снижение инвестиционной привлекательности обусловлено, весьма скромным инвестиционным потенциалом и достаточно высоким уровнем инвестиционных рисков, а так же нестабильной ситуацией. Отток капиталовложений и разграбленных природных ресурсов, разрушение промышленного комплекса, социальной инфраструктуры, стало результатом дестабилизации в регионе. Внутренняя политика на Северном Кавказе была полностью не проработана федеральными властями, что привело к отставанию в экономической и социальной сфере от более развитых соседних краев и областей.

Невыплата заработных плат, безработица стали детерминантами развития пьянства, правонарушений, наркомании и других социальных проблем, рост без-

работицы, вызвал рост преступности и терроризма. Это стало проблемой, как на местном, так и на федеральном уровне. Усилилась тенденция к появлению религиозно-национальных группировок, которые стали оказывать прямое влияние на чиновников, лоббируя свои интересы. Все эти факты требовали того, чтобы изменилась внутренняя политика России на Северном Кавказе.

Шаги, предпринятые федеральным центром по выстраиванию «вертикали власти», затронули не только правовые принципы организации региональной власти, но и сферы участия в вопросах наделения властью на уровне субъектов [2]. Был начат процесс устранения правовых коллизий федеративных отношений. Конституционный суд Российской Федерации от 6 декабря 2001 г., постановил о недопущении какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти помимо многонационального народа России, и указал на невозможность существования какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета РФ [3].

Трансформация принципов формирования органов региональной власти и управления стали задачей государственного строительства. Приоритетным оставался вопрос реорганизации институтов власти в республиках Северного Кавказа. Был веден институт полномочных представителей федерального центра, изменен статус глав республик, реформы коснулись и механизм формирования представительных органов республик [3].

Законотворческая деятельность была направлена на укрепление российского федеративного государства, что повлекло за собой изменение порядка формирования республиканских органов власти [8]. Изменение позиций и взглядов региональных элит стало результатом обновления их электората. В 2002 г. президент Ингушетии М. Зязиков в одном из своих интервью заявил о желании привести законодательство республик в соответствие с Конституцией [3]. Данное условие позволило центру провести еще более активную политику, направленную на преобразование элементов политической системы на Северном Кавказе [3].

Стремление центра продвигать на федеральные должности фигур, не связанных с местными элитами и не принадлежащих к титульным национальностям, понималось как усиление федерального контроля и ограничение местной автономии. При этом не последовательность политики центра, создало условие для лоббирования своих кандидатур региональных элит.

Закон от 29 июля 2000 г. № 106 упрощал процедуру отрешения президентов *ре*спублик в составе РФ от должности Президентом Российской Федерации, позволял распускать региональные парламенты в случае нарушения Конституции РФ и федеральных законов [4].

Республики Северного Кавказа не обладающие мощным экономическим потенциалом, не могли противостоять федеральному центру в политической сфере [5].

Реформированию подверглась и законодательная власть, новации были направлены на ужесточение и консолидацию законотворчества в руках центральной власти. Закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [6] отстранял от прямого участия в законотворчестве высшие должностные лица республик.

В декабре 2004 г. по инициативе В. В. Путина прямые выборы высших должностных лиц всех субъектов РФ заменялись косвенными по представлению Президента страны.

Решение отмены прямых выборов президентов республик стало новым шагом по укреплению федерализма [3]. Позволив федеральной власти непосредственно влиять на наделение полномочиями главы исполнительной власти республики [2].

27 декабря был подписан Указ Президента «О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации». В соответствии с ним кандидатуры вноситься на альтернативной основе, обязательным является представление копии декларации о доходах кандидата и его имуществе [7].

Политика Центра по формированию органов государственной власти фактически отменила институт президентства, существований в республиках Северного Кавказа с 1990-х годов, а руководство регионов стали именовать главами субъектов РФ.

2002-2004 гг. во время выборов наметилось растущее влияние федеральных органов власти, важным условием победы на региональных выборах стала поддержка кандидата со стороны федерального центра [8].

В 2005-2006 гг. по северокавказским республикам прошла волна добровольных отставок высших должностных лиц. Свои посты покинули представители бывшей партийной номенклатуры, их заменил новый кадровый корпус исполнительной власти, готовый работать под контролем Центральной власти и лояльный к действиям Москвы. При этом членство в партии власти стало играть важную роль при назначении на пост высших должностных лиц республик [3].

Одним из немаловажных факторов улучшения политического климата стала стабилизация экономики, улучшение инвестиционного потенциала республик, который требовал принятие ряда кардинальных мер, направленных на формирование в округе, как общих условий развития цивилизованных рыночных отношений, так и специфических, относящихся непосредственно к решению задачи привлечения иностранных инвестиций.

Среди первоочередных мер по улучшению ситуации стал пересмотр налогового законодательства в сторону его упрощения и стимулирования производства; предоставление налоговых льгот банкам, отечественным и иностранным инвесторам, идущим на долгосрочные инвестиции с тем, чтоб полностью компенсировать им убытки от замедленного оборота капитала; мобилизация свободных средств предприятий и населения на инвестиционные нужды путем повышения процентных ставок по депозитам и вкладам.

Действия, предпринятые федеральным центром России в период 2000-х гг. были направлены на преобразование социально-экономической и политической ситуации в республиках Северного Кавказа. В регион поступали высокие дотации, выделялись средства для реализации Федеральных целевых программ, вводился режим свободной экономической зоны [9].

Наиболее важными и жизненно необходимыми с точки зрения дальнейшего экономического роста и структурной перестройки экономики являлась налоговая реформа, банковская реформа, реформа государственного управления, судебная реформа, реформа корпоративного управления, финансовая реформа, земельная реформа, пенсионная реформа, реформа рынка труда, реформа жилищно-коммунального хозяйства, военная реформа и др.

Все реформы в указанных сферах начались не сразу, им предшествовал комплекс подготовительных мер, в том числе правового характера. Комплекс задач,

мер регулирования и перспектив, был заложены в новых федеральных законах, Указах Президента РФ и правительственных постановлениях, программах экономического развития страны [10].

Анализ результатов выполнения Программ в 2002-2003 годах показал, что выделенные в полном объеме из федерального бюджета предусмотренные Программой средства не принесли позитивных результатов, не способствовали активизации деятельности хозяйственного комплекса. Экономическое положение входящих в него субъектов по-прежнему оставалось сложным. Задачи на создание экономических условий, для устойчивого развития регионов с учетом геостратегических интересов, были не достигнуты. Объем валового регионального продукта вырос незначительно, в половине субъектов сохранилась устойчивая тенденция снижения. Не уменьшилась доля убыточных предприятий, возросла кредиторская задолженность предприятий промышленности, многие из них имеют признаки банкротства, что ставит под сомнение возможность привлечения заемных и собственных средств, для финансирования мероприятий Программы.

Экономическое развитие республик проходило в условиях крайне низкой обеспеченности социальной и коммунальной инфраструктуры, экономической базы, сложной миграционной ситуации. В соответствии с программами в республиках велось строительство объектов производственного назначения. Однако, основной экономический эффект от реализации данных проектов получен лишь начиная с 2006-2008 гг.

Северный Кавказ по уровню экономического развития и уровню жизни населения в целом уступает другим экономическим районам России. Причем уровень жизни в республиках ниже, чем в территориальных образованиях. Низкий уровень доходов не компенсируется низкой стоимостью «прожиточной корзины».

Экономическая ситуация в регионе осложнялась неблагоприятной обстановкой на рынке труда, где сложился колоссальный разрыв между спросом и предложением рабочей силы, а избыточные трудовые ресурсы не находили необходимых сфер занятости [11].

Ключевая экономическая проблема республик Северного Кавказа состоит в крайней неустойчивости их экономики, которая определяется низким уровнем ее развития, слабой диверсификацией, зависимостью от общероссийской конъюнктуры и политики федеральных властей [12].

Для преодоления проблем в экономике, необходимы действия, учитывающие в комплексе не только состояние экономик республик, но и те структурные изменения, произошедшие за 2000-2010 годы, в сфере экономических преобразований в народном хозяйстве республик. Необходимы новые подходы, которые должны учитывать менталитет северокавказских народов, серьезным препятствием окажутся проблемы с финансовой обеспеченностью инвестиций в основной капитал республик. Необходимо развивать производство в регионе, развивать курорты и позиционировать их как международные, развивать сельское хозяйство и малое предпринимательство [13].

Очевидным является тот факт, что улучшение ситуации, не возможны без совместных и согласованных действий институтов и уровней политической власти в РФ. Несмотря на высокие риски дестабилизации по причине конфликтогенных этнополитических и социально-экономических факторов, Северо-кавказский регион при условии эффективного управления и концентрации материальных и интеллектуальных усилий может стать вполне успешным в реализации эконо-

мических и инновационных проектов, [14] округ можно вывести из убыточного состояния и сделать процветающим уникальным центром производства, туризма и сельского хозяйства, обеспечить в регионе политическую стабильность в преодолении угрозы терроризма.

Примечания

1. Внутренняя политика России на Северном Кавказе в 90-е годы // URL: http://fb.ru/article/172355/vnutrennyaya-politika-rossii-na-severnom-kavkaze-v--e-godyi-kratko- Дата доступа: 20.06.2015.

2. Российская газета. Федеральный закон от 8 февраля 2001 г. № 3 «О внесении дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации». 2001 г // URL: http://www.rg.ru/2003/10/08/zakonsamouprav.html-Дата доступа: 20.03.2014.

3. Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром. М., 2012. С. 42-50.

4. Литвинова Т. Н. Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности // URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=2208 — Дата доступа: 20.06.2015.

5. Волков Ю. Г. Регионоведение: Учебное пособие. Ростов н/Д., 2004. С. 187.

6. Федеральный закон №67 от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // URL: http: // www.gd2003.cikrf.iu — Дата доступа: 20.06.2015.

7. Литвинова Т. Н. Институты власти национальных республик Северного Кавказа в условиях политической трансформации (1989-2007): автореф. дисс. к.пол.н.// Официальный сайт ИС РАН. 2008 // URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=718- Дата доступа: 20.06.2015.

8. Кокорхоева Д. С. Реформы институтов власти в республиках Северного Кавказа 2000-е гг.) и их влияние на обеспечение национальной безопасности// URL:http://http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Politologia/10_124789.doc.htm — Дата доступа: 20.06.2015.

9. Папеско О. П., Шкребцова Т. П. Влияние социальной и национальной политики на экономическое развитие Северокавказского федерального округа // URL: http://www.rae.ru/forum2011/pdf/1493.pdf.

10. Курс: Россия в начале нового тысячелетия (2000-2004 гг.) // URL: http://www.madrace.ru/sovremennaya-politicheskaya-istoriya-rossii/kurs-rossiya-v-nachale-novogo-tisyacheletiya-2000-2004-gg/vse-stranitsi.

11. Регионы России: Экономическая конъюнктура. М., 1999 // URL: http://archivesjournal.ru/?p=1066#_ftn16 — Дата доступа: 20.06.2015.

12. Аналитический доклад «Республики Северного Кавказа: эффективность и консолидация власти» URL: http://www.politcom.ru/tables/sev_kav.doc.

13. Липина С. А. Обоснование приоритетов социально-экономического развития республик Северного Кавказа (методология и практика) // URL: http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/LipinaSA.doc- Дата доступа: 20.06.2015.

14. Косиков И. Г. Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром. М., 2012.

СТУПЕНЬ В НАУКУ

АРТЕМИЙ МИРИКОВ,
ученик гимназии №5 им. А. В. Луначарского
(г. Владикавказ)

ОСЕТИНЫ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 ГГ. ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ

Гордиться славою своих предков
не только можно, но и должно;
не уважать ее есть постыдное малодушие.
А. С. Пушкин

135 лет назад в далеком 1878 году Россия одержала победу в войне над Оттоманской империей за освобождение от турецкого ига славян Балканского полуострова. В 1875 году славяне Боснии и Герцеговиние восстали против Турции. Подавляя восстание, Турция применила очень жестокие меры. Наравне со многими европейскими державами в этот конфликт вмешалась и Россия. Вместе они разработали проект реформ для жителей Оттоманской империи. Но Турция отказалась от этих реформ, отправив войска захватить столицу независимого славянского государства Сербии — Белград. Чтобы не допустить разгрома Сербии 12 апреля 1877 года, Российский Император Александр II подписал Высочайший Манифест об объявлении войны Турции. В Манифесте говорилось о том, что: «Пу-

тем мирных переговоров Россия с дружественными ей великими Европейскими Державами в продолжение двух лет стремились склонить Порту к преобразованиям, которые могли бы оградить Христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии от произвола местных властей. Совершение этих преобразований всецело вытекало из прежних обязательств, торжественно принятых Портою перед лицом всей Европы. Все усилия, поддержанные дипломатическими настояниями других Правительств, не привели, однако к желаемой цели. Порта осталась непреклонная в своем решительном отказе от всякого действительного обеспечения безопасности своих Христианских подданных, и отвергла постановление Константинопольской Конвенции. Турция, отказом своим поставила Нас в необходимость обратиться к силе оружия. Глубоко проникнутые убеждением в правоте Нашего дела, Мы, в смиренном уповании на помощь и милосердие Всевышнего, объявляем всем Нашим верноподданным, что наступило время, предусмотренные в тех Словах Наших, на которые единодушно отозвалась вся Россия. Мы выразили намерение действовать самостоятельно когда Мы сочтем это нужным и честь России того требует. Ныне, призывая благословение Божие на доблестные войска Наши, Мы повелели им вступить в пределы Турции»[ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.13. Л.88.].

Вот что писал об этом Гаппо (Георгий Васильевич) Баев — выдающийся общественный деятель дореволюционной Осетии, городской глава: «Наступила година великих испытаний для родного отечества. На Императорский зов Святой Руси поспешили сыны Осетии из горных ущелий и дивных долин своей дорогой родины. Поспешили, чтобы исполнить священный долг каждого гражданина — стать в ряды Великой Народной Армии, геройски борющейся с врагами за веру, царя и отечество! Древнее сердце могучего Кавказа — Осетия и в эту великую войну выполнит доблестно свой долг перед родиной — великой Россией, под защитой и покровом которой Осетия выдвинулась вперед среди других горских народов» [Баев,1991: 10-13].

Высокую уверенность в будущей победе дали им слова Архипастырского послания Высокопреосвященнейшего Питирима, бывшего Архиепископа Владикавказского и Моздокского. Вот что он говорил перед началом войны в этом послании: «Пусть же и ныне, в годину испытания, ниспосланного неисповедимым Промыслом Отечеству нашему, откликнется каждый из нас на архипастырский зов наш. Осетины впервые наравне со всеми гражданами России призываются теперь в ряды Народного ополчения. Мы просим молодежь нашу поддержать во всех частях армии доброе имя Осетина — солдата защитника Родины. Придерживайтесь древних благородных рыцарских обычаев своей родины — почитайте старших по примеру отцов, подавайте высокий пример окружающим в своем поведении, прежде всего. Избегайте всего, что может наложить тень на доброе имя нашего народа. Да поможет Св. Георгий Победоносец — незримый покровитель Осетинского народа, выполнить молодежи нашей достойно великий призыв к сынам дорогого Отечества… Джигиты Осетии! — Вы идете на борьбу за свое Великое Государство — Россию и за свою маленькую родину — Осетию, которая провожает вас с гордостью… Каждый ваш подвиг будет теперь подвигом целого народа. Сыны Осетии, по обычаю предков с боевою песнью Святого Георгия, идите смело и весело в ряды великого Государственного ополчения… [Баев,1991: 10-13].

12 апреля 1877 г. Начальнику Терской Области и Наказному Атаману Терского Казачьего Войска был направлен: «Указ Его Императорского Величества из Прави-

тельствующего Сената о применении Высочайшего Манифеста» [ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.13. Л.87.].

23 мая 1877 г. этот Указ был направлен Начальником Терской Области и. д. Начальнику Владикавказского округа окружным начальникам: «для сведения и немедленного исполнения» [ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.13. Лл.89-90]

В предстоящей войне с турками русское военное командование придавало особое значение использованию иррегулярных воинских частей, составленных из народов Кавказа [АС ЦГА РСО-А Приспело время подвига, 2013: 4].

11 ноября 1876 г. Начальник Штаба Кавказского Округа, генерал-майор П. П. Павлов приказал: «Сформировоть из туземного населения Владикавказского округа Терской области 4-х сотенный Терско-Горский иррегулярный полк для отправления к 1 декабря 1876 г. в Действующую Армию, г. Кишинев» [ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.38. Л.1], [ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.1. Л.35.].

18 ноября 1876 г. по приказу Командующего войсками Генерал Адъютанта А. П. Свистунова нужно: «Сформировать из туземного населения Владикавказского Округа 4-х сотенный полк, которому присвоить наименование Терско-Горского конно-иррегулярного полка. Командование этим полком, Его Высочество разрешил вверить Начальнику Владикавказского Округа полковнику П. П. Панкратову. Разделить этот полк на Осетинский и Ингушский дивизионы, для формирования от каждого племени по две сотни. Сбор Осетинского дивизиона в сел. Ольгинском к 25 ноября, а Ингушского в сел. Базоркинском. Сосредоточить полк 5 декабря во Владикавказе» [ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.38. Лл.4-5].

В своей книги Гаппо Баев пишет, что: — «Дивизион был составлен из лучших людей Осетии». Вот как описывает в той же книги А. Верещагин этот дивизион: — «Я побывал в Осетинском дивизионе. Какой все видный народ Осетины, молодец к молодцу точно как на подбор. Весь дивизион состоял из охотников. У некоторых всадников полное снаряжение с лошадью стоило 700-800 рублей и даже 1000 рублей. Что мне в особенности бросилось в глаза у осетин, это их осанка и походка. Каждый осетин имел походку точно князь какой: выступал важно, степенно с чувством собственного достоинства» [Баев 1991: 22].

Многие легендарные генералы и офицеры считали наших земляков непревзойдёнными воинами. Приведу высказывания наиболее ярких представителей высшего военного командования действующей армии того времени — генерал-лейтенант Командующий отрядным Штабом Действующей Армии и 4-м Армейским Корпусом Михаил Дмитриевич Скобелев: — «Поведение Осетинского дивизиона в эту кампанию, по беспримерному самоотвержению и рыцарской храбрости выше всякой похвалы… Этот народ заслуживает из ряда вон выходящей награды за свою безупречную, безграничную храбрость…» [ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп.1. Д.260. Л.7.]. Генерал-майор, командир Кавказской казачьей бригады Иван Федорович Тутомлин: — «Благодарю Бога за то, что Ему угодно было сдружить меня с осетинами и под турецкими пулями доставить возможность уважать их храбрые и благородные сердца. Осетины, во главе Кавказской бригады, первыми вступали в бой за Дунаем, и если им приходилось бывать последними, то только при отступлении»… [АС ЦГА РСО-А. Приспело время подвига, 2013: 5].

Асламурза Есиев — командир 1-го Осетинского дивизиона Терско-Горского иррегулярного полка.

Одним из будущих героев той войны был Асламурза Бесланович Есиев — сын Беслана Мурзаевича Есиева. Мать — урожденная Есенова, племянница гене-

рал-майора Муссы Кундухова. Асламурза был единственным сыном Беслана Есиева. Родился он в 1836 г. Происходит из куртатинских аристократии Терской области. Вероисповедание — магометанин. Так как Асламурза был младшим представителем знатного рода, его в девятилетнем возрасте взяли в аманаты и увезли в Петербург. Вдали от родины прошли его юность и молодость. Закончив в Петербурге Второй кадетский корпус, в 1853 г. он начал службу в Елизаветградском гусарском полку, в котором прослужил шесть лет. Назначен штаб-ротмистром в 23 декабря 1859 г. Не смотря на успешное начало военной карьеры, 8 июня 1860 г. по семейным обстоятельствам Асламурза вынужден был оставить службу и вернуться домой [ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.3. Д.1445. Л.292.].

В своем прошении о зачислении его на службу в Терскую постоянную милицию Есиев писал: «Находясь в отставке и проживая на родине в 1861 г., мне поступило предложение от местных властей сопроводить до Сухум-Кальского порта переселенцев в Турцию в количестве 141 семейств. В 1863 г. его зачисляют на службу Его Величества первоначальным переводчикам к бывшему Начальнику Западного военного отдела, а потом в конно-иррегулярный полк, впоследствии расформированный и переименованный в Терско-Горскую милицию, где с 1864 г. до 1876 г. командовал 2-й сотней. В этом промежутке, сверх прямых своих обязанностей, выполнял разные поручения, как то: при обложении податью Владикавказского округа в 1866 г., при освобождении из зависимости холопов в 1867 г.» [ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.3. Д.1445. Лл.292,292об.].

Едва узнав о начале русско-турецкой войны, Асламурза Есиев обратился в Петербург, с просьбой к императору разрешить ему набрать добровольцев и с ними отправиться на фронт. Он получил такое разрешение и в короткий срок сформировал Осетинский конный дивизион из добровольцев, на своих конях, со своим снаряжением и оружием. (Дзагурова 2003: 225)

25 декабря 1876 г. И. д. Командующего войсками Терской области был направлен Рапорт за №28, в котором говорилось, что: — «Назначенный приказом №87, Командиром 1-го дивизиона Шт. — Кап. Бек Мурза Кубатиев явился только сего числа. В виду его отсутствия Ротмистр А. Есив изъявил желание быть зачисленным в этот полк. При его деятельном содействии полк сформирован и сосредоточен на сборном пункте. Считая г. Есиева вполне способным офицером, прошу ходатайствовать Ваше Превосходительство о назначении его Командиром 1-го дивизиона. При этом докладываю, что краткая записка на Ротмистра Есиева представлена мною вчерашнего дня» [ЦГА РСО-А, Ф.83. ОП.1. Д.38. Л.6.] 18 декабря 1876 г. на основании приказа по войскам и Управлениям Терской Области Командующий Терско -Горского иррегулярного полка П. П. Панкратов объявил: «Вступить Ротмистру Асламурзы Есиева в командование 1-ым Осетинским дивизионам» [ЦГА РСО-А, Ф.83. ОП.1. Д.8. Лл.1,1об.]. 4 декабря 1876 г. было приказано: «Его Превосходительству Командующему Войсками Терской Области 5 декабря прибыть в сел. Ольгинское для проведения смотра полка. В 9 ½ часов утра выстроить войска на левом берегу р. Камбилеека, взять в строй Высочайше пожалованные знамена. После смотра, совершить напутственное Господу Богу молебствие, так как полк выступает во Владикавказ, откуда в дальнейшем присоединится к Действующей Дунайской Армии» [ЦГА РСО-А; Ф.83. Оп.1. Д.8. Лл.23,23об.]. 5 декабря 1876 г. полк отправлялся в Ростов по Владикавказской железной дороге. Начальником 1-го эшелона был назначен ротмистр Есиев. Ввиду того, что низшие чины не были знакомы с порядком и условиями следования по железной дороге, начальники

должны были следить за тем, чтобы они не выходили из вагонов, так как при кратковременных остановках многие из них могли отстать [ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.8. Лл.24,24об.].

Особый интерес вызывает характеристика, данная Есиеву генерал-майором И.Ф. Тутомлиным, который в ряде своих рапортов отмечал хладнокровную распорядительность и храбрость командира Осетинского дивизиона. «Словно ураган он проносился в авангарде своей конницы, считая делом чести быть впереди, принимая на себя первый удар» [Дзагурова,1992: 31].

Исследуя жизненный путь Асламурзы Есиева, я узнал очень интересный факт, описанный в книге известной исследовательницы военной истории Осетии нового времени, Галины Таймуразовны Дзагуровой. Речь идет о приверженности древним традициям предков, которая царила внутри Осетинского дивизиона и всячески оберегалась его отважным, бескомпромиссным командиром. В ходе боев Асламурза не раз принимал самостоятельные решения и успешно атаковал врага. Будучи бесстрашным, храбрым воином, он обладал чувством собственного достоинства, безгранично любил свою Родину и беспрекословно исполнял обычаи своего народа. В связи с этим весьма примечательным является факт, имевший место в разгаре войны. Однажды Асламурзу Есиева вызвали в штаб, и сделали замечание, в том, что, будучи русским кадровым офицером, он создал у себя в дивизии такие взаимоотношения, при которых отсутствует субординация. Ему ставили в вину положение, при котором молодые офицеры его дивизиона прислуживали старшим по возрасту рядовым. Игнорируя кавказские обычаи и, в частности, почтения к старшим по возрасту, начальство требовало полного подчинения и субординации. Внимательно выслушав претензии начальства, а затем напомнил, что сотня, которой он командует, иррегулярная, что организована она на добровольных началах и снаряжение в ней не казенное, а приобретённое на собственные средства. «Я сам был в отставке, — подчеркнул он, — и организовал дивизион по своей воле с разрешения Государя. Нарушать свои обычаи не будем. Если мы здесь мешаем и дезорганизуем, то скомандую «по коням» и своим ходом вернемся домой». Ультимативное заявление Асламурзы привело начальство в совершенное бешенство, и, желая его проучить, оно послало запрос в ставку Императора. Любопытен и показателен ответ императора, знавшего и ценившего героизм и преданность России осетинских соединений. Срочный ответ императора гласил: «Оставить все как есть, и осетин не раздражать!» В ставке хватило мудрости и здравого смысла, уважительно отнестись к их национальным обычаям, и защитить командира сотни. За свою отличную службу Есиев не раз удостаивался похвал со стороны высшего начальства [Дзагурова,1992: 31,32]. Наградной список [ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.29. Л.3,3об.] Асламурзы Есиева свидетельствует о его ярком военном таланте. Он удостоен множество орденов и медалей [Дзагурова 1992: 122].

Награды Осетинского дивизиона — Георгиевский крест, Георгиевское знамя.

Тысячи солдат осетин во всех частях армии покрыли себя громкою славой. Многие солдаты и офицеры Осетии доказали эту верность долгу своей кровью. Могучие груди многих украшены за храбрость орденом Св. Георгия Победоносца — издревле покровителя осетинского народа. За храбрость, мужество, верность воинскому долгу и самоотверженное отношение к товарищам по оружию, свыше двухсот офицеров и рядовых из осетин были награждены Георгиевскими крестами I, II, III степени [АС ЦГА РСО-А. Приспело время подвига, 2013: 6].

До сих пор в народе рассказывают, что большая часть Осетинского дивизиона состояла из осетин-магометан, для них был изготовлен Георгиевский крест с двуглавым орлом. Однако этот факт возмущал обладателей такой награды, мол, что это за птица, не хотим птицу, хотим крест с Георгием. Эти воины были магометане по вере, но все же, в первую очередь были осетинами. Как известно, в Осетии Св. Георгий — Уастырджи, почитается особо. Поэтому и осетины-магометане почитали Св. Георгия. Исполняя свой гражданский долг перед Родиной, они воевали со своими единоверцами, но за Российское Отечество, где государственной религией было православие. Они были русскими солдатами. Издревле в Осетии укоренился обычай не сходится ни на какое дело, в поход и путешествие, не пропев сложившегося среди народа гимна Св. Георгию — Уастырджи, незримо сопутствующему и осеняющему верующих в него на все честное и достойное [Баев 1991: 49]. Христианское прошлое всего осетинского народа делает уместным поздравление генерала Скобелева и для магометанской части Осетинского дивизиона. Вот и телеграмма, отправленная из Кишинева в Гура-Галбино полковнику Панкратову 27 марта 1877 г. подтверждает это: — «Тронут вниманием молодцев Терцев. Сердечно благодарю за поздравления, передайте полку от меня «Христос Воскресе»» [ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.20. Лл.77,77об.].

В телеграмме Главнокомандующего Дунайской Армией Великого Князя Николая Николаевича, направленной, 25 сентября 1877 г. Наместнику Кавказскому Великому Князю Михаилу Николаевичу мы находим признание заслуг осетинского дивизиона: «С разрешения Государя пишу тебе просьбу выслать осетин, сколько можно с лошадьми. Осетины-герои, каких мало, дай мне их побольше. Прошу выслать как можно скорее. Осетины так работали, что буду просить Георгиевское знамя» [ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп.1. Д.260.Л.6.].

Обещание свое Великий Князь Николай Николаевич сдержал. 8 августа 1878 г. Император Александр II пожаловал Осетинскому дивизиону Георгиевское знамя «За отличие в Турецкую войну 1877-1878 годов» и повелел: — «Освятить жалуемое знамя, по установлению употреблять на службу Нам и Отечеству с верностью и усердием, Российскому воинству свойственным» [ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп.1. Д.260. Л.8.].

12 сентября 1878 г. О получении Грамоты к Георгиевскому Знамени, Высочайше пожалованному Осетинскому дивизиону был направлен рапорт старшего адъютанта управления походного атамана иррегулярных войск командиру Терско-Горского полка [ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.29. Л.140.].

По случаю пожалования штандарта Осетинскому дивизиону была направлена телеграмма от Великого Князя Михаила Николаевича Наместника Кавказского: — «Поздравляю Осетинский дивизион с пожалованием штандарта и благодарю за депешу. Уверен, что молодцы осетины будут также верно и храбро служить под новым штандартом, как служили их отцы и деды под старым народным знаменем» [ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп.1. Д.260. Л.7.].

Знамя это было торжественно освящено в г. Владикавказ, в присутствии представителей Осетинского народа и участников этого славного дивизиона. Эта грамота и Георгиевское знамя хранились во дворце Начальника Терской области [Баев 1991: 45].

Окончание войны. Послевоенная деятельность Асламурзы Есиева.

Выносливость и стойкость русских солдат, их ненависть к угнетателям братьев-славян победили все препятствия. Плевна была взята, турецкие войска у Шип-

ки разбиты, и турецкое правительство стало просить мира. 27 января 1879 г. в Константинополе был подписан окончательный мирный договор с Оттоманской Портой, объявленный Манифестом Его Императорского Величества Александра II от 4 февраля 1879 г. [АС ЦГА РСО-А. Приспело время подвига, 2013: 13]. Война закончилась. С торжеством вернулся на родину дивизион. Многих он потерял на полях битв, а те, кто остался в живых вспоминали этот поход, как лучшие дни своей трудовой жизни. В честь некоторых джигитов, павших в боях, составлены были боевые песни. [Баев 1991: 45].

В течение всей русско-турецкой войны Осетинским дивизионом командовал Асламурза Есиев. С 26 января 1876 года он был назначен командиром Осетинского дивизиона Терско-Горского иррегулярного полка, в котором и состоял в продолжение всей русско-турецкой войны в Дунайской действующей армии по день расформирования полка 23 октября 1878 года. Об этом говорится в списках, отчисляемых из полка штаб и обер-офицеров Терско-Горского конно-иррегулярного полка, и в прошении майора Асламурзы Есиева, направленного Его Сиятельству Господину Главнокомандующими Гражданскою часть на Кавказе [ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.36. Л.63.], [ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.3. Д.1445. Л.292об.].

Со дня расформирования полка в 1878 г. и по 1883 г. Есиев был оставлен за штатом, без службы и без всякого содержания. Он не получал пенсии за не выслугою узаконенного числа лет. Асламурза испытывал крайности в содержании себя и семьи состоящей из 8 человек. Полученное в Кадетском корпусе воспитание развило в нем только способность к службе. Есиев просил зачислить его на службу хотя бы для выслуги пенсии, но в течение 5 лет он не получал удовлетворительного результата. В своем прошении, направленном Его Сиятельству Господину Главнокомандующему Гражданскою частью на Кавказе Асламурза Бесланович просил: «зачислить его на службу в Терскую постоянную милицию или на какую-либо должность по народному управлению» [ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.36. Л.63.], [ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.3. Д.1445. Лл.292, 292об., 293.].

Из посемейного списка сел. Нижний Карца 2-го участка Владикавказского округа Терской области составленной в 1886 г. я узнал, что Асламурза Бесланович Есиев в возрасте 45 лет состоял на службе в Гребенском полку, в звании майора, должность Армейский кавалер [ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д.75. Л.202, 206об.].

После выхода в отставку в чине подполковника Асламурза поселился в горном сел. Карца. По наследству он владел угодьями не только в сел. Карца, но и в сел. Суадаге и сел. Ногкау. Он занялся разработкой полезных ископаемых. Вводил современные методы возделывания садов, а увлекшись пчеловодством, обучил этому делу своих односельчан, раздавая в бесплатное пользование улья. Соорудив в селении мельницу, он сделал ее объектом общего пользования жителей Карца и близлежащих сел. Здесь, как и в годы военной службы, проявились его лучшие человеческие качества — доброта, гуманность и целенаправленность [Дзагурова 1992: 32].

21 декабря 1897 г. жителями Даллагкауского общества 1-го участка Владикавказского округа имеющие право голоса на общественном сходе, слушали заявление отставного подполковника А. Есиева о допущении на наших землях открыть разведки серебро — свинцовых, медных и колчеданных руд. Вследствие чего постановили: «избрать из среды нашей в качестве выборных, и поручить войти в согласие с Господином Есиевым на выгодных для нас условиях по означенным разведкам» [ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.1. Д.31. Л.9,9об.].

Наследие Асламурзы Есиева.

Асламурза создал обширное поместье с крепким и эффективным хозяйством. Имел каменный и деревянные дома со служебными помещениями и усадебною землей. Совместно с Деги Есиевым имел фруктовые сады в 1 десятину. Так же ему принадлежал крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и 20 сопен пчел [ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д.75. Л.207.]. Согласно посемейным спискам сел. Нижний Карца составленных в 1886 г. Асламурза Есиев был женат [ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д.75. Л.207об.].

Будучи человеком, щедро одаренным от природы, бесстрашным и прославленным воином, талантливым хозяйственником, благородным человеком, прекрасным отцом, Асламурза Бесланович прожил яркую и насыщенную событиями жизнь. Государство высоко оценило подвиги своего героя. Есиев был удостоен множества наград согласно наградного списка штаб и обер-офицеров Осетинского дивизиона: 1). 28 октября1877 г. за мужество и храбрости с турками — чин майора; 2). 30 октября 1877 г. — орден Святого Владимира 4-й степени с мечом и бантом; 3). 23 января 1878 г. при — орден Святой Анны 4-й степени с надписью «за храбрость» [ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.29. Л.3,3об.].

В числе множества наград — Святого Станислава 2-й ст. с мечами и 3-й ст. Медали: бронзовая — в память войны 1853-1856 гг.; серебряная — установленная в память освобождения крестьян; светлобронзовая — в память войны с турками 1877-1878 гг.; Румынский крест [Дзагурова 1992: 122].

Герой русско-турецкой войны Асламурза Есиев скончался вскоре после установления советской власти в 1926 г., и был похоронен на кладбище сел. Карца. К сожалению идеологов новой эпохи, не устраивала память о героях Царской России.

После себя Асламурза оставил прекрасное и многочисленное потомство — девятерых детей. Влияние отца в семье было огромным. Все они получили превосходное воспитание и образование, унаследовали благородные качества отца. Старший сын Касполат — генерал-майор, член Георгиевской Думы, обладатель английского ордена Георга и Георгиевского креста с лавровым венком; второй — Магомет к сожалению умер, будучи учеником начальных классов Ставропольской гимназии; Камбулат увлекался литературой, переводил произведения с русского и французского языков на осетинский, был военным, репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1956 г.; Адильгирей учился в Оренбургском кадетском корпусе, любил музыку, дирижировал, окончил Горы-Горецкий земельный институт, стал землемером; Довлетгирей был очень начитанным, развитым, но не учить, не служить не хотел; Хаджи-Мурат окончил Реальное училище, эмигрировал в Германию, вернулся из иммиграции, позже стал комиссаром Веденского округа, был вызван Госсовнаркомом С. Мамсуровым и назначен зав. мелиоративным отделом земельного управления. Руководил прокладкой туннеля из Алагирского ущелья в Грузию, в 1937 г. репрессирован, в 1956 г. реабилитирован. Из дочерей старшая Мадинат была замужем, будучи бездетная, умерла от туберкулеза; средняя Салимат тоже умерла от туберкулеза, оставив троих детей; младшая Фатимат была замужем, муж умер в ссылке, детей не было [Дзагурова 2003: 228-231].

Асламурза оставил литературное наследие. Его перу принадлежит совместная со знаменитым осетинским ученым А. Г. Ардасеновым книга «Высшее сословие у осетин Куртатинского общества», которая была издано в Москве в 1882 г., и интересное историко-краеведческое исследование «Обычное земельное право и право землевладения горных осетин Терской области».

Без любви к Родине, к ее прошлому и настоящего, без знания истории своего народа, невозможно вырасти полноценным человеком, построить свое будущее. Это чувство патриотизма закладывается с детства, растёт вместе с человеком. Начинается же оно с понимания и уважения своих предков. Знать историю своего государства, роль народа в этой истории, подвиги своих предков особенно важно! Моя работа — это дань уважения моим землякам, славным героям русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Значимость этой работы заключается в том, что мы, осетины, должны знать о подвигах наших предков, о их безответной любви к Родине, бескомпромиссном почитании своих старших и их традиций. Мне бы очень хотелось, чтобы мы подрастающие поколения великих наших предков, стали достойным их продолжением. Я думаю, что знать свою историю — это не просто интересно, а обязательно нужно. Почему? Да потому, что не знающий прошлого, не будет уверен в настоящем, а будущее его будет призрачно.

Самое большое впечатление в ходе работы на меня произвели архивные документы принадлежащие перу легендарного генерала М.Д. Скобелева и славного командира Осетинского дивизиона А. Есива. Подумать только, я держал их в своих руках, а значит, своими руками прикоснулся к истории!

Используемые источники и литература

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.13. Л.88.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.13. Л.87.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.13. Лл.89-90.
ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.38. Л.1.
ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.1. Л.35.
ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.38. Лл.4-5.
ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп.1. Д.260. Л.7.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.3. Д.1445. Л.292.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.3. Д.1445. Л.292, 292об.
ЦГА РСО-А, Ф.83. Оп.1. Д.38. Л.6.
ЦГА РСО-А, Ф.83. Оп.1. Д.8. Лл.1,1об.
ЦГА РСО-А; Ф.83. Оп.1. Д.8. Лл.23,23об.
ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.8. Лл.24,24об.
ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.29. Л.3,3об.
ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.20. Лл.77,77об.
ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп.1. Д.260Л.6.
ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп.1. Д.260. Л.8.
ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.29. Л.140.
ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп.1. Д.260. Л.7.
ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.36. Л.63.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.3. Д.1445. Л.292об.
ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.36. Л.63.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.3. Д.1445. Лл.292, 292об., 293.
ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д.75. Л.202, 206об.
ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.1. Д.31. Л.9,9об.
ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д.75. Л.207.
ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.29. Л.3,3об.
Баев Г. Боевая служба осетин. Владикавказ: Изд-во СОГУ. 1991.-10-13с.

Баев Г. Боевая служба осетин. Владикавказ: Изд-во СОГУ. 1991.-10-13с.

АС ЦГА РСО-А. Приспело время подвига. Изд. Перо и кисть.2013.-4с.
Баев Г. Боевая служба осетин. Владикавказ: Изд-во СОГУ. 1991.-22с.
АС ЦГА РСО-А. Приспело время подвига. Изд. Перо и кисть. 2013.-5с.
Дзагурова Г.Т. Сыны Отечества. Владикавказ: Проект — Пресс. 2003-225 с.
Дзагурова Г.Т. Под российскими знаменами. Владикавказ: Ир 1992. — 31с.
Дзагурова Г.Т. Под российскими знаменами. Владикавказ: Ир 1992. — 32с.
Дзагурова Г.Т. Под российскими знаменами. Владикавказ: Ир 1992.-122с.
АС ЦГА РСО-А. Приспело время подвига. Изд. Перо и кисть.2013.-6с.
Дзагурова Г.Т. Под российскими знаменами. Владикавказ: Ир 1992.-122с.
Баев Г. Боевая служба осетин. Владикавказ: Изд-во СОГУ. 1991.-49с.
Дзагурова Г.Т. Под российскими знаменами. Владикавказ: Ир 1992.–31,32с.
Баев Г. Боевая служба осетин. Владикавказ: Изд-во СОГУ. 1991.-45с.
Дзагурова Г.Т. Под российскими знаменами. Владикавказ: Ир 1992.-32с.
АС ЦГА РСО-А. Приспело время подвига. Изд. Перо и кисть.2013.-13с.
Дзагурова Г.Т. Под российскими знаменами. Владикавказ: Ир 1992.-122с.
Дзагурова Г.Т. Сыны Отечества. Владикавказ: Проект-Пресс. 2003. 228-231с.

ВИКТОРИЯ БЕДОЕВА,
ученица Республиканского детского эколого-биологического центра
(г. Владикавказ)

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КАЛАЕВ. «ГЕРОЙ БЕЗ ЗВЕЗДОЧКИ...»

Подвиг народов Советского Союза в годы Великой Отечественной войны беспримерен, равного ему не знает история человечества. В современном мире, когда средства массовой информации некоторых стран ведут целенаправленную работу по «переписыванию» истории, уроки той кровопролитнейшей из войн особенно необходимы в интересах укрепления мира, без них невозможно воспитание нынешних и грядущих поколений. В связи с этим, актуальными представляются исследования, основанные на принципе историзма — обосновании связи времен, обусловленности настоящего и будущего историческим прошлым нашего народа.

Осетины в составе народов Советского Союза с первых дней войны героических защищали Родину, сражаясь с врагом в составе практически всех видов вооруженных сил и родов войск. Они участвовали в обороне Москвы и Ленинграда, Одессы и Севастополя, Киева и Минска, Керчи и Тулы, Бреста и Сталинграда. Они проявили мужество и героизм в наступательных боях на Курской дуге, при форсировании Днепра, в сражениях за освобождение Белоруссии, Украины, Молдавии, прибалтийских республик, а также Польши, Венгрии, Австрии, Румынии, Болгарии и в завершающей битве за Берлин, в партизанском движении и подпольной борьбе в тылу немецко-фашистских захватчиков и в европейском движении Сопротивления.

На фронтах Великой Отечественной войны сражался каждый пятый житель республики. В 1941-1945 гг. из Северо-Осетинской АССР на фронт отправились 89934 гражданина республики. Из них более 45500 человек не вернулись с полей сражений, каждый второй представитель Северной Осетии, участвовавший в войне, погиб на фронте. Согласно официальной военной статистике, по числу представителей национальности на одного своего героя осетины на первом месте — 11088 чел.

По данным Архивной службы РСО-Алания 81 уроженец Осетии был отмечен высшим знаком боевого отличия — званием Героя Советского союза [1]. Дважды это звание присвоено генералу армии И. А. Плиеву и генерал-майору И. И. Фесину. 9 человек стали полными кавалерами Ордена Славы. 50 участников войны удостоились воинских званий генералов и адмиралов.

В этом году исполняется 165 лет со дня основания города Алагира Республики Северная Осетия-Алания, давшего нашей родине немало выдающихся людей, в том числе героев и участников Великой Отечественной войны. В этом списке

— герой **Сергей Григорьевич Калаев**, его именем названа улица, на которой находится МКОУ СОШ № 5, где я учусь. Мне захотелось узнать, кто такой С. Г. Калаев, почему его именем названа улица, какой подвиг он совершил.

Великая Отечественная война унесла жизни многих молодых талантливых людей. Именами этих героев были названы улицы по всему Советскому Союзу. Улица, на которой находится моя школа, носит имя Сергея Григорьевича Калаева, которому в жестоком 1944 г. едва исполнилось девятнадцать…

Двухтомник «Дорогами мужества», подготовленный М. Д. Бетоевой, содержит короткую справку о герое: «Родился в 1925 году в селении Алагир (ныне город). Осетин. Командир самоходной артиллерийской установки 1196-го самоходно-артиллерийского полка. К званию Героя Советского Союза представлен в июле 1944 года командиром полка. Посмертно» [2, с. 286].

В Биобиблиографическом справочнике «Гордость Алагирского района» содержится следующая информация о Калаеве Сергее Григорьевиче (1925–1944): «Герой без звездочки, родился в г. Алагире. После окончания средней школы поступил в консерваторию. Добровольцем ушел на фронт. 26 июня1944 г. севернее Могилева самоходно-артиллерийская установка Сергея Калаева под усиленной бомбежкой и артогнем форсировала Днепр первой в полку, обеспечив своим огнем переправу всего полка. Через три дня противник крупными силами танков и пехоты решил вырваться на Минское шоссе в районе деревни Княжицы. Пехота Сергея стала отходить. В контратаку пошли танки и САУ. <…>Сержант С. Г. Калаев 6 июля 1944 года командиром 1196-го самоходно-артиллерийского полка майором Сивовым посмертно был представлен к званию Героя Советского Союза. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года герой удостоен ордена Ленина. Одна из улиц Алагира названа в его честь» [3, 184].

Однако в Краеведческом музее г. Алагира имеется более полная и точная биография героя, написанная, очевидно, его матерью. Из этого документа я узнала, что Калаев Сергей Григорьевич родился 25 мая 1925 года в г. Алагире Северо-Осетинской АССР. В 1926 году с родителями он переехал в Москву. В 1935 году отец Сергея Григорьевича был направлен на работу в обком, семья вернулась в Осетию и обосновалась в г. Орджоникидзе (нынешний г. Владикавказ). Сергей учился в средней школе №10, которую окончил в 1942 году. Музыкально одарённому выпускнику предложили продолжить обучение в Московской консерватории, но он от этого отказался и ушёл на фронт в августе 1942 г.

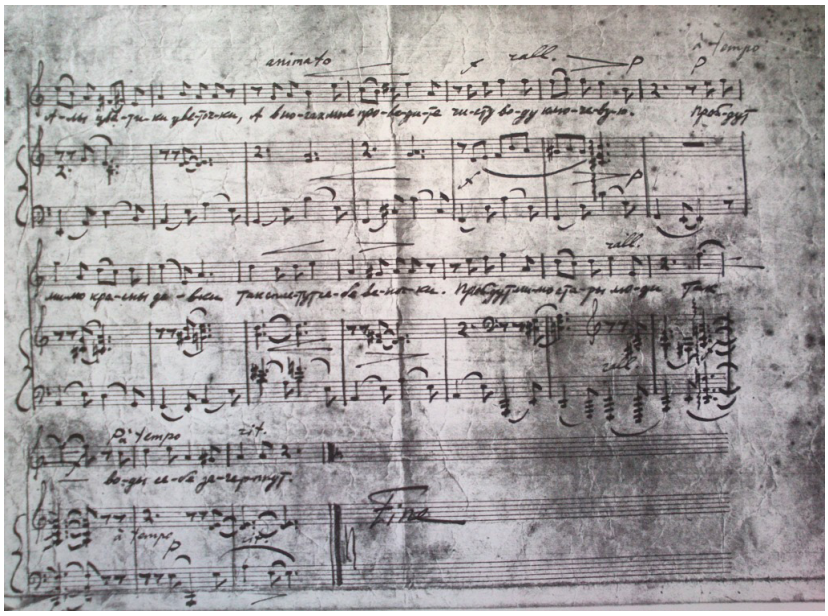
После контузии 25 января 1943 года Сергей вернулся домой и, согласно документам, должен был находиться в отпуске в течение года, однако сам он собирался вернуться на фронт через 2-3 месяца. В военкомате на его просьбу ответили отказом, и он начал работать в КГБ, а оттуда был направлен на учебу в Московскую консерваторию. Спустя два месяца он всё же вторично добровольно ушёл на фронт. Из биографии, написанной матерью С. Калаева Езетхан Дрисовной, становится известно, что за короткий срок учёбы в консерватории он присылал письма. В них он успокаивал её, говоря, что как только кончится война, он вернётся к учёбе, а пока он нужен Родине [4].

Наградной лист, заполненный командиром С. Калаева майором Сивовым, я обнаружила в Электронном банке документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Командир так описал подвиг солдата: «29 июня утром противник повёл сильную атаку, пытаясь ворваться на Минское шоссе. Наша пехота начала отходить. В контратаку пошли наши танки и самоходные ору-

дия. Шоссе Могилев-Минск у населенного пункта Княжицы стало огромным кладбищем техники и живой силы противника. В этой атаке тов. Калаев уничтожил 5 автомашин с грузами, две пушки на конной тяге, подбил самоходную установку и до 35 немецких солдат и офицеров. В этом бою немецкий снаряд оборвал жизнь Героя боев большого патриота, любящего свою Родину больше своей жизни» [6].

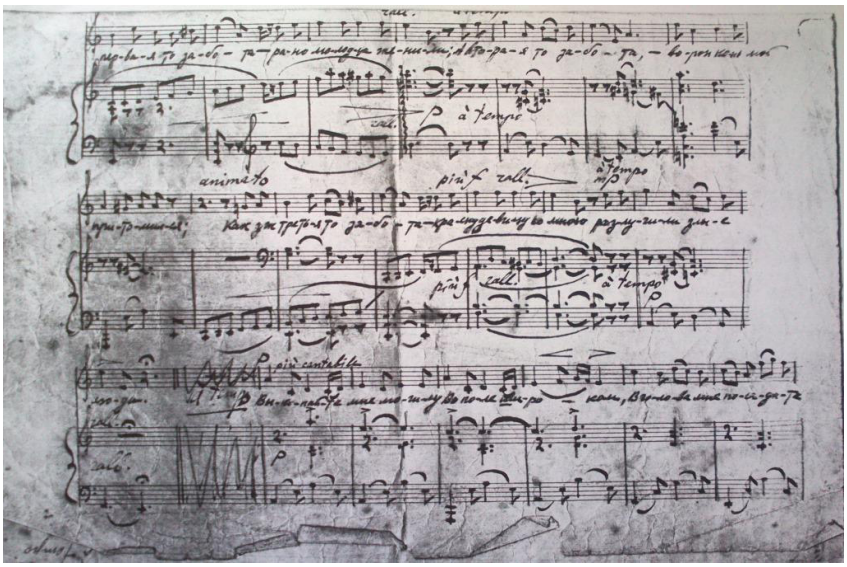
Хотелось бы заострить внимание ещё на одном важном факте биографии Сергея Григорьевича Калаева — недолгой учёбе в консерватории, мечта о которой с детских лет овладела героем. Всесторонне одарённый, он пел, играл на гитаре, на баяне, участвовал в школьных спектаклях.

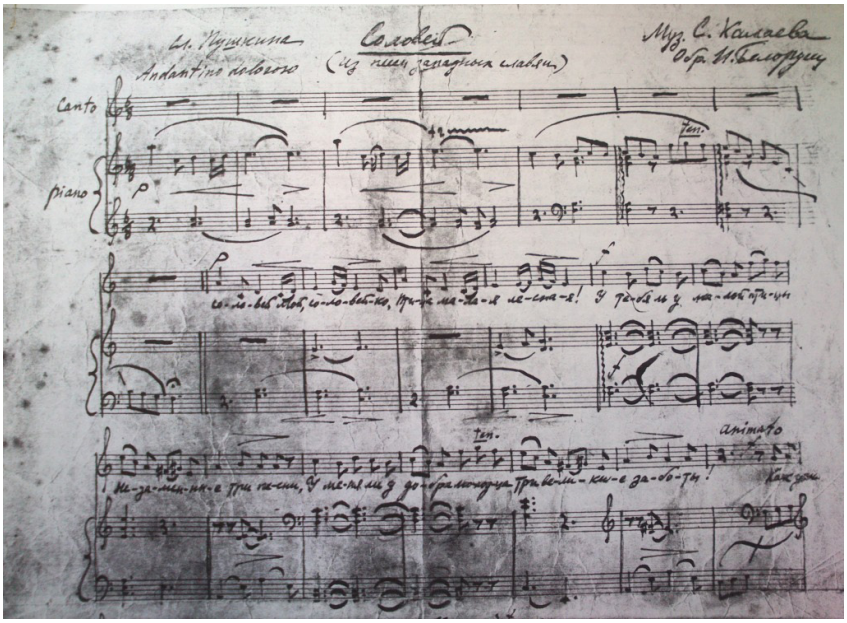
Известный осетинский композитор Татаркан Кокойти говорил о С. Калаеве: «С малых лет он хорошо чувствовал музыку и поэзию. У Сергея Калаева отличный, абсолютный слух. Уверен: из него получился бы композитор» [Цит.по: 7, с. 166]. В годы войны Московская оперная студия была эвакуирована во Владикавказ, и Сергей оказался в числе принятых в студию. Затем он уехал в Москву и поступил сразу на два факультета консерватории — вокальный и композиторский [Ядых: 166]. В Краеведческом музее г. Алагир сохранилась партитура романса «Соловей» на стихи А. С. Пушкина, музыка написана С. Калаевым. В подзаголовке указано: «из песен западных славян», что говорит о глубоком знании автором славянского песенного фольклора. И это не удивительно, поскольку воспитание в традиционной осетинской семье учит уважению и интересу к культурам других народов.



Молодость и талант — казалось бы, важнейшие характеристики, которые приходят на ум, когда знакомишься с жизнью Сергея Григорьевича Калаева. Испытываешь чувство боли и сожаления. И всё же, вглядевшись, вчитавшись, вдумавшись, понимаешь: этих молодых и талантливых людей отличало чувство собственного достоинства, высокие моральные устои, чувство долга и любви, безусловный патриотизм. И этот пример, в свою очередь, побуждает нас чувствовать

ответственность за будущее, которого могло бы и не быть, если бы молодые и талантливые юноши 70 лет назад не отдали за нас свои жизни…





Биография любого Героя Советского Союза или рядового — это живая страница нашей истории, волнующий эпизод пути, которым шёл наш народ к Великой Победе. Гордость за подвиги нашего народа и боль потерь будут всегда передаваться из поколения в поколение.

История короткой, но яркой жизни «героя без звездочки» Сергея Григорьевича Калаева, его бессмертный подвиг — яркое тому подтверждение. Кто знает,

быть может, он стал бы всемирно известным вокалистом или композитором, но случилась священная война, и он не смог поступить иначе…

Многочисленная литература, посвящённая страницам Великой Отечественной войны, безусловно, является важнейшим инструментом постижения нашей истории. Статьи, опубликованные в периодической печати, помогли мне составить более полное представление об исследуемом вопросе, а сбор и систематизация исторических источников из фонда Музея Краеведения г. Алагира позволили уточнить данные о герое, имеющиеся в литературе и периодической печати.

В современном мире немало разного рода сил, призывающих к забвению Великой Отечественной войны, или — того хуже — в прямом смысле переписывающих историю. На центральных площадях и проспектах некоторых стран марши неонацистов никого не удивляют, хотя, прежде всего, они оскверняют память наших дедов, спасших мир от фашизма. И здесь уже нет речи о нравственности или духовных ценностях, объединявших всегда многонациональный народ единого государства.

От каждого из нас зависит, каким будет наше будущее, а оно, как известно, не может быть светлым, если спустя семь десятилетий мы забудем о прошлом, если в забвении останутся страницы истории Великой Отечественной войны.

Список источников и использованной литературы

1. Архивная служба Республики Северная Осетия-Алания. Режим доступа: http://archive-osetia.ru. Дата обращения — 20.03.2015 г.

2. Бетоева М. Д. Дорогами мужества: в 2-х кн. Кн. 1. Владикавказ: Проект-Пресс, 2004. 632 с.

3. Гордость Алагирского района: Биобиблиографический справочник/Сост. Бибоева И. Г., Дзанагова Р. Х. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2006. 256 с.

4. Фонд Музея Краеведения г. Алагира Республики Северная Осетия-Алания.

5. Чепурнова Л. Подвигу жить вечно // Заря. 19 апреля 1975 г.

6. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Режим доступа: http://www.podvignaroda.ru/?#id=46802372&tab=navDetailManAward. Дата обращения — 20.03.2015 г.

7. Ядых П. А. 24 этюда о музыке Осетии // Дарьял, 1998. №3. С. 156-184.

ГЕОРГИЙ МИСИКОВ,
ученик МАОУ ДОД центр «Интеллект»

UNSTERBLICHE WERKE VON KOSTA CHETAGUROW
(«НЕТЛЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КОСТА ХЕТАГУРОВА»)

Die Literatur der vergangenen Jahrhunderte ist nicht modern, und heute nicht aktuell, — so meinen viele meine Zeitgenossen, also viele Jugendliche.

Kosta Lewanowitsch Chetagurow — der große Dichter und hervorragende Denker, wurde am 15. Oktober 1859 im Bergdorf Nar im heutigen Nord-Ossetien-Alanien in der Familie eines Militärs geboren.

Der Junge war begabt, früh begann Kosta Gedichte zu schreiben und zu malen. Seine Werke waren sozial orientiert, sie enthielten scharfe Kritik und Ironie auf die damaligen Bedingungen des Lebens.

Er veröffentlichte auch Gedichte, Geschichten und Artikel in russischsprachigen Zeitungen Sewerny Kawkas (von ihm herausgegeben von 1893 bis 1902) und Kasbek. Seine Gemälde erlangten auch große Popularität. Eines stellte St.Nino, eine georgische Heilige des 4. Jahrhunderts dar und wurde in Georgien hochgeschätzt.

Wegen seiner Kritik an der kaiserlichen russischen Regierung wurde er zweimal verbrannt (1891–1896, 1899-1902).

Heute wäre Kosta sehr glücklich sein. Seine kleine Heimat, die Republik Nord-Ossetien-Alanien ist gleichberechtigtes Mitglied der multinationalen Russischen Föderation. Jeder Bürger unserer Republik hat das Recht auf das Studium, auf die Arbeit und auf die Erholung.

Die Arbeit enthält 17 Seiten. Es gibt 3 Bilder. Sechs Bücher wurden benutzt.

Die Literatur der vergangenen Jahrhunderte ist nicht modern, und heute nicht aktuell, " — so meinen viele meine Zeitgenossen, also viele Jugendliche. Die Zeit hat sich verändert, und die Literatur muss anders sein, denken sie. Und Sie? Wie ist Ihre Meinung dazu? Ich bin ganz sicher in dieser Frage. Mit welchem Genuss lese ich die schönen Zeilen von Goethe, Schiller, Heine, Fallada, Nöstlinger, Thomas und Heinrich Manns usw. Zu diesen Autoren gehört auch Kosta Lewanowitsch Chetagurow. Die schöne hohe Literatur ist von der Zeit unabhängig. Die Schönheiten und Nützlichkeit solcher Literatur zu zeigen, — ist das Hauptziel meiner Forschung. Da ich in Ossetien geboren bin, bin ich stolz auf Kosta, und ich möchte andere Leute mit seinem Namen, seinem Schaffen bekannt machen. Außerdem ist es viel leichter, die Zusammenfassungen anhand der Heimatliteratur zu machen. Deshalb wähle ich für die Forschung das Schaffen von Kosta Lewanowitsch Chetagurow.

Vielleicht wird meine Arbeit in einigen Jugendlichen das Interesse fürs Schaffen von Kosta und fürs Lesen überhaupt anregen.

Die vorgestellte Arbeit soll sowohl für die Menschen, die mit der ossetischen Literatur schon bekannt sind, als auch für die, die erst jetzt sich damit bekannt machen möchten, interessant sein. Wird meine Forschung an irgendjemandem Interesse erwecken, so werde ich damit zufrieden sein.

Lebenslauf und das Schaffen
Kosta Chetagurow
Nachdichtung von P. Kurskiew
Die Erklärung
Erscheint dir mein Lied als Geweine,
So sei mir gefällig, verzeih!
Verlangt nicht dein Herz nach dem Weinen,
Mit Singen auch weiter gedeih!
Und wären die Pflichten vorm Volke
Geringer, getreulich erfüllt,
So klänge mein Lied nicht so traurig,
Es wär nicht mit Tränen gefüllt!

Das dargebotene Gedicht ist der Sammlung «Iron Fandyr» entnommen. Das Gedicht, sowie auch das ganze Schaffen, sogar das ganze Leben des großen Dichters des ossetischen Volkes waren dem unglücklichen, rechtlosen Leben seiner Mitbürger gewidmet. Der Dichter äußert seine Gefühle in einer ausgesprochen volkstümlichen Form.

Was für eine große Liebe zu seinem Volke musste der Dichter in der Brust haben, damit so leidenschaftlich seine Gefühle zu äußern! Seine bürgerliche Stellung war zu hoch, die elendste Lage des einfachen Volkes nahm er sehr nah zu Herzen.

Kosta Lewanowitsch Chetagurow — der große Dichter und hervorragende Denker, wurde am 15. Oktober 1859 im Bergdorf Nar im heutigen Nord-Ossetien-Alanien in der Familie eines Militärs geboren. Seine Mutter Marija Gawrilowna Gubajewa starb kurz nach seiner Geburt. Kosta erzog seine Tante Tschendse. Später widmete der Dichter einige Gedichte dieser Frau. Er war ihr sehr dankbar.

Zuerst besuchte Kosta die Grundschule in Wladikawkas von 1871 bis 1881.

Im Jahre 1881 begann er das Studium an der Petersburger Akademie der Künste. Der Junge war begabt, früh begann Kosta Gedichte zu schreiben und zu malen. Seine Werke waren sozial orientiert, sie enthielten scharfe Kritik und Ironie auf die damaligen Bedingungen des Lebens. Chetagurow wurde vom kaiserlichen Regime verfolgt, mußte 1885 aus finanziellen Gründen das Studium aufgeben. Zurückgekehrt nach Ossetien wurde Kosta ein bekannter Dichter, dessen ossetischsprachige Gedichte bald mündlich verbreitet wurden. Er veröffentlichte auch Gedichte, Geschichten und Artikel in russischsprachigen Zeitungen «Sewerny Kawkas» (von ihm herausgegeben von 1893 bis 1902) und «Kasbek». Seine Gemälde erlangten auch große Popularität. Eines stellte St.Nino, eine georgische Heilige des 4. Jahrhunderts dar und wurde in Georgien hochgeschätzt.

In seinem Schaffen widerspiegelt sich sehr deutlich die politische und soziale Lage des ossetischen Volkes am Ende des 19. Jahrhunderts. Kosta gilt als der wichtigste ossetische Lyriker des Realismus. Ein Großteil seiner Gedichte befasst sich mit sozialen Themen, insbesondere auch mit jämmerlichen politischen und sozialen Leben der elendsten, unglücklichsten Bergbewohner. Der Dichter vertritt in allen seinen Werken als klarsichtiger und engagierter Politiker und Denker, als Meister der realistischen Dichtung. Das direkte Aussprechen der eigenen Gefühle und Meinungen bleibt bei

Kosta nicht im Privaten stecken, sondern der Dichter wird zum Gegenspieler des Alten, Reaktionären und zum Verkünder des Fortschritts. Mit großer Liebe und Mitleid schildert Chetagurow das freudlose Leben der einfachen Menschen. Feine, aber scharfe Ironie und die große Anschaulichkeit gewinnen und fesseln den Leser. Der soziale Klang Chetagurows Lyrik verleiht ihnen besondere Bedeutung.

Alle wir liegen in Ketten und Bänden,
Heilige Stätten selbst werden entweiht,
Schmäht man die Toten, beraubt uns die Berge,
Alte wie junge wir werden gepeitscht…

Die große poetische Begabung und leidenschaftliche große Liebe zur Heimat halfen dem Dichter echte schöne Literatur des ossetischen Volkes zu schaffen. Sehr schwer waren die Lebensbedingungen im damaligen Russland. Eine einzige lebende Masse der Fäulnis und abstoßende Verfalls. Niemand fühlte sich wohl. Gewerbe, Handel, Industrie und Landwirtschaft des Landes waren fast auf ein Nichts heruntergewirtschaftet; die Bauern, Kaufleute und Fabrikanten fühlten den doppelten Druck einer blutsaugerischen Regierung und eines schlechten Geschäftsganges; die Adel und Fürsten fanden, daß ihre Einnahmen, trotzt der Auspressung ihrer Untertanen, nicht Schritt halten wollten mit ihren wachsenden Ausgaben; alles ging verkehrt, und ein allgemeines Unbehagen herrschte im ganzen Lande…

Das Gedicht «Klage»

Ossetien war Peripherie Russlands, die soziale und politische Lage des Volkes war unerträglich schwer. Kosta als ehrlicher Patriot seines Volkes und seiner Heimat konnte ohne Mitleid das schwere Leben seiner Mitbürger nicht betrachten. Er schrieb:

Klage.

Jammert doch, jammert, ihr heimische Berge,
Wäret ihr lieber zu Asche verbrannt!
Mögen Lawinen euch, Ratsherrn, verschütten:
Wage je einer nur männliche Tat!
Jemandes Herz doch erbebe vor Schauer,
Leide doch einer ans menschliche Leid,
Schmerzlich empfinde den Kummer des Volkes,
Kärgliches Tränchen läßt fallen vielleicht!
Alle wir liegen in Ketten und Bänden,
Heilige Stätten selbst werden entweiht,
Schmäht man die Toten, beraubt uns die Berge,
Alte wie junge wir werden gepeitscht!..
Einzeln vertrieben, verließen wir Heimat,
So sprengt ein Wolf eine Herde sofort…
Führe uns, unser Hirt, führe die Herde,
Ruf uns zusammen dein heiliges Wort!
Wehe! Der Gegner verdrängt uns zum Abgrund,
Sehnend nach Ehre, wir sterben entehrt…
Elend des Volkes zersprengt mal die Felsen,
Schluß mit dem Zaudern, sonst gehen wir zugrund!
Nachdichtung von P. Kurskijew

In diesem Gedicht wird das Hauptthema des Schaffens von Kosta Chetagurow beobachtet. Das schwere Leben in den har n Bedingungen der Bevölkerung der ossetischen Berge beschreibend, versuchte der Dichter sein Volk zu vereinigen,

damit die Leute sich für die Freiheit gemeinsam einsetzen können werden. Kosta zeigte den Lesern den Alltag einen einfachen Menschen und auch uralte Bräuche und Sitten des Volkes, zu dem er selbst gehört.

Das von mir erforschte Werk beginnt Kosta mit dem Tadel „ der Ratsherrn», die den Armen gar nicht verstehen wollen. Dazwischen aber befinden sich solche Kaiser und Aldaren in der Regierung, die statt ihren Untertanen besser leben zu helfen, rauben und unterdrücken sie. In dargestellten Zeilen wird das schwere Leben des einfachen Volkes mit dem Tod verglichen, und es wird noch prophezeit, dass sich alles bald verändern muss.

Die weiteren Worte enthalten einen Aufruf. Das echte Ziel dieses Rufs besteht darin, den Machthaltern zu erklären, in welcher schrecklichen Situation sich die «kleine» Leute befinden, die für herrliche Lebensbedingungen der Regierung auf ihr eigenes Glück verzichten sollen.

Die letzten Worte kann man zusammen analysieren, denn sie enthalten ähnliche Ideen und Gedanken. Kosta will den Lesern sagen, dass das Volk sich jetzt in der kritischen Lage befindet. Der Autor ruft die Menschen auf, bald, wie es möglich ist, zu vereinigen, weil man nur gemeinsam vor allem am Leben bleiben, danach noch sein Schicksal zum glücklichen Leben verändern, und auch natürlich alte und herrliche Bräuche behalten kann. Und in solchem schweren Ding wird niemand von außen helfen. Das ganze Gedicht «Klage» ist mit dem patriotischen Geist und mit der Liebe zu seiner Heimat durchgetränkt. Demnach ist es auch heute aktuell.

Viele seine Gedichte und Prosawerke sind dem Thema der unglücklichen, unerwiderten Liebe gewidmet. Die zarteste Innigkeit, aber zugleich feine, aber scharfe Ironie sind für diese Werke charakteristisch. Anschaulich ist das Gedicht «Charsbon». In diesem, als auch in mehreren anderen Gedichten und Prosawerken besang Kosta Anna Zalikowa. Sie war schön, ausgebildet, gut erzogen, aber aus einer reichen Familie. Damals war es unmöglich, daß der arme Junge ein reiches Mädchen heiratete.

Wegen seiner Kritik an der kaiserlichen russischen Regierung wurde er zweimal verbrannt (1891–1896, 1899-1902). 1894 erschien sein Buch Osoba («Ossetischkeit»), welches für die Volkskunde der Osseten von bleibendem Wert ist.

1899 gab Chetagurow seine Sammlung «Iron Fandyr»(Ossetische Lyrik) heraus, worin die ersten Kindergedichte in ossetischer Sprache enthalten waren, solche wie «A-lol-lai», «Gino», «Fyduag» und andere.

Die Form vieler Gedichte im «Iron Fandyr"ist dem Volkslied nah. Das Volkslied bildet die Grundlage dieser lyrischen Sammlung. Die tiefe und reiche lyrische Grundstimmung, die bezaubernde Melodie des Verses erinnern uns an die besten ossetischen Volkslieder. Viele Werke aus dieser Sammlung sind heute vertont. Unter ihnen: «A-lol-lai», «Chubady», «Klage», und andere.

1905 zog Kosta zu seiner Schwester nach Georgiewsko-Ossetinskoje (heute Kosta-Chetagurowo in Karatschai-Tscherkessien), wo er kurz darauf 1906 verstarb. Zuerst wurde Kosta in Kosta-Chetagurowo begraben, später wurden die sterblichen Überreste von Kosta nach Nord-Ossetien-Alanien gebracht.

Nachwort

Viele Werke von Kosta sind auch heute sehr populär und beliebt. Sein Drama «Fatima» ist verfilmt, hat großen Erfolg im Volk.Ich meine, daß sein Beitrag in die Entwicklung der Kultur sehr hoch ist. Seine Werke, seine Ideen sind ewig, unvergänglich. Seine Lyrik und Publizistik machten ihn als einen Verteidiger kaukasischen Bergbewohner sowie als Kämpfer gegen Rechtlosigkeit, Elend, Unwissenheit und nationalen Zwist bekannt.

Heute wäre Kosta sehr glücklich sein. Seine kleine Heimat, die Republik — Nord-Ossetien-Alanien ist gleichberechtigtes Mitglied der multinationalen Russischen Föderation. Jeder Bürger unserer Republik hat das Recht auf das Studium, auf die Arbeit und Erholung. Unsere kleine Republik hat der Welt viele hervorragende Menschen gegeben, unter ihnen sind politische und gesellschaftliche Persönlichkeiten, Intellektuelle und Wissenschaftler, Schriftsteller und Künstler, Schauspieler und Sportler.

Die größte Universität in der Republik, der größte Erholungspark, das staatliche Nationaltheater, eine der längsten und schönsten Straßen unserer Heimatstadt tragen den Namen von Kosta Lewanowitsch Chetagurow.

In Nar, auf dem hohen Berg wurde das Haus des Dichters wiederaufgebaut. Es besteht aus dicht aneinander gelegten Steinplatten. Vor hundert Jahren bauten die Osseten ihre Häuser auf diese Weise. Im Haus sind Dokumente, Utensilien der Bergbewohner und Chetagurows Bücher ausgestellt-alles, was sein Andenken bewährt. Tausende Menschen aus aller Welt mit großem Interesse besuchen dieses Museum. Einen großen Spaß bekommen viele Gäste auch nach dem Besuch des Memorialhauses in der Butyrin-Straße in Wladikawkas. Kosta Lewanowitsch Chetagurow ist mein Lieblingsdichter, er ist der Berg der ossetischen Literatur, das ist meine Meinung.

Viele Werke dieses berühmten Dichters wiederspiegeln verschiedene Wünsche des ossetischen Volkes, seine Stimme ist frei und wahrheitsgetreu. Heute nach vielen vergangenen Jahren findet jeder Mensch, groß und klein, für sich etwas Interessantes in den Werken von Kosta. Sie lehren uns, richtig zu leben, helfen den Lesern, weniger Fehler machen und den richtigen Weg wählen. Seine Dichtungen und Prosawerke enthalten die Ideen der Menschenfreudigkeit, des Patriotismus, sie besingen hohe Gefühle, wie Freundschaft, Liebe, Fleiß im Lernen und in der Arbeit, Hartnäckigkeit beim Erreichen der vor sich gestellten Ziele. Ich hoffe, daß es mir gelungen sei, meinen Zeitgenossen zu zeigen, welcher große und nützliche Schatz für den modernen Menschen die klassische Literatur überhaupt und nämlich die Werke von Kosta sind.

Benutzte Literatur

1. Chetagurow K. L. «Iron Fandyr», «Ир», Владикавказ, 1984.

2. Leping E. I., Strachowa N. P. «Rußisch-deutsches Wörterbuch» «Русский язык», Москва, 1978

3. Moskalskaja O. I. «Das große deutsch-russische Wörterbuch» «Русский язык», Москва, 1998

4. Хетагуров К. Л. «Собрание сочинений в 5 томах», «Издательство АН СССР», Москва, 1961

5. Хетагкаты Къ. Л. «Равзарст уацмыста», «Ир», Орджоникидзе, 1989

6. Хетагуров К. Л. «Осетинская лира», «Художественная литература», Москва, 1939.

ЯСОН МУЛУХОВ,
ученик ГБОУ Гимназия «Диалог»
(г. Владикавказ)

ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (КОНЕЦ XIX-XX ВВ.)

В истории практически всех народов были свои великие просветители, зачастую носившие личину божества, обучившие тот или иной народ всем ремёслам, религиозным воззрениям и культурным традициям. В Древнем Вавилоне это был Оаннес, вышедший из морских вод, у греков — Прометей, похитивший у олимпийцев огонь и обучивший греков ремёслам и искусствам, у египтян — бог Тот, у индейцев Латинской и Южной Америки — Кетсалькоатль, небесный змей, у персидских племён — Ахуромазда, и так далее. Но в отличие от легендарных богов и героев, у реально существующих народов есть исторические личности, оказавшие влияние на жизнь, развитие и историю своего народа и государства.

Любое государство в своей жизнедеятельности, если только оно не является религиозно-экстремистским территориальным образованием по типу ближневосточных и азиатских халифатов, эмиратов и пашалыков, где основой общественной жизни и самого существования государства является лишь религиозно-военное единовластие какого-либо самодержца-тирана, развиваясь, рано или поздно приходит к необходимости использовать и совершенствовать собственные научно-технические, культурные и управленческие ресурсы — попросту говоря, обучать свой народ различным наукам и искусствам, а затем опираться на неисчерпаемые творческие силы собственного народа.

Россия в этом отношении является самым показательным примером и в силу своего географического положения, многонационального состава населения и сложной, трудной и гордой многовековой истории. Как известно, основу русской государственности положили варяжские дружины, но после варягов были победитель Византии князь Олег, Владимир Ясно Солнце, за ними — собиратели земли русской, московские князья Иван Калита и Иван Грозный, впервые объявивший себя царём, а после Аристотеля Фиораванти, Марко Фрязина и Пьетро Солари архитектурные ансамбли Московского Кремля возводили русские мастера Алексей Корольков и Иван Семёнов, а потом всю белокаменную Москву отстраивали Д.В. Ухтомский, В.И. Баженов и М.Ф. Казаков! Царь-пушку сделал мастер Андрей Чохов, Царь-колокол тоже отлили русские мастера. После иностранцев, привезённых в Россию Петром Первым, были Ломоносов и Пушкин, Менделеев и Циолковский, Вернадский и Келдыш — примеров таких несть числа! Но Россия, как самое многонациональное в мире государство, известное своей веротерпимостью, толерантностью и восприимчивостью к различному мировоззрению,

требует, чтобы все народы, Россию населяющие, чувствовали себя частью своей огромной Родины и несли за судьбу России равную для всех ответственность. А для этого нужно, чтобы у всех народов были равные возможности развития, прежде всего — высококачественное образование, медицина, равный для всех доступ к благам цивилизации.

Довольно быстро это поняло и правительство царской России — едва только в основном определившись с геополитическими интересами и целями, даже ещё не завершив формирование своих государственных границ в европейской и азиатской части, Россия стала готовить кадры для управления и нормального развития себя как цивилизованного государства. Потребовались и национальные кадры — как правило, из наиболее восприимчивых и стремящихся к знаниям народностей, какими в XIX- начале XX веков представлялись осетины. Об этом также свидетельствует тот факт, что в начале XX века только в московских учебных заведениях насчитывалось более 1000 осетин.

Значение данной работы в том, что поднят вопрос о влиянии на развитие народа Осетии не только творческой интеллигенции, не только людей, занимавшихся литературной, театральной, просветительской деятельностью, общественных деятелей и военных, но и представителей научно-технической интеллигенции, первых осетинских инженеров.

Много достойных имен вписано в историю осетинской технической интеллигенции. К сожалению, так случилось, что большинство из них предано забвению. Но, тем не менее, эти имена к нам возвращаются, несмотря на время.

«Осетины восприимчивы, любознательны, сообразительны, легко усваивают русский язык. Они наполняют школы народные, проникают в средние учебные заведения, где пишущий эти строки всегда находит среди них внимательных и трудолюбивых учеников. Многие осетины учатся в высших учебных заведениях, особенно они любят техническую школу по склонности своего трезвого технического ума».[1] — писала в 1917 году газета «Терек», издававшаяся во Владикавказе. Авторитет осетинского народа в Российской Империи — это плод ответственной, эрудированной и отважной деятельности наших предков в дореволюционное время.

В 1883 году во Владикавказе было образовано «Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области». Необходимость создания нового общества была продиктована тем, что уже существующее «Общество распространения христианства на Кавказе» основывало свои школы только в Христианской Осетии, а другие народные области — чеченцы, ингуши, кабардинцы, кумыки, осетины-мусульмане и пр. — вовсе не имели рассадников просвещения. Кроме этого, новое общество должно было способствовать образованию интеллигенции среди горских народов.

В конце XIX века членами «Общества распространения образования» Терской области были чиновники и учителя, купцы и военные, все те, кому была не различна судьба горских народов. В 80-е-начале 90-е годы членами правления Общества были лесной ревизор Ибрагим Шанаев, присяжный поверенный Джантемыр Шанаев, межевой ревизор Георгий Атабегов, секретарем являлся учитель Савва Кокиев. Активно поддерживал деятельность Общества поэт Коста Хетагуров. А когда ему потребовалось помощь, то правление Общества объявило сбор средств в его пользу.[2]

Механизм существования Общества был довольно простой. С помощью различных лотерей, народных гуляний, пожертвований частных лиц Общество соби-

рало финансовые средства, которые шли на оплату разнообразных стипендий. Члены общества выясняли, какие специалисты наиболее необходимы в горских обществах, и направляли молодых людей обучаться нужным специальностям. В первую очередь оплачивались стипендии в юридических и медицинских институтах, инженерных и сельскохозяйственных училищах и др. На учебу отправлялись самые достойные, одаренные. Не дети богатых, которые могли сами оплачивать обучение, а представители средних и бедных слоев общества. Вся информация о том, кто получает стипендии, регулярно публиковалась в местной прессе, чтобы общество знало, куда уходят собранные деньги.

2 июля 1885 году Общество приняло постановление Общего Собрания относительно определения в Ремесленную Графа Лорис-Меликова школу четырех мальчиков из горцев по одному из племен: осетинского, кабардинского, кумыкского и чеченского или ингушского. Правление Общества предполагая, что желающих определить своих детей в упомянутую школу на стипендии Общества будет много, не приняло на себя выбора мальчиков, а назначило конкурсные испытания, чтобы стипендии эти были заняты мальчиками с большими знаниями, но к великому удивлению на конкурс этот из племен: кабардинского, кумыкского и чеченского никто не явился; явился из ингушей один мальчик Дохкильгов и тот оказался неудовлетворяющим требованиям программы школы, — а потому на стипендии эти были зачислены три мальчика из осетин: Баев, Тибилов и Хапсаев, а Дохкильгова Правление определило в школу общества Владикавказских ремесленников на один год.[3]

Затем Правление Общества, хотя и не имело полномочия, в виду экстренности случая, решило выдать единовременное пособие следующим лицам: двум ученикам, окончившим курс в средних учебных заведениях — Алмахситу Канукову из осетин и князю Хамзаеву из кумык по 100 р. каждому, на проезд и проживания в столицах Империи — в период до поступления в высшее учебное заведение. Кануков стал студентом Императорского Московского Технического училища.[4]

Выпускники осетинских школ стремились поступить в престижные вузы страны и особенно МГУ и Императорское Московское Техническое училище — ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана. Среди армии выпускников этого университета достойное место занимают и осетины — бауманцы. Например, И. Т. Собиев и Р. Н. Гаглоев.

Инал Тотрукович Собиев родился в 1874 году в Северной Осетии в селе Христиановском в крестьянской семье Тотруко Собиева. После окончания Христиановской начальной школы, а затем, в 1897 году Владикавказского реального училища, он по рекомендации академика В. Ф. Миллера (этнографа — кавказоведа), поступает в Императорское Московское техническое училище ИМТУ (ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана), которое успешно окончил в 1901 году с присвоением ему звания инженер — механик. Инал Тотрукович Собиев был первым представителем Осетии, первым осетином, окончившим Императорское Московское техническое училище (ИМТУ). После окончания ИМТУ, Инал Тотрукович работал помощником начальника 1-го участка тяги Закавказской железной дороги станции Самтредиа. Несомненно, Инал Тотрукович, был высокообразованным специалистом, всесторонне развитым и культурным представителем своего времени. Он был примером для многих осетин, успешно штурмовавших бастионы храмов науки.[5]

Другой представитель осетинского народа, последовавший по стопам своего земляка был Р. Н. Гаглоев. Гаглоев Рутен Нестерович (Габиевич) родился в селе Сидан Джавского района Южной Осетии в 1888 году. Еще в 1905 году 20-летний

юноша Рутен первым привез в Южную Осетию печатный станок с осетинским шрифтом и начал печатать прокламации вместе со своим другом Василием Карсановым Учился в Рукской школе, затем в Тифлисской гимназии. После окончания гимназии он поступает в Императорский Московский университет, Императорское Московское техническое училище (ИМТУ) — ныне МГТУ им. Н,Э, Баумана, которое успешно оканчивает в 1913 году.

Будучи студентом Московского Высшего технического училища, Рутен Гаглоев написал прошение на имя Николая II и просил отпустить деньги на строительство дороги в районе Кехвской теснины. Именно там и получает инженерное крещение, когда строя дороги, пробивает Кехвскую скальную теснину и прокладывает там широкую и безопасную полку дороги, вместо узкой тропы.[5]

Через несколько месяцев непроходимая тропинка, где часто случались несчастья, благодаря блистательно проведенным инженерным работам Р. Гаглоева, превратилась в широкую дорогу. По инициативе Рутена, от с. Кехви до с. Никоз был проведен оросительный канал. Летом 1913 года студент-выпускник Рутен Гаглоев был призван в армию, где становится заметной фигурой: руководит строительством мостов и другими работами по сооружению зданий и т.п. С началом Первой Мировой войны Рутен Габиевич в звании унтер-офицера был направлен в прапорщики железнодорожных войск Горийского уезда Тифлисской губернии. К сожалению, дальнейшая судьба этого талантливого инженера и выдающегося организатора нам неизвестна, очевидно, что это — тема отдельного исследования.

Развитию дорог на Кавказе уделялось огромное внимание Управлением Путей сообщения и Военного Ведомства, ведь это был один из трёх, причём самый удобный и короткий путь в Закавказье и на Ближний Восток, а близкое соседство Кавказа с всегда недружественной Турцией заставляло Россию усиленно развивать инфраструктуру, которую бы можно было использовать в военное время. Поэтому на строительство Кавказской перевальной дороги были направлены огромные усилия. Представители осетинской технической интеллигенции и в этом случае не остались в стороне и являлись активными участниками этого строительства.

03 июля 1906 года в Тифлисе, в Кавказском отделении русского технического общества, с обширным и ценным докладом выступил инженер Д. Г. Гиоев.[6]

Гиоев Давид (Иосиф, Дахцко) Георгиевич родился 19 марта 1855 года в селе Регах (близ сел. Нар) Алагирского района. После церковно-приходской школы Гиоев учился во Владикавказском реальном училище, окончив его, поступил Петербургский технологический институт, курс наук в котором завершил в 1884 году, став инженером путей сообщения. Огромная тяга к изучению инженерной специальности у Д. Г. Гиоева зарождается во время его участия в экспедиции Б. И. Статковского. Далее, страстное желание проложить на родной земле дорогу, сделало его грамотным, принципиальным инженером — дорожником.

Проблеме перевальной дороги он отдал все свои усилия и опыт. Постоянно и параллельно со своей служебной обязанностью он занимался этой, поистине важной для его народа, задачей. Приказом Министерства путей сообщения за № 58 от 07 июня 1890 года он назначается производителем изыскательных работ железнодорожной линии через Главный Кавказский хребет. Будучи видным специалистом своего дела, он принял деятельное участие в разработке вопроса по проведению Транскавказской железной линии. К тому времени после горячих

и продолжительных дебатов в правительственных кругах оставили три варианта проведения дороги: 1) через Военно-Осетинскую дорогу, 2) По Военно-Грузинской дороге и 3) так называемый Карабулакский путь.[8]

Гиоев был назначен руководителем проекта дороги, которая должна была пройти через его родное ущелье по Военно-Осетинской дороге. Ко времени прекращения работ Гиоев не только провел тщательную топосъемку, но и успел многое сделать по благоустройству Военно- Осетинской дороги. В конце-концов, после долгих проволочек, дорогу решили прокладывать через Крестовый перевал, а потом и совсем отложили. Уже в советское время снова назрела проблема связи с республиками Закавказья, и семидесятые-восьмидесятые годы к этому проекту вернулись северо-осетинские инженеры, его активно поддерживал тогдашний руководитель республики Билар Емазаевич Кабалоев, но…

С 25 октября 1892 года инженер Д. Г. Гиоев является начальником шоссейной дистанции Закавказской железной дороги. В 1901-1902 гг. инженер Д. Г. Гиоев, будучи уже крупным чиновником Министерства путей сообщения, участвовал в проведении Чиатурской железной дороги в Закавказье, затем был переведен в Дагестанский округ. В 1907 году назначается начальником работ Батумского отделения Закавказской железной дороги, где работает до конца жизни — 11 июня 1907 года.[8]

Д. Г. Гиоев был эрудированным инженером, владел несколькими иностранными языками. Был в близких отношениях с основоположником осетинской литературы К. Л. Хетагуровым, активно участвовал в общественной жизни Кавказа, был патриотом России и своей маленькой Родины — нашей Северной Осетии…

О другом выдающемся инженере, оставившем свой яркий след в истории России, рассказывают работы К. Медоева.[9, 10]

Бимболат (Бей-Булат) Долатмурзаевич Датиев родился 15 октября 1856 года в сел. Салугардан (Алагир) Терской области в семье одного из первых переселенцев из сел. Горная Карца, активного участника русско-турецкой войны Датиева Долатмурзы Мысостовича. Девятилетним мальчиком его определили во Владикавказское горское окружное училище, откуда через год был направлен в Ставропольскую классическую гимназию. Закончил гимназию в 1875 году с семью похвальными листами и получил аттестат, представлявший»…ему все права окончивших курс в реальных школах I разряда Устава, Высочайше утвержденного 15 мая 1872 года…«[11]

Бей-Булат рос любознательным ребенком. В детстве судьба свела его с группой инженерно-технических работников, проводивших поисково-изыскательские работы по прокладке трассы железной дороги между селами Карджин и Тулатово (железнодорожными станциями Дарг-Кох и Беслан). В этой группе, к счастью для Бей-Булата, оказался один наш соотечественник, который с удовольствием отвечал на многочисленные вопросы любознательного мальчика. Когда на свои вопросы Бей-Булат получал подробные ответы, в его воображении вырисовывалась общая картина конструкции железной дороги. Он сделал вывод, что железная дорога предназначена для обеспечения перемещения по ней поездов с очень большими по объему и по весу грузами на неимоверно дальние расстояния, являясь самым безопасным видом транспорта. Он понял также, что это обеспечивается за счет устойчивого крепления рельсов к шпалам, а те, в свою очередь, очень устойчиво располагаются в насыпи — основе дороги; за счет особенностей конструкции вагонов людских (пассажирских) и грузовых (товарных)

и металлических колесных пар, за счет мощности паровозов, исчисляемых силой лошадей в целый табун.

Бей-Булат за короткую свою жизнь видел гужевой вид транспорта, мощностью в одну или две лошадиные силы, в две воловьи силы, в одну ослиную силу; слышал о морском (водном) транспорте, но о существовании такого мощного, удобного и безопасного вида транспорта мальчик и не подозревал.

Оказалось, что, когда Бей-Булату Датиеву шел от роду четвертый месяц, а именно, 10 февраля 1857 года, император и самодержец российский Александр II издал Указ о сооружении в России первой сети железных дорог, которая была призвана обеспечивать соединение в сеть всех «кустовых» дорог за счет строительства между ними новых железнодорожных веток. Реализация императорского указа на территории Осетии началась в первой половине 60-годов XIX века. Именно благодаря указу Александра II, Бей-Булат Датиев, еще ребенком, имел счастье встречи с той самой группой железнодорожников, встречи, ставшей основой его судьбы.

Так Бей-Булат Датиев, смышленый мальчик из Салугардана, узнал о существовании в российском государстве железных дорог, оценил этот факт по достоинству, приняв тогда уже решение: «Буду одним из тех, кто создает такие умные и мощные машины и строит для них дороги».

По возвращении домой, он поделился с родителями увиденным и услышанным, а затем, сообщив о принятом решении, попросил отца обратиться к начальнику Терской области о зачислении его, Бей-Булата Датиева, в пансион Владикавказского горского окружного училища за казенный счет. О существовании горского окружного училища во Владикавказе Бей-Булат узнал от того же нашего соотечественника — члена группы инженерно-технических работников. Именно по его совету и высказал просьбу отцу о зачислении в пансион Владикавказского горского окружного училища.

Так будущий инженер путей сообщения, действительный статский советник, член Госсовета Российской империи, автор книги «Практические указания для удешевления эксплуатации и постройки железных дорог», а тогда восьмилетний мальчик, Бей-Булат Датиев, посвящает жизнь детской своей мечте быть одним из тех, кто конструирует умные и мощные машины и строит для них дороги.

На следующий год, по ходатайству отца, Бей-Булат Датиев был зачислен в пансион Владикавказского горского окружного училища, в котором проучился два года (с 29.01.1865 по январь 1867 года). Здесь он научился говорить и писать по-русски, а затем по распоряжению Начальника Терской области, Бей-Булат Датиев, как один из лучших воспитанников пансиона, был направлен для продолжения учебы в Ставропольскую классическую гимназию.

В ставропольской гимназии Бей-Булат Датиев был зачислен во второй класс. Учился Бей-Булат в гимназии так усердно, что последние шесть классов оканчивал с похвальными листами. В 1875 году Бей-Булат Датиев успешно окончил ставропольскую классическую гимназию и получил аттестат, «…предоставляющий ему все права окончивших полный курс в реальных школах 1 разряда устава, высочайше утвержденного 15 мая 1872 года».

В выборе высшего учебного заведения у Бей-Булата Датиева проблем не было, так как этот выбор — мечта был сделан ещё восьмилетним мальчиком. В год окончания Бей-Булатом ставропольской классической гимназии (1875 г.) завершилось и строительство Владикавказской железной дороги.

В том же году Бей-Булат Датиев поступил в Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения, во время учебы в институте пользовался любой возможностью, чтобы овладеть основательными знаниями. Впервые о научно-технических кружках в вузах я слышал от своего деда, рассказывет К. Медоев. Делясь воспоминаниями о студенческих годах старшего брата, он говорил: «Бей-Булат со второго курса был членом научно-технического кружка, где углублял теоретические знания и закреплял их практикой». Бей-Булат Датиев, как один из достойнейших студентов Осетии того периода, получал материальную помощь от государства.

Архивные документы, подписанные управляющим канцелярией Терской области, приводят следующие факты:

«В настоящем, 1877 году, стипендии должны распределиться следующим образом:

В Санкт-Петербургский технологический институт — Иосифу Абациеву — 300 рб.

В институт путей сообщения — Давиду Гиоеву — 200 рб., Бей-Булату Датиеву — 300 рб., Казбеку Кусову — 200 рб.

В Горный институт — Темирбулату Тулатову — 200 рб.».

Осенью 1872 года Бей-Булат становится студентом Московского института железнодорожного транспорта, где проявил себя с самой лучшей стороны. Он не только хорошо учился, но и активно занимался в студенческих научно-исследовательских кружках. Окончив институт в 1880 году, был направлен на практическую инженерную должность на Либаво-Роменской железной дороге. Занимаясь своим любимым делом, Б. Д. Датиев пришел к убеждению, что в вопросах железной дороги мелочей нет. В этой отрасли — все главное, считал Датиев. И это отношение к профессии старался внушить всем, кто его окружал.

В течение последующих 8 лет побывал на разных должностях Либаво-Роменской, Северной и польских железных дорог, а 15 апреля 1888 года «…Александр Третий, император и самодержец Всероссийский, царь Польский, Великий князь Финляндский…коллежскому ассесору, состоявшему по министерству путей сообщения штатным инженером VIII класса, начальнику участка службы пути Польских железных дорог, инженеру путей сообщения Бей-Булату Датиеву… Всемилостливейше пожаловал Орден Святого Святослава третьей степени…» Этот орден давал награжденному право на потомственное дворянство. Вскоре он назначается начальником Либаво-Роменской железной дороги, где прошел почти все инженерные должности вплоть до начальника этой дороги. откуда состоялся его путь в министерство путей сообщения.

Здесь проявляются незаурядные способности и глубокие знания инженера Датиева, что привлекает к его личности внимание министерства финансов России как к специалисту, владеющему в совершенстве не только своей специальностью — дорожника, но и всеми нюансами финансирования объектов железнодорожного строительства. Он становится членом Государственного Совета от министерства финансов государства, а это значило, что Бимболат Долатмурзаевич практически становился участником строительства всех серьезных объектов, сооружений и участков Российских железнодорожных дорог. Это участие и способствовало совершенствованию опыта, который он изложил в 1912 г. Высшим служебным достижением Бей-Булата Датиева стало присвоение ему чина действительного статского советника.

В истории Осетии Бей-Булат Датиев был единственным человеком из гражданских чинов, имевших это звание. Звание статского советника из наших соотечественников имели 4, возможно, 5 человек.[12]

Бей-Булат Долатмурзаевич Датиев был единственным из наших соотечественников до революций 1917 года, кто входил в состав высшего государственного органа Российской Империи — Госсовета, кто присутствовал на заседании 3 февраля 1909 года, когда статс-секретарь С. В. Рухлов представлялся в качестве нового министра путей сообщения.

(Для справки: согласно Большому энциклопедическому словарю, «Государственный совет — высший совещательный орган Российской империи в 1810-1917 гг. Госсовет рассматривал внесенные министрами законопроекты до их утверждения императором, сметы и штаты госучреждений, жалобы на определения департаментов Сената и других органов. Председатель и члены Госсовета назначались императором. Совет состоял из нескольких департаментов и Государственной канцелярии во главе с госсекретарем. После создания Госдумы (1906 г.) в Госсовет входили члены по назначению императора и члены по выборам (поровну). Выборные члены избирались от духовенства, губернских земских собраний, дворянских обществ, Академии наук и университетов, а также от промышленности и торговли (частично косвенных выборов). Рассматривал принятые Госдумой законопроекты до их утверждения императором». (БЭС. С.301)

На заседании Госсовета 3 февраля 1909 года значительная часть работы была посвящена представлению нового министра путей сообщения. Когда в своей программной речи, характеризуя состояние казенных железных дорог России, Рухлов сказал, что дефицит, приносимый дорогами, достигает 150 млн. руб. и добавил, что «встретит с особой благодарностью все указания к лучшему достижению целей упорядочения нашего железнодорожного хозяйства», Бей-Булат Долатмурзаевич, за годы профессиональной деятельности изучивший этот вопрос досконально, принял решение написать книгу, с помощью которой российские железные дороги избавились бы от этого дефицита и стали бы доходными. Написав и издав книгу «Практические указания для удешевления эксплуатации и постройки, железных дорог» в 1913 году, Бей-Булат Датиев выполнил свое решение, принятое 3 февраля 1909 года. Эта книга была первой на техническую тематику в Российской Империи, принадлежащей перу человека, отнесенного к туземному населению России, перу одного из первых и ярких ростков осетинской технической интеллигенции — действительного статского советника, инженера путей сообщения Бимболата Долатмурзаевича Датиева.

Книга с почти современным названием: «Практические указания для удешевления эксплуатации и постройки, железных дорог» писалась с целью привлечь внимание к поднимаемым в ней проблемам не только общественности и правительства, но и монарха, и парламента (Государственной Думы).

Книга состоит из 3-х разделов, в одном из которых рассматриваются 35 стержневых для деятельности Российских железных дорог вопросов. Форма рассмотрения их вызывает невольное восхищение и глубокое уважение к автору книги, т.к. это делается не только всесторонний анализ недостатков и даются рекомендации по устранению их, но и подсчеты экономического эффекта от их реализации.

Реализация мероприятий, предлагаемая автором книги, способствовала достижению мировых стандартов в строительстве железных дорог в России с экономией капитальных вложений на сумму более 100 млн. рублей золотом.

Современные инженеры и учёные, тщательно изучив труд Бимболата Датиева, предоставили уважительный отзыв на книгу, написанную 100 лет назад: «Уважаемый Б. Датиев, ваша книга и сегодня может служить настольной книгой всем руководителям железных дорог, преподавателям и студентам вузов путей сообщения…» отзыв этот подписан доктором технических наук, профессором кафедры «Путь и путевое хозяйство» РИЖТ В. И. Грицык, доктором экономических наук, профессором, зав. Кафедрой «Экономика транспорта» РИЖТ С. Г. Шагинян, доктором технических наук, профессором кафедры «Электрические машины и аппараты» СКГМИ (ГТУ) З. Г. Гиоевым. [12]

Автор не только досконально знал все нюансы железнодорожного дела, не только в совершенстве изучил состояние дел в министерстве путей сообщения России, но был в курсе всех новинок, применяемых за границей. Под его руководством шло строительство дорог в Китае, Персии и Франции. Кстати, на этих строительствах работал и его младший брат Кавдын, которого, как специалиста, подготовил Бимболат Долатмурзаевич. Чтобы убедиться, насколько эта подготовка была солидной, видимо, достаточно взглянуть на удостоверение, выданное Кавдыну Долатмурзаевичу Датиеву главным инженером сооружения Тавризской дороги от 07.01.1906 года за № 271, где сказано: «…уволен от службы за окончанием постройки дороги. За честную и преданную службу персидским правительством пожалован в ханское звание…«[10].

В самом начале своей практической деятельности Бей-Булат Датиев решил самостоятельно разработать специальную программу для подготовки младшего брата, Кавдына Датиева, до уровня инженера-железнодорожника. С помощью своих друзей-сослуживцев он эту программу реализовал в течение 11 лет. И вот в истории нашей республики появился первый инженер-самоучка, железнодорожник. Занимаясь изучением архивных материалов в течение долгого времени, мне не удавалось встретить хотя бы одно еще имя человека с подобным званием.

Как инженер-самоучка, Кавдын Долатмурзаевич первые шаги сделал под наблюдением старшего брата, а когда пришла уверенность в своих знаниях и опыте, он показал образец качественного строительства участков железных дорог не только в России, но и за границей. Кавдын Датиев, как было указано выше, был увлечен профессией старшего брата. Сначала работая под его руководством, показывает свои способности и впоследствии получает самостоятельный участок. Сейчас трудно в это поверить, Но Кавдын Датиев, не закончив специального учебного заведения, становится высокопрофессиональным специалистом по строительству железных дорог и мостов. Кавдын Долатмурзаевич имел подряды на строительство железной дороги в Китае, Персии и Франции.

После смерти Бимболата Долатмурзаевича Датиева в 1919 году было оглашено его завещание, где практически все его сбережения должны были идти на стипендии, четыре из которых были именные: одна имени его отца Долатмурзы Датиева, другая имени генерала Инуса Датиева, третья имени брата Кавдына Датиева и четвертая его имени- инженера путей сообщения, Действительного статского советника Бей-Булата Датиева. На проценты из своего капитала он завещал строить школы, общежития, храмы в родной Осетии. Из этого можно сделать вывод, что Бимболат Датиев был богатым человеком, как духовно, так и материально.[10]

Но самый главный вывод из книги, завещания и всей жизни Бимболата Датиева звучит по-другому: это был честный, добрый, умный человек, преданный своему народу, страстно желавший добра и счастья своей Родине и… воплотивший

свою детскую мечту в жизнь. А такие судьбы не должны быть забыты. Поэтому Правительство РСО-Алании обратилось к Председателю Научно-редакционного совета издательства «Большая Российская Энциклопедия» с предложением включить материал о Бей-Булате Долатмурзаевиче Датиеве в Большой Энциклопедический Словарь в следующей редакции «Датиев Бей-Булат Долатмурзаевич, (1856-1919 гг.) — инженер путей сообщения, действительный статский советник, член Госсовета России, автор книги «Практические указания для удешевления эксплуатации и постройки железных дорог» (М, 1913). Это предложение подписала директор СОГИСИ, доктор исторических наук, профессор З. В. Канукова.

В 1870 году в семье участника Балканской и Кавказской войн юнкера Вано Дзахова родился третий сын, которого назвали Бибо. Со временем Бибо, как сын георгиевского кавалера, награжденного личным оружием, был принят во Владикавказское шестиклассное городское училище. Здесь стали проявляться склонности мальчика к черчению и рисованию, интерес к механике и архитектуре. На стенах училища появились портреты русских писателей, выполненные Бибо. Как один из лучших учеников, он получил возможность поступить в Новочеркасский политехникум и, окончив его, работал на Таганрогском металлургическом заводе. Сохранилась фотография Б. Дзахова, где он снят с группой рабочих.

Работая на заводе, молодой человек не забывал об учебе. Ему удалось экстерном сдать экзамены на звание инженера — механика и получить место на торговом пароходе «Орел», приписанном к Одесскому порту.

В Одессе Бибо Дзахов сконструировал оригинальный аппарат, с помощью которого можно было очищать корпус корабля непосредственно во время плавания от ракушек и водорослей. Обычно же для очистки корабль надолго ставился в док, и работа велась почти вручную. Мы не можем пока судить о достоинствах аппарата, но сама попытка его создания, несомненно, должна была вызвать интерес. Супруги Рокко заинтересовались его изобретением молодого инженера и всячески содействовали ему в создании аппарата. Не бездействовал и Бибо. Он подал прошение о выдаче патента, но, к сожалению его не получил, так как для получения патента и внедрения изобретения требовалось внести денежный залог. Денежных средств у Бибо не было.

В 1904 году началась русско-японская война. Бибо Дзахов, оказавшись по делам своего изобретения в Петербурге, добровольно вступил в ряды русского военного флота. Он был произведен в прапорщики и назначен инженером-механиком на эскадренный броненосец «Бородино». Героическая, но страшная судьба ждала этот броненосец — он погиб в волнах Цусимского пролива после героического боя с японской эскадрой. Спасённых не было. Погиб и один из первых осетинских изобретателей.

Следы изобретения до сих пор не найдены, но не потому, что их невозможно найти, — просто этим никто не занимался. Известно лишь, что один экземпляр чертежей и научных выкладок хранился в семье Рокко, которая эмигрировала к себе на родину в Италию. [13]

В конце XIX века талантливый осетинский техник Виктор Афанасьевич Гассиев построил первую в мире фотонаборную машину, явившуюся прототипом позднейших конструкций.

Виктор Афанасьевич Гассиев родился 13 августа 1879 года (по старому стилю). Отец Виктора Афанасьевича, Афако Абиевич (Афанасий Абрамович), в то время агент-попечитель Министерства земледелия по казенным землям и оброчным

статьям в г. Нахичевани Ереванской губернии, был одним из образованнейших людей Осетии того времени. Афако Абиевич с детства прививал сыну любовь к знаниям. С пяти лет Виктор читал книги известных писателей, грамотно писал, рисовал карандашом, красками. Он очень любил клеить из картона модели различных предметов.

В юности Виктор не избежал обычной «детской болезни» всех изобретателей: он увлекся идеей вечного двигателя. Чтобы отвлечь сына от этой идеи, родители дали ему задание: придумать и построить машину для натирания полов. Через несколько дней были готовы чертежи, а затем и модель с описанием. Мысль юного изобретателя работала интенсивно и плодотворно. Трудно перечислить все проведенные им опыты и созданные различные изобретения. Известно также, что им была изобретена оригинальную звуковоспроизводящую головку для грамзаписи.

Экспериментируя в области физики и электротехники, В. Гассиева не покидает идея совершенствования типографского производства, возникшей у него при первом ознакомлении с типографией, где печатались книги его отца. Кроме того, Виктор стал фотографом-любителем. Фотографировал он аппаратом собственноручной конструкции.

Увлечение фотографией сыграло большую роль в решении основной задачи, которую ставил перед собой Виктор Гассиев, — создании качественно новой машины для полиграфического воспроизведения текста. Объединив идею механизации наборного процесса, которой он отдал дань в своей изобретательской деятельности, с фотографированием текста, изобретатель начал работать над созданием фотонаборной машины.[15]

Эта машина стала прабабушкой всех многочисленных полиграфических машин и аппаратов, которыми мы пользуемся теперь не только для печатания книг и газет в типографии, но и уже ставших привычными нам принтеров и ксерокопировальных устройств, сканеров и прочего, без чего немыслима современная цивилизация. Имя же талантливого изобретателя и широко эрудированного учёного знают теперь в основном только историки — профессионалы.

Когда знакомишься с биографиями людей тех прошлых лет, поражаешься, с какой страстной любовью и одержимостью своим долгом они относились к своей стране, Родине, своему многострадальному народу. Этих людей объединяет страсть к знаниям, стремление применить полученные профессиональные знания и навыки с наибольшей пользой для своего народа, ощущение своей сопричастности к жизни огромной страны, безграничная любовь к своему народу и желание показать пример исполнения долга перед Родиной, редкостная честность и бескорыстие. Люди, подобные Бей-Булату Датиеву, Бибо Дзахову, Давиду Гиоеву и в наши дни должны служить примером бережно-нежной любви к своей Родине, своему народу и честного служения им. Они ни в коем случае не должны быть забыты. Это наш долг — долг младших перед старшими. Недаром же говорят, что мы высоко взобрались — на плечи гигантов, тех, кто шёл впереди нас…

1) В период конца XIX- начала XX веков среди кавказских народов выделялись своим стремлением к знаниям и общей образованностью представители осетинского народа, осетины с успехом обучались в лучших ВУЗах России.

2) В указанный период в Северной Осетии происходит зарождение и становление научно-технической интеллигенции, в значительной мере это связано с ростом хозяйственной, военной и государственной инфраструктуры в Кавказской зоне геополитических интересов Российской Империи

3) Многие представители научно- технической интеллигенции играли значительную роль в государственном устройстве и общественной жизни России тех лет.

4) Имена замечательных представителей осетинской интеллигенции не должны быть потеряны для нас, их потомков.

Литература

1. Фарваровский С. Газета «Терек». 1917, №№ 5702, 57059.
2. «Канцелярия начальника Терской области». ЦГА РСО-А Ф.12. Оп.2 Д.164. Л.2, 20б.
3. «Канцелярия начальника Терской области». ЦГА РСО-А Ф.12 Оп.2 Д.164. Л.2, 20б.
4. НА СОИГСИ. Ф.24, опись 1, дело 69 «а», лист 350.
5. Гатиев М.К. Осетины — Бауманцы. М., 2005.
6. Кортиев Л.И. Транскавказская рукская автотрасса. Цхинвали, 1982.
7. НА СОИГСИ, ф.24, оп.1, д. 159-а, л.6.
8. Кортиев Л.И. Транскавказская рукская автотрасса. Цхинвали, 1982.
9. Медоев К. Действительный статский советник. Газета «Северная Осетия». 1994, №155.
10. Медоев К. Действительный статский советник. Газета «Северная Осетия». 1994, № 20.
11. Гантимурова Т. Датиевы из Алагира. Газета «Северный Кавказ», 1999. №20.
12. Наследие действительного статского советника Бей-Булата Датиева/автор и составитель проекта К.Д. Медоев. Владикавказ: Ир, 2009. 143 с.
13. Горин И. Офицер с флагмана эскадры. Социалистическая Осетия. 1968. 16 июля.
14. Н.Д. Кануков В.А. Гассиев — создатель фотонаборной машины. М., 1953.
15. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2008.
16. Гутиева Э.Ш. Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации (вторая пол. XIX — начало XX вв.) Дисс. канд. ист. наук. Владикавказ, 2009.
17. Дзалаева К.Р. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX — начало XX века). Владикавказ, 2012. (2-е изд., перераб.)

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ СТИПЕНДИЯ ИМЕНИ В. И. АБАЕВА

Государственная республиканская стипендия имени В. И. Абаева учреждена Правительством РСО-А в 2001 году в целях поощрения за достижения и усиления мотивации к научной деятельности в области осетиноведения, иранистики, общего языкознания, осетинского литературоведения и фольклористики, нартоведения: студентов — филологов высших и средних специальных учебных заведений, аспирантов, докторантов, молодых ученых.

В 2015 году ее получателями станут 5 исследователей осетинского языка и литературы: студенты Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, а также учащиеся СОГПИ получат стипендии на сумму более 20 тысяч рублей, **сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных исследований им В. И. Абаева Зарина Плаева** — 200 тысяч рублей. Вручение именных стипендий отличившимся студентам и ученым пройдет в День осетинского языка и литературы — 15 мая.

Зарина Казбековна Плаева — младший научный сотрудник отдела фольклора и литературы СОИГСИ, член Совета молодых ученых СОИГСИ. В настоящее время проходит обучение в аспирантуре Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН в Москве. Сфера научных интересов молодого ученого — Нартский эпос, тема диссертационного исследования посвящена Циклу Ацамаза. З. Плаева пишет научные статьи на русском и английском языках, так как сегодня это обязательное условие подготовки лингвиста в академической системе.

По словам директора СОИГСИ, профессора Залины Кануковой, «Комиссия при Главе РСО-Алания по сохранению и развитию осетинского языка уделяет особое внимание поддержке молодых осетиноведов, обучающихся в столичных центрах. И это одна из эффективных мер по поддержке академических исследований в области осетиноведения в современных условиях».

Отметим, что в разные годы лауреатами стипендии им. В. И. Абаева становились также научные сотрудники СОИГСИ: **Л. Парсиева, И. Цаллагова, А. Багаев, А. Бритаева, М. Дарчиева, Э. Тавасиева.**

****

С 13 по 19 июня 2015 г. делегация Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И Абаева находилась в научной экспедиции в Турции, целью которой было комплексное исследование современных анатолийских осетин, потомков так называемых мухаджиров. Экспедиция стала возможной благодаря выигранному старшим научным сотрудником отдела источниковедения СОИГСИ, кандидатом филологических наук Д. В. Сокаевой гранту Российского гуманитарного научного фонда в рамках Основного конкурса 2015 года.

Это уже вторая экспедиция СОИГСИ по изучению турецких осетин: предыдущая состоялась под руководством ведущего научного сотрудника отдела источниковедения СОИГСИ, кандидата исторических наук Г. В. Чочиева осенью 2013 года и вызвала большой резонанс в научной и журналистской среде: последовала серия научных публикаций, монографий, репортажей, а также был организован телемост Министерства по вопросам национальных отношений РСО-А с представителями турецкой осетинской диаспоры.

В состав нынешней экспедиции вошли: директор СОИГСИ им. В. И. Абаева, доктор исторических наук, профессор **З. В. Канукова**, старший научный сотрудник отдела источниковедения СОИГСИ, кандидат филологических наук **Д. В. Сокаева** (руководитель экспедиции, автор проекта, победитель Основного конкурса научных проектов РГНФ 2015 года), заведующий сектором генеалогических исследований СОИГСИ, старший научный сотрудник отдела этнологии СОИГСИ, доктор исторических наук **И. Т. Марзоев,** старший лаборант отдела осетинского языкознания СОИГСИ **Э. Т. Гутиева**, а также молодые учсеные — научный сотрудник отдела фольклора и литературы СОИГСИ, кандидат филологических наук

Е. Б. Дзапарова, научный сотрудник отдела социально-политических исследований СОИГСИ, кандидат политических наук **Б. М. Бирагова**, младшие научные сотрудники отдела этнологии СОИГСИ **Т. Т. Дауева** и **Э. П. Дзагоева**, младший научный сотрудник отдела фольклора СОИГСИ **Д. М. Дзлиева.**

****

24-25 июня 2015 г. в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева состоялась X Юбилейная международная летняя историко-филологическая школа-конференция молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования».

Организаторами конференции ежегодно выступают Научно-образовательный центр «Гуманитарий» и Совет молодых ученых СОИГСИ.

Начиная с 2005 года в работе Школы традиционно принимают участие молодые ученые Северной и Южной Осетии, Чеченской республики, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Ставрополя, Москвы, Санкт-Петербурга, ближнего и дальнего зарубежья. В программе форума: мастер-классы и лекции ведущих ученых, практические занятия со студентами, аспирантами, соискателями. В ходе конференции молодые ученые представляют результаты своих научных изысканий, участвуют в дискуссиях по самым различным вопросам истории, этнографии, филологии, социологии и политологии, завязывают профессиональные и дружеские контакты, оценивают свой научный потенциал.

По итогам Летней историко-филологической школы-конференции издается научный журнал «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых» (периодичность — 2 раза в год). Также участникам форума предоставляется уникальная возможность опубликовать свои научные исследования в рамках специального издательского проекта СОИГСИ «Первая монография».

Обращаясь с приветственным словом к участникам Юбилейной школы-конференции молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования», директор СОИГСИ, доктор исторических наук, профессор **Залина Владимировна Канукова** отметила:

— 10 лет — вполне солидный срок, чтобы подвести итоги и наметить планы развития научно-образовательной деятельности. Самым важным итогом 10-летней работы нашей Школы является тот факт, что первые ее участники сегодня являются состоявшимися учеными, которые стабильно работают на ниве науки. Не менее важным показателем значимости и нужности нашего мероприятия является и то, что каждый год к нам приезжают наши дорогие соседи, именитые и начинающие ученые из Кабардино-Балкарии, Дагестана, других регионов. На фоне всевозможных социальных потрясений мы сумели восстановить разрушенную научную инфраструктуру, наладить профессиональные научные контакты, тем самым способствуя и укреплению общерегиональной идентичности. 23 июня в Кремле под председательством Владимира Путина состоялось заседание Совета при Президенте по науке и образованию, на котором были высказаны серьезные опасения по поводу тенденции утечки молодых и талантливых специалистов на Запад. Наша задача в том числе не допускать этого и создавать условия для молодых ученых».

Отдельно **З. В. Канукова** обратилась к молодым ученым: «Несколько дней назад мы вернулись из научной экспедиции в Турцию, посвященной комплексному изучению анатолийских осетин, потомков мухаджиров. Большую часть экспедиции составляли молодые ученые, которые достойно показали себя как специалисты и граждане своей страны. Мы хотим видеть вас более мобильными! Все мы прекрасно понимаем, что происходит в стране. Но мы приложим все усилия, чтобы выстоять и выйти из этого кризисного периода без потерь!».

Эльмира Муртазалиевна Далгат, доктор исторических наук, профессор заведующая Центром истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН приветствовала молодых ученых: «Я очень рада, что в эти непростые времена вы выбираете науку. Этот путь не из легких, это потребность души и сердца!». В подарок библиотеке СОИГСИ Э. М. Далгат передала свежее издание — «Детство, опаленное войной», сборник воспоминаний жителей Дагестана 1941-1945 гг.

Петр Абрамович Кузьминов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова, возглавивший самую многочисленную делегацию участников, назвал Летнюю школу-конференцию высоким представительным форумом и передал приветствие участникам от ректора КБГУ Б. С. Карамурзова.

Пленарное заседание продолжили познавательные мастер-классы: доктора педагогических наук, профессора кафедры теории и истории государства и права СКГМИ (ГТУ) Сергея Руслановича Чеджемова «Организационно-правовые основы деятельности диссертационных советов» и Петра Абрамовича Кузьминова «Организация научного пространства на Северном Кавказе в XIX — начале XXI вв.».

В завершение пленарной части для участников конференции прозвучали музыкальные номера в исполнении воспитанников Владикавказского колледжа искусств им. В. А. Гергиева.

Работа Летней школы-конференции продолжилась в рамках секционных заседаний.

****

25-26 июня 2015 г. в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева состоялась Международная научная конференция «Генеалогия народов Кавказа: традиции и современность».

Авторитетный генеалогический форум собрал ученых Северной и Южной Осетии, республик СКФО, Москвы, Санкт-Петербурга, Грузии, Армении, Азербайджана.

В программу конференции вошли уникальные исследования по широкому спектру тем:

В ходе конференции Андрей Александрович Шумков, русский генеалог, действительный член Историко-родословного общества в Москве, член Русского генеалогического общества, член Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов, главный редактор издательства «Старая Басманная» вручил медаль Российской Генеалогической Федерации «За вклад в развитие генеалогии

и прочих специальных исторических дисциплин» доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику СОИГСИ им. В.И. Абаева, председателю Северо-Осетинского историко-родословного общества Ислам-Беку Марзоеву.

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 14

Научный журнал

Компьютерная верстка — *А.В. Черная*

Подписано в печать 27.11.2015
Формат бумаги 70×108 $^{1}/_{16}$. Бум. 65 гр. Гарнитура шрифта «Myriad»
Усл.п.л. 25,0. Тираж 100 экз. Заказ №114.

Отпечатано в ИПЦ СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО–А

362040, РСО–Алания, г.Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@ mail.ru